

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

**Из исследований хроники Акаши.
GA 148**

***Восемнадцать лекций, прочитанных в 1913-1914 г.г.
В разных городах***

Перевод с немецкого Игоря Маханькова и Олега Погибина.

В циклах лекций о четырех Евангелиях Рудольф Штейнер дал своим слушателям глубокий взгляд на спиритуальное содержание этого откровения. В течение этой лекционной деятельности были представлены также результаты духовнонаучных исследований исторической жизни Иисуса из Назарета до Его Крещения на Иордане. Результаты своих исследований Рудольф Штейнер обозначил как «Пятое Евангелие» или «Евангелие познания».

В КАЧЕСТВЕ ВСТУПЛЕНИЯ

Прочитанные в разных городах в 1913 и 1914 г.г. лекции о Пятом Евангелии занимают среди всех выступлений Духовного Исследователя совершенно особое место. О том, какое внутреннее сопротивление приходилось ему преодолевать, когда предстояло заговорить об этих предметах, говорит сам Рудольф Штейнер. Однако он пошел на это, понимая меру своей глубочайшей ответственности и долга в отношении всего того, что должно быть подготовлено именно в нашу эпоху, а также в осознании величайшей необходимости того, чтобы как раз теперь эти факты оказались включены в развитие Земли.

Рудольф Штейнер не таит от нас, насколько ему было непросто, с какими трудностями пришлось столкнуться, извлекая из хроники Акаши те образы, что относятся к христианству. Духовные исследования в отношении Пятого Евангелия были ему особенно дороги. Ему пришлось взвалить на себя крест этих выступлений, несмотря на то, что ему уже пришлось столкнуться с ненавистью противников, когда достоянием общественности сделалось кое-что из тайны

относительно двух мальчиков Иисусов, которая ведь также относится к Пятому Евангелию.

Когда 20 сентября 1913 года, в решающий час мировой истории, в основание Первого Гетеанума был заложен Камень Основы, Рудольф Штейнер дал содержанию этих лекций название «Пятое Евангелие». За закладкой Камня Основы последовали выступления о Пятом Евангелии в Осло и в других городах. Две лекции на эту тему, прочитанные в Кельне, вышли в свет еще при жизни Рудольфа Штейнера под заглавием «Мистерия Голгофы».

Незадолго до смерти г-жа Мария Штейнер приняла решение опубликовать цикл, прочитанный в Христиании, в своей собственной редакции. Это было связано с ее пониманием и убежденностью в том, что как раз наше время настоятельно требует того, чтобы эти доклады стали доступны широким кругам ищущих людей, чтобы доверить их этим людям. Просим же Вас, уважаемые читатели, надлежащим образом отнестись к тайнам Пятого Евангелия, как просил об этом своих слушателей Рудольф Штейнер!

Эрнст Вайдман.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ. ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ХРОНИКИ АКАШИ

Христиания (Осло). Первая лекция. 1 октября 1913г.
(пер. О. Погибина).

Христиания (Осло). Вторая лекция. 2 октября 1913г
(пер.О. Погибина).

Христиания (Осло). Третья лекция. 3 октября 1913 г.
(пер. О. Погибина).

Христиания (Осло). Четвертая лекция. 5 октября 1913 г.
(пер. О. Погибина).

Христиания (Осло). Пятая лекция. 6 октября 1913 г. (пер. О. Погибина)

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Берлин. Первая лекция. 21 октября 1913г. (пер. И. Маханькова)

Берлин. Вторая лекция. 4 ноября 1913г. (пер.И. Маханькова).

Берлин. Третья лекция. 18 ноября 1913г. (пер. И.

Маханькова).

Берлин. Четвертая лекция. 6 января 1914 года (пер. И. Маханькова)

Берлин. Пятая лекция. 13 января 1914 года (пер. И. Маханькова)

Берлин. Шестая лекция. 10 февраля 1914 года (пер. И. Маханькова)

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Гамбург. 16 ноября 1913 года (пер. И. Маханькова)

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Штутгарт. Первая лекция. 22 ноября 1913 года (пер. И. Маханькова)

Штутгарт. Вторая лекция. 23 ноября 1913 г. (конспект) (пер. И. Маханькова)

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Мюнхен. Первая лекция. 8 декабря 1913 года (пер. И. Маханькова)

Мюнхен. Вторая лекция. 10 декабря 1913 года (пер. И. Маханькова)

МИСТЕРИЯ ГОЛГОФЫ»

Кёльн. Первая лекция. 17 декабря 1913 года (пер. О. Погибина)

Кёльн. Вторая лекция. 18 декабря 1913 года (пер. О. Погибина)

Приложения:

Макрокосмический «Отче наш». Автограф

Из записной книжки Рудольфа Штейнера

Из «Воспоминаний о Штейнере» Андрея Белого

К истории русских переводов «Пятого Евангелия»

Предисловие Олега Погибина к изданию лекций «Пятого Евангелия» 1967 года

Примечания

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ. Из исследований хроники Акаши

**Первая лекция.
1 октября 1913 г.**

Тема, на которую я собираюсь говорить в эти дни, является для меня исключительно важной, особенно принимая во внимание многие обстоятельства настоящего времени. И я хотел бы с самого начала подчеркнуть, что ее содержание как «Пятое Евангелие» взято не из какой-нибудь склонности к сенсации или тому подобным вещам, но я надеюсь показать, что в определенном смысле, причем в смысле, который нам должен быть особенно важным в наши дни, действительно может быть сказано о таком Пятом Евангелии, и что для того, что под этим подразумевается, действительно не подойдет никакое другое наименование лучше, чем наименование «Пятое Евангелие». Записи этого Пятого Евангелия, как вы услышите, в настоящее время еще не существует, но в будущем оно, несомненно, будет дано человечеству также и в определенной письменной форме. И все же в некотором смысле можно было бы сказать: это Пятое Евангелие так же старо, как и четыре других Евангелия.

Чтобы я мог говорить об этом Пятом Евангелии, надо, чтобы сегодня в своего рода введении мы усвоили некоторые важные пункты, которые необходимы для полного понимания того, что мы хотим теперь называть Пятым Евангелием. Я хотел бы начать с того, что действительно недалеко уже то время, когда и в низших школах, в самом примитивном преподавании наука, которую обычно называют историей, будет преподаваться иначе, чем она преподавалась до сих пор. Именно ближайшие дни должны нам это некоторым образом доказать, в историческом обозрении будущего и даже уже в элементарнейших исторических обозрениях понятие о Христе, представление о Христе будет непременно играть совсем иную, более важную роль, чем оно играло до сих пор. Я знаю, что этой фразой я, собственно, высказываю нечто чрезвычайно парадоксальное. Разве мы не можем оглянуться на совсем не столь отдаленные от нас времена, когда бесчисленные сердца обращали свои чувства и ощущения ко Христу образом гораздо более интенсивным, чем это происходит сегодня даже среди образованнейших его последователей западных стран Европы? Совсем иначе, возвышеннее происходило это в истекших временах. Кто следит за печатным словом настоящего времени, кто размышляет о том, чем главным образом интересуется

современный человек, к чему обращено его сердце, тот получит впечатление, что представление о Христе теряет у него силу энтузиазма и горение ощущения, особенно там, где проявляется определенное, вытекающее из условий настоящего времени, притязание на просвещение. И, тем не менее, наше время, как я это сейчас подчеркнул, должно работать в том направлении, где представление о Христе в истории человечества, в обзоре истории человечества, сможет в недалеком будущем играть гораздо более значительную роль, чем это было до сих пор. Не кажется ли это совершенным противоречием?

А теперь подойдем к вышесказанному с другой стороны. Мне приходилось часто говорить и здесь, в этом городе, о значении и содержании самого представления о Христе. В книгах и циклах лекций, которые находятся и здесь, мы находим многочисленные изложения о тайнах существа Христа и такого представления о Христе. Всякий, усваивающий себе сказанное в лекциях, в циклах и вообще в нашей литературе, должен получить представление, что для полного понимания существа Христа необходимо сильное, большое внутреннее вооружение, что надо взять на помощь глубочайшие понятия, представления и идеи, если хочешь подняться к полному пониманию того, чем является Христос и чем является импульс, который прошел через столетия как импульс Христа. Можно было бы даже представить себе, если бы другие факты не говорили обратное, что для того, чтобы подняться к правильному постижению Христа, необходимо знать всю теософию или антропософию. Но помимо этого, если мы взглянем на духовное развитие истекших столетий, от столетия к столетию нам выступает навстречу то, что существует как подробная, углубленная наука, которая должна была бы предназначаться для постижения Христа и его явления. На протяжении столетий применяли люди ее высшие и значительнейшие идеи, чтобы понять Христа. Также и из этого могло бы показаться, что значительнейшая интеллектуальная деятельность человека была бы достаточна, чтобы понять Христа. Так ли это в действительности? То, что это не так, нам может доказать совсем простое рассуждение.

Положим как бы на духовные весы всё, что до сих пор дали нам для постижения Христа ученость, наука, также и антропософское понимание понятия о Христе. Положим все это на одну чашу духовных весов, на другую же положим мысленно все те глубокие чувства, все те импульсы в душах

людей, которые на протяжении столетий направлялись к тому, кого называют Христом, и мы найдем, что чаша со всей этой наукой, всей ученостью и даже самой антропософией, которую мы можем привести для пояснения Христа, быстро подымается; все же глубокие чувства и импульсы, которые притягивали людей к существу Христа, к явлению Христа, глубоко, глубоко опустят чашу весов. Без преувеличения можно сказать, что огромен деятельный импульс, исшедший от Христа, и что знание о Христе меньше всего содействовало этому деятельному импульсу. Поистине, плохо обстояло бы с христианством, если бы люди, чтобы придерживаться Христа пользовались бы всеми учеными толкованиями Средневековья, схоластики и отцов церкви, а также, если бы люди нуждались только во всем, что благодаря антропософии мы можем привнести сегодня для постижения идеи Христа. Поистине, мало было бы всего этого. Я не думаю, чтобы кто-нибудь, кто беспристрастно рассматривает ход развития христианства на протяжении столетий, мог бы возразить что-нибудь серьезное против этой мысли. Но еще точнее мы можем приблизиться к этой мысли с другой стороны.

Бросим наш взгляд на времена, когда еще не существовало никакого христианства. Достаточно напомнить лишь о том, что большинству присутствующих здесь душ, наверное, не ново. Мне достаточно напомнить, что в Древней Греции греческая трагедия, особенно в ее наидревнейших формах, представляя борьбу божества или человека, в душе которого выступал борющийся бог, делала непосредственно созерцаемым на сцене всё божественное вершение. Достаточно указать на Гомера, полностью пропитавшего свои значительные поэмы вершением духовного, достаточно указать на великие образы Сократа, Платона, Аристотеля. В определенной области с этими именами перед нашими душами выступает духовная жизнь высочайшей степени. Если мы, игнорируя всё остальное, обращаемся лишь к одному облику Аристотеля, деятельность которого протекала за столетия до основания христианства, то навстречу нам выступает нечто, что в определенном смысле не превзойдено и вплоть до нашего времени. И этим высочайшим, до сих пор непревзойденным, что уже тогда было достигнуто человеческим мышлением, являются еще и сегодня великое мышление, и образование логики Аристотеля.

Теперь поставим себя на мгновение перед странной гипотезой, которая необходима для следующих дней. Представим себе, что не существовало никакого Евангелия,

из которого мы могли бы что-нибудь узнать об облике Христа. Допустим, что первые документы, находящиеся сегодня в руках человечества как Новый Завет, никогда бы не существовали. Допустим, не было бы никаких Евангелий, пройдем как бы мимо всего, что сказано об основании христианства, постараемся лишь рассмотреть движение христианства как исторический факт; постараемся взглянуть на то, что произошло среди людей в течение уже христианских веков. Итак, помимо Евангелий, Деяний апостолов, Посланий Павла и так далее, рассмотрим лишь происшедшее фактически. Конечно, это лишь гипотеза. Что же произошло во времена, протекшие после основания христианства, и те, что были до этого события?

Если сначала мы обратим свой взгляд на юг Европы, то в определенный момент высочайшего духовного развития, которое мы сейчас вызвали перед своей душой в его представителе Аристотеле, встретим высоко развитую духовную жизнь, которая в последующих столетиях подверглась еще особой разработке. Да, в то время, когда начался исторический путь христианства, на юге Европы существовали многочисленные образованные люди, люди, воспринявшие духовную жизнь Греции. Проследившая развитие христианства вплоть до Цельса* — этого удивительного человека, бывшего столь пылким противником христианства — и еще далее, на юге Европы, на греческом и италийском полуостровах вплоть до II, III христианских веков мы встретим людей высокого духовного образования, многочисленных людей, усвоивших себе высокие идеи, которые мы находим у Платона, острый ум которых действительно является как бы продолжением остроты ума Аристотеля; тонкие и сильные умы с греческим образованием, римляне с греческим образованием, которые к тонкой духовности этого греческого образования привнесли агрессивное, личное начало римского духа.

(* Цельс (2-й век до Р.Х.), опровергнут Оригеном. - О.П. (здесь и далее под инициалами «О.П. даны комментарии О.Погибина).

В этот мир вступает христианский импульс. Этот христианский импульс был в то время таков, что мы можем сказать: в смысле интеллектуальности, в смысле знания о мире, которое несли в себе многочисленные представители греко-римского образования, представители христианского импульса выступают поистине как необразованные люди. В среду мира зрелой интеллектуальности внедряются люди без

образования. И перед нами странное зрелище: эти простые, примитивные натуры, носители первого христианства, довольно быстро распространяют христианство на юге Европы. И если в наши дни, обогащенные тем пониманием христианства, которое мы получили, скажем, благодаря антропософии, мы подойдем к этим простым, примитивным натурам, распространявшим в то время христианство, то должны будем сказать себе: эти примитивные натуры, носители христианского импульса тех времен, которые втеснились в высоко развитое греческое просвещение, о существовании Христа — будем иметь в виду более простые понятия о Христе, уже совсем не касаясь великой мысли Христа космического, которая должна теперь раскрыться благодаря антропософии, — ничего этого не понимали. Им нечего было нести на рынок греко-римской жизни кроме личной сердечной проникновенности, которую они выносили в себе как личное отношение к возлюбленному ими Христу; потому что именно это своё отношение они возлюбили как члена любимой семьи. Люди, несущие в тогдашний греческий и римский мир христианство, которое формировалось затем до нашего времени, не были образованными теологами или теософами, вообще не были образованными. И хотя образованные теософы того времени, гностики, и подымались к высоким идеям о Христе, но и они могли дать лишь то, что следует положить на быстро подымающуюся чашу весов. Если бы христианство зависело только от гностиков, то определенно оно не шествовало бы по миру с таким триумфом. То, что надвинулось с Востока и сравнительно скоро отстранило старый греческий и римский мир, не являлось какой-нибудь особо проработанной интеллектуальностью. Таково положение дел, рассмотренное с одной стороны.

Рассмотрим его с другой стороны. Взглянем на интеллектуально высоко стоящих людей, начиная с Цельса, врага христианства, уже тогда поднявшего против него всё, что еще и сегодня можно было бы привести, и до философа на троне Марка Аврелия. Взглянем на тонко образованных неоплатоников, уже тогда принесших идеи, по отношению к которым теперешняя философия является детской забавой и которые высотой и широтой своего кругозора далеко превосходят идеи настоящего времени. Взглянем на всё, что эти умы приводили против христианства, проникнемся тем, что эти в греческом и римском духе интеллектуально высоко стоящие люди могли высказать против христианства, и тогда

мы получим следующее впечатление: все они не поняли импульса Христа. Мы видим: носители христианства, благодаря которым оно распространяется, о сущности христианства ничего не понимают; против него борется высокая культура, которая ничего не может постичь из того, чем является импульс Христа. Странно вступление христианства в мир: духа его ни его приверженцы, ни противники не понимают. И, тем не менее, люди несли в душе силу, чтобы привести этот импульс Христа к его победоносному вступлению в мир.

Взглянем теперь на тех, выступление которых за христианство, как у Тертуллиана, является более значительным. В нем мы встречаем римлянина, который, поскольку мы принимаем во внимание его речь, действительно является почти что новым творцом римского языка. Меткость и верность, с которой он чеканил новые слова, выдают в нем значительную личность. Но когда мы спросим себя: «Как же обходится Тертуллиан с идеей Христа?», то положение здесь становится иным. Тогда мы находим, что он проявляет довольно мало интеллектуальности и духовной высоты. Также и защитники христианства не в состоянии достичь многого. И все же они деятельны, деятельны как личности — такие люди как Тертуллиан, доводы которого действительно неубедительны для образованных греков. Чем-то иным увлекает он. Чем же? В этом как раз и заключается суть дела! Почувствуем, что здесь действительно перед душой возникает вопрос! Чем же сильны носители Христового импульса, которые сами не понимают чем, собственно, является импульс Христа? Каким образом действуют христианские отцы церкви — вплоть до самого Оригена, — промахи которых замечаешь? Что же греко-римское просвещение не может понять в сущности Христового импульса? Что это?

Но пойдем дальше. Это явление выступает перед нами еще острее, когда мы рассматриваем историческое становление. Мы видим надвигающиеся столетия, в течение которых в пределах европейского мира христианство распространяется среди народов, которые, как германские, исходят из совершенно иных религиозных представлений, которые в их религиозных представлениях являются как народы единством или, по крайней мере, кажутся таким единством и которые, тем не менее, с полной силой приняли это христианство, как если бы оно было их собственной жизнью. И если мы взглянем на деятельнейших вестников

веры германских народов, — были ли они схоластически-теологически образованными людьми? — Нисколько и ни в какой степени! Обладая относительно примитивной душой, они шли в народ и примитивным образом говорили к людям, пользуясь ближайшими, повседневными представлениями, но которые непосредственно захватывали их сердца. Они умели сочетать слова так, что они затрагивали глубочайшие струны тех, к кому были обращены. Повсюду ходили простые люди и как раз они действовали наиболее значительно.

Таковым мы видим распространение христианства в течение столетий. А позже нас удивляет, как это самое христианство дает повод к значительной учености, науке и философии. Не будем недооценивать эту философию, но сегодня обратим наш взгляд на то странное явление, что вплоть до Средневековья среди народов, душевный склад которых до тех пор являл совершенно иные формы представлений, христианство распространяется таким образом, что вскоре становится полным содержанием их души. Уже не в столь отдаленном будущем, говоря о распространении христианства, можно будет указать и на многое другое. Говоря о действии христианского импульса, можешь быть легко понят, когда указываешь, каким образом в определенное время показали себя как бы плоды распространения христианства, когда можешь сказать: это христианское учение, это распространение Христова импульса вызывало восторг и воодушевление. По мере же приближения к нашим векам это через все Средневековье распространяющееся христианство предстает нам как бы угасающим.

Взглянем на Коперника, на всю естественную науку новых времен до глубины XIX века. Могло бы показаться, что естественная наука, то, что со времени Коперника прорабатывалось духовной жизнью Запада, работало против христианства. Внешние факты могут укрепить это мнение. Вплоть до 20-х годов XIX века католическая церковь, например, держала Коперника в так называемом индексе. Она усматривала в нем своего врага. Но это вещи внешнего порядка. Это все же не мешало Копернику быть каноником. И если католическая церковь и сожгла Джордано Бруно, это не мешало ему быть доминиканцем. Оба они пришли к своим идеям как раз из христианства. Они действовали из христианского импульса. Плохо понимает это положение тот, кто, желая придерживаться утверждений церкви, думал бы, что это не являлось плодами христианства. Приведенные

факты лишь доказывают, что церковь очень плохо поняла плоды христианства. И ей потребовалось время вплоть до XIX века, чтобы понять, что идеи Коперника не подавить индексом. Кто смотрит на вещи глубже, должен будет все же признать, что все, совершенное народами даже в позднейшие века, является результатом, следствием христианства, что благодаря христианству, как это произошло посредством Коперника и Джордано Бруно, взор людей обратился от Земли к небесным далям. Это было возможно только в пределах христианской культуры и только благодаря христианскому импульсу.

И рассматривающему духовную жизнь не только на поверхности, а в глубинах, открывается нечто, что, будучи высказано, покажется совершенно парадоксальным, но что, тем не менее, верно. Такому более глубокому рассмотрению как раз кажется невозможным появление Геккеля, каким он предстает во всей его враждебности ко Христу без того, чтобы он не возник из христианства. Эрнст Геккель без предпосылки христианской культуры совершенно немыслим. И всё новейшее развитие естественных наук, как бы оно ни старалось развивать враждебность к христианству, вся эта естественная наука есть дитя христианства, прямое продолжение христианского импульса. Когда молодая естественная наука преодолет все свои детские болезни, человечество, наконец, поймет, что это значит, когда последовательно прослеженный путь этой новой естественной науки действительно приводит к духовной науке и существует действительно последовательный путь от Геккеля к духовной науке. Когда это будет понято, будет понято и то, что Геккель является полностью христианским умом, хотя сам он об этом ничего не знает. Христианские импульсы дали не только то, что называли и называют христианством, но также и то, что выступает как противоборствующее христианству. Эти вещи надо исследовать не только по их понятиям, но по их реальности, тогда неизбежно подходишь к их познанию. Из дарвиновской теории развития, как вы это можете увидеть из моей небольшой статьи о «Реинкарнации и карме», ведет прямой путь к учению о повторных земных жизнях.

Для того чтобы по отношению к этим вещам обрести себе верную почву, необходимо уметь несколько непредвзято рассматривать вершение христианского импульса. Кто понимает дарвинизм, геккелизм и кто сам немного проникся тем, чего еще совсем не знает Геккель — Дарвин, еще кое-что

знал об этом, — что движение дарвинизма было возможно только как христианское движение, кто это понимает, тот совершенно последовательно подходит к идее реинкарнации. Кто же еще может взять на помощь определенную ясновидческую силу, тот таким путем совершенно последовательно приходит к духовному происхождению человеческого рода. Хотя это и кружной путь, но при наличии ясновидения — верный путь от геккелизма к духовному постижению земного происхождения. Но мыслима и другая возможность: когда берешь дарвинизм, каким он является сейчас, без того, чтобы быть проникнутым жизненными принципами самого дарвинизма, когда принимаешь дарвинизм как импульс и ничего не переживаешь в себе из более глубокого понимания христианства, которое тем не менее в дарвинизме заложено, тогда можешь прийти к чему-то очень своеобразному. Можешь прийти к тому, что благодаря такому духовному облику души одинаково мало понимаешь как в христианстве, так и в дарвинизме. Тогда можешь оказаться покинутым как добрым духом христианства, так и добрым духом дарвинизма. Когда же находишь этот добрый дух дарвинизма, то, как бы ни был материалистически настроен, прослеживая становление Земли в обратном направлении, приходишь к той точке, где познаешь, что человек никогда не развивался из низших форм животного, но он должен быть духовного происхождения. Приходишь обратно к тому моменту, когда видишь человека как духовное существо, словно парящим над земным миром. Вот к чему приведет последовательный дарвинизм. Когда же его покидает добрый дух, то можешь (двигаясь в обратном направлении и являясь приверженцем идеи реинкарнации) думать, что когда-то в прошлом, в какой-то земной реинкарнации и сам жил в облике обезьяны. Этому можешь верить только тогда, когда тебя покидает добрый дух как дарвинизма, так и христианства, тогда в обоих ничего не понимаешь, потому что с последовательным дарвинизмом такая вера не совместима. Это значит совершенно поверхностным образом перенести идею реинкарнации на материалистическую культуру, потому что от современного дарвинизма можно, конечно, отнять его христианское начало. Если так не поступаешь, то найдешь, что вплоть до наших дней дарвинистические импульсы рождаются из импульса Христа, что христианские импульсы деятельны и там, где их отрицают. Итак, перед нами не только то явление, что в первых веках в

христианстве распространяется независимо от учености и знания его приверженцев и последователей, что в Средневековье оно распространяется так, что ученые отцы церкви и схоластики весьма мало могут этому способствовать, — перед нами еще и то парадоксальное явление, что христианство, как в противоположе, появляется и в дарвинизме. И в дарвинизме всё величие идей черпает свои силы из христианских импульсов. Заложенные в нем христианские импульсы сами выведут эту науку из материализма.

Поразительно обстоит дело с христианскими импульсами. Кажется, что при распространении этих импульсов ни интеллектуальность, ни знание, ни ученость, ни познание не играли никакой роли. Христианство, хотелось бы сказать, распространяется независимо от того, что бы люди ни думали «за» или «против»; словно обращенное в свою противоположность оно выступает даже в новейшем материализме. Что же распространяется здесь? Это — не христианские идеи, не христианская наука. Можно было бы еще сказать: распространяется моральное чувство, привитое христианством. Взглянем лишь на вершащую мораль этих времен, и мы найдем многое справедливым, что может быть приведено как ярый гнев представителей христианства против его действительных или мнимых противников. Также и мораль, проявлявшаяся в интеллектуально невысоко развитых душах, не сможет нам очень импонировать, если мы примем её во внимание даже там, где она действительно наиболее христианская. Что же распространяется здесь? В чем здесь странность? Что это, победоносно шествующее в мире? Спросим теперь об этом духовную науку, ясновидческое сознание! Что вершит в необразованных людях, вступающих с Востока в просвещенный эллинизм и римство? Что вершит в людях, принесших христианство в чуждый германский мир? Что вершит в современных материалистических естественных науках, учение которых как бы скрывает еще свой лик? Что вершит во всех этих душах, если это не интеллектуальные и даже не моральные импульсы? Что же это? — Это Сам Христос, идущий от сердца к сердцу, от души к душе, шествующий и действующий в мире независимо от того, понимают его души или нет в этом развитии в течение столетий!

Независимо от наших понятий и всей науки мы вынуждены указать на реальность, вынуждены указать как таинственен ход Христа во многих тысячах импульсов,

принимавший облик в душах, проникающий и исполняющий собой тысячи и тысячи людей сквозь века. Это Сам Христос шествует в простых людях через греческий и италийский мир, он охватывает всё новые и новые человеческие души на Западе и на Севере. Это Сам Христос сопровождает позднейшие учения, несущие германским народам христианство; это он, действительный, истинный Христос, шествующий от одного места к другому, от души к душе, вступающий в души совершенно независимо от того, что о нем думают эти души. Я хотел бы привести тривиальное сравнение: сколько существует людей, ничего не понимающих в составе продуктов питания и которые все же питаются по всем правилам искусства. В сущности, пришлось бы умереть от голода, если бы перед принятием пищи необходимо было знание состава этой пищи. Способность питания не имеет ничего общего с пониманием продуктов питания. Распространение христианства на Земле не имело ничего общего с пониманием, которое несли ему навстречу. Это и есть поразительное. Здесь вершит тайна, которая сможет быть освещена только тогда, когда ответишь на вопрос: каким образом вершит Сам Христос в людских сердцах? И когда духовная наука, ясновидческое рассмотрение, ставит себе этот вопрос, она предстает тогда перед событием, которое, в сущности, только ясновидческим рассмотрением может быть действительно вскрыто, которое и внешне поистине находится в полном созвучии со всем, что я сегодня сказал. Мы увидим одно: прошло время, когда Христос вершил так, как я сейчас характеризовал; пришло время, и ему принадлежит будущее, когда люди должны будут понять, должны будут познать Христа.

Поэтому необходимо ответить себе также и на вопрос, почему нашему времени предшествовало другое, в котором импульс Христа мог распространяться без того, чтобы необходимо было его понимание, чтобы люди входили в это событие своим сознанием. Было только одно событие, благодаря которому это было возможно! Событием, на которое указывает ясновидческое сознание, является так называемое событие Пятидесятницы, ниспослание Святого Духа. Поэтому ясновидческий взгляд, побуждаемый верным в антропософском смысле Христовым импульсом, был сначала обращен к этому событию Пятидесятницы, к ниспосланию Святого Духа. Исследованию предстает сначала рассматриваемое ясновидчески это событие Пятидесятницы, которое с определенной точки зрения и будет описано.

Что произошло на Земле в это мгновение мирового развития, которое довольно непонятно представлено нам сначала как нисхождение на апостолов Святого Духа? Когда обращаешь к этому ясновидческий взор, исследуешь, что, собственно, тогда произошло, тогда получаешь духовнонаучный ответ на то, что имеется в виду, когда говорится: простые люди, какими и были апостолы, вдруг начали говорить на различных языках, возвещая из глубин духовного мира о том, что им надлежало сказать и в чем их не считали способными. Да, христианство, Христовы импульсы начали тогда распространяться так, что они не были зависимы от понимания людей, среди которых распространялись.

Тогда, беря начало в событии Пятидесятницы, на Землю излился поток Христовой силы, который сейчас был характеризован. Чем же было событие Пятидесятницы? Этот вопрос предстал перед духовной наукой и ответом на этот вопрос, духовнонаучным ответом на вопрос: чем было событие Пятидесятницы? — начинается Пятое Евангелие, и завтра с этого мы продолжим наши рассматривания.

Вторая лекция Христианства (Осло), 2 октября 1913 г.

Эти рассматривания надлежит начать с так называемого события Пятидесятницы. В первой лекции я уже указал, что взор ясновидческого исследования, по крайней мере, сначала, может быть привлечен этим событием. Потому что это событие направленному обратно взгляду является как бы своего рода пробуждением, которое в определенный день, о котором как раз должен напоминать праздник Пятидесятницы, почувствовали те лица, которых обыкновенно называют апостолами, или учениками Христа Иисуса. Нелегко вызвать точное представление обо всех этих без сомнения странных явлениях и нам придется вспомнить многое, что из наших прежних антропософских рассматриваний отложилось, так сказать, в подосновах нашей души, если мы хотим связать точные представления со всем, что как раз надлежит высказать в связи с этой темой нашего цикла лекций.

Как бы пробудившимися чувствовали себя апостолы, людьми, которые в этот миг ощутили, что в течение долгого времени, на протяжении нескольких дней, они жили в ином, непривычном им состоянии сознания. Это было

действительно нечто, как своего рода пробуждение из глубокого сна, правда, удивительного, исполненного сновидениями сна, но из сна, который является таким — я всё время говорю о том виде, как это явилось сознанию апостолов, — из сна такого рода, когда попутно исполняешь все внешние повседневные дела, кажешься более или менее здоровым человеком, так что и другие люди, с которыми встречаешься, не замечают по тебе, что ты находишься в ином состоянии сознания. И все же наступил момент, когда это предстало апостолам так, как если бы они какое-то, тянувшееся долгие дни время прожили словно во сне, из которого теперь, при наступлении события Пятидесятницы, они пробудились. И это пробуждение — уже и его они чувствовали очень своеобразным образом: они действительно чувствовали, как если бы из Вселенной на них снизошло нечто, что можно было бы именовать только субстанцией всюду вершащей любви. Как бы оплодотворенными с высот всюду вершащей любовью и пробужденными из описанного сновидческого жизненного состояния — так чувствовали себя апостолы. Как если бы они были пробуждены всем тем, что как изначальная сила любви пронизывает и прогревает Вселенную; как если бы эта изначальная сила любви погрузилась в душу каждого отдельного — так чувствовали себя они. Другим же людям, которые могли наблюдать их и слышать, как они теперь говорили, они казались странными, непривычными. Эти другие люди знали, что апостолы были людьми, которые до сих пор жили исключительно просто, правда, в последнее время некоторые из них вели себя довольно странно, пребывая словно во сне. Об этом известно. Теперь же они являлись перед ними словно преображенными, словно они действительно достигли совершенно новой внутренней конфигурации и душевной настроенности; как люди, потерявшие всю узость жизни, весь эгоизм жизни, получившие бесконечную широту сердца, всеобъемлющую терпимость, глубокое сердечное понимание всего человеческого на Земле. Они могли выражаться так, что всякий присутствующий понимал их. Чувствовалось, что они могли провидеть всякое сердце и душу и из внутренней глубины отгадать душевные тайны, умея утешить всякого, сказать то, в чем он как раз нуждался.

Было, конечно, удивительно, что с некоторым количеством людей могло совершиться такое преображение. Сами же люди, пережившие такое преображение, пробужденные Космическим духом любви, эти люди

чувствовали теперь в самих себе новое понимание, чувствовали понимание того, что, правда, и разыгралось в тесном сообществе с их душами, но чего до сих пор они не постигали: теперь, в это мгновение, перед их душевным оком открылось понимание того, что, собственно, совершилось на Голгофе. И вглядываясь в душу одного из этих апостолов, тот, который в других Евангелиях обычно именуется Петром, его душевно-внутреннее является направленному обратно ясновидческому взору так, что в этот момент его нормальное земное сознание видишь как бы совершенно оборванным, оборванным, начиная с того мгновения, которое в других Евангелиях обозначается как отречение. Он как бы смотрел на эту сцену отречения, когда его спросили о том, «имеет ли он отношение к Галилеянину», и теперь он знал, что он отрекся тогда от этого, потому что его сознание начало затемняться, начало распространяться аномальное состояние, своего рода сновидческое состояние, которое означало его восхищенность, оттянутость в совсем иной мир. Для него на этом празднике Пятидесятницы это было так, как бывает с человеком, когда утром при пробуждении он вспоминает последние события, происходившие накануне вечером перед засыпанием; так вспоминал Петр то, что обычно называют отречением, троекратным отречением до второго крика петуха. Затем — как опускается ночь — на сознание Петра опустилось промежуточное состояние. Но оно заполнилось не простыми сновидениями, а облико-образами, представлявшими некоторого рода высшее состояние сознания, представлявшими сопереживание чисто духовных свершений. И всё, что случилось, что Петр словно проспал с того времени, это выступило перед его душой как бы из ясновидческого сновидения. Прежде всего, он научился теперь созерцать событие, о котором действительно можно сказать, что он его проспал, потому что для полного понимания этого события было необходимо оплодотворение всевершающей Космической любовью. Теперь образы Мистерии Голгофы выступили перед его глазами так, как мы можем вызвать их перед нами, оглядываясь обратно в ясновидческом сознании и создав для этого необходимые условия.

Надо признаться, с исключительным в своем роде чувством решаешься запечатлеть в словах то, что открывается взгляду, проникающему в сознание Петра и других, собравшихся на этом празднике Пятидесятницы. Лишь с некоторым священным трепетом можешь решиться

говорить об этих вещах. Чувствуешь себя, хотелось бы сказать, подавленным при сознании, что вступаешь на самую святую почву человеческого переживания, когда выражаешь словами то, что открывается здесь душевному взору. И, тем не менее, определенные условия нашего времени указывают на необходимость говорить об этих вещах, — конечно, с полным сознанием того, что придут иные времена, чем наши, когда этим вещам будут нести навстречу больше понимания того, что следует высказать через Пятое Евангелие, чем могут нести им навстречу теперь; потому что, чтобы понять многое из того, что в данном случае должно быть высказано, душа человека должна освободиться еще от многого, что по совершенной необходимости культуры нашего времени должно еще заполнять эту душу.

Перед ясновидческий взглядом предстает сначала нечто, если облечь это в слова, что имеет вид своего рода оскорбления современному естественнонаучному сознанию. Тем не менее, я чувствую себя вынужденным запечатлеть, поскольку это возможно в словах, только то, что предстает душевному взору. Я ничего не могу поделать, если то, что должно быть здесь сказано, распространится и найдет путь к мало подготовленным сердцам и душам, обернется в нечто, что по отношению к научным воззрениям, которые как-никак все же господствуют над современностью, не выдерживает критики. Ясновидческий взор останавливается сначала на картине, представляющей реальность и на которую указано и в других Евангелиях, но которая представляет собой совсем особое зрелище, когда ее видишь как бы выступающей из изобилия образов, которые встречает направленный обратно ясновидческий взгляд. Этот ясновидческий взгляд действительно падает сначала на своего рода мрак, охвативший Землю. словно в отзвуке ощущения переживаешь значительное мгновение, когда над землей Палестины, над местом Голгофы в течение нескольких часов как при сильном солнечном затмении было затемнено физическое Солнце. Замечаешь (духовнонаучно обученным восприятием это возможно проверить и теперь, когда область Земли действительно подвержена внешнему физическому более или менее сильному солнечному затмению), что душевному взору все окружение человека является тогда совсем иным. Я не хочу касаться зрелища, которое предстает при солнечном затмении, касаться всех тех вещей, которые созданы искусностью и техникой человека. Необходимо обладать довольно сильным духом и проникнуться сознанием,

что все это должно было возникнуть, чтобы вынести то демоническое зрелище, которое открывают взору те существа, которые поднимаются из внешней, лишенной искусства техники во время такого солнечного затмения. Я не хочу вдаваться в это описание, но лишь указать на то, что в такое время в полном свете появляется то, что вообще достижимо только путем очень трудных медитаций. Все растительное и животное видишь тогда иначе, каждая бабочка, каждая птица выглядят тогда иначе. Это нечто, что в глубочайшем смысле может убедить как тесно связана в Космосе духовная жизнь, принадлежащая Солнцу и имеющая в видимом Солнце как бы свое физическое тело, с жизнью на Земле. И когда физическое свечение затемняется силой вступающей Луны, — это иное, чем когда Солнце просто не светит ночью. Совсем иной облик имеет окружающая нас область Земли во время солнечного затмения, чем простой ночью. Во время солнечного затмения чувствуешь подымание групповых душ растений, групповых душ животных. Чувствуешь это как потускнение всей физической телесности растений и животных и как прояснение всего того, что представляет собой групповую душевность, прояснение всего, что духовно.

В высокой степени предстает всё это направленному обратно ясновидческому взору, когда он покоится на том мгновении эволюции Земли, который мы обозначаем как Мистерия Голгофы. И тогда выступает нечто, по отношению к чему можно сказать: научаешься читать, что, собственно, обозначает этот примечательный знак природы, который созерцаешь в Космосе обращенным к прошлому ясновидческим взором! Я действительно ничего не могу поделать, если я принужден — к противоречию всему материалистическому сознанию современности — чисто природное событие, которое естественно происходило и раньше и позже, как раз в этом пункте эволюции Земли читать в оккультном письме так, как оно непосредственно открывается впечатлению. Как если бы открыв книгу, читал изложенное в ней, так чувствуешь себя и перед этим событием; словно из писем выступает то, что надо прочесть. И из этих знаков писем Космоса выступает навстречу непреложность: надо нечто прочесть, с чем надлежит познакомиться человечеству. Это предстает как вписанное в Космос слово, как звучащий в Космосе знак.

Что же читаешь тогда, открывая этому свою душу? Вчера я обратил ваше внимание на то, что в греческой эпохе

человечество достигло такого развития, что в Платоне и Аристотеле оно поднялось к высокой проработанности человеческой души и интеллекта. Во многих отношениях знание, достигнутое Платоном и Аристотелем, не смогло быть превзойдено в дальнейшем времени, потому что в них в определенном отношении человеческий интеллект достиг высочайшего. Многие можно познать, если это действительно познают. И когда ясновидящая душа наблюдает время событий в Палестине, то видит, как это интеллектуальное знание, к которому в своем развитии поднялось человечество и которое на греческом и италийском полуостровах как раз в период Мистерии Голгофы благодаря странствующим проповедникам стало необычайно популярным, когда примешь его во внимание, а также и непонятную для нашей современности уже тогдашнюю его распространенность, тогда созерцающая ясновидящая душа получает возможность восприятия, которое выражается как чтение этих оккультных, проявленных в Космосе письмен. И тогда, подготовив так ясновидческое сознание, говоришь себе: то, что человечество накопило здесь как знание, к чему оно поднялось в дохристианские времена, — знаком всего этого является Луна, с земной точки зрения странствующая во Вселенной; Луна именно потому Луна, что по отношению ко всему высшему познанию человечества это знание не является открывающим, как бы разрешающим загадку, но для высшего познания оно как бы затемняющее, — как Луна затемняет Солнце при солнечном затмении. Это читаешь, когда разбираешь тайный знак Солнца, затемненного Луной.

Итак, все тогдашнее знание выступало не поясняющим, а затемняющим загадку мира. Чувствуешь, как ясновидящий, затемнение высших, собственно спиритуальных областей мира знанием древнего времени, которое перед истинным познаванием встало как Луна перед Солнцем во время солнечного затмения. И внешнее природное событие является выражением того, что человечество достигло той ступени, когда черпаемое из самого человечества знание заслонило высшее познание, как Луна — Солнце при солнечном затмении. В солнечном затмении в момент Мистерии Голгофы чувствуешь запечатленным в Космосе грандиозным знаком оккультного письма людское помрачение душ в пределах земной эволюции. Я сказал, что сознание современности может это ощутить как оскорбление, потому что оно не имеет больше никакого понятия о спиритуальном вершении во Вселенной, которое находится

во взаимосвязи с тем, что как сила правит в человеческой душе. Я не хочу говорить о чудесах в обычном смысле, о нарушении законов природы, но я не могу не сообщить вам, каким образом можно прочесть это солнечное затмение; невозможно поступить иначе, как предстать своей душой перед этим затмением, словно читая то, что выражает собой это событие природы: — с лунным знанием наступило затемнение по отношению к высшему солнечному возвещению.

А затем, после чтения этой оккультной записи, ясновидческому сознанию действительно предстает образ воздвигнутого на Голгофе креста и висящего на нем тела Иисуса между двух разбойников. И предстает — и я должен заметить в скобках: чем больше отстраняешь этот образ, тем сильнее он выступает, — предстает образ снятия со креста и погребение. Теперь выступает второй мощный знак, благодаря которому опять словно вписывается в Космос нечто, что опять-таки должно быть прочтено, чтобы стать постигнутым как символ того, что, собственно, произошло в эволюции человечества: следуешь за образом снятого со креста Иисуса, Иисуса, которого погребают и, направляя на это душевный взор, содрогаешься от колебания почвы, прошедшего по этой местности.

Со временем, быть может, связь того солнечного затмения с тем землетрясением поймут лучше и с естественнонаучной стороны, потому что уже и сегодня некоторые изыскания в этой области, которые хотя и бессвязно, появляются в мире, указывают на взаимоотношение, существующее между затмением Солнца и землетрясением и даже на его связь с рудничными газами. То землетрясение было следствием затмения Солнца. То землетрясение сотрясло могилу, в которую было положено мертвое тело Иисуса, был сорван и отброшен положенный на нее камень, разверзлась Земля, и мертвое тело было принято образовавшейся расселиной. Дальнейшим сотрясением щель над телом сомкнулась. И когда утром пришли люди, склеп был пуст, потому что Земля приняла тело Иисуса. Камень же еще лежал отброшенным.

Проследим еще раз этот ряд образов. На кресте Голгофы отходит Иисус. На Земле наступает мрак. В открытую могилу кладется мертвое тело Иисуса. Содроганием почвы тело Иисуса принимается Землей. Щель, возникшая от сотрясения, замыкается; камень отбрасывается в сторону. Всё это действительно события, и я не могу описать их

иначе. Пусть люди, приближающиеся к этим вещам с точки зрения естественных наук, судят, как хотят, приводят против них всевозможные доводы: ясновидящий взор видит так, как я это описал. И если бы кто-нибудь сказал: подобного не может произойти, чтобы из Космоса, словно мощной речью знаков был явлен символ того, что в эволюцию людей вступило нечто новое; если бы кто-нибудь сказал: то, что происходит, Божественные силы не выражают Земле подобной речью знаков, как затмение Солнца и землетрясение, то я мог бы только ответить: при всем уважении к вашей вере, что этого не может быть — это все же случилось, это произошло! Я могу себе представить, что, например, Эрнест Ренан, написавший своеобразную «Жизнь Иисуса», пришел бы и сказал: в такие вещи не верят, потому что верят лишь в то, что всегда можно восстановить экспериментально. Но мысль эта непроводима в жизнь; потому что, не будет ли тот же Ренан верить в ледниковый период Земли, хотя экспериментально его невозможно восстановить? Без сомнения, невозможно восстановить на Земле ледниковый период и всё же в него верят все естествоиспытатели. Так же невозможно, чтобы и этот, один раз свершившийся космический знак когда-нибудь вновь предстал перед людьми. И, тем не менее, он свершился.

Мы можем приблизиться к этим событиям, лишь проложив к ним ясновидчески путь, как я его набросал, когда сначала мы как бы углубляемся в душу Петра или одного из апостолов, почувствовавших себя на празднике Пятидесятницы оплодотворенными всевершающей Космической любовью. Окольным путем, только смотря в души этих людей и видя как переживали эти души, мы находим возможность созерцать поднятый на Голгофе крест, мрак, разлившийся в это время на Земле, и колебание почвы, которое последовало за этим. То, что с внешней точки зрения это затмение и это землетрясение были совсем обычными явлениями природы, — это совершенно не отрицается, но для прослеживающего эти события ясновидчески они читаются как вершащие знаки оккультного письма так, как я их описал. Это должно быть решительно высказано тем, кто создал в своей душе необходимые для этого предпосылки. Потому что действительно то, что я сейчас описал, в сознании Петра было чем-то, что выкристаллизовалось в состоянии длительного сна. В поле сознания Петра, которое пересекалось различными образами, подымались, например, картины поднятого на Голгофе креста, наступившего мрака

и землетрясения. Для Петра они явились первыми плодами оплодотворения всевершающей любовью при событии Пятидесятницы. И теперь он знал нечто, чего раньше своим нормальным сознанием он действительно не знал: что событие Голгофы совершилось, и что тело, висевшее на кресте, было телом Того, с кем он часто странствовал в жизни. Теперь он знал, что Иисус умер на кресте, что эта смерть, собственно, была рождением: рождением того Духа, который как вершащая всюду Любовь излился в души апостолов, собравшихся на празднике Пятидесятницы. И как луч извечной, эонической любви ощущал он пробуждающийся в своей душе дух как то же самое, что родилось, когда Иисус отошел на Кресте. И беспредельная истина погрузилась в душу Петра: смерть на Кресте есть лишь иллюзия. В действительности же эта смерть, которой предшествовало бесконечное страдание, была рождением для всей Земли того, что лучом проникало теперь в его душу. Для Земли со смертью Иисуса родилось то, что прежде повсюду было разлито вне Земли: всевершающая Любовь, космическая Любовь.

Абстрактное высказывание этих слов не кажется трудным, но надо действительно перенестись на мгновение в душу Петра, в ее ощущение, в ее еще первичное ощущение того, что в мгновенье, когда Иисус из Назарета скончался на кресте Голгофы, для Земли родилось нечто, что раньше существовало только в Космосе! Смерть Иисуса из Назарета была рождением космической Любви в земной сфере.

Это как бы первое познание, которое мы можем вычитать из того, что мы называем Пятым Евангелием. То, что в Новом Завете называется сошествием, изливанием Духа, этим начинается то, что я теперь описал. Всеи тогдашней душевной конфигурацией апостолы не были способны сопережить это событие смерти Иисуса из Назарета иначе, как вне нормального сознания.

Еще и другое мгновенье своей жизни должен был вспомнить Петр — а также и Иоанн, и Иаков, — то мгновенье, которое лишь благодаря Пятому Евангелию может предстать перед нами во всем его величии. Тот, с которым они странствовали по Земле, возвел их на Елеонскую гору в Гефсиманский сад и сказал: «Бодрствуйте и молитесь!» Они же заснули. Уже тогда наступало то состояние, которое все больше и больше захватывало их души. Нормальное сознание засыпало и они погружались в сон, который длился в течение события Голгофы, и из которого лучилось то, что я

пытался изложить робкими словами. Петр, Иоанн и Иаков должны были вспомнить, как они подпали этому состоянию, и теперь, когда они оглядывались на истекшее, перед ними брезжили великие события, разыгравшиеся в окружении земного тела Того, с кем они скитались по Земле. И постепенно, — подобно погруженным вглубь души сновидениям, всплывающим в сознании человека, в его душе, — в сознании и душах апостолов всплывали истекшие дни. Все, сопережитое ими вне их нормального сознания в течение тех дней, всплывало теперь в их нормальном сознании. И то, что всплывало теперь оставалось погруженным в глубины собственной души всё время, от события Голгофы до события Пятидесятницы. Это время являлось им (они чувствовали это) как время глубочайшего сна. Особенно десять дней от так называемого Вознесения и до события Пятидесятницы являлось им как время глубочайшего сна.

Но в созерцании, обращенном назад, день за днем подымалось перед ними время от Мистерии Голгофы до так называемого Вознесения Христа Иисуса. Они это сопережили, но теперь это восставало и восставало совершенно удивительным образом.

Простите, что я включаю сейчас личное примечание. Я должен сознаться, что сам я был безмерно удивлен, когда увидел как подымалось в душах апостолов то, что было ими пережито между Мистерией Голгофы и так называемым Вознесением. Совершенно поразительно подымалось, всплывало это в душах апостолов. В их душах, например, подымался образ за образом, и эти образы им говорили: «Да, ты ведь был при Том, кто умер или родился на кресте, ты встретил Его!» Как если бы, проснувшись утром, человеку будто из сновидения пришло сознание: «Ты, ведь встретился ночью с тем или иным!» Но своеобразно было то, каким образом в душах апостолов подымались в сознание отдельные образы. Все вновь повторяли они себе: «Кто же Тот, с которым мы были здесь вместе?» И вновь и вновь они не узнавали его. Они знали: «Без сомнения мы ходили с ним», но они не узнавали его в облике, перед которым они предстояли тогда и который в образе им являлся теперь, когда в них всходили ростки оплодотворения всевершающей Любовью. Они видели себя странствующими после Мистерии Голгофы с тем, кого мы называем Христом. Они видели также, как он действительно дал им тогда учение о царстве Духа, как он их наставлял. Они учились понимать своё

сорокадневное странствование с существом, родившимся на кресте, как это существо — из Космоса в Землю рожденная всюду вершащая Любовь — было их учителем, и как они были незрелы, чтобы понять своим нормальным сознанием то, что говорило это существо, как они должны были воспринять это подсознательными силами души, как они — подобно лунатикам — шли рядом с Христом, не будучи в состоянии воспринять обычным рассудком то, что давало им это существо. И они внимали ему в течение этих сорока дней в сознании, незнакомом им прежде, которое лишь теперь пробивалось в них, после того, как они пережили событие Пятидесятницы. Они внимали как лунатики. Он являлся им как духовный учитель и наставлял их тайнам, которые они могли понять лишь, будучи погружены Им в совсем иное состояние сознания.

Так, только теперь видели они: они странствовали с Христом, с воскресшим Христом. Лишь теперь узнали они, что с ними произошло. Благодаря чему же узнали они, что это действительно был тот, с которым они скитались перед Мистерией Голгофы, когда он был в теле человека? Это происходило следующим образом.

Допустим, подобный образ выступал теперь, после Пятидесятницы, перед душой одного из апостолов. Он видел, как он странствовал с Воскресшим, но он его не узнавал. Хотя он и видел небесное, духовное существо, но он его не узнавал. Тогда к этому примешивался другой образ. К чисто духовному образу примешивался такой образ, который представлял собой переживание апостолов, через которое они действительно прошли с Христом Иисусом перед Мистерией Голгофы. Так, возникала вина, в которой они чувствовали себя как бы назидаемыми тайной Духа, Христом Иисусом. Они же не узнавали Его, они лишь видели себя противопоставленными этому духовному существу. Чтобы они смогли Его узнать, тот образ (не исчезая в то же время из вида) превращался в образ Тайной Вечери, которую они пережили с Христом Иисусом. Представьте себе действительно сверхчувственное переживание апостола с Воскресшим и, как бы проявляясь на заднем плане, — картина Тайной Вечери. Тогда они узнавали, что Тот, с которым они недавно странствовали телесно, и Этот в совсем ином облике, который он принял после Мистерии Голгофы и назиданиям которого они внимают теперь, — одно. Это было полное слияние воспоминаний из того состояния сознания, которое было подобно сну, с предшествовавшими образами

воспоминания. Они переживали это как две покрывающие одна другую картины: одна картина — из событий после Мистерии Голгофы и другая, как бы просвечивающая из времени до затемнения их сознания, что они не сопереживали более того, что там разыгрывалось. Так познавали они двойственность этих существ как одно: Воскресший и Тот, который странствовал с ними некогда, сравнительно недавно, еще телесно. И теперь они говорили себе: «до того как мы пробудились таким образом благодаря оплодотворению всевершающей Любовью, мы были словно изъяты из нашего привычного состояния сознания. Христос же, Воскресший пребывал с нами. Как бы несведущими принял он нас в свое царство, странствовал с нами и открывал нам тайны своего царства, которые теперь, после Мистерии Пятидесятницы, всплывают перед нами словно пережитые во сне».

Вызывает удивление это постоянное сочетание определенной картины из переживания апостолов с Христом после Мистерии Голгофы с определенной картиной до Мистерии Голгофы, которую они пережили с Христом Иисусом в их настоящем нормальном сознании в физическом теле.

Этим мы положили начало сообщениям, которые дано прочесть в так называемом Пятом Евангелии. И в конце: того первого сообщения, которое мне надлежало сегодня сделать, я хочу обратиться к вам с несколькими словами, которые попутно все же должны быть высказаны. В определенном отношении я чувствую себя оккультно обязанным говорить теперь об этих вещах. Ещё я хотел бы сказать следующее. Я очень хорошо знаю, что мы живем в такое время, когда многое подготавливается для ближайшего земного будущего человечества и что мы в нашем (теперь Антропософском) обществе должны чувствовать себя как бы теми, в ком пробуждается наитие, что в душах людей надлежит подготовить для будущего нечто, что должно быть подготовлено. Я знаю, придут времена, когда об этих вещах можно будет говорить совсем иначе, чем это позволяет нам наше сегодняшнее время. Потому что ведь все мы — дети времени. Но придет недалекое будущее, когда можно будет говорить много точнее, когда в духовной хронике становления, быть может, многое из того, что лишь как бы в намеке может быть познано сегодня, сможет стать познанным намного, намного точнее. Как бы это ни казалось невероятным современному человечеству, эти времена

придут. И все же, как раз по этой причине находишься перед определенным обязательством уже сегодня — как бы подготавливая, — говорить об этих вещах. И если говорить как раз на эту тему, мне это даже стоило некоторого преодоления, то все же перевесило обязательство по отношению к тому, что должно подготавливаться в нашем времени. Это привело к тому, чтобы как раз здесь, у вас, в первый раз говорить на эту тему.

Если я говорю о преодолении, то поймите это слово действительно так, как оно высказано. Я настоятельно прошу отнестись к тому, что в данном случае мне надлежит сказать, как раз как к своего рода побуждению, как к чему-то, что в будущем без сомнения сможет быть высказано много лучше и точнее. И слово «преодоление» вы поймете лучше, если разрешите мне высказать одно личное замечание. Мне совершенно ясно, что духовному исследованию, которому я себя посвятил, многое бывает сначала невероятно трудно и требует больших стараний для извлечения из духовной летописи мира как раз фактов подобного рода. И меня совсем не удивит, если слово «намек», которое я применил, получит еще более глубокое и веское значение, чем то, в котором, может быть, оно нуждается теперь. Я совсем не хочу сказать, что я в состоянии уже сегодня точно изложить то, что открывается в духовных письменах. Потому что именно мне стоит больших трудов и стараний извлечь из хроники Акаша образы, относящиеся к христианству. Мне не так легко привести эти образы к нужному для этого уплотнению, удержать их; и в определенном отношении я рассматриваю это как свою карму, что на меня возложен долг говорить то, что я сейчас говорю. Мне было бы без сомнения гораздо легче, если бы я находился в положении многих наших современников и в ранней молодости получил бы действительно христианское воспитание. Я его не имел; я вырос в совершенно свободомыслящем окружении.

Также и мои занятия в ходе образования вели меня к свободомыслию. Путь моего образования был чисто научным. Поэтому определенного усилия стоит мне теперь вскрыть факты, о которых я обязан говорить.

Как раз это личное замечание я могу сделать, быть может, по двум причинам. Во-первых, именно потому, что по совершенно странному отсутствию совести в мир пущена нелепая, вздорная сказка о моем якобы отношении к определенным католическим течениям*. Во всех этих вещах нет ни одного слова истины. И до чего дошло то, что в наши

дни часто называет себя теософией, это можно просто измерить по тому, что на почве теософии в мир пускаются такие, без всяких угрызений совести построенные слухи. Но так как мы принуждены не оставлять такие вещи без внимания, а противопоставлять им истину, поэтому и может быть сделано это личное замечание. Во-вторых, из-за моей отдаленности в юные годы от христианства, по отношению к нему я чувствую себя тем более непредвзятым и думаю, что я был подведен к христианству и к существованию Христа только духовно. Как раз в этой области у меня, возможно, есть некоторое право на отсутствие предрассудков и на непредвзятость в изложении этих фактов. Быть может — именно в этот час мировой истории — придается больше веса слову человека, идущего из научной формации, который в молодости отстоял от христианства далеко, чем человека, который с ранних лет был связан с христианством. Я на самом деле не думаю, что христианство может что-то потерять, если в своих глубинных элементах оно будет представлено из сознания, что сначала к христианству был найден путь из самого Духа. Принимая эти слова, вы сможете почувствовать, что живет во мне самом, когда я теперь говорю о тайнах, которые хотел бы обозначить как тайны так называемого Пятого Евангелия.

(* Сказка об иезуитизме Анни Безант: *The black General*. — О.П.).

Третья лекция Христиания (Осло), 3 октября 1913 г.

Если вчера я говорил, что лица, которых обычно называют апостолами Христа Иисуса, пережили некоторое пробуждение в момент, который выпадает на так называемый праздник Пятидесятницы, то этим не выносится как бы непреложное утверждение, что то, о чем мне надлежит говорить как о содержании Пятого Евангелия, уже тогда и в таком виде, как я это теперь рассказываю, сразу же вступило в сознание, в полное сознание апостолов.

Разумеется, углубляясь в души этих апостолов, ясновидческое сознание узнает в их душах эти образы. В самих же апостолах это жило тогда не столько как образ, это жило... я бы сказал, это жило как жизнь, как непосредственное переживание, как душевное чувство и мощь души. И то, что апостолы могли затем сказать, чем они увлекали даже греков того времени, чем они дали толчок

тому, что мы называем христианским развитием, то, что они несли так, как мощь души, как мощь их собственной внутренней жизни, — это расцветало из того, что жило в их душе как жизненная сила Пятого Евангелия. Они могли говорить так, как они говорили, могли действовать так, как действовали, потому что живо несли в своей душе факты, которые мы расшифровываем теперь как Пятое Евангелие, — хотя они и не облачали эти вещи в слова так, как по отношению к Пятому Евангелию это необходимо делать теперь. Они получили как бы силой пробуждения оплодотворение всевершающей Космической любовью и под впечатлением этого оплодотворения они действовали и дальше. Действующее в них самих было то, чем стал Христос. — Здесь мы достигли точки, когда в смысле Пятого Евангелия нам надлежит говорить о земной жизни Христа.

Нелегко облечь в слова для сегодняшних понятий, для понятий современности, то, в чем заключается здесь суть дела. Но с помощью понятий и идей, уже усвоенных нами в наших духовнонаучных рассматриваниях, мы сможем приблизиться к этой величайшей земной тайне. Чтобы понять существо Христа нам придется применить к нему в несколько измененной форме выработанные нами в нашей духовнонаучной работе понятия.

Чтобы прийти к некоторой ясности, возьмем исходным пунктом то, что обычно называют Крещением Иоанна на Иордане. В Пятом Евангелии по отношению к земной жизни Христа оно предстает аналогично зачатию земного человека. И жизнь Христа от этого момента и до Мистерии Голгофы мы поймем, лишь сравнивая ее с той жизнью, которую проходит зародыш человека в теле матери. Итак, время от Крещения Иоанном до Мистерии Голгофы является своего рода зародышевой жизнью существа Христа. Саму же Мистерию Голгофы мы должны понять как земное рождение, а смерть Иисуса — как земное рождение Христа. Собственную же его земную жизнь мы должны искать после Мистерии Голгофы, когда Христос, как я этого коснулся вчера, встречался с апостолами в период их пребывания в своего рода ином состоянии сознания. Это было то, что следовало за собственным рождением существа Христа. К тому же, что описывается как Вознесение и следующее за ним сошествие Духа, в отношении существа Христа мы должны отнести так, как в смерти человека мы привыкли видеть его вступление в духовные миры. Дальнейшую же жизнь Христа в земной сфере после Вознесения или после события

Пятидесятницы мы должны сравнить с тем, что переживает душа человека, когда она пребывает в так называемом девахане, в стране духа.

Итак, мои дорогие друзья, мы видим, что в Христе перед нами выступает такое существо, по отношению к которому мы совершенно должны изменить все понятия, которые мы вообще усвоили себе о последовательности состояний человеческой жизни. После короткого промежуточного времени, которое называется временем очищения, временем камалоки, человек переходит в духовный мир, чтобы подготовиться к следующей земной жизни. Человек после своей смерти проходит через духовную жизнь. Начиная от события Пятидесятницы существо Христа, переживало вступление в земную сферу, что означало для него то же, что для человека переход в страну духа. И вместо того, чтобы подняться в девахан, подняться в духовную область как это происходит с человеком после смерти, существо Христа принесло жертву как бы распахнув свое небо на Земле, ища его на Земле. Человек покидает Землю, чтобы — пользуясь привычным выражением — переменить свое местожительство на небесное. Христос покинул небо, чтобы это свое местожительство переменить на земное. Это, мои дорогие друзья, я прошу вас увидеть в правильном свете и связать затем с этим своё ощущение, чувство того, что совершилось благодаря Мистерии Голгофы, что совершилось благодаря существу Христа, в чем состояла собственная жертва существа Христа, а именно: в оставлении им духовных сфер, чтобы жить с Землей и с людьми на Земле, и вести дальше людей, эволюцию на Земле, данным ей таким образом импульсом. Это уже само говорит, что до Иоаннова Крещения на Иордане это существо не принадлежало земной сфере. Таким образом, оно пришло в земную сферу из сфер сверхземных. И то, что было пережито между Крещением и событием Пятидесятницы, это следовало пережить для того, чтобы претворить небесное существо Христа в существо Христа земное.

И говоришь бесконечно много, высказывая здесь эту тайну в следующих словах: начиная с события Пятидесятницы существо Христа пребывает с людскими душами на Земле; до этого оно не пребывало с душами людей на Земле! Всё, пройденное существом Христа — Крещением и событием Пятидесятницы, произошло для того, чтобы смогла совершиться перемена области жительствова в духовных сферах на область жительствова в сфере земной. Это

произошло, чтобы Божественно-духовное существо Христа смогло принять облик, который был ему необходим для пребывания впредь в сообществе с людскими душами. Итак, для чего совершились события Палестины? Чтобы Божественно-духовное существо Христа смогло принять облик, в котором оно нуждалось для пребывания в сообществе с людскими душами на Земле.

Одновременно этим обращено внимание и на то, на что я уже часто указывал: что это событие Палестины является неповторимым. Оно есть нисхождение в сферу Земли высшего неземного существа и пребывание с тех пор этого неземного существа вместе с земной сферой, пока под его влиянием земная сфера не подвергнется соответствующему преобразению. Итак, с того времени существо Христа пребывает деятельным на Земле.

Если в смысле Пятого Евангелия мы хотим полностью понять событие Пятидесятницы, мы должны обратиться к помощи тех понятий, которые мы выработали в духовной науке. Уже указывалось на то, что в древние времена существовали мистерии посвящения, что таким посвящением человеческая душа возносилась к участию в спиритуальной жизни. Эта сущность дохристианских мистерий выступает наиболее наглядно, когда обращаешься к так называемым мистериям Персии или Митры. Там было семь ступеней посвящения. Тот, кто должен был быть возведен в высшие степени духовного переживания, приводился там сначала к тому, что символически называлось «вороном». Затем он становился «окультурным», «сокровенным». В третьем градусе он становился «воином», в четвертом — «львом», в пятом — на него переносилось имя того народа, которому он принадлежал. В шестом градусе он становился «Солнечным героем», в седьмом градусе — «отцом». О первых четырех градусах пока будет достаточно сказать, что в них человек постепенно вводился все глубже и глубже в духовное переживание. В пятом градусе человек достигал такой широты сознания, что это расширенное сознание одаряло его способностью стать духовным стражем всего народа, которому он принадлежал. Поэтому на него и переносилось имя соответствующего народа. Если в тех древних мистериях кто-нибудь бывал посвящен в пятый градус, то он обладал тогда определенной возможностью участия в духовной жизни.

Как раз из цикла лекций, который я прочел здесь*, мы знаем, что народы Земли ведутся теми, кого в Иерархии

духовных существ мы называем Архангелами. В эту сферу подымался посвященный пятого градуса, принимая, таким образом, участие в жизни Архангелов. Такие посвященные пятого градуса были необходимы, в них нуждался Космос. Поэтому на Земле существовало посвящение в эту пятую степень. Когда такое лицо посвящалось в мистерии и проходило сквозь все испытания внутри души, получая душевное содержание, которое соответствовало пятому градусу, то Архангел как бы смотрел на душу этого человека и читал в этой душе, как мы читаем книгу, черпая из нее те или иные сведения, которые необходимы нам для выполнения того или другого. Что было необходимо народу, в чем нуждался народ, это читали Архангелы в душах тех, кто бывал посвящен в пятый градус. Чтобы Архангелы могли водить верным образом, необходимо было создавать на Земле посвященных пятого градуса.

(* «Миссия единичных народных душ в связи с мифологией германского Севера». На русском языке: Рудольф Штейнер. «Миссия отдельных народных душ в связи с северо-германской мифологией», Москва, «Антропософия», 2000).

Эти посвященные являются посредниками между собственно водителями народа, Архангелами, и самим народом. Они как бы возносят в сферу Архангелов нужды народа, чтобы народ мог быть ведом верным образом.

Каким же образом мог быть достигнут этот пятый градус в древние дохристианские времена? Он не мог быть достигнут, если душа человека оставалась в теле. Душа человека должна была быть извлечена из тела. В этом и состояло посвящение, что душа человека извлекалась из тела. И вне тела душа проходила через переживания, которые давали ей описанное мною сейчас содержание. Душа должна была покинуть Землю, должна была подняться в духовный мир, чтобы достичь того, чего ей надлежало достичь.

Когда же достигался шестой градус древнего посвящения, градус Солнечного героя, то в душе такого Солнечного героя оживала не только способность, необходимая для ведения, для руководства и направления народа, но нечто высшее, чем простое правление и руководство народом. Если вы обращаете взгляд, мои дорогие друзья, на развитие человечества на Земле, то видите, как возникают и вновь исчезают народы, как народы словно претворяются. Народы рождаются и умирают как отдельные люди. А то, что народ создал для Земли, должно быть

сохранено во всем развитии Земли. Народ не только должен быть ведом и руководим, но за пределами его земного бытия должны быть сохранены все земные достижения этого народа. Чтобы совершенное народом могло быть выведено духами, которым это подведомственно, дальше, для этого были необходимы Солнечные герои. Ибо в высших мирах можно прочесть то, что живет в душе Солнечного героя. Так можно было получать силы, которые правильным образом переносили труд одного народа в работу всего человечества. На всю Землю переносилось то, что жило в Солнечном герое. И как посвященный в пятый градус древних мистерий (чтобы совершить необходимое) должен был выйти из своего тела, так должен был выйти из своего тела и тот, кому надлежало стать Солнечным героем, и во время своего выхода из тела действительно перенести свое пребывание на Солнце.

Для современного сознания это, конечно, почти баснословные вещи, кажущиеся, быть может, просто глупостью. Но здесь уместны и слова апостола Павла, что мудрость перед богами людям может казаться глупостью. В этот период своего посвящения Солнечный герой жил вместе со всей Солнечной системой. Как обычный человек живет на Земле как на своей планете, так местожительство Солнечного героя — Солнце. Как вокруг нас горы и реки, так вокруг Солнечного героя во время его посвящения — планеты Солнечной системы. Отвлеченным на Солнце должен был быть Солнечный герой во время посвящения. В древних мистериях этого можно было достичь только вне тела; затем, возвращаясь в свое тело, человек вспоминал о том, что было пережито им вне его, и мог применить это как деятельную силу для эволюции всего человечества, на благо всего человечества. Во время посвящения Солнечные герои покидали свое тело; возвращаясь и вновь вступая в него, они обладали силой внести работу данного народа в общую эволюцию человечества.

Что же переживали эти Солнечные герои в течение трех с половиной дней посвящения? Что переживали они в то время, когда — мы вправе так выразиться, — странствовали на Солнце? Сообщество Христа, который до Мистерии Голгофы еще не был на Земле! Все древние Солнечные герои уходили в высшие духовные сферы, потому что в древние времена только там можно было пережить сообщество Христа. Христос снизошел на Землю из того мира, куда во время посвящения должны были подыматься древние посвященные. Итак, мы можем сказать: то, что в древние

времена могло быть достигнуто для отдельных и немногих всей процедурой посвящения, апостолами Христа в дни Пятидесятницы было достигнуто словно естественным событием. В то время как раньше люди должны были подыматься ко Христу, теперь Христос сошел к апостолам. И в определенном отношении апостолы стали людьми с таким внутренним содержанием, каким обладали в своих душах древние Солнечные герои. Духовная сила Солнца излилась в души людей, действуя отныне дальше в эволюции человечества. Чтобы это смогло произойти, должны были свершиться события Палестины.

Из чего произошло земное бытие Христа? Оно произошло из глубочайших страданий, из такого страдания, которое превосходит всю силу человеческого представления о страдании. Здесь, чтобы избежать неверных для этих фактов понятий, опять надлежит отстранить некоторые препятствия современного сознания. Для пояснения Пятого Евангелия я должен иногда делать отступления. Недавно вышла книга, которую я очень рекомендовал бы для прочтения, потому что она написана человеком очень острого ума и может доказать, какую бессмыслицу способны высказывать остроумные люди как раз по отношению к вещам духовного порядка. Я имею в виду книгу Мориса Метерлинка «О смерти». Среди многих изложенных в ней бессмысленных вещей находится и утверждение, что человек, после смерти является духом и, поэтому он тогда и страдать больше не может, так как сложил свое физическое тело. Итак, Метерлинк, человек острого ума, предается иллюзии, что страдать может только физическое и поэтому умерший страдать не может. Он совершенно не замечает феноменальную, почти невероятную бессмыслицу, которая заложена в утверждении, что страдает только состоящее из физических сил и химических веществ физическое тело. Как будто страдание связано с физическими веществами и силами! Вещества и силы вообще не страдают. Если бы они могли страдать, тогда должен был бы страдать и камень! Физическое тело не может страдать; а страдает как раз дух, именно душевное. Дошло до того, что о простейших вещах люди сегодня думают противоположное тому, что является смыслом. Не существовало бы никакого страдания в камалоке, если бы душевная жизнь не могла испытывать страдание. Именно в лишении, действительно в лишении физического тела, как раз в этом и состоит страдание в камалоке. И кто придерживается мнения, что дух не может

страдать, тот не сможет получить правильного представления о бесконечном страдании, через которое прошел дух Христа в течение событий в Палестине.

Прежде чем говорить об этом страдании, я должен обратить ваше внимание еще и на нечто другое. Мы должны иметь в виду, что при Крещении на Иордане на Землю снизошел Дух, который прожил затем три года в физическом теле, который потом прошел через смерть на Голгофе, Дух, который перед Крещением Иоанном на Иордане жил в совершенно иных условиях, чем земные. Но что же это значит, что этот Дух жил в совершенно иных, чем земные условиях? То есть, антропософски говоря, этот дух не имел также никакой земной кармы. Это я прошу иметь в виду. В теле Иисуса из Назарета три года прожил Дух, который прошел этот путь без того, чтобы содержать в своей душе земную карму. Этим все опыты и переживания, через которые прошел Христос, получают совсем иное значение, чем опыт человеческой души. Страдаем ли мы, переживаем ли тот или иной опыт, мы знаем, что страдания обоснованы в карме. Для духа Христа это было не так. Ему пришлось изведать трехлетний земной опыт без того, чтобы над ним тяготела карма. Чем же это было для него? — Страданием без кармического смысла. Действительно незаслуженное страдание, безвинное страдание! Пятое Евангелие — Евангелие антропософское и показывает нам единственную трехлетнюю земную жизнь, для которой понятие кармы в человеческом смысле неприменимо.

Дальнейшее рассмотрение этого Евангелия приводит нас еще и к другому познанию в этой трехлетней жизни. Вся эта трехлетняя жизнь на Земле, которую мы рассмотрели как жизнь эмбриональную, она тоже не создала никакой кармы, не наложила на себя никакой вины. На Земле была прожита трехлетняя жизнь, которая не была обусловлена кармой и не создала никакой кармы. Надо лишь воспринять понятия и идеи, которые явлены в их полном, глубоком смысле, и тогда получишь многое для правильного понимания этих необычайных событий Палестины, которые иначе действительно во многих отношениях остаются необъяснимы. Чего только это ни вызвало в эволюции человечества, какие только недоразумения ни возникали по этому поводу! И, тем не менее, как был деятелен этот импульс в развитии человечества! Только эти вещи не всегда берутся в их верном и глубоком значении. В будущем многое будут понимать иначе, когда будут знать это и брать вещи в их верном

значении.

Как часто бездумно проходит человек мимо вещей, которые, собственно, так глубоки по значению. Может быть, кое-кто из вас все же слышал о появившейся в 1863 году книге Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса». Эту книгу читают, не принимая достаточно во внимание ее характерную черту. В будущем, может быть, будут удивляться, что до сего времени столько людей прочли эту книгу и, собственно, не ощутили её особенности. Примечательность этой книги состоит в том, что она является смесью, чем-то средним между возвышенным описанием и лубочным романом. То, что могут быть смешаны эти две вещи — красивое описание и настоящая лубочная история — эта странная особенность еще бросится в глаза. Прочтите однажды «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана, исходя из этого сознания, прочтите, что он делает из Христа, который для него, конечно, является главным образом Христом Иисусом. Он делает из него героя, у которого сначала очень хорошие намерения, который является большим благодетелем человечества, но который затем как бы захватывается восторгом народа и всё больше и больше уступает тому, что с таким удовольствием слушается и с таким удовольствием принимается.

Эрнест Ренан с размахом применяет ко Христу то, что часто встречаешь в стиле более низком. Так, случается, что люди, видя, как что-то (например, теософия) распространяется в мире, судят следующим образом. Сначала у него (у Иисуса) были вполне хорошие намерения, затем пришли плохие последователи, чтобы узнать то, что так приятно слушать, и он стал понемногу впадать в ошибки. Вот как обращается Ренан с жизнью Христа. Воскрешение Лазаря он осмеливается выставить как своего рода обман, который допустил Христос в качестве хорошего средства агитации. Он не совестится вводить Христа Иисуса в своего рода неистовство страсти и всё более и более подчинять его народному инстинкту! Этим самым к возвышенным описаниям, которые также содержит эта книга, примешивается характер лубочного романа. Но самое странное, собственно, это то, что хоть мало-мальски здоровое ощущение, уж не требуя большего, должно утратиться, получив описание существа, в начале полных лучших намерений, но в итоге подпадающего инстинктам народа и допускающего различные мошенничества. Ренана же это не пугает, он находит для описания этого лица красивые, захватывающие слова. Курьезно, не правда ли! Но этот

пример доказывает как сильна склонность людей ко Христу, даже если они ничего и не понимают в Христе. Это может пойти настолько далеко, что такой человек превращает жизнь Христа в лубочный, закулисный роман и, тем не менее, не находит достаточно восторженных слов, чтобы привлечь людей к герою своего повествования. Подобное возможно лишь в отношении существа, которое вступило в земное развитие как сущность Христа. О, много собралось бы кармы в трехлетней жизни Христа на Земле, если бы Христос жил так, как описывал Ренан. Но люди увидят позже, что такое описание рассыпается в пух и прах перед познанием того факта, что одна жизнь на Земле протекла без того, чтобы ею была создана карма. Таково возвешение Пятого Евангелия. Итак, обратим наше рассмотрение на событие на Иордане, которое мы обозначаем как Крещение Иоанном. Пятое Евангелие говорит нам, что слова приведенные Евангелием от Луки, являются верным воспроизведением того, что тогда могло быть услышано как космическое выражение этой тайны, если бы ей могло внимать развитое, сновидческое сознание: «Сей Сын мой возлюбленный, сегодня я его породил». Это и есть верная передача того, что совершилось: соиздание, зачатие Христа в земном существе. Это произошло на Иордане.

Желая говорить в последующие дни о том, что за существо осенило тело Иисуса, остановимся сначала на факте, что пришел некто Иисус из Назарета, который предоставил тело Христу. Пятое Евангелие говорит (и это мы можем прочесть благодаря обращенному обратно ясновидческому взору), что, начиная свое земное странствование, Христос не связал себя полностью с телом Иисуса из Назарета, что между существом Христа и этим телом существовала лишь слабая связь. Эта связь не была такой, какой она является между телесностью и душой обыкновенного человека, но такой, что существо Христа, если это было бы необходимо, в любое время опять могло покинуть тело Иисуса из Назарета. И в то время, когда тело Иисуса из Назарета находилось где-нибудь словно спящим, существо Христа духовно совершало тот или иной путь, — туда, где в нем была необходимость.

Пятое Евангелие показывает нам, что не всегда, когда Христос являлся апостолам, присутствовало и тело Иисуса из Назарета, что часто это происходило так, что тело Иисуса из Назарета где-то оставалось, а апостолам являлся дух, Дух Христа. Но он являлся так, что они могли принять его

явление за тело Иисуса из Назарета. Они, правда, замечали различие, но различие было слишком мало, чтобы они могли всегда замечать его отчетливо. Четыре Евангелия немного говорят об этом; Пятое Евангелие показывает это нам ясно. Апостолы не всегда могли отчетливо различить: в теле ли перед ними сейчас Христос Иисус или перед ними только Христов Дух. Различие не всегда было ясно, они не всегда знали: первое или второе было действительностью. Большею частью они принимали это явление за Христа Иисуса, то есть за Духа Христа, поскольку они его узнавали в теле Иисуса из Назарета. В течение трехлетней земной жизни произошло то, что за эти годы Дух постепенно все теснее и теснее связывал себя с телом Иисуса из Назарета; существо Христа становилось как эфирное существо всё более и более сходным с физическим телом Иисуса из Назарета.

Заметьте опять, как в отношении существа Христа наступает иное, чем с телом человека. По отношению к макрокосмосу обыкновенный человек является микрокосмосом, малым отображением всего макрокосмоса. Так мы можем понять тело отдельного человека, то есть, то, что выражается в физическом теле человека. То, чем становится человек на Земле, отражает собой великий Космос. С существом Христа происходит обратное: макрокосмическое Солнечное существо формирует себя по облику человеческого микрокосмоса, теснится, суживается всё более и более, становясь всё более сходным человеческому микрокосмосу. Как раз обратное!

В начале земной жизни Христа, сразу после Крещения на Иордане, связь с телом Иисуса из Назарета была наиболее слабой. Его существо находилось еще совсем вне тела Иисуса из Назарета. Тогда то, что, странствуя по Земле, совершало это существо Христа, было чем-то совсем сверхземным. Оно совершало исцеления, которые невозможно совершить никакой человеческой силой. Оно говорило к людям с проникновенностью, которая была Божественной проникновенностью. Христос, как бы приковывая себя самого к телу Иисуса из Назарета, действовал еще как сверхчувственный Христос. Но все более и более делал он себя сходным телу Иисуса из Назарета, втеснялся в него, все больше и больше стягивался в земные соотношения и испытывал все большее и большее исчезновение Божественной силы. Через все это проходило его существо, принимая все более сходство с телом Иисуса из Назарета, происходило развитие, которое в определенном отношении

было нисходящим развитием. Он должен был пройти через чувство, что по мере увеличивающегося сходства с телом Иисуса из Назарета все больше и больше отступала от него мощь и сила Бога. Мало-помалу из Бога он становился человеком.

Как если бы в бесконечных муках кто-нибудь наблюдал все большее и большее исчезновение своего тела, так видело существо Христа исчезающим свое Божественное содержание по мере все более увеличивающегося сходства его эфирного существа с земным телом Иисуса из Назарета, пока оно ни стало столь сходным, что ему подобно человеку стало доступно ощущение страха. Это то, о чем говорят и другие Евангелия, описывая Христа Иисуса вместе с учениками на Елеонской горе, когда на челе Христа теле Иисуса из Назарета выступает пот страха. Это было вочеловечение, становление Христа всё более и более человеком, достижение им все большего сходства с телом Иисуса из Назарета. И по мере становления этого эфирного существа Христа всё более сходным телу Иисуса из Назарета — Христос становился человеком. Божественная чудодейственная сила его покидала. Здесь видим мы весь Страстной путь, начиная с момента, когда Христос выступил вскоре после Крещения Иоанном, исцеляя больных и изгоняя демонов благодаря своей Божественной силе, когда дивящийся люд, видя, что творил Христос, говорил: еще никто на Земле не совершал такого! Это было время, когда он имел еще мало сходства с телом Иисуса из Назарета. В течение трех лет совершается путь от этого удивленного созерцания находящихся вокруг почитателей до того момента, когда Христос становится настолько сходным с телом Иисуса из Назарета, что из этого хилого тела Иисуса из Назарета, к сходству с которым он совсем приблизился, он уже не мог ответить на вопросы Пилата, Ирода и Каиафы. Настолько сходным стал он телу Иисуса из Назарета, становившемуся все слабее и слабее, все более и более хилым, что на вопрос: «говорил ли ты, что разрушишь храм и в три дня вновь его воздвигнешь?» — Христос уже не говорил из этого слабого тела, молча стоя перед первосвященником иудеев; он молчал в ответ на вопрос Пилата: «не говорил ли ты, что ты Царь Иудейский?» Это был Страстной путь от Крещения на Иордане до бессилия. И вскоре затем толпа, пораженная прежде сверхземным чудесным силам Христа, стояла вокруг него без удивления, стояла перед крестом, издеваясь над бессилием Бога, который стал человеком:

«Если ты Бог, сойди со креста. Ты помогал другим, помоги теперь самому себе!» Это был Страстной путь, бесконечное страдание Бога, ставшего человеком, к которому присоединилось страдание за человечество, повсеместно ставшее таким, каким оно являлось во время Мистерии Голгофы. И это было временем высокого интеллектуального развития человечества, как было уже указано вчера.

Но переживание этих страданий родило того Духа, который в праздник Пятидесятницы излился на апостолов. Из этих страданий родилась всевершающая Космическая Любовь, опустившаяся при Крещении на Иордане из внеземных небесных сфер в сферу земную, став подобной человеку, подобной человеческому телу, и которая прошла через момент высочайшего Божественного бессилия, чтобы родить тот импульс, который мы знаем затем как импульс Христа в дальнейшей эволюции человечества.

Это факты, которые мы должны принять во внимание, мои дорогие друзья, если мы хотим понять все значение Христова импульса в том смысле, в котором оно должно быть понято для будущего людей, в чем будет нуждаться это будущее людей для продвижения вперед на пути культуры и развития.

Четвертая лекция. Христиания (Осло), 5 октября 1913 г.

Если я вообще приступаю к речи о том, что должно быть сказано в наши дни как о принадлежащем к Пятому Евангелию, то я черпаю своего рода успокоение в словах окончания Евангелия от Иоанна. Вспомним этот конец, где говорится, что Евангелия никак не охватывают всех событий, которые произошли вокруг Христа Иисуса; потому что — так сказано там — если бы хотели записать всё, мир не мог бы предьявить достаточно книг, чтобы все это охватить. Итак, одно не подлежит сомнению, что помимо записанного в книгах могло произойти и многое другое. Чтобы быть понятным во всем, что я хочу дать в этом цикле лекций из области Пятого Евангелия, я хотел бы начать сегодня рассказом о жизни Иисуса из Назарета, начиная приблизительно с того момента, на который мы уже указывали в других случаях, когда сообщались малые частицы из этого Пятого Евангелия.

Итак, я расскажу немного о жизни Иисуса из Назарета,

начиная приблизительно с его двенадцатого года. Это ведь был, как вы знаете, тот год, когда «Я» Заратустры, которое было воплощено в одном из двух мальчиков Иисусов, рожденных в то время, силой мистического акта перешло в другого мальчика, в того мальчика, который в частности описан в начале Евангелия от Луки. Таким образом, мы начинаем наш рассказ с того года жизни Иисуса из Назарета, когда Иисус Евангелия от Луки принял в себя «Я» Заратустры. Мы знаем, что этот момент жизни Иисуса из Назарета отмечен в Евангелии от Луки рассказом о потерявшемся во время путешествия на праздник в Иерусалим мальчике, который был найден затем сидящим в Иерусалиме в храме среди ученых книжников, вызывая удивление мощью своих ответов. Мы знаем, однако, что причина значительности и мощи этих ответов заключалась в том, что в «Я» Заратустры как бы выплывало духовно завуалированное воспоминание души и действовало так, что Иисус из Назарета мог дать тогда все эти изумляющие ответы. Мы знаем также, что обе семьи из-за смерти матери с одной стороны (по линии Натана) и отца (по линии Соломона) с другой соединились вместе, образовав одну семью, и мальчик Иисус, оплодотворенный «Я» Заратустры, рос в этой образовавшейся общей семье.

Но в последующие годы это был, как это можно познать из содержания Пятого Евангелия, совершенно особый рост. Ближайшее окружение молодого Иисуса из Назарета уже получило от него исключительно сильное впечатление благодаря мощи ответов, данных им книжникам в храме. Это ближайшее окружение видело в нем, так сказать, грядущего подрастающего книжника, оно видело в нем того, кто достигнет исключительно высокой, особой ступени учености в писаниях. Большими, необычайными надеждами было преисполнено окружение Иисуса из Назарета. Начали, так сказать, схватывать каждое его слово. Сам же он, однако, становился все более и более молчаливым. Все молчаливее и молчаливее становился он и этим часто бывал в высшей степени несимпатичен своему окружению. Он же боролся в своем внутреннем существе, боролся в мощном поединке, который выпал его внутреннему существу в период приблизительно от 12-го до 18-го года жизни.

В его душе, действительно, как бы всходили заложенные внутренние сокровища мудрости, происходило нечто, как если бы в форме иудейской учености вспыхивало Солнце давнишней мудрости Заратустры.

Сначала, правда, мальчик переживал это так, как если бы он тончайшим образом и с огромнейшим вниманием должен был воспринять всё, что говорили многочисленные книжники, приходившие в дом, и как если бы он благодаря особому духовному дару знал на это особенные ответы. Он изумлял сначала дома, в Назарете, появлявшихся там книжников, дивившихся ему как вундеркинду. Но постепенно, становясь все молчаливее и молчаливее, он только молча внимал тому, что говорили другие. При этом в его собственной душе в эти годы все время светили высокие идеи, возникали изречения морали и, особенно, значительные моральные импульсы. Но и слышимое им в молчании от собиравшихся в доме книжников производило на него некоторое впечатление, но впечатление часто вызывало в его душе горечь, потому что у него было чувство — в эти юные годы, — что в том, что говорили эти книжники о старых традициях, о старых писаниях, собранных в Ветхом Завете, сквозило много неуверенного, что легко подвергалось заблуждению. Его душу особенно печалило, когда он слышал, что в старые времена дух осенял пророков, что, инспирируя, сам Бог говорил к древним пророкам и что теперь от последних поколений инспирация отступила. К одному же он всегда глубоко прислушивался, потому что чувствовал, что это произойдет и с ним. Книжники часто говорили: «Да, тот высокий дух, тот мощный дух, который, например, осенял Илию, больше не говорит; но кто все же еще говорит» — (и кого некоторые из этих ученых книжников думали воспринимать как инспирацию из духовных высот) — «кто-то все же еще говорит, это хотя и более слабый голос, но голос, воспринимая который многие все-таки считают, что дает сам Яхве». Бат-Коль называли этот своеобразный, инспирирующий, хотя и ослабленный голос наития, голос меньшей силы, чем того духа, который инспирировал древних пророков, но всё же представлявший собой еще нечто сходное с ним. Так говорил еще тот или иной в окружении Иисуса о Бат-Коль*.

(* «Бат» — дочь, «коль» — голос; таким образом, дословно «Бат-коль» по-еврейски значит «дочь голоса», то есть в данном случае речь идет о духовном начале косвенного, более слабого порядка. — О.П).

Об этой Бат-Коль кое-что нам передают более поздние еврейские писания. Я ввожу в Пятое Евангелие нечто, что, собственно, сюда не относится, но что должно нам как-то пояснить эту Бат-Коль. Несколько позже между двумя

раввинскими школами возник спор. Известный равви Элизер бен Хиркано отстаивал некое учение и в доказательство (об этом говорит и Талмуд) приводил то, что он может творить чудеса. Равви Элизер бен Хиркано заставил подняться из земли рожковое дерево и приняться, пустив корни в другом месте, на сто локтей дальше; он заставил реку течь в обратном направлении; и, как третье, он ссылался на определенный голос с неба, наставлявший его распространять свое учение. Но в противной раввинской школе равви Иешуа этому всё-таки не верил. Равви Иешуа возражал: «Пусть равви Элизер заставлял пересаживаться рожковые деревья с одного места на другое, пусть также он заставлял течь реки вспять, пусть он ссылается на Бат-Коль... в законе написано, что вечные законы бытия должны быть заложены в устах человека и в сердце человека; и если он, равви Элизер, хочет убедить нас в чем-то, то он не должен ссылаться на Бат-Коль, а должен ссылаться на то, что может постичь сердце человека». Я рассказываю эту историю из Талмуда, чтобы показать, что вскоре после введения христианства в некоторых раввинских школах Бат-Коль уже не придавалось большого значения. Но как инспирирующий голос она всё же еще процветала среди раввинов и книжников.

И в то время, когда юный Иисус всё это слушал и чувствовал, он воспринял в самом себе инспирацию Бат-Коль. Знаменательно было, что Иисус из Назарета благодаря оплодотворению души силой «Я» Заратустры был действительно способен очень быстро схватывать всё, что знали другие вокруг него. Он не только смог на двенадцатом году своей жизни дать мощные ответы ученым книжникам, но смог в собственной груди внять Бат-Коль. И как раз это обстоятельство инспирации Бат-Коль, когда Иисус из Назарета был в возрасте шестнадцати — семнадцати лет, повлияло на него таким образом, что в нем возникла горькая, тяжелая внутренняя душевная борьба. Потому что Бат-Коль открыла ему — и он был убежден в этом наитии, — что в дальнейшем развитии старого течения Ветхого Завета впредь не будет говорить тот же дух, который раньше говорил к древним иудейским учителям. И однажды — и это было ужасно душе Иисуса — ему показалось, что Бат-Коль открывает ему следующее: «Я не достигаю больше высот, где дух действительно может открыть мне истину дальнейшего развития еврейского народа. Это был ужасный момент, ужасное впечатление для души юного Иисуса, когда Бат-Коль

сама открыла ему, что больше он не может продолжать древнейшее откровение, что она сама объявила себя, так сказать, впредь уже непригодной к древнему откровению иудейства. Иисус из Назарета чувствовал, что почва ускользает из-под ног. И это бывали дни, когда он должен был говорить себе: все душевные силы, которыми я думал быть одаренным, приводят меня лишь к тому, чтобы понять, что в субстанции эволюции иудейства нет больше никакой силы, чтобы подняться к откровению Божественного духа.

Перенесем себя на мгновение в его дух, в душу юного Иисуса из Назарета, проходившего через эти испытания. Они выпали на шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый годы жизни юного Иисуса из Назарета — период его странствований, вызванных частично его ремеслом, частично другими причинами. В этих странствованиях он познакомился с различными областями Палестины, а также и с некоторыми местностями вне ее. В то время в области Малой Азии и даже Южной Европы — это можно совершенно точно видеть, ясновидчески проникая в Акаша хронику — распространялся азиатский культ, смешанный с другими различными культами, но представлявший собой культ Митры. В различнейших областях и во многих местах существовали храмы служения Митре. В некоторых местах оно имело сходство со служением Аттису, но в существенном это было служение Митре. Это были храмы, места культуры, где совершались жертвоприношения Митре и Аттису. Это было как бы древнее язычество, по-своему проникнутое обычаями, церемониями служения Митре или Аттису. Насколько оно распространялось также по италийскому полуострову можно судить уже по тому, что собор Петра в Риме воздвигнут там, где некогда было место такого культа. Больше того, приходится еще высказать кощунственную для многих католиков истину: церемониальное служение в соборе Петра и всего, что берет в нем свое начало, по внешней форме во многом схоже с культом древнего жертвоприношения Аттису, на месте которого стоит собор Петра. И во многих отношениях культ в соборе Петра является продолжением древнего культа Митры.

С тем, что происходило в этих культовых местах, знакомился теперь Иисус из Назарета, когда он совершал свои странствования на шестнадцатом, семнадцатом, восемнадцатом году жизни. Он продолжал это и позже. Таким образом, как бы через внешнее, физическое созерцание он знакомился с душой язычников. Мощностъ же

события перехода «Я» Заратустры в его душу в высокой степени и как бы естественным путем развила в нем силу, которую лишь с трудом усваивали себе другие, но которая естественно проявлялась в нем: силу высокого ясновидения. Поэтому в этих культах он переживал многое, чего другие не переживали. Много потрясающего пережил он там. И хотя это и кажется баснословным, все же я должен подчеркнуть, что когда перед некоторыми языческими алтарями жрец совершал культ, Иисус из Назарета ясновидчески созерцал жертвоприношение, и видел как деянием жертвоприношения притягивались различные демонические существа. Он открыл, что некоторые образы и кумиры, которым там поклонялись, не были изображением добрых духовных существ высших Иерархий, а представляли злые демонические силы. Более того, он сделал дальнейшее открытие, что злые демонические силы часто переходили в верующих, в последователей, принимавших участие в таких культовых деяниях. По легко понятным причинам эти вещи не упомянуты в других Евангелиях. И, в сущности, говорить о них возможно только в лоне нашего духовного движения, потому что лишь в наше время душа человека способна нести действительное понимание навстречу этим грандиозным, глубоким, мощным переживаниям, как они разыгрались уже в этом юном Иисусе из Назарета. Эти странствования продолжались вплоть до его двадцати, двадцатидвух-, двадцатичетырехлетнего возраста. Он всегда ощущал горечь в своей душе, когда видел такое действие демонов, как бы порожденных Люцифером и Ариманом, и видел, как язычество дошло до того, что даже принимало демонов за богов; как в изображениях своих кумиров оно давало образы диких демонических сил, которые притягивались этими изображениями, этими культовыми действиями, переходили затем в молящихся людей, делая их одержимыми. Это был горький опыт, через который должен был пройти Иисус из Назарета. И эти испытания подошли к определенному завершению. Иисус из Назарета получил новое, бесконечно тяжелое переживание, которое превзошло то, другое переживание разочарования, вызванное Бат-Коль. Я должен сказать, так как мне надлежит рассказать и об этом переживании Иисуса из Назарета, что сегодня я еще не в состоянии указать, в каком месте его странствования произошло это событие. Я смог в высшей степени правильно расшифровать саму эту сцену. Я не могу только указать сегодня именно то место, где всё происходило. Мне кажется,

что сцена эта произошла в период странствования Иисуса из Назарета вне Палестины. Я не могу этого сказать определенно, сцену же должен описать.

На двадцать четвертом году своей жизни Иисус из Назарета пришел в местность, где приносились жертвы определенному божеству, где было место языческого культа. Вокруг находился лишь печальный народ, обремененный различными ужасными душевными, доходившими до телесности, болезнями. Само место культа было давно покинуто жрецами. Иисус услышал причитания народа: «Жрецы нас покинули, благословения жертв не нисходят больше на нас, и мы стали прокаженными и больными, потому что жрецы нас покинули». Боль жалости к этому народу охватила Иисуса из Назарета. Бесконечная любовь к этим угнетенным вспыхнула в его сердце. Окружавший его народ должен был заметить что-то от ожившей в его душе бесконечной любви; на этот причитавший, покинутый своими жрецами и, как он думал, и своим богом народ это должно было произвести глубокое впечатление. И вот, в сердцах большинства окружавших возникло, хотелось бы сказать как по мановению, нечто, выразившееся в том, что люди, видя на лице Иисуса выражение бесконечной любви, воскликнули: «Ты новый ниспосланный нам жрец!» И они теснили его к жертвенному алтарю, они поставили его на языческий алтарь. Он стоял на языческом алтаре, они же требовали от него, чтобы он совершил жертвоприношение, чтобы благословение Бога снизошло на них.

И здесь, поднятый народом на алтарь жертвоприношений, он упал как мертвый, душа его словно отошла; народ же вокруг, поверивший в возвращение своего бога, увидел ужасное: замертво упавшим того, кого он принял за нового, посланного небом жреца. Восхищенная же душа Иисуса из Назарета чувствовала себя вознесенной, словно в духовные царства, словно в область Солнечного бытия. И теперь услышала она как бы звенящие из сфер Солнечного бытия слова, которые раньше эта душа часто воспринимала от Бат-Коль. Но теперь Бат-Коль была преображена, стала чем-то совершенно иным, голос шел к нему тоже из совершенно иного направления. И то, чему внял теперь Иисус из Назарета, это, переводя на наш язык, можно охватить словами, которые мне дано было сообщить в первый раз, когда мы недавно закладывали Камень Основы нашего здания в Дорнахе.

Существуют оккультные обязательства! И, следуя такому

оккультному обязательству, мне надлежало тогда сообщить, чему внял Иисус из Назарета в те времена силой преображенного голоса Бат-Коль, когда произошло то, что я сейчас рассказал.

Иисус из Назарета внял словам:

Аминь!

Зла вершат,

Свидетели высвобождающегося Я,

В со-возвинности с другими Я - возвинность свою

Переживите в повседневном хлебе,

В котором не вершит воля неба,

Ибо человек расстался с вашим царством

И забыл ваши имена, Вы, отцы на небесах.

Именно так я могу перевести на немецкий язык то, что как преображенный голос Бат-Коль было внято Иисусом из Назарета в те времена. Не иначе, чем так!* Это было то, что вернуло душу Иисуса из Назарета, когда она очнулась от забытия, силой которого она почувствовала себя восхищенной при описанном событии. И когда Иисус из Назарета вновь пришел в себя и обратил свой взор к толпе подавленных и отягченных, поднявших его на алтарь, ее больше не было, она бежала. Когда же он охватил даль своим ясновидческим взором, то встретил лишь стаю демонических существ и демонические силы, связанные с этими людьми.

Это было второе значительное событие, второе значительное завершение, из испытанных Иисусом из Назарета в различные периоды жизни, начиная с двенадцатого года.

*AUM, Amen!

Es walten die Übel,

Zeugen sich lösender Ichheit,

Von andern erschuldete Selbstheitschuld,

Erlebet im täglichen Brote,

In dem nicht waltet der Himmel Wille,

Da der Mensch sich schied von Eurem Reich

Und vergass Euren Namen,

Ihr Väter in den Himmeln.

* (Вместо обычного в немецком языке слова («Verschulden» — провиниться) Рудольф Штейнер создает здесь новое слово, «erschulden». Этим меняется оттенок в переживании понятия вины, вместо оттенка связанности виной проступает оттенок освобождения виной. Понятиями «со-возвин-ность», «возвиненность» здесь делается попытка и по-русски понятие

вины или провинности высвободить из свойственного ему только отрицательного смысла и придать его переживанию оттенок восходящего начала. — О.П).

Да, мои дорогие друзья, события, которые на юного Иисуса из Назарета производили величайшее впечатление, не были такими, которые, так сказать, их собственным добродушием переносят душу в блаженное состояние. С безднами человеческой природы должна была познакомиться эта душа, прежде чем наступило событие на Иордане.

Из этого путешествия Иисус из Назарета вернулся домой. В это время умер его, остававшийся дома, отец, — это произошло приблизительно на двадцать четвертом году жизни Иисуса из Назарета. Придя домой, Иисус нес теперь в своей душе во всей жизненности мощное впечатление от всего демонического, захватившего многое, что жило в древней религии язычников. Но, как это бывает, что определенные ступени высшего познания достигаешь лишь тем, что знакомишься с безднами жизни, так в некотором отношении это было и с Иисусом из Назарета, что, в том месте, местоположение которого я не знаю, приблизительно в возрасте двадцати четырех лет, он достиг того, что так бесконечно глубоко заглянул в души людей, в души, в которых было как бы сосредоточено все душевное бедствие того времени, достиг особенно глубокой мудрости, мудрости, хотя и пронизывающей душу словно раскаленным железом, но и делающей эту душу столь ясновидящей, что она могла провидеть светлые духовные дали. Таким образом, сравнительно молодая душа исполнилась спокойным, проникающим, духовно-читающим взором. Иисус из Назарета стал человеком, который мог глубоко смотреть в тайны жизни, который мог смотреть в тайны жизни так, как до тех пор никто на Земле, потому что до тех пор никто не мог увидеть, до какой степени может дойти человеческое бедствие. Он действительно увидел сконцентрированное бедствие. Сначала он увидел, как через голую ученость можно потерять почву под ногами; затем он пережил, как были утрачены древние инспирации; затем он увидел, как культ и жертвоприношения вместо того, чтобы приводить людей к связи с богами, могут причаровывать всевозможную демоническую силу, делающую людей одержимыми и несущую им душевные и телесные болезни и бедствия разного рода! Действительно, кроме Иисуса из Назарета никто еще на Земле не проник так глубоко взором во всю эту людскую горечь, никто кроме него не пережил в своей душе

всю бесконечную глубину ощущения при созерцании этого, одержимого демонами народа. Действительно, никто еще на Земле не был так подготовлен к вопросу: как же, как же можно остановить распространение этого бедствия на Земле?

Так Иисус из Назарета стал не только одаренным прозорливостью, знанием мудрости, но стал некоторым образом посвященным самой жизнью. Об этом узнали люди, которые соединились в определенный орден, известный миру как орден ессеев. Ессеи лелеяли в определенных местах Палестины некоторый вид тайного служения и тайного учения. Это был строгий орден. Тот, кто хотел вступить в него, должен был минимум год — большей частью дольше — пройти через строгое испытание. Своим поведением, благонравием, служением высочайшим духовным силам, своим чувством справедливости, равенства людей, своим пренебрежением к внешним людским благам и тому подобному он должен был показать, что достоин посвящения. Затем следовали различные степени, через которые человек подымался к такой жизни ессея, которая — в определенном отлучении и обособленности от остального человечества, в строгой монастырской дисциплине и определенных очищающих стремлениях, которыми хотели удалить всё недостойное телесного и душевного порядка, — была способна приблизить его к духовному миру. Это выражается в различных символических законах ордена ессеев. Расшифровывание Акаша хроники показало, что наименование «есей» происходит или, во всяком случае, связано с еврейским словом «ессин» или «ас-син». Оно означает нечто вроде «лопата» или «лопатка», потому что ессеи как знак постоянно носили при себе маленькую лопату, что в некоторых орденах сохранилось и по сей день. Стремление ессеев выражалось также и в определенном символическом поведении: они не должны были носить при себе монет, не должны были проходить через ворота, которые были раскрашены или вблизи которых были какие-нибудь изображения. А так как орден ессеев более или менее был признан в то время также и внешне, то в Иерусалиме были поставлены некрашенные ворота, так что и ессеи могли ходить в город. Когда есей подходил к окрашенным воротам, он неизменно должен был повернуть обратно. В самом ордене существовали древние документы и традиции, о содержании которых члены ордена хранили строгое молчание. Они могли учить, но только тому, чему они научились в пределах ордена. Всякий, вступающий в орден, должен был отдать

ордену свое состояние. Отовсюду приходили люди того времени — орден насчитывал во времена жизни Иисуса из Назарета от четырех до пяти тысяч человек, — посвящавших себя жизни в этих строгих правилах. Они всегда дарили, если где-нибудь далеко — в Малой Азии или еще дальше — владели домом, этот последний ордену ессеев, и орден повсюду получал маленькие владения, дома, сады, даже обширные пашни. Никто не бывал принят, не принесся в дар всего, чем он обладал, а затем это становилось общим достоянием ессеев. Всё принадлежало всем, в отдельности никто не имел владений. По нашим современным понятиям исключительно строгий, но сам по себе понятный закон состоял в том, что есей мог поддерживать добром ордена всех нуждающихся и обремененных, но только не тех, кто принадлежал его собственной семье.

Благодаря такой дарственной отделение ордена было и в Назарете, и тем самым Иисус из Назарета мог видеть орден ессеев в непосредственной близости. Центр ордена получил весть о глубокой мудрости, которая описанным образом погрузилась в душу Иисуса из Назарета. Среди же наиболее значительных ессеев как раз царила определенная душевная настроенность: в них жило ощущение, которое хотелось бы назвать пророческим, что среди людей этого мира должна восстать новая душа, которая будет своего рода мессией. Поэтому они очень чутко относились к возможности появления особенно мудрых душ. И они были глубоко затронуты, получив весть о том, что возникло в душе Иисуса из Назарета. Поэтому нет ничего удивительного, что Иисуса из Назарета, без того, чтобы ему проходить через испытания низших градусов, есеи приняли в свою общину — я не хочу сказать в самый орден — в качестве экстерна, приходящего ученика, и по отношению к этому мудрому молодому человеку самые мудрейшие из ессеев были доверчивы и откровенны в тайнах ордена. И поистине, в этом ордене ессеев Иисус из Назарета услышал гораздо более глубокое о сохранных тайнах, чем от ученых книжников. Многие услышал он и из того, что уже раньше воспринял от Бат-Коль, блеснувшее в его душе как бы просветлением. Короче говоря, между Иисусом из Назарета и есеями возник живой обмен идеями. Общаясь с есеями на своем 25-м, 26-м, 27-м, 28-м году жизни и позже, Иисус из Назарета познакомился почти со всем, что мог дать их орден. Потому что то, что ему не было сказано в словах, являлось к нему в различных ясновидческих впечатлениях. Важные ясновидческие

впечатления получал Иисус из Назарета или же в самой общине ессеев, или же несколько позже дома, в Назарете где в более созерцательной жизни он давал действовать на себя тому, что теснилось в его душе из подступавших к нему сил, о которых не чаяли и ессеи, но которые переживались его душой, как следствие значительных бесед, проходивших с ним в общине ессеев.

Одно из таких переживаний, из внутренних впечатлений следует особенно выдвинуть на передний план, потому что оно может осветить весь духовный путь развития человечества. Это было мощное значительное видение, которое произошло у Иисуса из Назарета в состоянии своего рода внутренней отрешенности, отвлеченности от всего, когда как бы в непосредственной современности ему явился Будда. Да, Будда явился Иисусу из Назарета как следствие обмена идеями с ессеями. И можно сказать, что в то время между Иисусом и Буддой состоялась духовная беседа. В силу моего оккультного долга мне следует сообщить содержание этой духовной беседы, эти значительные тайны эволюции человечества мы должны сегодня затронуть. В духовной беседе Иисус из Назарета воспринял от Будды приблизительно следующее: «Если бы полностью исполнилось мое учение таким, как оно есть, то все люди должны были бы уподобиться ессеям. Но этого не может быть. Это было заблуждением в моем учении. Ессеи могут развиваться дальше лишь потому, что отделяют себя от остального человечества; для них необходимо существование остальных человеческих душ. Исполнением моего учения должны были бы все стать ессеями. Но этого не может быть». — Таково значительное переживание, возникшее у Иисуса из Назарета благодаря общению с ессеями.

Другим переживанием Иисуса из Назарета было его знакомство с одним, тоже молодым, почти одного с ним возраста человеком, который близко подошел, хотя, конечно, и совсем другим образом, чем Иисус из Назарета, к ордену ессеев, но который, тем не менее, не стал вполне ессеем. Это был живущий в общине ессеев, я бы сказал, как брат-мирянин Иоанн Креститель. Внешне походя на ессеев (нося, как и они, зимой одежду из верблюжьей шерсти), он так и не смог полностью заменить для себя учение иудейства учением ессеев. Но так как учение ессеев, вся жизнь ессеев производили на него большое впечатление, то он жил как брат-мирянин жизнью ессеев, принимая от них импульсы и постепенно инспирацию, и мало-помалу пришел к тому, о чем

рассказано об Иоанне Крестителе в Евангелиях. Иисус из Назарета и Иоанн Креститель много беседовали между собой. И однажды — я знаю, что значит так просто рассказывать об этих вещах, но ничто не может меня удержать от этого, потому что, несмотря на всё, я знаю, что об этих вещах должно быть рассказано, — однажды случилось, что во время его беседы с Иоанном Крестителем перед Иисусом из Назарета вместо словно исчезнувшей физической телесности Крестителя предстало видение Илии. Это было второе важное душевное переживание в общине ордена ессеев.

Были еще и другие переживания. Иисус из Назарета давно мог наблюдать нечто особенное, когда он подходил к местам, где были лишенные образов ворота ессеев. Иисус из Назарета не мог пройти через такие ворота, не приобретя при этом опять-таки горького опыта. Он видел эти ворота без внешних образов, но для него на этих воротах были духовные образы: по обеим сторонам ворот ему являлось то, с чем в наших различных духовнонаучных рассматриваниях мы знакомы теперь под именами Аримана и Люцифера. И постепенно в его душе укрепилось переживание, впечатление, что нерасположение ессеев к росписи ворот должно быть как-то связано с причаровыванием этих духовных существ; что образы на воротах являются отображениями Люцифера и Аримана. Неоднократно отмечал Иисус из Назарета, как поднимались такие чувства в его душе.

Кто переживает подобное, тому не до копания в этих вещах, потому что они слишком сильно потрясают. К тому же очень скоро замечаешь, что мышлению человека обосновать их не по силам; мысли не способны проникнуть в эти вещи. Впечатления же не только глубоко проникают в душу, но сами становятся частью душевной жизни. Чувствуешь себя как бы связанным с той частью души, где накапливаются эти переживания, чувствуешь себя как бы связанным с самими переживаниями; эти переживания несешь дальше через жизнь.

Так Иисус из Назарета пронес через жизнь оба образа: Люцифера и Аримана, которые он часто видел на воротах ессеев. Сначала он только осознавал, что между этими двумя духовными существами и ессеями вершит тайна. В связи с этими душевными переживаниями Иисуса из Назарета в душе его возникло нечто, о чем он не мог говорить с ессеями, и это несколько ослабило взаимное понимание. Образы,

пережитые им на воротах ессеев, всегда стояли между ними, и это вызывало некоторую недоговоренность.

Однажды, когда после важного, значительного разговора, в котором было затронуто много высоко духовного, Иисус из Назарета покидал главное здание ессеев, проходя через ворота, он встретил образы, известные ему как Люцифер и Ариман. Он увидел Люцифера и Аримана, обращенных в бегство от ворот обители ессеев. И в душу его погрузился вопрос, не то, чтобы он сам задал этот вопрос, но с глубокой стихийной силой этот вопрос вступил в его душу: «куда бегут они, куда бегут Люцифер и Ариман?» Ибо он знал, что в бегство их обратила святость обители ессеев. Но душой его овладевал вопрос: «куда бегут они?» И вопрос этот он больше не мог удалить из своей души, вопрос этот как огонь пылал в его душе. Все ближайшие недели он ходил, ежечасно, даже ежеминутно переживая этот вопрос; вопрос: «куда бегут Люцифер и Ариман?», который вспыхнул в его душе, когда после духовной беседы он покинул ворота главного здания ессеев. Вопрос: «куда бегут Люцифер и Ариман?» — жег его душу.

Что он совершил дальше под впечатлением этого живущего в его душе вопроса, после того, как он пережил, что древние инспирации были утрачены, религии и культы подпали демонической власти и то, что он воспринял как измененный голос Бат-Коль, когда упал на алтаре языческого культа, и задавался вопросом, что означали слова Бат-Коль, и что именно значит рассказанное мной, когда душа Иисуса из Назарета вопрошала: «куда убегают Люцифер и Ариман?» — об этом, мои дорогие друзья, мы будем говорить завтра.

Пятая лекция Христиания (Осло), 6 октября 1913 г.

Вчера мы могли обратить наш взор к жизни Иисуса из Назарета от его двенадцатого года до конца третьего десятилетия его жизни. Из того, что мне дано было рассказать, вы без сомнения можете ощутить, что для души Иисуса Назарета в этом периоде времени разыгралось много значительного, но и для всей эволюции человечества это получило глубокое значение. Исходя из того основного ощущения, которое вы могли выработать в себе изучая духовную науку, вы знаете, конечно, что в эволюции человечества всё связано между собой и что переживаемое душой этого человека значительное событие, в котором так

много разыгрывается того, что касается интересов всего человечества, имеет для всей эволюции человечества огромное значение. Различнейшим образом знакомимся мы с тем, чем стало событие Голгофы для этой эволюции. Задача данного цикла лекций — приблизиться к нему рассмотрением самой жизни Христа Иисуса. Итак, обратим наш взор, который мы вчера направили к указанному периоду времени, между двенадцатым годом жизни и Крещением на Иордане, еще раз на душу Иисуса из Назарета, на то, что могло жить в этой душе вплоть до ее двадцать восьмого — двадцать девятого года после пережитых ею значительных событий, о которых я говорил вчера.

Что жило в этой душе, об этом, может быть, можно получить некоторое ощущение, некоторое чувство, если рассказать об одной сцене, которая произошла к тридцати годам жизни Иисуса из Назарета. Сцена, о которой мне надлежит здесь рассказать, касается разговора, который Иисус из Назарета вел со своей матерью, с той, которая благодаря соединению обеих семей на долгие года стала его матерью. Все эти годы между ним и его матерью господствовало очень хорошее и сердечное отношение, много лучше, чем оно было с другими членами семьи, живущими в доме; хотя он и нес им навстречу участие и понимание, они не могли как следует его понять. Уже раньше в беседах между ним и его матерью было затронуто многое из тех впечатлений, которые постепенно отложились в его душе. Теперь же произошел поистине значительный разговор, который позволяет нам глубоко заглянуть в его душу.

Благодаря описанным вчера переживаниям он, конечно, понемногу достиг большой мудрости; бесконечная мудрость напечатлелась чертам его лица. Но одновременно — как это, хотя и в меньшей степени, но часто бывает, он пришел к переживанию определенной внутренней печали. Мудрость принесла ему сначала те плоды, что обращаемый им на окружающих людей взор огорчал его. К этому присоединилось то, что, приближаясь к тридцатым годам жизни, в спокойные часы он все более и более был охвачен думами об одном событии; вновь и вновь он возвращался к своему двенадцатому году жизни, когда его душа пережила столь значительный внутренний взлет, переворот, который наступил благодаря переходу в его душу «Я» Заратустры. Когда душа Заратустры только вступила в его собственную, то первое время он чувствовал в себе как бы бесконечное богатство этой души Заратустры. К тридцатым годам он еще

не знал, что он вновь воплощенный Заратустра, но он знал, что на двенадцатом году его душа пережила большое преобразование. И часто теперь у него бывало чувство: «Ах, насколько все было иначе до этого события на моем двенадцатом году жизни!» Часто он должен был думать о том, как бесконечно тепло было тогда его внутреннему существу. Мальчиком он жил совсем отвлеченно от мира; мальчиком он имел живое ощущение по отношению ко всему, что говорит из природы, ко всему великому в природе. Но у него было мало задатков к усвоению человеческой мудрости, человеческого знания. Он мало интересовался тем, что изучалось книжной мудростью.

Было бы полным заблуждением думать, что этот мальчик Иисус до своего двенадцатого года был особенно одарен внешними способностями. Он обладал сердечной мягкостью, глубоким пониманием всего человеческого, глубокой впечатлительностью чувств и всей душевности, был ангелообразным, кротким существом, чуждавшимся всего, что в течение веков накапливалось людьми как знание. Затем, в одно мгновение после события в храме в Иерусалиме, когда ему было двенадцать лет, словно бурей все это было унесено из его души и туда устремилась великая мудрость! Часто теперь должен был он думать и ощущать, как до своего двенадцатого года он был связан со всем глубоким духом мира, как открыта была его душа глубинам бесконечных далей; и как он жил затем, после своего двенадцатого года, как нашел тогда свою душу способной к своего рода восприятию еврейской учености, которая, впрочем, пришла совершенно самобытно, словно из самой себя, как глубоко был он потрясен тем, что Бат-Коль более уже не может инспирировать по-старому; как, путешествуя, он познакомился затем с языческими культами, как прошли через его душу все знание и религиозность язычества, как между 18-м и 24-м годами жизни он жил также и в том, что достигло и воздвигло человечество внешне, и как затем, приблизительно около двадцати четырех лет, он вошел в общину ессеев и познакомился там с тайным учением и людьми, отдавшимися этому тайному учению. Он должен был часто думать об этом. Но он знал также, что, в сущности, в его душе вошло лишь то, что еще из времен седой древности накопилось в людях; он жил в том, что предоставляли ему сокровища людей в мудрости, сокровища людей в культуре, сокровища людей в моральных достижениях. Он чувствовал, что только со своего двенадцатого года он вживался в

человеческое на Земле. Часто мысленно он возвращался к тому, каким он был до своего двенадцатого года, когда он чувствовал себя словно связанным с первоосновами Божественного бытия, когда все в нем было стихийно и первопричинно, когда все исходило из его бьющей через край горячей, любящей душевности и проникновенно соединялось с другими человеческими душами. И в то же время сейчас он был молчалив и одинок.

Эти чувства привели к тому, что между ним и его матерью произошел вполне определенный разговор. Мать любила его безгранично и часто говорила с ним о всем прекрасном и великом, что проявилось в нем с двенадцатого года жизни. Между ними установились проникновенные, благородные, прекрасные отношения. О своём внутреннем разладе до сих пор он умалчивал перед матерью, так что она видела лишь прекрасное и великое. Она видела, что он становился все мудрее и мудрее, и всё глубже проникал в ход эволюции человечества. Поэтому состоявшаяся в этом разговоре своего рода всеобъемлющая исповедь открыла ей много нового, но она приняла это с проникновенной и теплой сердечностью. В ней жило искреннее понимание его опечаленности, настроенности его чувства, того, что он томился по своему прошлому, которое нес в себе до двенадцатого года жизни. Поэтому она старалась его утешить и поддержать, обращая внимание прежде всего на то, что с такой красотой и величием выступило в нем с тех пор. Она напонила ему об обновлении великих учений и изречений мудрости и сокровищ закона иудейства. Она говорила обо всем, что совершилось благодаря ему. С тяжелым сердцем слушал он свою мать, говорящую таким образом, ценящую то, что он чувствовал как преодоленное. И он возразил: «Пусть это и так. Мной или кем-нибудь другим могли бы быть обновлены все эти древние, прекрасные сокровища мудрости иудейства, какое значение имело бы это для человечества? Выступающее в таком виде, в сущности, не имеет никакого значения. Если бы нас окружало сегодня человечество, еще* обладающее слухом, чтобы внимать древним пророкам, то такому человечеству послужило бы на пользу, если бы могли быть обновлены сокровища мудрости древних пророков. Но сегодня,» — так говорил Иисус из Назарета, — «даже если бы пришел Илия и захотел возвестить современному человечеству лучшее, что он принес из небесных далей, то ведь нет людей, которые имели бы уши внять мудрости Илии или более древних пророков, Моисея и вплоть до Авраама.

Все, что возвещали эти пророки, невозможно было бы возвестить сегодня. Их слова были бы брошены на ветер! В этом смысле для современности ничтожно все, что содержится в моей душе».

Так говорил Иисус из Назарета и указал, как еще недавно заглохли, в сущности, слова великого учителя. «Ибо,» — говорил он, — «если это и не был учитель, достигающий по силе древних пророков, тем не менее, это все же был глубокий, значительный учитель: добрый старый Гиллель*.

(*75-й год до Р.Х. — 4-й год после Р.Х.- О.П).

Иисус знал точно, кем по своему значению являлся этот старый Гиллель для многих в иудействе, несмотря на времена Ирода, когда трудно было заслужить уважение. Он был человеком, обладавшим в своей душе сокровищами великой мудрости. И Иисус знал, насколько проникновенны были слова старого Гиллеля, как входили они в сердца и души людей. Не зря говорилось о старом Гиллеле: Тора, свод древнейших значительных законов иудейства, исчезла в иудейском народе, но Гиллель ее восстановил. Обновителем первоначальной иудейской мудрости был Гиллель для тех своих современников, которые его понимали. Гиллель был учителем, который странствовал как один из учителей истинной мудрости. Как своего рода новый мессия бродил он в иудейском народе. Кротость была основной чертой его характера. Обо всем этом говорит и Талмуд, и это можно проверить внешним изучением. Люди не могли нахвалить Гиллеля и рассказывали много хорошего о нем. Чтобы указать, в каком духе говорил Иисус из Назарета своей матери о Гиллеле, чтобы набросать его душевную настроенность, я приведу лишь отдельный случай.

Гиллель описывается как человек кроткого, мягкого характера, с огромной, благодаря мягкости и любви, внутренней силой. Сохранилось глубокое по своей значительности сказание, показывающее насколько терпеливым человеком, идущим навстречу всякому, был Гиллель. Однажды два человека поспорили о том, возможно ли разгневать Гиллеля; было известно, что Гиллель вообще не может сердиться, и вот двое побились об заклад и один из них сказал: «Я сделаю все, чтобы все-таки заставить Гиллеля гневаться!» Он хотел выиграть свое пари. Как раз когда Гиллель был особенно занят подготовкой к субботе, когда у него было особенно много дел, в этот момент человек, побившийся об заклад, постучал в дверь к Гиллелю и не то чтобы в вежливом тоне или с подобающим обращением

(Гиллель же был начальствующим над высшими духовными чиновниками и привык к вежливому обращению), а просто закричал: «Гиллель, выйди, выйди скорее!» Гиллель накинул на плечи плащ и вышел наружу. Человек же сказал резким тоном, без должного почтения: «Мне нужно что-то тебя спросить». — «Что же, дорогой мой, ты хочешь спросить?» — приветливо ответил Гиллель. «Я хочу тебя спросить, почему у вавилонян такие тонкие головы?» И самым кротким образом ответил Гиллель: «Дорогой мой, у вавилонян такие тонкие головы по неловкости их повивальных бабок». На этом ушел человек, Гиллель же остался невозмутимым. Через несколько минут этот же человек вернулся и резко вызвал Гиллеля: «Гиллель, выйди, мне надо тебя что-то спросить!» Гиллель накинул свой плащ, вышел и спросил: «Ну, дорогой мой, что же ты хочешь еще спросить?» — «Я хочу тебя спросить, почему у арабов такие маленькие глаза?» Гиллель ответил кротко: «Потому что пустыня так велика, что делает их глаза маленькими; при созерцании великой пустыни глаза становятся маленькими». Здесь побившемуся об заклад человеку стало не по себе. Гиллель опять вернулся к своей работе. Но, появившись через несколько минут опять, человек в третий раз закричал суровым голосом: «Гиллель, выйди, мне надо что-то тебя спросить!» Гиллель надел свой плащ, вышел и спросил кротко: «Что же ты хочешь теперь спросить меня?» «Я хочу спросить тебя, почему у египтян такие плоские ноги?» «Потому что там много болотистых местностей, вот у египтян и плоские ноги», — ответил Гиллель и вернулся к себе. Через несколько минут человек пришел опять и сказал Гиллелю, что больше он ничего не хочет у него спрашивать; что он побился об заклад привести его в гнев, но не знает, как можно это сделать. И опять кротко ответил Гиллель: «Дорогой мой, лучше, если ты проиграешь свой заклад, чем, если Гиллель поддастся гневу».

Легенда эта рассказывает, чтобы засвидетельствовать терпение Гиллеля, терпение со всяким, кто его мучил. «Такой человек», — говорил Иисус из Назарета своей матери, — «во многих отношениях похож на древнего пророка. Разве мы не знаем много изречений Гиллеля, которые звучат как обновленные древние пророчества?» Он привел несколько прекрасных изречений Гиллеля и добавил: «Смотри, дорогая мать, о Гиллеле говорится, что он словно вновь восставший древний пророк. У меня же есть особой интерес к нему, ибо странным образом брезжит в моей душе нечто, что связывает меня с Гиллелем. Брезжит так же и то, что мои знания и то,

что живет во мне как великое откровение духовного, как мне сдается, берет начало не только в иудействе». И то же самое происходило с Гиллелем. Он был рожден в Вавилонии и лишь позже перебрался к иудеям. Но он происходил из рода Давидова, с давнейших пор был в родстве с родом Давида, от которого происходили сам Иисус из Назарета и его близкие. Иисус говорил: «Если бы я мог говорить подобно Гиллелю, как сын из рода Давида, о высоких откровениях, которые как просветление излились на мою душу, и эти высокие откровения были теми же самыми, что давались в древние времена иудейскому народу, но сегодня нет ушей, чтобы их слушать!»

Его душа глубоко прониклась болью и страданием о том, что когда-то еврейскому народу давались величайшие истины мира, некогда тела людей этого народа были таковы, что они могли понимать эти откровения, но теперь настали другие времена, тела еврейского народа стали другими, и они уже не могли внимать древним откровениям праотцов.

Для Иисуса это стало глубоко ранившим, болезненным событием, вынудившим его сказать: «Некогда понимали, чему учили пророки. Еврейский народ понимал язык богов. Сегодня нет людей, которые внимали бы этому, сегодня такие слова больше неуместны. Сегодня им больше нет места на Земле. Имеющих уши, чтобы слушать, их больше нет!» Ничтожно и бесполезно все, что можно сказать таким образом. И как бы суммируя то, что он хотел сказать в этом направлении, Иисус из Назарета говорил своей матери: «Это откровение древнего иудейства невозможно теперь для Земли, потому что старых иудеев, внимающих ему, больше нет. На это надо смотреть как на нечто, потерявшее теперь на нашей Земле свою цену».

Удивительно спокойно внимала его мать тому, как он говорил о ничтожности самого для нее святого. Но она проникновенно любила его и чувствовала только свою бесконечную любовь. Поэтому в исполненном глубокого чувства понимании вливалось в ее душу то, что он говорил. Он же продолжал говорить и пришел к повествованию о том, как странствовал по местам языческих культов и что он там пережил. В его душе забрезжило его падение на языческом алтаре и как он внял преображенной Бат-Коль. И здесь в нем блеснуло нечто, как воспоминание древнего учения Заратустры. Он еще не знал точно, что он нес в себе душу Заратустры, но древнее учение Заратустры, мудрость Заратустры, импульс Заратустры взошли в нем во время

разговора. И, сообщая со своей матерью, он пережил этот великий импульс Заратустры. Все прекрасное и великое древнего солнечного учения поднялось в его душе. Он вспомнил и поведал своей матери слова преображенной Бат-Коль:

Аминь!

Зла вершат,
Свидетели высвобождающегося Я,
В со-возвинности с другими своесамости долг
Переживите в повседневном хлебе,
В котором не вершит воля неба,
Ибо человек расстался с вашим царством
И забыл ваши имена, Вы, отцы на небесах.

С ними ожило в его душе все величие служения Митры и как бы силой внутренней гениальности предстало пред ним. Много говорил он со своей матерью о величии и славе древнего язычества. Много говорил о том, что жило в древних народных мистериях, как многое влилось в служение Митры из мистериальных служений Малой Азии и юга Европы. Но определенное ужасное ощущение оставалось в его душе: ощущение того, как мало-помалу это служение изменялось, пока не подпало демоническим силам, которые он сам пережил приблизительно на двадцать четвертом году жизни. Перед ним прошло все, что он пережил тогда. Но теперь и древнее учение Заратустры предстало как нечто, к чему современные люди не были восприимчивы. И он высказал второе значительное положение: «Если заново соединить все древние мистерии и культы, и в них влилось бы все, что некогда было великим в мистериях язычества, то людей для восприятия этого больше не существует! Все это тщетно. И если бы я выступил и возвестил людям то, что услышал от преображенной Бат-Коль, если бы я возвестил тайну, почему теперь люди в их физической жизни не могут более приобщаться мистериям, или если бы я сообщил древнюю солнечную мудрость Заратустры, то людей, которые поняли бы это, сегодня не существует. Всё это обратилось бы теперь в людях в сущность демонического характера. И если бы я это все-таки возвещал, не нашлось бы ушей, способных услышать. Люди утратили способность внимать тому, то некогда сообщалось и было услышано».

Иисус из Назарета знал теперь, что услышанное им тогда как измененный голос Бат-Коль, воззавшей к нему словами: «Аминь, зла вершат», было древнейшим святым учением, было молитвой, господствовавшей повсюду в

мистериях, которую молились в местах мистерий, но которая сегодня забылась. Он знал теперь, что ему было дано указание на древнюю мистериальную мудрость, которая пришла через него, когда он упал на языческом алтаре. Одновременно он видел (и так же высказал в этом разговоре), что теперь нет возможности привести это к пониманию.

Продолжая беседовать с матерью, он заговорил о том, что принял в свое существо, находясь в кругу ессеев. Он говорил о красоте, величии и славе учения ессеев, упомянул их большую мягкость и кротость. И затем он высказал третье важное положение, которое открылось ему во время сверхчувственной беседы с Буддой: «Все люди ведь не могут стать ессеями!» Как все же был прав Гиллель в своих словах: «Не отделяйся от общины людей, но живи и действуй в ней. Неси свою любовь своим ближним.

Ибо, если я один, что я тогда?» Но как поступают ессеи: они отделяются от людей, удаляясь к себе своим образом жизни, оставляя несчастья всем остальным людям. Ибо люди должны стать несчастными, если ессеи отделились от них. И здесь, открывая матери переживание, о котором я говорил вчера, он произнес значительные слова: «Когда однажды после интимного, важного разговора с ессеями я выходил от них, то увидел убегавших от их ворот Люцифера и Аримана. С этого времени, дорогая мать, я знаю, что своим образом жизни, своим тайным ученьем ессеи защищают себя так, что Люцифер и Ариман принуждены бежать от их ворот. Но, чтобы самим стать счастливыми, они шлют Люцифера и Аримана к другим людям! Ессеи становятся счастливыми в своих душах ценою благополучия других людей. Они становятся счастливыми, поскольку сами спаслись от Люцифера и Аримана!» Благодаря жизни среди ессеев он теперь осознал: «Да, ещё есть возможность подняться туда, где можно соединиться с Божественно-духовным, но этого смогут достичь лишь единицы за счет счастья огромного числа людей». Он осознавал сейчас: «Ни иудейство, ни язычество, ни путь ессеев не привели все человечество к связи с Божественно - духовным миром».

Это были слова, которые с невероятной силой поразили любящую душу матери. Во время этой беседы Иисус почувствовал себя единым с ней, они стали единым целым. Вся его душа, все «Я» Иисуса из Назарета содержались в этих словах. И здесь я могу указать на одну тайну, которая произошла перед Крещением Иоанном во время этого разговора Иисуса с матерью. Иисус из Назарета

почувствовал, как благодаря этому разговору нечто, что он нес в себе, ушло от него к матери. Не только через слова покидало это всё его душу, но поскольку он так проникновенно чувствовал себя единым с нею с двенадцати лет, то вместе с его словами к ней переходила вся его сущность, и он как бы выходил из своего «Я», как будто «Я» покидало его. А его мать приобретала новое «Я», погружавшееся в её душу. Она становилась новой личностью. И исследуя, пытаюсь установить то, что тогда произошло, приходят к этому обстоятельству.

Вся ужасная боль, ужасное страдание Иисуса, покинувшие душу Иисуса, излились в душу его матери и она почувствовала себя одним целым с ним. Иисус же чувствовал, как всё, что жило в нем с двенадцати лет, как бы покидало его во время этого разговора. Чем больше он говорил, чем больше слушала мать, тем больше преисполнялась мать всей той мудростью, которая жила в нем, начиная с его двенадцатого года. И все события, которые жили в нём, начиная с двенадцати лет, оживали теперь в душе его любящей матери! У него же самого они как бы исчезли. Он словно вложил в сердце матери то, чем он жил и что он пережил с двенадцати лет. Благодаря этому, душа его матери преобразилась.

Словно преображенным после этого разговора стал и он; настолько преображенным, что его сводные братья и другие родственники из его окружения подумал, что он потерял рассудок. «Как жаль», — говорили они, «он так много знал; правда, он всегда был молчалив, но теперь он совершенно невменяем. Он совершенно потерял рассудок!» На него смотрели как на потерянного. Действительно, он днями ходил по дому как в полусне. «Я» Заратустры находилось как раз на грани того, чтобы покинуть тело Иисуса из Назарета. И так возникло его последнее решение: словно машинально он покинул дом и направился к знакомому уже ему Иоанну Крестителю, чтобы принять Крещение от него.

И тут наступило то событие, которое я уже часто описывал как Иоанново Крещение в Иордане. Существо Христа спустилось в его тело.

Такие процессы разыгрались тогда. Иисуса пронзила сущность Христа. Этим разговором со своей матерью «Я» Заратустры было отвлечено. Осталось то, чем он был до двенадцати лет своей жизни, но лишь выросшим, повзрослевшим. В это тело, которое несло сейчас в себе бесконечную глубину души, чувство открытости бесконечным

мирам, низошло существо Христа при Крещении на Иордане. Иисус был пронизан Христом; его мать получила новое «Я», которое низошло в неё; она стала новой личностью.

Духоиспытателю представляется следующее. В тот миг, когда совершилось Крещение на Иордане, также и мать почувствовала завершение своего преобразования. Она почувствовала себя — ей было тогда сорок пять, сорок шесть лет — как бы пронизанной душой той матери, которая была матерью мальчика Иисуса, принявшего в себя на своем двенадцатом году «Я» Заратустры, и которая умерла. Как существо Христа снизошло на Иисуса из Назарета, так снизошел и дух другой матери, душа которой на некоторое время задержалась в духовном мире, на приёмную мать, с которой у Иисуса состоялся этот разговор. Она почувствовала себя как та молодая мать, которая некогда родила мальчика Иисуса, описанного в Евангелии от Луки.

Представим себе надлежащим образом бесконечную значительность этого события! Постараемся почувствовать это, но почувствовать и то, что теперь на Земле жило особенное существо: существо Христа в человеческом теле, существо, которое до этого еще никогда не жило в человеческом теле, которое до сих пор пребывало только в духовных царствах, которое не имело за собой земных жизней, которое знало духовные миры, но не мир Земли! Земное оно встретило только в том, что было как бы запасено тремя телами Иисуса из Назарета: физическим телом, эфирным телом и телом астральным. Оно снизошло в эти три тела, какими они стали под влиянием тридцатилетней жизни, которую я описал. Свежо, непредвзято переживало поэтому существо Христа то, что в настоящий момент оно переживало на Земле.

Сначала это существо Христа погрузилось в одиночество. Это нам показывают Акаша хроника и Пятое Евангелие. Иисус из Назарета, в теле которого была теперь индивидуальность Христа, оставил в теле все, что его связывало прежде с остальным миром. Христос только что спустился на Землю. Его сущность притягивалась в настоящий момент к тому, что, благодаря телесным впечатлениям, которые как бы остались в памяти, сильнее всего отпечаталось в астральном теле. Христос словно сказал себе: «Да, это то тело, которое пережило бегущих Аримана и Люцифера, которое почувствовало, что своими стремлениями ессеи отталкивают Аримана и Люцифера к другим людям». К ним, к Ариману и Люциферу, чувствовал Христос

притяжение, ибо говорил себе: «Это те духовные существа, с которыми надлежит бороться людям». Сначала это привело существо Христа, в первый раз обитающего в человеческом теле, в земном теле, к борьбе с Люцифером и Ариманом в одиночестве пустыни. Я думаю, что сцена искушения, как я теперь её расскажу, в значительной степени точная. Но такие вещи очень трудно поддаются наблюдению в Акаша хронике. Поэтому я настойчиво подчеркиваю, что то или иное может незначительно видоизмениться при дальнейшем оккультном исследовании. Но существенное верно, и это существенное я сообщаю вам. Сцена искушения описана различными Евангелиями, но они освещают её с различных сторон. На это я часто указывал. Я пытался исследовать сцену искушения и хотел бы непредвзято рассказать, что произошло в действительности.

Существо Христа в теле Иисуса из Назарета, удалившись в одиночестве в пустыню, встретило сначала Люцифера, Люцифера, каким он вершит и действует, каким он подступает, искушая, к людям, когда они переоценивают самих себя, имеют слишком мало смирения и самопознания. Ввести в фальшь высокомерия, подвести людей к гордыне, к самовозвеличиванию: вот чем искушает Люцифер! Теперь Люцифер выступил навстречу Христу Иисусу и сказал ему приблизительно те слова, которые находятся также и в других Евангелиях: «Взгляни на меня! Другие царства, в которые переселен человек, которые основаны другими богами и духами, — они стары. Я хочу основать новое царство; я высвободил себя из мирового порядка; я дам тебе все, что как прекрасное и великолепное существует в древних царствах, если ты войдешь в мое царство; но ты должен отойти от других богов и признать меня!» И Люцифер описал красоту и великолепие люциферического мира, все, что должно было бы увлечь человеческую душу, если в ней осталось хоть немного гордыни. Но существо Христа пришло из духовных миров, Христос знал, кем является Люцифер и как должна вести себя душа, которая не хочет быть соблазнена им на Земле. Он не был затронут люциферическим искушением, он знал, как надо служить богам и он, Христос, был силен настолько, чтобы отстранить Люцифера.

Тогда Люцифер произвел вторую атаку, призвав на помощь Аримана, и они уже оба обратились ко Христу. Один, Люцифер, хотел возбудить в нем высокомерие, второй, Ариман, обратился к его чувству страха. Поэтому один

сказал: «Если ты признаешь меня, то силой моей духовности, силой того, что я могу тебе дать, ты сможешь обойтись без того, в чем ты нуждаешься теперь, когда как Христос ты вошел в человеческое тело. Это физическое тело подчиняет тебя себе; ты обязан признать законы тяжести. Оно препятствует тебе преодолеть закон тяжести, но я могу поднять тебя над законами тяжести. Если ты меня признаешь, я сниму последствия падения, и с тобой ничего не случится! Бросайся вниз с зубца стены! Ибо написано: «Я ангелам предпишу, чтобы они оберегали тебя, чтобы ногою своею ты не преткнулся о камень». Ариман, думая воздействовать на его страх, сказал: «Я охраню тебя от страха! Бросайся вниз!»

И оба наступали на него. Но так как в своём обоюдном напоре они как бы уравнивали друг друга, он мог спастись от них. Он нашел силу, которую человек должен найти на Земле: подняться над Люцифером и Ариманом.

Тогда Ариман сказал: «Люцифер, ты мне не нужен, ты только мешаешь мне, ты не увеличил мои силы, а уменьшил их, я буду искушать его один. Ты только препятствовал тому, чтобы эта душа подпала нам». Здесь Ариман удалил Люцифера и произвел последнюю атаку уже самостоятельно, сказав то, что отмечено в Евангелии от Матфея: «Преврати минеральное в хлеб, преврати камни в хлеб, если ты хочешь прославиться Божественной силой!» — Тогда Христос ответил: «Не одним хлебом живут люди, но тем, что как духовное идет из духовных миров». Это особенно хорошо знал Христос, потому что он только что спустился с духовных высот. На это Ариман ответил: «Ты прав, конечно. Но, то, что ты прав и поскольку ты прав, это, в сущности, не мешает мне по-своему держать тебя в руках. Ты знаешь только то, на что способен дух, нисходящий с высот, но ты еще не был в людском мире. Там внизу, в людском мире эти люди живут совсем иначе, они поистине нуждаются в претворении камней в хлеб, им совершенно невозможно питаться только духом».

Это был момент, когда Ариман сказал Христу нечто, что можно было знать на Земле, но чего не мог еще знать Бог, который только что ступил на Землю. Он не знал, что там внизу необходимо было превращать минерал, металл в деньги, чтобы у людей был хлеб. Здесь Ариман сказал, что люди внизу вынуждены питаться при помощи денег. Это был пункт, где Ариман еще сохранил власть. «И этой властью», — сказал Ариман, — «я еще воспользуюсь!»

Это верное описание сцены искушения. При искушении не всё было решено, остался некоторый неразрешенный остаток. Вопросы были разрешены не окончательно; пожалуй, оказались разрешены вопросы в связи с Люцифером, но не в связи с Ариманом. Для этого было необходимо еще нечто иное.

Покинув уединение, Христос Иисус почувствовал себя вышедшим за пределы того, что он пережил и чему научился, начиная со своего двенадцатого года жизни; он чувствовал, что дух Христа связан с тем, что жило в нем до двенадцати лет. Собственно, он больше не чувствовал себя связанным со всем, что состарилось и иссохло в человечестве. Даже язык, на котором говорило его окружение, стал ему безразличен и сначала он молчал. Он скитался в окрестностях Назарета, а также и дальше, посещая многие места, с которыми он соприкоснулся еще будучи Иисусом из Назарета. Здесь предстает нечто в высшей степени своеобразное. Я очень прошу принять во внимание, что я излагаю события из Пятого Евангелия и было бы нелепо, если бы кто-нибудь сразу стал выискивать противоречия с остальными четырьмя Евангелиями. Я излагаю вещи, как они представлены Пятым Евангелием.

Безмолвно, словно не имея ничего общего с окружением, странствовал сначала Христос Иисус от пристанища к пристанищу, повсюду работая у людей и с людьми. В его переживании глубоко запечатлелись слова Аримана о хлебе. Он повсюду встречал людей, которые его уже знали, у которых он работал раньше. Люди узнавали его, и в них он действительно встречал народ, тех, к кому должен был иметь доступ Ариман, потому что они нуждались в претворении камней в хлеб или, что то же самое, в превращении денег, металла в хлеб. Ему не надо было навещать тех, кто придерживался моральных указаний Гиллея или других, они не нуждались в нем. Он ходил к тем, кого другие Евангелия называют мытарями и грешниками, потому что это были люди, которым приходилось превращать камни в хлеб. Среди них он и проводил главным образом время.

И теперь наступило нечто своеобразное: многие из этих людей знали его еще до его тридцатого года, он уже бывал у них один, два или три раза, будучи еще Иисусом из Назарета. Уже тогда, когда он появлялся еще как Иисус из Назарета, они узнали его мягкое, милое, мудрое существо. Ибо та большая боль, то глубокое страдание, которое он пережил со времени своего двенадцатилетия, впоследствии

преобразовались в чудесную силу любви, которая устремлялась в каждое слово так, как если бы в его словах вершила ещё таинственная сила, изливаясь на окружающих. Куда бы он ни пришел, повсюду встречал он глубокую любовь, в каждом доме, в каждом приюте. Эта любовь оставалась, когда он снова покидал их и следовал дальше.

Много говорилось в этих домах о славном человеке, Иисусе из Назарета, который посещал, странствуя, эти места. И как бы силой космической закономерности происходило следующее (я излагаю часто повторяемые сцены, которые может нам показать ясновидческое исследование). Отдельные семьи, у которых работал Иисус из Назарета, собираясь после работы, после захода солнца, сидели вместе (как это происходит сейчас) и охотно беседовали о славном человеке, который бывал у них, об Иисусе из Назарета. Много говорили они о его любви и мягкости, о тех хороших, теплых ощущениях, которыми исполнялись их души, когда этот человек жил под их кровлей. И в некоторых домах, когда они так часами говорили, ко всем членам семьи нисходило общее видение, которое как облик этого Иисуса из Назарета вступало в жилище. Это было последствием той любви, что устремлялась к ним. Да, он посещал их в духе, или также они творили себе его духовный образ.

Вы можете себе представить, как переживалось в таких семьях, когда он являлся им в общем видении, и что значило для них, когда теперь он вновь пришёл после Иоаннова крещения на Иордане и они узнали его внешность, и лишь его глаза стали больше светиться! Они увидели просветленный лик, который некогда так любовно обращался к ним, увидели человека, которого они видели в духе сидящим с ними. Мы без труда можем себе представить, что нечто чрезвычайное происходило в таких семьях, происходило среди грешников и мытарей, которые в силу их кармы были окружены всеми демоническими существами того времени! Можно представить как эти люди — больные, обремененные, одержимые — ощущали это возвращение!

Теперь сказывалось измененное естество Иисуса; именно эти люди могли почувствовать изменение, произошедшее с Иисусом из Назарета благодаря вживанию в него Христа. Прежде они ощущали его любовь, доброту и мягкость, теперь же от него исходила волшебная сила! Раньше они чувствовали себя только утешенными, теперь же они чувствовали себя исцеленными. Они шли к соседям и приводили их, если последние бывали также угнетены и

измучены демоническими властями. Так произошло, что после победы над Люцифером, неся в себе еще жало Аримана, Христос Иисус мог воздействовать на людей, которые находились под владычеством Аримана, и это названо в писаниях изгнанием демонов и исцелением больных. Многие из тех демонов, которых он видел, когда как мертвый лежал на жертвенном алтаре, многие из этих демонов отступали теперь от людей, когда он как Христос предстал перед людьми. Ибо как Люцифер и Ариман видели в нем своего противника, так и демоны видели в нем своего противника. И проходя, таким образом, по местности, видя в душах людей образ действий демонов, очень часто вспоминал он, как лежал там, на древнем жертвенном алтаре, где вместо богов обитали демоны и где он не мог совершить священнодействия. Он вспоминал Бат-Коль, возвестившую ему древнюю молитву мистерий, о которой я вам говорил, и особенно приходила ему на ум средняя строка этой молитвы: «Переживите в повседневном хлебе». Теперь он это видел. Люди, к которым он заходил, должны были превращать камни в хлеб. Он видел, что среди людей, с которыми он был теперь, многие должны были жить только одним хлебом. И слова из этой древнейшей языческой молитвы: «Переживите в повседневном хлебе» — глубоко погрузились в его душу. Он чувствовал полное внедрение человека в физический мир. Он чувствовал, что эта необходимость привела в человеческой эволюции к тому, что силой этого физического внедрения люди смогли забыть имена отцов на небесах, имена духов высших Иерархий. Он чувствовал, что больше не было людей, которые могли слышать голоса древних пророков и весть мудрости Заратустры. Теперь он знал, что этой жизнью в повседневном хлебе люди отделены от неба, загнаны в эгоизм и подвластны Ариману. Когда он странствовал с такими мыслями по краю, происходило так, что наиболее глубоко чувствующие происшедшее преобразование Иисуса из Назарета, становились его учениками и следовали за ним. Из различных хижин брал он того или иного, который теперь следовал за ним, следовал, потому что в нем в высочайшей степени жило описанное мною ощущение. Так случилось, что вскоре собралась уже группа таких учеников. Возник круг людей, которые в своей основной душевной настроенности являлись новыми, которые благодаря ему стали иными, чем те люди, о которых недавно он должен был сказать своей матери, что они не способны больше услышать древнюю

мудрость. И теперь ему блеснул свет земного опыта Бога: «Не о том надлежит мне говорить людям, как прокладывали боги путь из духа вниз на Землю, а о том, как людям найти путь от Земли наверх к Духу».

Опять вспомнил он голос Бат-Коль... он же знал, что следует обновить древнейшие формулы и молитвы; он знал, что теперь человек должен искать путь в духовные миры снизу вверх, чтобы через свою молитву найти Божественного духа. Он взял последнюю строку древней молитвы:

«Вы, отцы на небесах»

и обратил последнюю строку молитвы в более подходящую для людей нового времени и отнес ее не ко многим духовным существам Иерархий, а к одному духовному существу:

«Отец наш на небе».

Вторую строку, которую он услышал как предпоследнюю мистериальную строку:

«И забыл ваши имена»,

он обратил, как теперь ей надлежало гласить для людей нового времени, в следующие слова:

«Да святится имя твое».

И поскольку людям, которые должны были подниматься снизу вверх, надлежало переживать, как они приближаются к Божественному, то третью с конца строку он тоже преобразовал. Прежде она гласила: «Ибо человек расстался с вашим царством», а теперь он обратил её в:

«Да придет к нам твое царство!»

Строку: «В котором не вершит воля неба» он обратил — как она могла быть услышана людьми теперь, потому что старая постановка слов никакому человеку не была более доступной. Он обратил её, потому что путь в духовные миры должен был испытать полный поворот:

«Да свершается воля твоя как на небе, так же и на Земле».

Тайну же хлеба, внедрения в физическое тело, тайну всего того, что теперь полностью явилось ему силой жала Аримана, это он претворил так, чтобы человеку надлежало ощутить, каким образом также и физический мир приходит из мира духовного, даже если человек этого и не познаёт непосредственно. Так претворил он эту строку о ежедневном хлебе в просьбу:

«Дай нам сегодня наш ежедневный хлеб».

Слова же: «В со-возвинности с другими своесамости долг» он обратил в слова:

«Прости нам нашу вину, долг, как мы прощаем нашим

должникам».

А ту строку, которая была второй в древней молитве мистерий: «Свидетели высвобождающегося Я», он обратил, сказав:

«Но избави, освободи нас»,

а из первой строки: «Зла вершат» он сделал:

«От зла. Аминь».

Так стало «Отче наш» новой мистериальной молитвой, которой учил Христос Иисус и которую христианство узнало благодаря возвещению Им в обратной последовательности того, чему внял Иисус из Назарета в преображенном голосе Бат-Коль при своем падении на алтаре. Аналогично рассказать можно еще многое — возникло и провозвестие Нагорной проповеди, а также и многое другое, чему Христос Иисус учил своих учеников.

Удивительным образом влиял Христос Иисус на своих учеников. Я прошу всё время иметь в виду, мои дорогие друзья, что я просто рассказываю то, что можно прочесть в Пятом Евангелии. Совершенно своеобразно было его влияние на окружение, когда он ходил по стране. Хотя он и был в обществе апостолов, учеников, но было так, потому что это был Христос, как если бы он вовсе не был только в своем теле: когда он бродил с учениками так по стране, то тот или иной, находясь рядом с ним, иногда чувствовал его вершение в себе, в собственной душе. Иной чувствовал, как если бы в его собственной душе было то существо, которое принадлежало Христу Иисусу, и он начинал говорить слова, которые, собственно, мог произнести только сам Христос Иисус. Эта группа шла, затем и встречала людей... тот же, который говорил, не обязательно всегда был сам Христос Иисус, а говорил какой-нибудь из учеников, потому что Христос всегда имел общее с учениками, также и свою мудрость.

Я должен сознаться, что я был в высшей степени удивлен, когда констатировал, что разговор с саддукеем, о котором повествует Евангелие от Марка, совсем не велся Христом Иисусом из тела Иисуса, а из тела одного из учеников. Но, естественно, это говорил Христос. Частым бывало и то явление, что Христос Иисус, если он иногда оставлял свою группу, время от времени отлучался от них. Он или же духовно странствовал с ними, или же, будучи далеко от них, был с ними в своем эфирном теле. Его эфирное тело было среди них, его эфирное тело странствовало также и в другой местности; и часто нельзя было различить, имел ли

он, так сказать, при себе свое физическое тело или же это было явление тела эфирного.

Таково было сношение с учениками и с людьми из народа, когда Иисус из Назарета стал Христом Иисусом. Сам он, правда, переживал то, на что я уже указал: будучи первое время более или менее независимым от тела Иисуса из Назарета, существо Христа должно было все больше и больше соединяться с ним; и чем дольше он жил, тем больше он становился привязан к телу Иисуса из Назарета. Последний год исполнил его глубоким страданием от этой привязанности к тому же еще и захиревшему телу Иисуса из Назарета. Но все же еще случалось, что Христос, который странствовал, теперь уже с большой толпой, снова выходил из своего тела. То здесь, то там слышна была речь; здесь говорил один, там другой из толпы апостолов, и можно было подумать, что это был Христос Иисус. Говорилось в одном месте, говорилось и в другом, и в обоих случаях можно было подумать, что это был Христос Иисус, потому что Христос говорил через них всех, так долго они странствовали вместе в тесной душевной общности. Можно прислушаться к следующему разговору фарисеев и иудейских книжников: «Конечно», — говорили они, — «можно было бы, чтобы ужаснуть народ, выхватить и убить любого из них; но он может оказаться мнимым, потому что все они говорят одинаково. Это нас не устраивает, потому что тогда, может быть, останется еще настоящий Христос Иисус. Мы должны получить настоящего!» Отличить же Его могли только сами ученики, а они, конечно, не говорили врагу, кто есть настоящий. Но Ариман достаточно окреп по отношению к неразрешенному вопросу, который Христос на опыте мог разрешить не в духовных мирах, а только на Земле. Благодаря тяжкому поступку должен был он узнать, что значит превращать камни в хлеб, или что то же самое, превратить деньги в хлеб, и Ариман воспользовался Иудой Искариотом.

Не имелось никакого духовного средства, чтобы по всему образу действия обнаружить самого Христа, того, кто среди почитающих его учеников являлся самим Христом. Потому что там, где вершил дух, где вершила еще последняя сила убеждения, Его нельзя было захватить, с ним нельзя было справиться. И только с той стороны, где находился применивший для этого неведомое Христу средство, которое Христос узнал лишь благодаря тягчайшему поступку на Земле, лишь со стороны, где действовал Иуда, можно было

подступить к Нему. Его невозможно было бы узнать иным способом, кроме того, что нашелся один, стоявший на службе Аримана, который действительно пришел к предательству из-за одних только денег! Христос Иисус был связан с Иудой силой того факта, что во время искушения он не знал — что для Бога понятно, — что независимость хлеба от камней справедлива только для неба. Для неба верно, что для хлеба не нужно никаких камней. Так как Ариман сохранил это как свое жало, совершилось предательство. И после этого Христос должен был еще попасть во власть владыки смерти, поскольку Ариман является владыкой смерти. Таково взаимоотношение истории искушения и Мистерии Голгофы с предательством Иуды.

Много больше того, что сказано, можно было бы рассказать из Пятого Евангелия. В течение развития человечества откроются, конечно, и другие его части. Разрозненными рассказами я больше пытался дать вам представление о том, каким является это Пятое Евангелие. В конце этих лекций перед моим душевным взором выступает сказанное мной в заключении первого рассмотрения: что речь об этом Пятом Евангелии вызвана необходимостью нашего времени, необходимостью говорить о Пятом Евангелии уже в современности. Особенно хотел бы я довести до сердца дорогих друзей сознание того, чтобы они соответствующим благоговейным образом отнеслись к тому, о чем было сказано как о Пятом Евангелии. Взгляните: уже сегодня у нас вполне достаточно врагов и образ их действий весьма своеобразен. Я не хочу распространяться об этом, вы, может быть, это знаете из «Сообщений»*. Но вам ведь известен и тот поразительный факт, что уже давно существуют люди, которые говорят о том, как заражено возвещаемое мною учение ограниченно-черствым христианством и даже иезуитизмом. Особенно определенные приверженцы так называемой адьярской теософии самым дурным образом объявляют об этом иезуитизме и с ненавистью городят сплошной, без всякой совести измышленный вздор. К тому же из вполне определенного круга исходит теперь безмерная фальсификация нашего учения, как раз оттуда, где особенно неистовствовали против его ограниченности, превратности, негодности. Некий человек, появившийся из Америки, в течение многих недель и месяцев знакомился с нашим учением, записал его и вывез затем в разжиженном виде в Америку, где перенятое от нас он издал как розенкрейцерскую теософию. Хотя он и говорит,

что кое-чему научился здесь, у нас, но что затем он был призван к Мастерам и от них научился ещё большему. Но он умолчал о том более глубоком, чему научился у нас; о том, что он почерпнул из тогда еще не опубликованных циклов лекций. То, что подобное произошло (*«Сообщения» («Mittelungen»)) — журнал, издававшийся в то время для членов сначала еще Теософского, а затем Антропософского общества. — О.П). в Америке, это можно было бы, конечно, как древний Гиллель принять с невозмутимостью; можно было бы не терять ее, когда это откликается и в Европе. В том месте, где больше всего неистовствовали против нас, был сделан перевод того, что было доставлено от нас в Америку, и этот перевод сопровождался словами: «Хотя розенкрейцерское мировоззрение выступает на свет также и в Европе, но в черство-ограниченном иезуитском виде. И только в чистом воздухе Калифорнии могло оно процветать дальше!» — Здесь я ставлю многоточие!... Таков метод наших противников. Не только снисходительно, но даже с состраданием мы можем смотреть на эти вещи, но мы не должны закрывать на них глаза. Когда происходят такие вещи, то осторожными должны были бы быть и те, которые уже годами проявляют странную слабость по отношению к тем, кто действует таким недобросовестным образом. Может быть, когда-нибудь всем откроются глаза. Поистине, я не хотел бы говорить об этих вещах, если бы как раз для служения истине это не было бы необходимо. Надо всё же вполне ясно видеть всё это.

Если с одной стороны некоторыми людьми распространяется подобное, то это, мои дорогие друзья, не защищает нас от того, что с другой стороны борьбу ведут и те, которым эти вещи неприятны с несколько более честной точки зрения (потому что существуют и такие люди). Я не хочу вас беспокоить всем тем безрассудным вздором, который пишется среди этих двух партий, ибо вся эта своеобразная литература, которую теперь создают в Германии Фреймарк, Шальк, Маак и так далее, совсем, конечно, не заслуживала бы внимания, потому что слишком уж велика бедность ее уровня и содержания. Но существуют люди, которые не могут выносить того, что носит характер этого Пятого Евангелия. И, может быть, никакая ненависть не была столь честной, чем та, которая проступила в критиках, выступивших сразу же после того, когда было предано гласности кое-что о тайне двух мальчиков Иисусов, которая тоже ведь принадлежит уже к Пятому Евангелию.

Настоящие антропософы отнесутся правильно к этому Пятому Евангелию, которое и дано из лучших побуждений. Возьмите его, расскажите о нем в среде антропософов, но укажите им как должно к этому отнестись. Позаботьтесь, чтобы должное благоговение охранило его от выдачи тем людям, которые, быть может, его осмеют.

С такими вещами, покоящимися на необходимом для нашего времени ясновидческом исследовании, предстаешь пред всей нашей современностью и прежде всего перед задающим тон образованием нашего времени. Мы пытались принять это к сердцу. Собравшиеся с нами при закладке Камня Основы нашего здания знают, как мы пытались вызвать перед нашей душой сознание всей необходимости при возвещении спиритуальных учений верного придерживания истины. Мы пытались провести перед нашей душой, как далека культура нашего времени от этого искания истины. Можно сказать, что наше время исполнено взыванием к духу, но люди слишком высокомерны или слишком ограничены, чтобы действительно хотеть знать нечто об истинном духе. Сначала еще требуется достичь той степени правдивости, которая необходима, чтобы воспринять провозвестие духа. Ибо в том, чем является сегодня духовное образование, эта степень правдивости не доступна и, что хуже, ее отсутствия не замечают. Обращайтесь с тем, что дано здесь как Пятое Евангелие так, чтобы в среде антропософов это встречало благоговейный прием. Мы претендуем на это не из эгоизма, а по совсем иной причине, ибо дух истины должен жить в нас и дух должен предстать перед нами в истине.

Люди говорят сегодня о духе, но, даже и делая это, они ничего не чувствуют от духа. Так, существует человек — почему не называть имен! — который достиг большого почета как раз потому, что он все вновь и вновь говорит о духе: Рудольф Эйкен. Он все время говорит о духе; когда читаешь его книги — попытайтесь это однажды, — все время говорится: дух существует, его надо пережить, надо быть с ним вместе, его надо ощутить и так далее. И так в нескончаемых фразах идет через все эти книги, где все вновь пишется: дух, дух, дух! Так говорят сегодня о духе, будучи слишком самодовольными или слишком высокомерными, чтобы идти к источникам самого духа. И эти люди пользуются сегодня большим почетом. При всем этом в наше время будет трудно пробиться с тем, что — как это и должно было быть при изложении Пятого Евангелия — так конкретно

взято из духа. Строгое усердие и внутренняя правдивость совершенно необходимы. Одно из новейших писаний Эйкена следующее: «Можем ли мы еще быть христианами?» Здесь на одной из страниц, которые являются ничем иным как пестрым нагромождением понятий души и духа, духа и души (и это тянется через многие тома, так как этим приобретается громадный почет, слава и репутация, когда показываешь людям такое свое знание о духе, потому при чтении люди сегодня не замечают всего того, что фабрикуется как внутренняя неправдивость, а хотелось бы думать, что люди, наконец-то, должны были бы научиться как следует читать) — здесь на одной из страниц мы читаем фразу, что человечество сегодня выше веры в демонов; веры в демонов нельзя больше требовать от человека! А в другом месте этой же книги читаешь странную фразу: «Соприкосновением Божественного с человеческим создаются демонические силы». Здесь человек, который на одной странице говорил так, как я это сейчас привел, в этой же книге говорит теперь, тем не менее, серьезно о демонах. Не является ли это глубочайшей внутренней неправдой? Должно было бы, наконец, прийти время, когда люди отстранят такие, полные глубокой внутренней неправды, учения о духе. Но я не вижу, чтобы многие из наших современников замечали эту внутреннюю неправду. Так, служа истине духа, в наши дни мы еще находимся в оппозиции современности. И об этом необходимо помнить, чтобы ясно видеть то, чем нам надо исполниться в сердце, если мы хотим помочь нести провозвестие о духе, нести необходимую человечеству новую жизнь из духа. Когда пытаешься духоучением подвести человеческую душу к существу Христа, то, как можно надеяться на большой отклик просвещенной современности, которая удовлетворяется теперь такими истинами, которые ей рассказывают все умные философы и теологи: что христианство существовало до Христа! Ибо они доказывают, что культ и даже отдельные типичные сказания обнаружены существующими уже раньше в подобном же виде на Востоке. Тут умные теологи поясняют и рассказывают это всем, кто готов слушать, что христианство есть ничто иное, как продолжение того, что было уже и раньше. У наших современников эта литература пользуется большим уважением; громадное уважение встретила она, и современность совсем не замечает, как всё это согласуется друг с другом.

Когда говоришь о существовании Христа, о его нисхождении в

своей духовности на Землю, и когда существо Христа встречаешь позже почитаемым в таких же формах культа, как прежде почитались языческие боги, и если это должно быть использовано для того, чтобы вообще отрицать существо Христа, как это сегодня тоже происходит, то это логика следующего порядка: допустим, кто-нибудь, безразлично кто, оставляет на постоялом дворе свою одежду. Об одежде знают, что она принадлежит этому человеку. Затем приходит, например, Шиллер или Гёте, и по каким-нибудь причинам вынужден одеть оставленную чужую одежду и выйти в ней. И тут встречный, видит Гёте в другой одежде и говорит: «Что за рассказни! Что особенного в этом человеке? Я ведь совершенно точно знаю эту одежду, она принадлежит тому-то и тому-то, который ничего особенного из себя не представляет». Тем, что существо Христа воспользовалось одеянием древних культов, умные люди, придя, не узнали его в этом облачении, не узнали, что в древних культах находится сейчас именно само существо Христа.

А теперь возьмите все библиотеки, возьмите всю сумму современных научных монистических рассматриваний: это — доказательства об облачении существа Христа, которые даже правильны! Сегодня высоко чтится человек, нахватавшийся только архивного пустоцвета с эволюции культуры, и ученость таких собирателей пустоцветов впитывается как глубокая мудрость. Подобный образ мы должны вызвать перед своей душой, если не только рассудочно, но также и чувством мы готовы принять то, что имеется в виду Пятым Евангелием. В виду же имеется то, чтобы мы почувствовали себя правильно включенными нашей истиной в наше время, чтобы благодаря этому понять всю невозможность объяснить прошлому то, что теперь приходит как новое возвешение. Поэтому теперь, когда нам надлежит расстаться друг с другом вновь, должно быть сказано слово Евангелия: «Силой тех чувств и мыслей, которые вершат сегодня в человечестве, в ближайшем духовном развитии нет продвижения». Поэтому этот вид чувств и мышления должен быть изменен, должен направиться на другое! Натуры, склонные к компромиссу в этом вопросе, которые не хотят создать себе ясной картины того, что есть и что должно прийти, не окажут доброй услуги тому, что необходимо человечеству как духовное учение и духовное служение.

Мне надлежало сказать о святом для меня Пятом Евангелии. Я прощаюсь с вашими сердцами, с вашими душами с пожеланием, чтобы существовавшая между нами

доныне через многое другое связь еще больше окрепла благодаря этому духовному исследованию о Пятом Евангелии, которое мне особенно дорого. И, может быть, в ваших сердцах и душах сможет разлиться ощущение тепла от сознания того, что, несмотря на наше разлучение физически, пространственно и во времени, мы все же стремимся остаться вместе и сообща чувствовать, что нам надлежит проработать в наших душах и что спрашивается с нас как долг, который в наше время возлагает дух на души людей!

Я надеюсь, что работой каждой отдельной души наше стремление пойдет правильным образом дальше. И думаю, что этим пожеланием выражен лучший прощальный привет, который я несу вам, заканчивая именно этот цикл лекций.

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Первая лекция Берлин, 21 октября 1913 г.

После долгого перерыва мы вновь встретились нашей берлинской рабочей группой и хотели бы приступить к тому, что можно будет рассматривать этой зимой как своего рода продолжение нашей духовнонаучной работы, которую мы практикуем вот уже на протяжении ряда лет. В Берлине, как выяснилось, наступила продолжительная пауза. Однако на этот раз пауза эта оказалась заполненной не только обычными представлениями и циклом лекций, читавшихся в Мюнхене, но также и закладкой нашего здания в Дорнахе и разнообразными работами, связанными с началом этого нашего строительства. Поэтому сегодня вечером, когда мы впервые после долгого перерыва собрались здесь, в этом помещении, я прежде всего желал бы обратить ваше внимание на то, чем является для нас это дорнахское здание. Следует ведь надеяться, что в этом строении то, чем желало бы быть в мире наше антропософское мировоззрение, сможет обрести также и внешний символ сплоченности для всякого сердца, всякой души, ощущающих в себе внутреннюю связь с духовно-научными устремлениями, культивируемыми нами в рамках этого антропософского течения в мировоззрении. Собственно говоря (и это вытекает из многочисленных наблюдений прошлых лет, которые имели место в том числе и здесь), все в современной духовной жизни указывает на то, насколько человечество в наши дни бессознательно жаждет того, что могло бы ему дать подлинно спиритуальное

мировоззрение. И к такому мировоззрению устремляются не одни лишь те, кто в наши дни положительно выражает свою потребность в таком мировоззрении, но еще и многие, многие люди, которые ничего о таком мировоззрении не ведают. И даже такие, что и знать ничего про него не хотят, а, быть может, ныне все еще относятся к нему враждебно, и они все-таки стремятся — бессознательно (можно было бы сказать — исходя из сердечной потребности, которая пока еще не заявляет о себе в сознательных понятиях и идеях, а, возможно, проявляется даже во враждебных понятиях и идеях), — и они стремятся, сами того не ведая, к тому, что может быть дано как раз нашим мировоззрением.

И в самом деле, совершенно необычным было то, что мы переживали при закладке первого камня этого дорнахского здания вместе с нашими немногочисленными антропософскими друзьями, которые как раз в тот момент оказались недалеко и могли присутствовать (поскольку обстоятельства были таковы, что следовало спешить). Это было возвышающее переживание — ощущать, что тем самым ты, в некоторой степени, присутствуешь при рождении здания, которое, так сказать, должно на время сделаться внешним символом наших общих устремлений. Когда мы стояли там, на холме, где должно быть возведено наше здание (и при нашей церемонии открытия все так и произошло), холме, с которого открывается широкий вид на окружающие горы и равнины, а можно направить взгляд и в куда более далекие дали, тут же неизбежно вспоминался вопль человечества — в куда более широком мировом контексте — по духовным истинам, по возвещению спиритуального мировоззрения, которые могут быть даны в рамках нашего духовного течения. И приходилось думать о том, как еще многое сверх того, о чем говорится и что воспринимается, проявляется в современности в качестве указаний на то, что такое спиритуальное мировоззрение действительно плодотворно прививается к душевной жизни человечества. Так что вот каково было самое главное переживание, одушевлявшее нас, когда мы закладывали камень, с которого должно начаться будущее здание. А это здание — оно ведь призвано выразить то, что мы хотим, также и своей формой, так что те, кому доведется однажды осматривать здание, когда оно будет завершено, снаружи или изнутри, будут воспринимать его формы как своего рода знак, в котором выражается, высказывается то, что мы желали бы осуществить в мире.

Когда приходится поразмыслить, попереживать задним числом относительно такой закладки, первое, что приходит на ум — это вспомнить о роли кармы не только в отдельной человеческой жизни, но и во всем ходе земного развития человечества. В отдельной человеческой жизни действует, так сказать, малая карма; в развитии Земли и человечества в целом действует большая карма. Вот великая, возвышенная мысль, которую можно воспринимать: поскольку именно на спиритуальной почве происходит нечто такого рода, в известном смысле ты (а это все участвующие в движении антропософски настроенные люди) оказываешься орудием, пускай даже малым, но орудием духа, действующего через общемировую карму и вершащего ее дела. Это ощущение собственной связанности с духом общемировой кармы — весьма значительное и великое переживание, чувство, в котором вновь и вновь должно воссоединяться все то, что мы можем культивировать посредством антропософских размышлений и анализа. Вот переживание, которым может успокоиться душа, когда она нуждается в покое, переживание, которое может гармонизировать душу, когда она испытывает потребность в гармонии, а сверх того придать ей сил, действенности, выдержки и энергии — когда она нуждается в силе, действенности, выдержке и энергии.

Когда спиритуальные общемировые представления во всей своей истинности вливаются в нашу душу, они делаются в нас чем-то вроде внутренне пульсирующей жизни, претворяющейся в энергию, которую мы способны ощущать и воспринимать, которая действует в нас как на высочайших уровнях, на которые только могут воспарить наши мысли, так и в повседневных мелочах, к которым нас принуждает наша работа. Они становятся чем-то таким, к чему мы всегда можем обратиться, когда нам требуется подкрепить силы, на что мы вновь и вновь можем взирать в поисках утешения в жизни. Вот и подлинная моральность, подлинная нравственная сила возникает в человечестве исключительно из обращения душевного взора на истинную спиритуальность, на подлинную спиритуальную жизнь.

Ибо в настоящий момент общемировая карма несет нас внутри себя совсем иначе, нежели то было с общемировой кармой человечества, когда разыгрывалось то, что мы то и дело характеризуем в качестве центра и средоточия земного развития человека: Мистерия Голгофы. И подобно тому, как в последнее время в иных аудиториях я обращал внимание (а именно в связи с нынешним моментом нашего

духовнонаучного развития) на весьма примечательные обстоятельства, связанные с Мистерией Голгофы, мне хотелось бы представить это же вашим сердцам, вашим душам как раз сегодня, когда мы после долгого перерыва вновь собрались в этом помещении.

Мистерия Голгофы, усвоение импульса Христа явилось в мир. В какой момент это произошло? Ныне благодаря нашему спиритуальному углублению мы знаем, что влилось тогда в конкретное человеческое тело, чтобы сделаться достоянием земного развития, развития человечества.

Так вот, если, взирая на четыре первых периода послеатлантического развития, задаться вопросом о том, какая именно из этих четырех эпох была наименее пригодна для того, чтобы понять Мистерию Голгофы, нисхождение Христа, действительно проследить эти вещи спиритуальным пониманием, можно было бы сказать следующее. Когда бы (по законам общемировой кармы это не могло бы произойти, но гипотетически-то мы можем предполагать) Мистерия Голгофы произошла, если бы Христос низошел в человеческое тело в эпоху праиндийской культуры, здесь присутствовали бы бесчисленные души, способные понять это событие, ибо они все еще обладали этим спиритуальным пониманием.

Также еще и в праперсидскую, да, собственно, даже еще и в египетско-халдейскую эпоху, в некотором смысле, понимание Мистерии Голгофы все еще не составило бы затруднений для души, когда бы она могла разыгаться тогда по законам общемировой кармы. В четвертый послеатлантический период человеческая душа пребывала в таком состоянии, что это понимание Мистерии Голгофы, это непосредственное спиритуальное понимание было ей недоступно в силу как раз этого этапа развития. Нам еще часто придется говорить о том необычном обстоятельстве, что Мистерия Голгофы дожидалась в послеатлантический период той эпохи, в которую спиритуальное понимание имевшего свершиться факта уже исчезло, его просто не было в наличии. В греческо-латинскую эпоху душа разумная, или душа характера (*Verstandes- oder Gemütsseele*) претерпевала первоочередное развитие. В первую очередь она направляла свой исполненный любви взгляд на внешний мир, что мы и наблюдаем на греческой культуре в целом. В сущности, вся культура того времени относилась к Мистерии Голгофы точно так же, как те женщины, которые пришли к гробу Иисуса и искали там мертвое тело, однако обнаружили, что

гробница открыта и мертвеца там больше нет, а на вопрос о том, куда делось тело Господа, получили ответ: «Того, кого вы ищете, здесь больше нет!»

Подобно тому, как они искали Христа во внешнем мире, и получили ответ: «Того, кого вы ищете, здесь больше нет!», так, вообще говоря, обстояло дело и со всей эпохой — в том, что касается понимания Мистерии Голгофы. Люди четвертой послеатлантической культурной эпохи искали нечто такое, чего не было там, где они это искали. И они все еще продолжали искать тогда, когда этот четвертый послеатлантический период подошел к концу (а завершился он в XV в.) — продолжали искать точно так же. Ибо Крестовые походы были не чем иным, как преобразованием в иной масштаб, то есть в пространственный масштаб, того же самого, что случилось у гроба Христа Иисуса с женщинами. В эпоху Крестовых походов многочисленными душами европейцев овладевает страстное томление: мы должны отыскать то, что нам дорого, у гроба Христа Иисуса! И целые полчища отправились на Восток, чтобы отыскать здесь то, что они желали отыскать, поскольку это соответствовало их ощущениям и восприятиям. И как же можно охарактеризовать ощущения именно тех людей, что отправились на Восток с Крестовыми походами? Все было так, словно весь Восток ответил им: «Того, кого вы ищете, здесь больше нет!» Ну, разве это не глубокое символическое отражение того обстоятельства, что на протяжении всего четвертого послеатлантического периода человечество вынуждено было искать на внешнем чувственно-материальном плане, между тем как искать Христа следовало на плане духовном, при том, что он пребывает в земном мире.

Но где же тогда был Христос, когда женщины искали его в гробу? Он был в духовном, там, где мог явиться на Земле. То, что было нами предпринято в качестве подготовительных упражнений, сделало для нас возможным до некоторой степени постигнуть значение Мистерии Голгофы. Будущие эпохи, как мы это неоднократно подчеркивали, постигнут ее еще отчетливее. Но возникает вопрос: а как обстояло дело с пониманием Мистерии Голгофы именно тогда, когда она разыгрывалась? Речь то ведь идет о том, что мы понимаем эту Мистирию Голгофы в ее фактической стороне, что мы понимаем, о чем тогда в самом деле шла речь. Не в том ли тогда здесь дело, какой именно урок получило тогда человечество? Если бы все так и обстояло, тогда, быть может, на правоту до какой-то степени могли бы притязать те, кто

утверждает, что учение Христа по большей части наличествовало уже в предыдущие эпохи, при том, что, как нам известно, это не вполне так. Однако вопрос этот — вовсе даже не первоочередной важности, и речь здесь идет о чем-то совершенно ином, а именно о следующем: что все-таки произошло на Голгофе и в связи с ней такого, что должно было произойти даже если бы ни единая человеческая душа в обширном земных пространствах этого не поняла. Ибо дело вовсе не в том, что некий факт был тут же понят, но в том, что он свершился. Значение факта Голгофы прежде всего связано не с тем, что в нем поняли люди, но с тем, что именно — применительно к человечеству — случилось тогда такого, что течение этих событий нашло выражение в общекосмических спиритуальных фактах.

Но на какое же время выпала Мистерия Голгофы? Она и в самом деле пришлась на примечательное время. Рассмотрим лишь, чтобы оценить примечательность этой эпохи, послеатлантическое развитие. Мы часто указывали на то, что в эту послеатлантическую эпоху человечество развивалось поначалу в рамках праиндийской культурной эпохи. Мы указывали на высоту, на значительность праиндийской культурной эпохи, указывали на то, какими совершенно иными свойствами обладали тогда души, насколько доступнее и ближе были они для спиритуальной жизни, и как далее от эпохи к эпохе эта доступность снижалась и снижалась. Затем мы указывали на то, как в праперсидскую культурную эпоху, в египетско-халдейскую эпоху непосредственное участие человека в духовных мирах становилось все меньшим и меньшим. Ибо в праиндийскую культурную эпоху человек вообрал в свое эфирное тело все, что был в состоянии ему сообщить мир, и человек пережил это в своем эфирном теле. По крайней мере, пережили те, кто в подлинном смысле слова приняли участие в этой индийской эпохе в те древние времена. То, что переживает здесь человек в эфирном теле, в значительной степени носит характер ясновидения. В праперсидскую эпоху душевное начало переживалось в теле ощущающем, что переживалось уже с ослаблением ясновидения.

В египетско-халдейскую эпоху душевное переживалось в душе ощущающей; и здесь опять-таки присутствовала еще уменьшенная способность к ясновидению. Далее наступила четвертая, греческо-латинская культурная эпоха: на нее-то и пришлась Мистерия Голгофы. То была культурная эпоха, в которую человеческая душа перешла к восприятию

исключительно на внешнем материальном плане. Возникает культура рассудка, связанного с внешними вещами. Душа развивает силы, связанные с внешним миром.

В нашу эпоху, в пятый послеатлантический культурный период переживание человечества пока что сводилось к наблюдению внешнего мира, к переживанию чувственных впечатлений. Однако этот пятый культурный период должен вновь привести к новой, обновленной восприимчивости спиритуальной жизни, ибо он должен полностью изжить жизнь в душе сознательной.

Апостолам, когда они раскрыли свои сердца, свои души, чтобы не посредством одних только чувственных сил созерцать Христа, который какое-то время после Мистерии Голгофы странствовал все еще в эфирном теле.

Но где же был Христос тогда, когда крестоносцы искали его внешним образом на материальном плане на Востоке? Мы видим, как в то же самое время, когда крестоносцы искали его на Востоке, он тем самым способом, каким может реально проникать в человеческие души, вселялся в мистиков Запада. Вот где была эта сила Христа, вот где этот Христов импульс! Между тем как крестоносцы отправлялись на Восток, чтобы искать Христа на свой лад, живой импульс Христа (насколько он мог возродиться в тогдашней Европе) оживает в душах таких людей, как Иоганн Таулер, Майстер Экхарт и других, которые могли воспринять его насколько это позволяли тогдашние условия, оживает в духовном. Он перебрался в западную культуру, пропав из тех мест, где был и где те, кто его искал, должны были услышать ответ: «Того, кого вы ищете, здесь больше нет!»

Пятый послеатлантический культурный период — это время формирования «Я», то есть, по сути, он посвящен душе сознательной. Но человек-то следует через свою сознательную душу для того, чтобы полностью осознать свое «Я». Об этих духовно-научных истинах мы говорили уже неоднократно. Но теперь я говорю о них с совершенно особым чувством.

Ничего удивительного в том, что выступая с такими воззрениями в наше время, вы наживаете себе без числа противников и врагов. И все же знаменательным в том чувстве, о котором я веду речь, остается следующее. Вот, допустим, пришлось бы мне сказать так: видите ли, возникла необходимость подготовить второе издание моей книги «Воззрения на мир и жизнь в XIX в.» Но книга эта, когда она в свое время выходила в свет, была «книгой века»,

ретроспективным взглядом, брошенным на завершившееся столетие. Естественно, что второе издание не может точно повторять первое, поскольку писать ретроспективу прошлого столетия в 1913 году — занятие совершенно бессмысленное. Так что этой книге пришлось претерпеть множественные перемены в своей внешней структуре. Среди прочего мне пришлось предпослать книге в качестве вступления пространное рассуждение, призванное служить обзором состояния дел начиная с древнейшей греческой эпохи и вплоть до XIX в. Так что как раз в это последнее время я оказался вынужден также и в данном — более философском отношении — пропустить перед своим взором разные мировоззрения — начиная с Фалеса, с Ферекида Сирского и т.д. (причем как раз таки в большей степени в философском плане), вплоть до нашего времени. Здесь нам открывается не только спиритуальность, но и то, что представляет собой историческую традицию; а я как раз поставил себе задачу отражать лишь то, что связано с прогрессом философии, религиозные же импульсы отсеять целиком. Тут-то и сделалась до конца ясной подлинность того в высшей степени примечательного переворота, что произошел на исходе греко-латинского периода, когда из образного постижения мира, присутствовавшего еще в египетско-халдейскую эпоху, развилось мысленное постижение мира, и как затем, начиная с XIV, XV в.в. и дальше, из этого развилось сознание импульса «Я» (но не сам импульс «Я», который проникает в человечество еще раньше).

В то же самое время при проработке отдельных философов на предмет того, что в них истинного, становится явственно заметно, исторически явственно заметно то, насколько это справедливо. По этой причине я рассуждаю сегодня относительно этих вещей под совершенно иным углом зрения, нежели то могло бы иметь место в книге, и с совершенно особенным чувством. Но также и по внешней истории можно наблюдать, как приблизительно в XV столетии в человеческую душу вторгается сознание «Я», чувство «Я».

Так что с указанного времени эта новейшая эпоха предназначается преимущественно для того, чтобы принудить человека вывести энергии и силы своего «Я» на поверхность, все больше и больше осознавать собственное «Я». Особенно хорошо этому служит ограничение взгляда исключительно внешними чувственными явлениями, такое

ограничение, которое проявляется в развитии современного естествознания.

И вот человек более не обнаруживает в окружающем его мире того, что открывалось в египетско-халдейскую эпоху в виде величественных имагинаций и образов, или того, что во всей своей красе проявляется в греко - латинскую эпоху — как исполинские мыслительные полотна, подобные тем, что мы находим у Платона и Аристотеля и мыслителей их круга. И тогда этому человеку — вне каких-либо имагинативных полотен и вне полотен мысли, как мы все еще видим это у Аристотеля в греко-латинскую эпоху — предписано усматривать в круге, доступном его созерцанию, лишь то, что предлагают ему чувства, и тогда «Я», поскольку единственное духовное начало оно может отыскать лишь в самом себе, должно постичь себя в своей сущности и отыскивать истоки своего сознания. И все достойные внимания философы, начиная с XV в., если попробовать выделить в них главное, борются за то, чтобы выстроить мировоззрение, в котором возникнет такая картина мира, что в ней возможно и способно существовать человеческое «Я», самосознающая душа.

Четвертая послеатлантическая культурная эпоха, занимавшаяся развитием рассудочной души, или души характера, пускай даже ей было очень и очень далеко до постижения Мистерии Голгофы, все же располагала чем-то таким, что позволяло ей приблизиться к Мистерии Голгофы. Мы называем рассудочную душу также и душой характера, ведь душа эта и в самом деле представляет собой двоицу, потому что в человеческой природе в ту эпоху, что мы называем четвертой послеатлантической, наряду с разумом, действовали также и нрав, эмоции, чувства. А поскольку действовал также и нрав, то, что было недоступно для ума, могло быть прочувствовано сердцем, почему и возникло то понимание Мистерии Голгофы на уровне чувств, которое можно назвать еще и верой, то есть человеческая душа внутренне ощущала импульс Христа. Люди чувствовали, что они свыкаются с импульсом Христа, они чувствовали, что внутренне, душевно связаны с импульсом Христа, пускай даже они не были в состоянии понять его значение и сущность. Христос реально присутствовал в них. Однако в эпоху культуры «Я», в которой мы пребываем теперь, это реальное присутствие (Da - Sein) должно было еще ослабиться. Ведь именно с тем, чтобы «Я» всецело постигло себя в своей особенности, оно должно обособиться от всего

того, что пробивается непосредственно к душе в качестве спиритуальных импульсов. Так что мы становимся свидетелями чрезвычайно любопытного зрелища. Именно, с наступлением Нового времени, стоит ему только заявить о себе, мы с полной ясностью наблюдаем, что к прежнему непониманию добавляется еще и новое непонимание, причем такое непонимание, которое продвигается еще дальше, чем прежнее. И всякий подвергший проверке факты спиритуальной жизни убедится в том, насколько все-таки логично, что четвертый послеатлантический культурный период был способен воспринимать импульс Христа лишь на уровне чувств, но духовно его постигнуть на деле не мог. Однако благодаря тому, что удавалось воспринять, имелось знание того, что Христос здесь реально присутствует, что он действует в развитии человечества. Такое ощущение присутствовало.

С наступлением новой, пятой эпохи, проявилось нечто совершенно иное. У людей развилось непонимание не только в отношении существа Христа, но и в отношении божественно-духовного как такового. А каково доказательство того (доказательств можно отыскать множество, однако одно из них говорит в пользу этого особенно ясно и отчетливо), насколько далеко зашло человеческое непонимание, а именно того, что люди более не могли воспринимать не только принцип Христа, но также и божественно-духовный принцип вообще? В XII в., как бы заранее возвещая культуру «Я», Ансельм, архиепископ Кентерберийский, измышляет так называемое доказательство существования Бога; а это значит, что данный человек оказался вынужден «доказывать» божество. Но что доказывают таким образом? То, что нам известно, или же то, что нам неизвестно? Если, например, мой сад обокрали, а я в окно смог увидеть вора, когда он непосредственно воровал, тогда мне нет нужды доказывать, что именно этот человек — вор. Я пытаюсь доказывать лишь тогда, когда я его не знаю. Тот факт, что Бога пытаются доказать, говорит о том, что его более не знают, больше не переживают. Ибо, то, что переживаешь, ты не доказываешь, но доказываешь лишь то, что не переживаешь. А затем непонимание, в сущности, продвигалось все дальше и дальше, и сегодня мы в данном отношении оказались у весьма примечательного рубежа. Уже неоднократно с этой кафедры затрагивался вопрос о том, какие бесконечные недоразумения нагромодились за последние века, но

прежде всего за прошлое столетие, — недоразумения в отношении понимания того, чем является Мистерия Голгофы, кто такой Христос Иисус. Этот процесс проходил вплоть до нынешнего момента, когда уже и с теологической точки зрения Христа Иисуса не только лишают достоинства, не только обесценивают до уровня всего лишь человеческого проповедника, пусть выдающегося, но и полностью отказывают ему в существовании — даже в плане теологии.

Но ведь все это связано с куда более глубинными и специфическими свойствами нашей эпохи. Вот только лихорадочная атмосфера нашего времени не готова к тому, чтобы принимать во внимание особенно характерные черты нашей эпохи. Однако тому, кто желает видеть, факты говорят отчетливым, даже чересчур отчетливым языком.

Возьмем только один факт (я привожу в пример мелочи, однако такие мелочи представляют собой симптом). Недавно в одном широко известном еженедельнике появилась в высшей степени примечательная статья, на которую нередко теперь ссылаются, причем ссылаются с пиететом. Суть ее весьма необычна, а именно здесь говорится следующее.

Если подвергнуть рассмотрению мировоззрения, появившиеся за последние столетия, мы сталкиваемся здесь, собственно говоря, с переизбыточностью «понятий», а понятия эти, мол, слишком ненаглядны. Если перевести сказанное на наш язык, это означает следующее: их невозможно постигнуть в том чувственном мире, которым мы желали бы ограничиться. Так, данный автор, как это ни странно, находит, что философа Спинозы трудно понять, когда он пытается постигнуть мир исходя из своего одного единственного понятия, а именно понятия божественной субстанции. И здесь этот автор выдвигает некое предложение с целью реформы философских представлений нашего времени, которое сводится к тому, чтобы наглядно изобразить, как верхнее понятие образует вершину, и как от него, расщепляясь, расходятся прочие понятия. Короче говоря, он предлагает сделать систему идей Спинозы настолько «наглядной», как это нередко представляют в виде схемы, чтобы больше не было нужды проследивать то, как формировались мысли в душе Спинозы, а можно было просмотреть все в кино на чувственном уровне. Так что, быть может, если такие «идеалы» осуществляются, мы уже вскоре будем ходить в кинотеатры, чтобы наблюдать и проследивать кинематографические — нет, не съемки, но «интерпретации»

мыслительных и идейных построений выдающихся людей!

Это чрезвычайно важный симптом того, до чего в наше время дошла человеческая душа, симптом, который, пожалуй, следует упомянуть по вполне определенной причине. Именно, никто здесь не ощутил того, что обязан был ощутить, воспринимая мы такой симптом на здоровую голову: да ведь в ответ на такую глупость, на безумие, заключенное в такой реформе философии должны были раздаться раскаты язвительного хохота! Ибо пыл, который отразился бы в таком язвительном смехе, следовало бы назвать, пожалуй, священной необходимостью.

Это всего лишь единичный симптом (и как раз в качестве симптома его и следует рассматривать) того, насколько необходимо для нашей эпохи спиритуальное углубление, именно подлинное спиритуальное углубление. Необходимо ведь не просто спиритуальное углубление, но то спиритуальное углубление, которое, если оно настоящее, должно привести к истине. Вот в нем-то и нуждаются современные души. Наше время излишне склонно (причем как раз там, где образование и даже мировоззренческое образование должны были бы быть как нельзя более кстати) довольствоваться тем, что уводит от настоящей спиритуальности очень и очень далеко. Ибо наше время с легкостью довольствуется видимостью. А видимость каким-то образом, когда она выступает как проявление течения, как в данном случае, приводит к внутренней лжи и несостоятельности.

Вот еще один симптом этого. В наши дни часто приходится выслушивать похвалы мировоззрению, наделавшему немало шума, а именно принадлежащему философу Эйкену. Дело не только в том, что за свое мировоззрение Эйкен получил всемирно известную премию, Нобелевскую премию, но его превозносят еще и как человека, отважившегося вновь заговорить с людьми о духе. А слава происходит не оттого, что этот самый Эйкен рассуждает о духе как-то особенно изящно и красиво, но оттого, что люди, если только речь заходит о духе, склонны теперь удовлетворяться самым ничтожным, лишь бы только им проповедовали что-то такое «о духе», и ещё оттого, что Эйкен то и дело, на разные лады, говорит о том положении, которое то и дело встречается в его книгах, да вот только люди не замечают, что это вечные повторы. А именно, говорится, что недостаточно понимать, что мир материален,

но человек должен постигать себя внутренне и таким образом — внутренне — воссоединяться с духом. Итак, вот с чем мы имеем дело: человек должен внутренне себя постигнуть и внутренне воссоединяться с духом! Вновь и вновь натыкаешься в книгах Эйкена на эту мысль, да не по три-четыре раза, но по пять, по шесть кряду: вот, значит, что представляет собой «духовное» мировоззрение! Такие симптомы важны, поскольку по ним мы видим, в чем сегодня могут усматривать «великое» как раз те люди, которые могут причислять себя к наиболее понимающим. Но если бы только они могли читать! А ведь стоит раскрыть последнюю книгу Эйкена «Можем ли мы продолжать быть христианами?», как наталкиваешься на примечательную фразу, которая звучит приблизительно следующим образом. Современные люди вышли из той стадии, чтобы все еще верить в демонов, как непосредственно верили в демонов во времена Христа; ныне требуется иное представление Христа, которое более не изображает демонов и не считает их реальными. В современную просвещенную эпоху всякому человеку весьма лестно сознавать, что великий наставник Эйкен предполагает про него, что теперь он оставил веру в демонов далеко позади. Но читая книгу дальше, наталкиваешься на весьма примечательную фразу: «Соприкосновение божественного и человеческого порождает демонические силы». Я бы хотел все-таки спросить, действительно ли все те, кто прочитал книгу Эйкена, рассмеялись по поводу его наивности, или, лучше сказать, «мудрости», которая побуждает его утверждать на одной странице, что вера в демонов осталась позади, а на другой — рассуждать о «демоническом». Конечно же, сторонники Эйкена скажут, что речь про демоническое заходит здесь в переносном смысле, что всерьез здесь об этом речи нет. Но в том-то как раз и дело, что люди пользуются словами и идеями, а ничего серьезного за ними нет. Да, в этом заключается глубинная внутренняя неправда! К настоящему же духовно-научному мировоззрению относится также и то, чтобы осознавать, что слова следует воспринимать с полной серьезностью и не говорить про демоническое, если в твои намерения не входит относиться к нему всерьез. В противном случае с людьми всегда будет случаться то, что произошло с председателем одного религиозно - философского общества, в котором мне довелось выступить с докладом. В докладе я указал, что в книге Адольфа фон Гарнака написано, что не столь важно узнать о том, что произошло на Голгофе: этот вопрос можно

оставить в стороне; а вот что оставлять без внимания не следует, так это что с того момента берет начало вера в Мистерию Голгофы — вне зависимости от того, стоит ли за этой верой что-то реальное или же нет. Так вот, этот человек (он был председателем религиозно - философского общества в Берлине и, само собой разумеется, протестантом) сказал мне: «Я прочел книгу, однако ничего подобного там не нашел, Гарнак не мог такого сказать, потому что это ведь католическая идея. Ведь католики говорят, например: «Неважно, что стоит за Священной ризой в Трире, важна вера в нее». Тогда мне пришлось выписать ему страницу, на которой эта фраза значится. Возможно, со многими людьми случается так, что они читают книгу, однако не вычитывают в ней как раз важного, того, что симптоматично.

Итак, мы вскользь затронули ситуацию, сложившуюся в наше время. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью, значимой прежде всего для современности, для свойственных ей симптомов. Я говорю о необходимости того, чтобы в нашу эпоху развились действительно духовная добросовестность и ответственность, чтобы мы не могли безразлично мириться с тем, что представитель духовного мировоззрения в одном случае говорил, что мы уже переросли демонов, а вслед за этим употреблял слово «демонический» в каком-то необычном значении. Но принимая во внимание, что мы живем в эпоху «газетной культуры», не следует говорить, что надежды на то, что такая культура добросовестности могла бы получить развитие, невелики. Напротив, следует настаивать на том, что тем важнее делать все для того, что может повести к такой культуре добросовестности. В самом деле, духовная наука ускоренными темпами ее подготавливает; и все же нам следует раскрыть глаза, чтобы увидеть симптомы нашего времени.

Мне хотелось бы указать еще на одно обстоятельство. Колоссальным было впечатление, произведенное начиная с 60-х годов XIX в. и позже книгой Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса». Я особо выделяю этот факт, чтобы показать, как в наше время обстоит дело с пониманием Мистерии Голгофы. Читая книгу Эрнеста Ренана, говоришь себе: что ж, во-первых, стиль превосходный, да и автор исходил все достопримечательности Святой Земли и потому оказался в состоянии воспроизвести чудный местный колорит. Но пишет все это человек, который не верит в божественность Христа, однако с величайшим благоговением говорит о возвышенном

образе Иисуса. Вглядимся, однако, в повествование попристальнее. Как это ни удивительно, трактуя события жизни Иисуса, Эрнест Ренан по сути показывает, что с ним произошло то, что обычно случается с каждым (с кем-то в большем, а с кем-то в меньшем масштабе), кому приходится отстаивать какое-либо мировоззрение перед лицом большого или малого числа людей. С таким человеком происходит приблизительно следующее. Поначалу он выступает с тем, во что верит только он — с этим он и обращается к толпе. Затем к нему присоединяются люди: у одного такая потребность, у другого — иная, один понимает дело так, другой иначе, у одного такая слабость, у другого — иная. И здесь тому, кто поначалу рассуждал исходя из внутреннего понятия об истине, приходится, так сказать, дать слабину. Словом, Ренан желает дать понять, что многих людей, имевших сказать нечто значительное, по сути, как оказывается, испортили их же сторонники. И по его мнению, приверженцы испортили также и Христа Иисуса. Возьмем, к примеру, чудо Лазаря. Судя по тому, как его нам преподносят, здесь, якобы, не обошлось без того, что поневоле скажешь: да ведь все это — вроде как афера, но ее удалось использовать во благо, ради распространения движения; затем, мол, Иисус и пошел на это. В таком же духе представлено и прочее. А далее, после того, как изображается, каким постепенным спадом и вырождением была жизнь Христа, в завершение вновь следует гимн, с которым можно обращаться исключительно к Всевышнему. Вглядимся же попристальнее в эту внутреннюю неправду! Книга Ренана — это на самом деле смешение двух субстанций: чрезвычайно изящное, блестящее, а во многих местах возвышенное изложение перемежается с бульварным романом, а увенчивается все колоссальным гимном возвышенному образу Иисуса. К кому обращен этот гимн? К Иисусу? К тому, кого изображает сам Ренан, если только вы в здравом уме, он, в сущности, не может быть обращен, потому что никто не станет расточать хвалы тому Христу Иисусу, каким его изображает Ренан. Так что тем самым вся книга целиком оборачивается ложью!

На что, в сущности, хотел я указать вам этими наблюдениями? Мне хотелось указать на то, что Мистерия Голгофы пришлась на ту эпоху развития человечества, когда оно не было готово ее понять, но также и в нашу эпоху человечество все еще далеко не всегда готово к этому.

Но воздействие Мистерии Голгофы существует вот уже

две тысячи лет! Оно присутствует реально. Но как? Так, что оно не зависит от понимания, которым ей отвечало человечество до сих пор. Если бы Христос мог действовать в человечестве лишь в меру того, как его «понимают», его действие было бы лишь очень незначительным. Однако в ходе будущих рассуждений мы убедимся также и в том, что в настоящий момент времени мы находимся на такой стадии развития, когда необходимо развить в себе то понимание, которого прежде не было. Ибо мы живем в такую эпоху, когда возникает определенная необходимость отыскивать Христа не там, где его уже нет, но там, где он действительно находится. Ибо явится он в духовном начале, а не в теле, а те, кто станут его отыскивать в теле, будут снова и снова получать ответ: «Тот, кого вы ищете в теле, в теле не пребывает!» Мы нуждаемся в новом понимании, которое во многих отношениях будет фактически первым пониманием Мистерии Голгофы. Эпоха непонимания должна смениться эпохой первого понимания. Вот на что хотел я обратить внимание сегодняшним докладом, и об этом же у нас пойдет речь в следующий раз.

Вторая лекция Берлин, 4 ноября 1913 г.

Посредством оккультных исследований, организованных соответствующим образом, в наше время оказывается возможно, до некоторой степени, познать то, что можно было бы назвать Пятым Евангелием. Если во многих отношениях вы в своей душевной жизни ориентируетесь на то, что на протяжении долгих лет говорится относительно Мистерии Голгофы, то среди прочего, на что ссылаются ради объяснения четырех Евангелий, приходится сталкиваться и с тем, что не значится в Евангелиях как сообщение о жизни Христа Иисуса. В ряду приводимых в этой связи фактов я упомяну лишь рассказ о двух мальчиках Иисусах. Но есть и еще много всего, что может быть сегодня извлечено из чисто духовных источников и что важно для нашего времени, причем настолько важно, что представляется желательным, чтобы подготовленные к тому люди мало-помалу со всем этим знакомились. Пока что, разумеется, все рассказываемое на основе таких источников не должно покидать пределы нашего круга. И все же воспринимать это следует так, словно все это нечто такое, чему назначено излиться в души людей нашей современности, чтобы сформировать у них куда

более наглядный образ воздействия, оказываемого Христом Иисусом, нежели это было возможно до сих пор.

На основании того, что было сказано мной в качестве введения на первой лекции, у вас должно создаться впечатление, что в наше время возникла необходимость в куда более сознательном постижении образа Христа Иисуса, чем то было прежде. А если нам примутся возражать, говоря, что привнесение каких-либо новых сведений о жизни Христа Иисуса — это покушение на христианскую традицию, достаточно вспомнить об одном только окончании Евангелия Иоанна, где прямо сказано, что реальные события отражены в Евангелиях лишь частично, и что мир был бы не в состоянии вместить книг, если бы описать подробно все то, что имело место. Все это внушает нам мужество и силы для того, чтобы сообщить новые сведения о жизни Христа Иисуса, раз уж необходимость в этом возникла в данную эпоху. И это же дает нам возможность понять, что если кто выступает против, то лишь по ограниченности.

Теперь хотелось бы напомнить о том, что неоднократно рассказывалось мной также и в этих стенах: что в начале нашего летоисчисления родились два мальчика Иисуса. Об этом мы уже знаем, и знаем также, что один из двух мальчиков Иисусов появился на свет так, что в нем оказалось воплощено «Я», духовная сущность Заратустры, и что затем, приблизительно до 12-летнего возраста, этот мальчик Иисус жил с духовной сущностью Заратустры — вплоть до момента, который отражен в Евангелии Луки в том виде, когда родители повели Иисуса в Иерусалим и затем его потеряли, а отыскался он среди книжников, излагающим им те учения, к истолкованию которых эти книжники были призваны. Я обратил внимание на то, что данная сцена, как она изображается в Евангелии Луки, на деле указывает на то, что «Я» Заратустры, которое, таким образом, приблизительно 12 лет обитало в одном из мальчиков Иисусов, переместилось в другого, также 12-летнего мальчика, который до того момента отличался духовностью совершенно иного рода, так что теперь мы можем говорить о мальчике Иисусе из натовой ветви дома Давида, в котором вплоть до 12-ти лет «Я» Заратустры не пребывало, но начиная с этого момента он стал им обладать.

Итак, с помощью тех средств, о которых я часто говорил и которые можно обозначить как чтение хроники Акаши, теперь возможно получить дополнительные сведения относительно жизни того мальчика Иисуса, который отныне

наделен «Я»

Заратустры. При этом в жизни этого Иисуса можно выделить три периода. Первый простирается приблизительно с 12 до 18 лет, второй — с 18 до 24 лет и третий приблизительно с 24 лет до того момента, что ознаменовался Иоанновым крещением в Иордане, то есть примерно до 30 лет.

Обратим внимание на то, что мальчик Иисус, в котором теперь начиная с 12 лет обитало «Я» Заратустры, предстал перед учеными израильтского народа в качестве человека, располагавшего элементарными познаниями относительно того, в чем состояла сущность иудейского учения, какова была сущность древнееврейского законоведения, так что он был в состоянии здраво об этом рассуждать. Значит, в душе данного мальчика Иисуса жил весь этот древнееврейский мир. А именно в нем жило все то, что дошло в качестве известий относительно отношений еврейского народа с его Богом, и что обычно понимается как самовозвешение Моисею Бога еврейского народа.

Так что если говорить тезисно, можно было бы сказать: в Иисусе были живы обширные сокровища того священного учения, что пребывало в еврейском народе; и он обитал в Назарете, занимаясь ремеслом своего отца, располагая этими богатствами, этими познаниями, будучи преданным всему тому, что было ему таким образом известно, перерабатывая это в своей душе.

И вот, исследование хроник Акаши показывает нам, что все то, что Иисус таким вот образом знал, сделалось для него источником многочисленных душевных терзаний и мук. Именно, мы видим как чрезвычайно глубоко, все с большей основательностью и с тяжкими внутренними душевными борениями воспринималось им все, что некогда, в совершенно иные времена развития человечества, влилось в души тех, кто, будучи наделен совсем иными душевными силами, был тогда в состоянии это воспринять, влилось в них из духовных миров в качестве величественного возвешения, исполинского откровения. И в первую очередь душе Иисуса представилось то, что некогда жили люди с совершенно иными душевными способностями, которые могли взирать на открывающие себя духовные силы и совершенно иначе понимали то, что возвещалось здесь, нежели позднейший род человеческий, к которому теперь принадлежал он сам и который располагал производными, не такими устремленными ввысь душевными силами, чтобы переработать то, что некогда нисходило свыше. И нередко

для него наставало мгновение, когда он говорил себе: все это было некогда возведено, и знать это можно еще и теперь; однако теперь это невозможно постичь с той полнотой, с которой постигали его те, кто обрел все это в ту давнюю пору. И чем больше все это внутренне ему открывалось, чем больше таких представлений получала его душа, как уразумел он это теперь, выступая перед иудейскими книжниками и излагая им их собственное законоведение, тем острее воспринимал он неспособность душ его эпохи освоиться с тем, что представляло собой древнее иудейское откровение. И поэтому все люди, все эти души его времени, все характерные особенности этих душ представлялись ему в качестве потомства людей, некогда получавших великие откровения, однако теперь неспособного подняться до тех откровений. То, что некогда могло проникнуть в душу в сиянии яркого пламени, с величайшей теплотой (мог он говорить самому себе), ныне все это поблекло и во многих отношениях стало представляться заброшенным, между тем как ранее души воспринимали все это с глубочайшим смыслом. Таковы были ощущения Иисуса относительно того, что благодаря инспирации все больше и больше всплывало в душе.

Душевная жизнь Иисуса с 12-го по 18-й год сводилась к тому, что душа его все глубже проникала в иудейское учение и все меньше могла быть им удовлетворена. Более того, учение это доставляло ему все больше мучений и страданий. Наблюдения за тем, как приходилось страдать Иисусу из Назарета в свете того, во что превратилось седое от древности священное учение при позднейших человеческих поколениях, наполняют сердце ощущением глубочайшего трагизма. Нередко он говорил себе, пребывая в мечтательных, глубокомысленных раздумьях: «Некогда учение было ниспослано людям, им было дано откровение, однако ныне уж нет тех людей, которые были бы в состоянии их постичь!» Вот как можно вкратце охарактеризовать душевное состояние Иисуса из Назарета. Это накладывало отпечаток также и на те раздумья Иисуса, которым он предавался во время, свободное от занятий ремеслом (работы столяром в Назарете).

Затем, с 18-ти до 24-х лет настало время, когда ему пришлось странствовать — как неподалеку от дома, так и по более дальним местностям. Работая по специальности, он соприкоснулся в этих странствиях не только с самой Палестиной, но и с областями за ее пределами. В эти годы,

когда человеческая душа с такой свежестью отдается внешним впечатлениям и упивается ими, Иисус познакомился со многими людьми и с различными человеческими настроениями. Узнал он и каково приходится человеческим душам с тем, что досталось им в наследие от исконно-древнего священного учения, то есть как они воспринимают в нем то, что в состоянии понять. Поэтому понятно, что на душу, которой на протяжении шести лет довелось изведать все, о чем я только что поведал, все то, что довлело над нею как внутренние радости, страдания и разочарования, на такую душу все это должно было произвести совершенно иное впечатление, нежели на души прочих людей. Всякая душа была для него загадкой, которую ему следовало разгадать; всякая душа также и говорила ему, что ожидает чего-то, чему предстоит сбыться.

Среди многих областей, с которыми Иисусу довелось соприкоснуться, были также и те, что принадлежали к тогдашнему язычеству. Особенно сильное впечатление произвела на него одна сцена, проступающая перед нами с духовного полотна выпавших на его долю в период с 18-ти до 24-х лет странствий внутри Палестины и за ее пределами. Здесь мы видим, как он является в один языческий культовый центр, к языческому капищу, к которому устраивались тогда языческим богам, под тем или иным именем, в Азии, Африке и Европе. Это было одно из капищ, своими церемониями напомиравших о том, как они применялись в ходе мистерий, при том, что там они применялись с пониманием, между тем как в этих языческих культовых центрах они зачастую перешли в своего рода внешний ритуал. Но то капище, к которому явился Иисус из Назарета, было как раз из тех, что были оставлены жрецами, так что здесь культовые действия более не отправлялись. А было все это в такой области, где люди страдали от нужды и лишений, от болезней и тягот, и вот их капище жрецы покинули. Но когда к этому капищу явился Иисус, вокруг него собрались люди, которые хоть и несказанно страдали от болезней, нужды и лишений, но их, между прочим, преследовала и такая мысль: вот место, где мы когда-то собирались, где жрецы приносили вместе с нами жертвы и указывали нам на действия богов; а теперь мы стоим перед покинутым капищем.

Тот, кто ведет здесь спиритуальное наблюдение, обращает внимание на одну своеобразную черту в душе Иисуса. Уже и в ходе других его странствий можно было заметить, что повсюду его принимали весьма своеобразно.

Основной настрой его души распространял вокруг себя нечто такое, что оказывало умиротворяющее и благотворное воздействие на тех людей, в кругу которых он мог находиться. Он переезжал с места на место, работал там и сям в той или иной столярной мастерской и сидел затем с теми людьми, с которыми проводил время. Всякое произнесенное им слово воспринималось по-особому, поскольку оно по-особому и произносилось, будучи напитано добротой и сердечным расположением. Какое-то волшебное очарование изливалось при этом в души людей: важно было не столько даже что говорилось, но как это говорилось. Сердечная атмосфера формировалась вокруг странника повсюду. В нем усматривали не просто обычного человека: люди видели, что из глаз его изливается нечто особенное, чувствовали, что нечто незаурядное обращается к ним из его сердца.

Вот и получилось так, что обступившие алтарь люди — измученные, придавленные нуждой и бедствиями, люди, увидевшие, что сюда явился чужестранец, все вдруг одновременно подумали: к нам явился священник, который хочет вновь совершать служение при алтаре! Таким было настроение вокруг Иисуса, настроение, созданное тем впечатлением, которое произвело его явление. Было похоже на то, что он представился язычникам жрецом, который будет вновь совершать для них жертвоприношения.

И вот, стоя так перед собравшимися, в какой-то момент он почувствовал себя словно отрешенным, вроде как погружившимся в особое душевное состояние — и увидел нечто чудовищное! Иисус заметил у алтаря и среди толпы, становившейся вокруг него все более многочисленной, то, что можно назвать демонами, и он понял, что эти демоны обозначают. Ему стало понятно, как постепенно языческие жертвоприношения перешли в нечто такое, что магически притягивало демонов. Так и получилось, что когда Иисус явился к алтарю, сюда подтянулись не только люди, но и демоны, собиравшиеся у алтаря при прежних жертвоприношениях. Ибо вот что ему открылось: хотя такие языческие жертвоприношения и происходили от тех жертвенных действий, что в древние эпохи язычества могли совершаться в добропорядочных капищах истинным богам — постольку, поскольку они могли быть познаны в языческую эпоху, однако постепенно жертвоприношения эти пришли в упадок. Таинства выродились, и жертвы, прежде устремлявшиеся к богам, теперь вместо этого — как сами

жертвы, так и то, что жило в жрецах в качестве идей — притягивало к себе демонов, люциферические и ариманические силы, которые Иисус теперь вновь видел вокруг после того, как побывал в ином состоянии сознания. И когда собравшиеся увидели, что он оказался в ином состоянии сознания, по причине чего как подкошенный упал, они обратились в бегство. Демоны же остались.

Так что упадок языческих мистерий предстал душе Иисуса из Назарета еще с большей убедительностью, чем упадок древнего иудейского учения. С 12-го по 18-й годы своей жизни он изведаль, как то, что было некогда дано человечеству, чтобы согреть и просвещать души, больше не могло действовать, приводя к определенному душевному опустошению. Теперь он увидел, как на место древних благодетельных божественных воздействий пришли демонические воздействия люциферического и ариманического рода. Он увидел упадок язычества в том, что спиритуально воспринимал вокруг себя. Представьте себе эти душевные переживания, когда так вот доводится узнать, что сделалось из действий древних богов и из общения людей с древними богами. Представьте себе ощущение, возникавшее как результат понимания того, что человечество должно жаждать нового, ибо оно оскудеет и обнищает в своих душах, если это новое не наступит!

И тогда, вслед за тем, как демоны, так сказать, понаблюдали Иисуса из Назарета, после чего последовали за убегающими, ему было своего рода видение, видение, о котором мы еще будем говорить: в нем Иисусу особым образом, как бы с духовных высот, был громогласно возвещен ход развития человечества. У него было видение того, что будет мной сообщено в будущей лекции, что представляет собой своего рода макрокосмический «Отче наш». Он воспринял то, что некогда возвещалось человечеству как чистое слово, как чистый логос. Отец Иисуса из Назарета умер (так свидетельствует духовное исследование) приблизительно тогда же, когда Иисус из Назарета вернулся из этого странствия домой. В последующие же годы, примерно с 24-х лет и до времени, знаменательного Иоанновым крещением в Иордане, Иисус из Назарета познакомился с тем, что может быть названо учением ессеев, а также с их общиной. Ессеи были общиной, которая обосновалась в одной из долин в Палестине. Главная их резиденция находилась на отшибе. Однако поселения их существовали повсюду; было оно и в Назарете. Ессеи

задались целью выработать особый образ жизни, своеобразную душевную жизнь, которая, однако, должна была пребывать в гармонии с внешней жизнью, благодаря чему душа могла развиваться до более высокого уровня переживания, а это давало им своего рода общность с духовным миром. В некоторой степени здесь происходило восхождение до того, чем — как высшей ценностью — была способна наделить своих членов, своих братьев по вере ессейская община: своего рода соединение с высшими мирами.

Тем самым ессеи достигли такого результата, что у них, в какой-то степени, выработалась практика ухода за душой, вновь делавшая человеческие души пригодными для постижения того, что теперь уже невозможно было постигнуть в рамках естественного хода развития человечества, а именно древней связи с божественно-духовным миром. Ессеи пытались добиться этого через следование строгим правилам, распространявшимся также и на внешнюю сторону жизни. Они пытались добиться этого посредством того, что, так сказать, усердно и последовательно уклонялись от соприкосновения со всем, что представлял собой внешний мир. Никакой частной собственностью ессей не владел. Ессеи собирались из всех мыслимых уголков тогдашнего мира. Однако всякий, кто желал сделаться ессеем, должен был отдать то, что у него было, общине; имуществом, собственностью располагала лишь ессейская община. Так что если кто-то обладал недвижимостью и желал сделаться ессеем, он передавал общине дом и тот земельный участок, что к нему относился. Вследствие этого у них были владения в разных местах. Таков был своеобразный основной принцип в ессейской общине, который, разумеется, мог бы ныне, исходя из наших представлений, вызвать немалые недоразумения, но он, однако же, был необходим для всего того, чего добивались ессеи. Они культивировали жизнь души тем, что посвящали себя чистой жизни, жизни, целиком преданной мудрости, но также и благодетельной жизни в любви. Так что они были также и теми, кто повсюду, где бывали (а они путешествовали по миру именно для того, чтобы исполнить свое задание), совершали благодеяния. Частью их учения было исцеление недужных. Повсюду они совершали исцеления в духе той эпохи. Но они делали немало также и в смысле материальной благотворительности. А здесь вступал в действие тот базовый принцип, подражание которому при

нашем теперешнем общественном устройстве невозможно, да, пожалуй, и не нужно: ессей мог оказать помощь всякому, кого счел бы нуждающимся, но не родственнику. Есσει усматривали идеал в том, чтобы усовершенствовать душу и тем самым восстановить связь между ней и духовным миром. При этом такая цель ставилась в зависимость от того, чтобы не допустить до души искушений Аримана и Люцифера. Так что можно было бы следующим образом охарактеризовать ессейский идеал: ессей всячески старался уберечься от того, что можно было бы назвать люциферическими и ариманическими соблазнами. Он пытался жить так, чтобы никоим образом не соприкоснуться со всем тем, что представляет собой ариманическое вовлечение в чувственность, во внешний мир, в материальную жизнь. Но еще он старался жить в телесной чистоте, чтобы душу не могли поразить исходящие из нее люциферические соблазны и искушения. Итак, он стремился вести такую жизнь, чтобы Люцифер и Ариман не могли добраться до души ессея.

Благодаря особым условиям своего развития Иисус из Назарета установил с ессеями такие взаимоотношения, которые были невозможны для всех прочих людей, если только они сами не становились ессеями. А в те годы, о которых я веду речь сейчас, такие отношения были и вовсе немыслимы. Иисус из Назарета имел доступ даже в главную резиденцию ессеев — настолько, насколько это вообще было возможно согласно строгим правилам ессеев — в самые священные и заповедные их покои, мог вести с ними такие беседы, которые они вели лишь между собой. В силу этого он мог ознакомиться с глубочайшими уставными правилами ессеев. Так он узнал, что чувствовал, к чему стремился и чем жил обычный ессей, и прежде всего он выучился (а это-то в первую очередь и важно) воспринимать то, в чем заключалась предельная возможность, открывавшаяся перед всякой душой в ту эпоху — чтобы через достижение совершенства вновь пробиться к древнейшему священному Откровению. Со всем этим он познакомился.

Однажды, уходя с ессейского собрания, Иисус из Назарета испытал знаменательное переживание. Выходя через ворота уединенной обители ессеев, он увидел, как от ворот в разные стороны словно бы разбегаются две фигуры, и ему удалось понять, что то были Люцифер и Ариман.

И такое нередко повторялось с ним — в подобной же форме. В самом деле, есσει были очень многочисленным орденом. И повсюду у них были свои отделения — в том роде,

как я описал. За это их в некоторой степени уважали — такими, какими они были, хотя социальная их жизнь протекала совсем иначе, нежели у других людей. В городах, которые они посещали, специально для них были устроены ворота, ибо ессеи (таковы были их правила) не могли проходить в ворота, на которых имелись изображения. Когда им нужно было попасть в город и они подходили к воротам, на которых было изображение, им приходилось разворачиваться и подходить к городу в другом месте, где никаких изображений не было. Это играло определенную роль во всей системе учения ессеев о самосовершенствовании, поскольку дело обстояло так, что изображения не должны иметь в себе ничего легендарного, мифического или религиозного. Тем самым ессеи желал избежать исходившего от изображения люциферического импульса. И вновь и вновь Иисусу из Назарета виделось, как при этих нерасписанных ессейских воротах, подобно незримым статуям, стояли Люцифер и Ариман — там, где зримые изображения были запрещены. В жизни Иисуса из Назарета это был важный опыт.

Но что же извлек Иисус из этих значительных опытов в связи с многочисленными разговорами, которые он мог вести с ессеями, достигшими высокой степени совершенства? Проявилось же в нем нечто такое, что опять-таки оказало на его душу чрезвычайно, до невозможности тягостное, угнетающее впечатление, доставляя ему бесконечные страдания и муки. А именно случилось то, что он был вынужден сказать самому себе: «Да, это строго обособленная от окружающего община; люди здесь стремятся к тому, чтобы установить связь со спиритуальными силами, с божественно-духовным миром. И в наше время есть люди, которые стараются снова обрести эту связь. Но какой ценой? Той, что эта община ведет такую жизнь, которую не в состоянии вести другие люди. Ведь когда бы все люди вели жизнь ессеев, то как раз жизнь ессеев стала бы невозможна.» И еще ему открылось одно обстоятельство, подействовавшее на него чрезвычайно угнетающе. Он сказал себе: «Куда же устремляются Люцифер и Ариман, когда они разбегаются от ессейских ворот? А бегутони туда, где пребывают души других людей! Значит, человечество довело дело до того, что общине нужно обособиться, если она желает отыскать связь с божественно-духовным миром. А поскольку она обособляется, обособляется так, что может развиваться в своей целостной социальной спаянности лишь в той мере, в

какой отвергает прочих людей, она обрекает людей еще глубже погружаться в то, от чего она, эта община, убежала. Для того, чтобы общине ессеев возвыситься, остальным надо было пасть ниже! Чтобы есей мог вести такую жизнь, когда Люцифер и Ариман были бы не в состоянии с ним соприкоснуться, Ариман с Люцифером ушли к другим людям, искушая их и соблазняя.»

Таков был опыт Иисуса из Назарета с эзотерическим орденом. Все, что возможно было изведать в связи с иудейским законничеством, было им постигнуто на душевном уровне еще в более ранние годы. К чему — в современную для него эпоху — пришли языческие культы, ему довелось изведать также на душевном уровне, в предыдущие годы, когда в исполненный значимости миг его душе явился мир демонических сил. Теперь же ему довелось сверх этого изведать, какой ценой современное ему человечество вынуждено было отыскивать сближение с тайнами божественно-духовного мира. «Значит, мы живем в такое время, — пришлось ему с горечью признать, — когда всякий, кто желает установить связь с божественно-духовным, вынужден делать это в тесном кружке, обособляясь от других людей. Так что мы живем в такую эпоху, когда вопль томления по связи с божественно-духовным миром может исходить уже от всех человеческих существ.» И это тяжким камнем легло ему на душу.

И тогда, когда это переживание обрушилось на душу Иисуса из Назарета, у него состоялся еще и духовный разговор с душой Будды — как раз в рамках есейской общины. Ведь есейская община по своим характерным особенностям имела много общего с тем, что принес с собой в мир Будда. И вот Иисус увидел перед собой Будду и воспринял, как тот ему говорит: «Все же на пути, указанном человечеству мной, связь с божественно-духовным миром не может быть достигнута всеми людьми: ведь я обосновал учение, которое, будучи постигнуто и пережито в своих высочайших элементах, делает необходимым как раз такое обособление, какое содержит учение ессеев». Так Иисусовой душе со всей остротой, во всей полноте предстало, что Будда основал учение, которое предполагает, что помимо тех, кто объявляет о своей задушевнейшей принадлежности к данному учению, должны быть и другие люди, которые не в состоянии причислить себя к таким исповедникам. Разве могли бы Будда с учениками расхаживать с жертвенной чашей в руке и собирать подаяние, если бы не существовало

людей, которые могли бы такое подаяние давать? Он услышал от Будды признание, что его учение не может привести к совершенству любого человека на всяком жизненном поприще.

В три разных периода жизни перед Иоанновым крещением в Иордане Иисус из Назарета изведаль, какие возможности развития существовали в его время, причем изведаль не так, как бывает при изучении чего-либо, но так, как это случается при переживании, при непосредственном, теснейшем соприкосновении с этими вещами. Он пришел в живейшее соприкосновение с иудейским законоведением, когда оно открылось ему инспиративным образом, и он смог пережить внутри себя что-то вроде отзвука откровений, дававшихся Моисею и пророкам. Он понял, насколько невозможно душе его времени при тогдашней телесной конституции, полностью усвоить вещи такого рода. Наступили иные времена, нежели те, в которые существовала возможность полностью воспринять древнее иудейское законодательство. И подобно тому, как упадок языческих мистерий привлек к себе демонов, он также испытал это посредством теснейшего соприкосновения, посредством опыта в сверхчувственном мире, когда к нему устремились не только люди, погрузившиеся в лишения и бедствия по причине пришедшего в запустение капища, но также и демоны, собравшиеся около жертвенника вместо благих языческих сил древности.

А на протяжении шести лет, предшествовавших Иоаннову крещению, Иисус из Назарета ощутил, насколько отрезаны люди от возможности что-либо узнать из глубокого тайного учения ессейского ордена, — и это несмотря на все требования наступающей эпохи,

Углубляясь в данной области в хронику Акаши, начинаешь осознавать, что здесь, на основе внутреннего душевного опыта, были испытаны такие страдания, которых никогда не изведывала ни одна другая душа на свете. Как раз этого-то, о чем я только что сказал, в наше время, быть может, не понимают в полной мере. В этой связи я желал бы упомянуть здесь вот о чем. Именно, в ходе дальнейших лекций о Пятом Евангелии я еще укажу, до какой, уже невероятной степени, умножились эти страдания в период между Иоанновым крещением и Мистерией Голгофы. Со стороны нашей эпохи — и это напрашивается само собой — могут раздаться недоуменные вопросы: но почему вообще должна страдать столь возвышенная душа? Ведь у нашего

времени весьма своеобразные представления на этот счет. И если мне предстоит разобрать всю глубину страданий Иисуса, а впоследствии — Христа, мне следует обратить ваше внимание на многочисленные недоразумения, возникающие в этой связи.

Я уже не раз упоминал о том, что недавно Морис Метерлинк выпустил книгу «О смерти», которую следовало бы прочесть хотя бы чтобы убедиться, насколько бессмысленны могут быть писания человека, имеющего в духовной сфере также и немало достижений в части сочинительства. Наряду со многими прочими нелепостями мы обнаруживаем в этой книге Метерлинка также и то утверждение, что дух, не обладающий телом, якобы не способен страдать, поскольку страдать может лишь материальное тело. Отсюда Метерлинк выводит то следствие, что человек, расставшийся с телом, якобы не в состоянии страдать в духовном мире. Тот, кто думает так, придет к заключению, что существо Христа, после того, как оно вселилось в тело Иисуса из Назарета, не могло страдать. Несмотря на это, в следующий раз я укажу на мучительнейшие страдания, испытанные именно Христом в теле Иисуса из Назарета.

Впрочем, поразительно уже одно то, что человек-здорового ума в состоянии полагать, что материальное тело способно страдать. Ведь страдать в состоянии лишь душа в материальном теле, поскольку материальному телу боль и страдание недоступны. То, что представляет собой боль и страдание, пребывает в душевно-духовном теле, а телесные боли — это как раз такие, что вызываются расстройствами в физическом организме. Расстройствами они оказываются лишь постольку, поскольку физический организм — и есть организм. С его мускулами может приключиться растяжение или что-то подобное; однако материальное тело, телесная конституция не страдает, пускай даже сама материя оказывается вытянутой с одного места в другое.

Материальное тело не больше способно на страдание, нежели соломенный тюфяк, когда мы перетряхиваем в нем солому. Но поскольку в физическое тело внедрено духовно-душевное существо, оно-то как раз страдает оттого, что что-то отклонилось от нормального положения. Так что страдающим оказывается духовно-душевное начало, и всякий раз им оказывается лишь духовно-душевное. А чем на более высокой ступени пребывает духовно-душевное, тем более способно оно страдать, и чем оно выше, тем большие

страдания могут ему доставлять духовно-душевные впечатления.

Говорю это для того, чтобы вы постарались сформировать у себя восприятие, ощущение того, как в эти годы страдало существо Заратустры от переживания того, что древние откровения сделались невозможными для того, в чем нуждается человеческая душа в Новое время. Так что если мы в рамках хроники Акаши подвергнем рассмотрению ту часть жизни Иисуса из Назарета, о которой речь идет теперь, нам прежде всего бросится в глаза бесконечное страдание, которое невозможно сравнивать ни с одним страданием на свете.

И вот, под конец того временного промежутка, который я охарактеризовал напоследок, у Иисуса из Назарета состоялся разговор с матерью. Разговор этот оказал решающее влияние на тот шаг, который он предпринял теперь: отправиться к тому, с кем у него завязались определенные отношения благодаря его связи с орденом ессеев, прийти к Иоанну Крестителю. Об этом разговоре с матерью, который оказался тогда решающим для всего, что произошло затем в жизни Иисуса из Назарета, я поговорю в следующий раз.

А напоследок я хотел бы вам порекомендовать, чтобы вы рассматривали сообщения относительно этого Пятого Евангелия как нечто такое, что было дано, поскольку оно дается по той причине, что духовные силы нашей эпохи требуют, чтобы начиная с теперешнего момента какое-то число душ об этом знало. Но и вам следует подходить к тому, что вам сообщается, с определенным благочестием. Ведь мне уже довелось упомянуть здесь о том, в какое иступление пришла внешняя духовная жизнь Германии, причем это касается даже тех, кто мыслит честно и искренне, когда была в первый раз обнародована всего только история про двух мальчиков Иисусов. С такими вещами, что извлекаются из духовного мира, с вещами, которые происходят непосредственно из духовных исследований, пока еще никак не в состоянии смириться публика, пребывающая вне нашего движения, она на это просто не способна. В этой связи приходится сталкиваться с чрезвычайно разнообразными проявлениями того, что дает о себе знать в виде дикой страсти, с которой люди хотели бы отклонить от себя такого рода известия, поступающие в качестве новых провозвестий из духовного мира. Нет никакой необходимости в том, чтобы неосмотрительная болтовня привела к уничтожению и

осмеянию этих предметов, как это случилось с историей двух мальчиков Иисусов, ведь для нас-то эти вещи святы.

Вообще-то в настоящее время вовсе не легко говорить о таких вещах, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что сопротивление им оказывается наибольшее. В сущности говоря, это то, о чем я говорил уже неоднократно: характерная для нашего времени бесконечная косность человеческих душ, которые вовсе не желают вникнуть поглубже в суть духовного исследования, а потому никак не хотят проникнуться возможностью добиться таких результатов. Такова уж наша эпоха, что, с одной стороны, в сокрытых от взора глубинах человеческой души засела томительная жажда по откровениям духовного мира, а с другой стороны, в наше время сознательная часть человеческой души проявляет наиболее страстное неприятие как раз там, где заходит речь о таких вот известиях из духовного мира.

Поразмышляйте над словами, сказанными мной в завершение сегодняшней лекции, и руководствуйтесь ими в отношении того, как нам следует воспринимать все, что касается Пятого Евангелия.

Третья лекция Берлин, 18 ноября 1913 г.

Выступая здесь в последний раз, я сделал попытку рассказать кое-что из Пятого Евангелия относительно жизни Иисуса из Назарета начиная с 12-го года его жизни и вплоть до Иоаннова крещения в Иордане. Когда я остановился на том исполненном глубокой значимости опыте, которое довелось изведать Иисусу из Назарета в одном из языческих капищ, я указал на то, что чтение в хронике Акаши позволяет нам теперь увидеть Иисуса из Назарета в этом капище, и как у него возникает переживание того, что алтарь обступили демоны. Хотел бы лишь кратко напомнить о том, как он падает замертво, как он уносится в иной мир, в котором ему дается возможность воспринять, каковы были божественно-духовные таинства священного мистериального учения во времена древнего язычества. Так ему удалось проникнуться живой идеей того, чем было язычество в былые времена и что из него получилось в его эпоху.

Мною уже было упомянуто, что в это время (то есть в измененном состоянии сознания у языческого алтаря, о котором я упоминал в прошлый раз) он услышал как бы из

духовного мира возвешение слов, раскрывших то, как выражалось в наидревнейших священных учениях языческих народов то, что следует рассматривать как таинство сращивания человека с телесностью, с чувственно-материальным миром. Так что до него донесся из духовных миров тот голос, что был доступен древним пророкам.

И то, что тогда услышал Иисус из Назарета, следует означить как своего рода космический «Отче наш». В нем выразилось то, какой вид должна принять судьба человеческой души в свете того, что с рождения и до смерти человек оказывается соединен с земной материей. Я впервые смог огласить этот космический «Отче наш», позднейшее перевертывание которого сделалось земным «Отче наш», по случаю нашей закладки первого камня в Дорнахе. Теперь я снова его прочитаю вслух, ибо в этих словах содержится фактически изначальное учение языческого человечества. Так что, насколько это возможно, я попытаюсь теперь воспроизвести их по-немецки:

Аминь!

Засилие бедствий,

Свидетельство высвобождающегося «Я»,

Чужое прегрешение — самости вина,

Переживается в насущном хлебе,

В котором нет воли Неба.

Поскольку человек отделился от Вашего Царства

И забыл Ваши имена,

О Отцы что на Небесах*.

(* Существует несколько вариантов перевода. См. перевод О.Погибина на стр. 69, а также немецкий текст на стр. 70. Ред.).

Примерно таким было содержание того, что услышал тогда как таинство земного человека — в плане древнейшего священного учения — странствовавший по языческим областям Иисус из Назарета. Слова эти, действительно, выражают глубинные тайны эволюции человечества. Итак, эта важная весть внедрилась в душу Иисуса, когда он приближался к своему 24-летию, и с тех пор он знал, что некогда, в древние времена развития человечества, доносилось из духовного мира, и это представилось ему таким великим и значительным, что он (прежде всего после того, как при пришедшем в заустение языческом капище ему довелось изведать то переживание, о котором шла речь в прошлый раз) сказал сам себе: «Теперь уж нет больше на

Земле людей, которые могли бы все это понять».

Так произошло его знакомство с язычеством. Мы видели, как в три следовавшие друг за другом периода своей юности Иисус из Назарета познал глубочайшую суть иудаизма, глубочайшую суть язычества и глубочайшую суть ессейства. Мы уже видели, что эти знания последовательно сделались для него источником величайших страданий. Ибо в связи со всеми тремя Иисусу пришлось сказать самому себе: «Они могли бы присутствовать здесь, располагай человечество условиями для того, чтобы их воспринять; однако в том-то и дело, что условий этих теперь нет».

Таковы были результаты этого периода жизни Иисуса. Пятое Евангелие указывает, что Иисус, прежде чем воспринять в себя существо Христа, был в состоянии себе сказать: «Человечество эволюционировало, однако так, что человек обрел свойства, затмившие собой иные свойства, характерные для древности, и ныне люди не в состоянии воспринимать провозвестия духовного мира, как это в древности происходило с иудеями и язычниками». Но сверх этого ему после знакомства с ессеями пришлось признать еще и то, что так, как к воссоединению с духовным миром приходят ессеи, может придти лишь группа, а не все человечество. Так что и этот путь показал ему свою бесперспективность.

«Бедное, бедное человечество, — думалось Иисусу из Назарета, — прозвучи теперь голоса древних языческих пророков, ты бы их не поняло. Обратись к тебе голоса древних иудейских пророков, ты бы уже не поняло и их. Однако ты, как человечество в целом, не можешь устремиться к тому, к чему стремятся ессеи; стремиться к этому может лишь небольшая горстка, которая ищет собственного совершенства за счет прочего человечества.»

То, что я вам теперь скупой и сухо поведал, было для него жизнью, было мучительной душевной действительностью. В Иисусе из Назарета это было восприятием бесконечного сострадания человечеству в целом, того сострадания, которое он должен был ощущать, чтобы быть в состоянии воспринять в себя существо Христа.

Однако прежде, чем это произошло, у Иисуса из Назарета состоялся еще один важный разговор с человеком, известным нам как его приемная мать. Ведь нам известно, что мать того натанова мальчика, который на 12-м году жизни воспринял в себя личность Заратустры, то есть настоящая, родная мать этого натанова Иисуса, умерла

вскоре после того, как этот мальчик Иисус воспринял в себя Заратустру, воплотившегося в другом мальчике Иисусе, так что душа ее уже давно пребывала в духовном мире. Еще мы знаем по предыдущим лекциям прошлых лет, что отец второго, соломонова мальчика умер, и из обеих семей двух мальчиков Иисусов образовалась в Назарете единая семья, в которой Иисус объединился со своими братьями и сестрами и с матерью Заратустры. Нам известно, что отец Иисуса из Назарета умер, когда тот приблизительно в 24-летнем возрасте вернулся из одного из наиболее продолжительных странствий, и что теперь Иисус из Назарета обитал вдвоем со своею матерью, т.е. приемной, или неродной, матерью. Следует сказать, что приемная мать лишь постепенно обрела сердечное понимание всех тех глубинных переживаний, которые довелось изведать Иисусу из Назарета, но понимание это все нарастало. С годами эти две души, душа Иисуса из Назарета и душа матери, так сказать, приросли друг к другу.

Первое время по достижении 12 лет также и в родительском доме Иисус из Назарета оставался со своими переживаниями один на один. Собственно говоря, прочие братья и сестры усматривали в его душе, которой приходилось бороться с глубинными, мучительными переживаниями, склонность к своего рода помешательству. Напротив того, матери удавалось достигать все большего понимания этой души. Так и получилось, что приблизительно на 29-м или 30-м году жизни у Иисуса из Назарета состоялась серьезная беседа с матерью, беседа, как мы убедимся уже вскоре, фактически приведшая к важнейшим следствиям.

По сути говоря, в этой беседе оказалось собрано в своего рода ретроспективе все, что довелось испытать Иисусу из Назарета начиная с 12-летнего возраста. Хроника Акаши показывает нам, как протекал этот разговор. Вначале Иисус из Назарета говорил о тех переживаниях, что имели место с 12-го по 16-й или 18-й годы его жизни, как в это время он постепенно прочувствовал в себе то, что было некогда древнейшим иудейским учением, древнейшим учением иудейских пророков. Никто в его окружении не был уже способен доставить ему такие переживания, как и те слова, что вызвали изумление книжников, когда он оказался среди них в известном эпизоде, переживание этих слов также не могло быть вызвано кем-либо из его окружения. Но в его душе вновь и вновь возникали инспирации, в

происхождении которых из духовного мира он был в любом случае убежден. Иудейское учение настолько оживало в его душе, что он точно знал, что обладает этим древним иудейским учением, для которого, однако, в его времена слушателей было не сыскать. То, что он остался с этим учением один на один, и было величайшей его мукой.

Впрочем, матери было что возразить, когда Иисус из Назарета сказал: «Раздайся сегодня голоса древнейших иудейских пророков, не отыскалось бы ведь людей, которые смогли бы понять эти голоса». На это она отвечала, что был же, например, Гиллель, великий законоучитель, а Иисус из Назарета высоко ставил Гиллеля и его значение для иудаизма. Мне нет нужды рассказывать, какова была роль Гиллеля. Достаточно свидетельств тому можно отыскать в иудейской литературе. Гиллелю удалось обновить величайшие достоинства древнего иудаизма и его учение, а сверх того это был человек, в силу своих личностных свойств приведший древний иудаизм к своего рода возрождению. Но случилось это не потому, что Гиллель был ученым, а потому, что в его деятельности, и в первую очередь в его чувствах, волениях и желаниях, а также в его обращении с людьми проявилось то преобразующее действие, какое оказывает на человеческую душу подлинная мудрость. Гиллелю на полном основании приписывали то, что принято особенно превозносить в иудаизме, однако тогда этого уже не могли как следует понять: терпение при общении с людьми. Сверх того он довольно своеобразно добился возможности действовать в еврейской среде. Гиллель происходил из Вавилона, однако из рода, переселенного иудеями в Вавилон во времена вавилонского пленения, и возводившего свое происхождение к семейству Давида. Тем самым он соединил в себе то, что ему удалось воспринять из вавилонского духа, с пульсировавшим в его крови еврейством. И о том, какой вид это приняло в его душе, можно судить по одной повествующей о нем легенде.

Как-то раз, рассказывается здесь, сразу по прибытии Гиллеля в Иерусалим, прочие наиболее видные иудейские ученые собрались для всевозможных обсуждений, в ходе которых можно было слышать, как выдвигаются те или иные доводы насчет тайных сторон учения иудаизма. Чтобы присутствовать на таких диспутах, надо было заплатить какую-то мелочь. У Гиллеля денег не было, потому что он был чрезвычайно беден. Несмотря на то, что было очень холодно,

он попытался вскарабкаться на небольшое возвышение перед тем домом, в котором шел диспут, чтобы послушать через окна, что там говорят.

Ведь заплатить за вход он не мог. Ночь была такая холодная, что он совсем окоченел, и когда его нашли застывшим наутро, пришлось отогреть, чтобы он оттаял.

Но вследствие такого испытания он принял участие во всем обсуждении в своем эфирном теле. И в то время как остальные не слышали ничего кроме абстрактных слов, которыми обменивались участники, Гиллелю открылся мир чудесных видений, преобразивших его душу.

Можно было бы рассказать еще много таких случаев. Особенно славилось его терпение, о котором говорили, что оно неисчерпаемо. Рассказывают даже, что как-то раз некто побился об заклад насчет того, чтобы исчерпать терпение Гиллеля до самого дна, так, чтобы он рассердился. Пари было заключено, и перед тем, кто должен был разгневать Гиллеля, то есть вознамерился исчерпать его терпение, была поставлена соответствующая задача. И вот что он сделал. Он отправился к Гиллелю как раз когда тот был занят приготовлениями к субботней проповеди и был не одет, постучал в дверь и крикнул: «Гиллель, а, Гиллель! Выйди-ка ко мне!» Гиллель спросил: «В чем дело?» «Ах, Гиллель, выйди же, у меня к тебе важный вопрос». Гиллель накинул халат, вышел и сказал: «Сын мой, о чем ты хочешь меня спросить?» И здесь поспоривший молвил: «Гиллель, у меня к тебе важный вопрос. Почему у многих вавилонян такие острые макушки?» И Гиллель ответил: «Мой возлюбленный сын, знаешь ли ты, что у вавилонян такие скверные повитухи, что они появляются на свет в неблагоприятных условиях. Вот оттого-то у многих из тамошних людей такие острые макушки. А теперь ступай, ты получил ответ на свой вопрос». И Гиллель снова вошел в дом и опять принялся за подготовку к субботе.

Но прошло совсем немного времени, и тот же человек пришел вновь и закричал, как и перед этим: «Гиллель, а, Гиллель, выйди!» «Что там такое?» — ответил Гиллель. «Ах, Гиллель, у меня к тебе важный вопрос, на который нужен немедленный ответ». И Гиллель снова вышел и спросил вопрошавшего: «Что за вопрос?» И тот ответил: «Ах, Гиллель, скажи ты мне, почему в Аравии так много людей с такими прищуренными глазами?» И Гиллель ответил: «Аравийская пустыня так обширна, что ее можно выносить лишь применившись к пустыне глазами. Поэтому-то у многих в

Аравии такие прищуренные глаза. Так что ступай теперь, сын мой, ответ на твой важный вопрос дан.» И Гиллель снова зашел в дом.

Но прошло немного времени, и тот же человек явился в третий раз и опять закричал: «Гиллель, а, Гиллель, выйди!» «Что там такое?» «Гиллель, выйди, у меня к тебе важный вопрос, на который нужен немедленный ответ». Гиллель вышел, и тут человек этот сказал: «Ах, Гиллель, ответь-ка ты мне, почему у столь многих людей в соседних с Египтом местах такие плоские ступни?» И Гиллель ответил: «Мой возлюбленный сын, такие плоские ступни у них потому, что живут они на топких землях. Здесь они нуждаются в таких плоских ступнях, как и многие птицы, обитающие на топях, и потому ступни здесь должны быть приспособлены к условиям. Вот потому-то у них такие плоские ступни. Теперь ступай, сын мой, ответ на твой вопрос дан».

И все же через несколько минут человек этот пришел вновь, и снова постучался к Гиллелю, но с каждым вопросом он становился все печальней, и теперь он закричал еще грустнее, чем в последний раз: «Гиллель, выйди ко мне!» И когда Гиллель вышел, он сказал: «Эх, Гиллель, я побился об заклад, что смогу тебя разгневать. И трижды я пытался это сделать моими вопросами. Так скажи же мне, Гиллель, что мне нужно сделать, чтобы не проиграть пари!» Но Гиллель отвечал: «Сын мой, лучше будет тебе проиграть пари, чем Гиллелю выйти из себя! А теперь ступай и уплати свой заклад!»

Это пример, который должен показать, насколько велико было тогда терпение Гиллеля на взгляд или по мнению его иудейских сограждан. Так что Иисус из Назарета также испытал на себе воздействие этого человека. Однако он знал не только то, что свершил Гиллель, но ему, в собственной его душе, была ведома и сама великая Бат-Коль, то есть «небесный голос», ожививший в глубинах его души исходящие из божественно-духовного мира тайны, как они некогда звучали для пророков. И он знал, что даже в самом Гиллеле присутствует лишь чрезвычайно слабый отзвук того, к чему некогда были готовы предки евреев. Однако теперь их потомки не дозрели даже для того слабого отзвука, слышавшегося в гласе Гиллеля, уж не говоря о великой Бат-Коль. Все это тяжким грузом ложилось на душу Иисуса из Назарета, и он поведал о том матери. Он поведал ей, что ему довелось испытать, и как из недели в неделю перед ним все с большей ясностью представало то, от кого исходили

древнейшие священные учения древнего иудаизма, и как потомки древних евреев более не обладали слухом, чтобы услышать то, что было некогда словами великих пророков. И теперь мать его поняла, так что его слова встретили глубокое сердечное понимание и сочувствие.

А затем он рассказал о том событии, что довелось ему пережить, когда ему сравнялось 18 лет и он отправился в путь по иудейским и языческим местностям. Лишь теперь он поведал матери, как в своих странствиях он прибыл к одному языческому капищу, из которого, однако, убежали ли жрецы. Ибо местное население поразил страшный недуг, которым мог заразиться каждый. И когда Иисус из Назарета явился сюда, его увидели, и со скоростью молнии распространилась весть о том, что сюда подходит совершенно необычный человек. Потому что характерной особенностью Иисуса из Назарета было как раз то, что повсюду, куда он ни приходил, уже одна его фигура производила необычайное впечатление. Вот и местные обитатели, величайшая скорбь которых состояла в том, что языческие священники их покинули, и священнодействия у алтаря больше не совершались, уверовали в то, что в лице Иисуса из Назарета сюда явился жрец жертвоприношений, который будет их вновь совершать. Множество народу собралось у пришедшего в запустение алтаря. Иисус из Назарета не имел желания отправлять их культ жертвоприношений. Но он увидел более глубинную причину того, почему страдают эти люди. Он увидел то, что можно было бы выразить следующим образом.

Некогда на таких жертвенных алтарях приносились надлежащие жертвы, являвшиеся внешним культовым выражением древних мистериальных откровений тех языческих местностей. В самом деле, в культовых действиях находили выражение мистериальные откровения. И когда такие культовые действия совершались в древние святые времена (он знал это теперь благодаря непосредственному созерцанию), совершались при надлежащем умонастроении священников, тогда в них принимали участие и божественно-духовные существа, с которыми были связаны язычники. Однако жертвоприношения эти постепенно оскудели, они пришли в упадок и развратились. Жрецы более не обладали надлежащим умонастроением, и дело дошло до того, что в одном из таких культовых центров взамен благих древних божественных существ теперь безраздельно господствовали демоны. А демоны эти как раз и были причиной того, что населению приходилось страдать. И теперь Иисус из

Назарета увидел, как эти демоны собрались. Они тут же парировали его ясновидческий взгляд, и он упал бездыханный. И когда он упал, люди догадались, что явился он не для того, чтобы вновь совершать жертвоприношения на их алтаре. Они обратились в бегство, и в тот самый миг ему разом открылся весь переход древнего языческого мира богов — в мир демонов, он постиг, что это и было причиной страданий того народа.

Но теперь Иисус из Назарета перенесся еще и в те времена язычества, когда к людям ниспускались настоящие откровения древних священных учений. В связи с этим он услышал то, что было мной приведено в качестве космического «Отче наш». Теперь он знал, как далеко отстоит современное, в том числе и современное для него, человечество (как пребывающее в язычестве, так и в иудаизме) от древних учений и откровений. Вот только то, что ему следовало узнать об иудаизме, он обрел благодаря голосу великой Бат-Коль. Напротив того, язычество предстало перед ним в чудовищном видении. Это оказало на него совсем иное действие, чем абстрактная констатация: оно вызвало в нем душевный переворот. Так что ныне он знал, что теперь уж более не сыскать людских ушей, способных услышать и понять то, что некогда звучало для иудаизма через пророческие голоса, как, впрочем, не было и тех людей, что могли бы услышать и понять то, что слышалось с небес язычеству.

Все это Иисус из Назарета теперь взволнованно рассказал матери. Далее он поведал и о своем сближении с ессеями, особенно о том, что трудно было бы понять, не прояви мать в отношении него такой сердечной чуткости: как выходя однажды с ессейского собрания, он увидел убегающих прочь от ворот Люцифера и Аримана. Он знал, что для многих и многих людей методы ессеев были недоступны. Хотя методы эти и позволяли воссоединиться с божественно-духовным миром, однако лишь благодаря тому, что они отталкивали Люцифера и Аримана от себя. Но при этом Люцифер и Ариман располагали тем большими возможностями приступить к другим людям и еще глубже вовлечь их в хитросплетения земного существования, так что эти люди были не в состоянии участвовать в воссоединении с духовным миром. Таким образом, это переживание дало Иисусу из Назарета понять, что также и ессейский путь не мог стать общечеловеческим, потому что возможен он лишь для крошечной горстки людей. То был третий, в дополнение к

двум другим, мучительный опыт.

Необычным был его рассказ. Ибо то был не просто словесный поток, устремленный к матери: слова, как живые существа, доходили до самого ее сердца. И когда глубинный смысл этих слов (смысл, напитанный страданием, но также и пламенной любовью к людям) перетекал в душу матери, она чувствовала, как душа ее внутренне укрепляется, как она оживает переходящей от него мощью и силой, как она претерпевает внутреннее превращение. Вот что ощущала мать. И действительно все выглядело так, как если бы в ходе этого разговора все, что было живо в душе Иисуса из Назарета, переходило в душу матери. То же самое происходило и с ним. Ибо взгляд, брошенный в хронику Акаши, таинственным образом открывает нам нечто примечательное.

Иисус из Назарета рассказывал так, что его слова, постольку поскольку они исторгались из его груди и перелетали в сердце матери, неизменно уносили с собой кусочек его собственного «Я». Можно было бы сказать, что на крыльях его слов его собственное «Я» как бы переходило к матери, но не так, чтобы его «Я» перешло в мать как таковое: она просто оживала благодаря этим словам. Ибо в это мгновение случилась та примечательная вещь, что под воздействием этого разговора душа той матери, что была родной матерью натанова Иисуса, спустилась из духовного мира и связалась с душой приемной матери, так что с этого разговора в душе приемной матери жила также и душа настоящей матери натанова Иисуса. Душа приемной матери восприняла душу той, другой матери. То, что здесь имело место, было как возврат к девичеству. Если за этим наблюдать, такое претворение, такое пронизывание души матери другой душой из духовного мира производит чрезвычайно глубокое, потрясающее впечатление: ты видишь, как начиная с этого момента приемная мать продолжает жить фактически лишь как оболочка той матери, что пребывала в духовном мире с 12-го по 30-й год жизни Иисуса.

С самим же Иисусом все выглядело так, как если бы его «Я» перешло к матери, как если бы в нем жили, управляемые космическими законами, лишь физическое, эфирное и астральное тела. И в этой трехчастной телесности Иисуса из Назарета возник внутренний позыв отправиться к тому, с кем он познакомился в общине ессеев, хотя настоящим ессеем тот был ничуть не больше его самого, однако был

принят в ессейской общине, отправиться к Иоанну Крестителю. И тогда в связи с тем, что известно нам по четырем прочим Евангелиям, в связи с Крещением, имело место погружение существа Христа в телесность Иисуса из Назарета, которая вложила в разговор с матерью свое «Я», связанное со всеми ее страданиями и со всем ее существом — «Я», перешедшее в душу матери. И эта трехчастная телесность восприняла существо Христа, с которым вы уже неоднократно знакомились, теперь же оно обитало в этих трех телах взамен того, другого «Я».

И вот теперь также и это, Пятое Евангелие, которое может быть извлечено из хроник Акаши, говорит об искушении, последовавшем за зачатием* существа Христа. Однако при знакомстве с хроникой Акаши искушение предстает в несколько ином свете, и я опять-таки постараюсь, насколько смогу, поведать, что же все-таки здесь имело место, как именно разыгрывалась сцена искушения.

(*Употребленное здесь слово *Empfängnis* означает «зачатие», однако в первообразном смысле, по основе, его можно понимать и в более широком смысле — как «восприятие, «принятие». Впрочем, согласно Штейнеру, зачатием это и было: последующие три года земной жизни Христа — это беременность, а крестная смерть — роды (см. выше, Третья лекция, прочитанная в Христиании 3 октября 1913 г., начало, а также ниже, лекция в Гамбурге, 16 ноября 1913 г.).

Первым делом против Христа Иисуса (теперь мы уже можем говорить так) выступил Люцифер. И в самом деле, посредством того процесса, который вполне может уразуметь духовный исследователь, а также в форме, которую он может понять, Люцифер задал вопрос, который, естественно, если об этом приходится рассказывать, следует перевести в артикулированные слова, вопрос, содержащийся в прочих Евангелиях, вопрос искушителя, адресованный в первую очередь высокомерию: все царства, что видишь ты вокруг себя (а Люцифер имел в виду царства астрального мира в их неохватности), будут твоими, если ты признаешь меня своим господином!

Этот вопрос — по крайней мере будучи обращен к человеческому существу — выражает, причем в самый удобный момент, глубочайший импульс искушения, ибо он высвобождает в человеческой душе все силы и позывы высокомерия и завышенной самооценки. Разумеется, об этом невозможно составить адекватное представление, если

мыслить об астральном мире исключительно в абстрактных категориях. Но когда ты реально в нем оказываешься, то действие сил этого астрального мира, из которого и вещал тогда Люцифер, на всю человеческую конституцию столь велико, что все демоны высокомерия высвобождаются здесь с той же точно необходимостью, с которой ты проголодаешься, попостившись четыре-пять дней. И здесь не отделаться прекраснодушными рассуждениями в духе материального уровня: «Не позволяй высокомерию тебя ослеплять!» Для плана материального все это может быть прекрасно, но тут же теряет свою значимость, когда на человеческую конституцию обрушивается весь астральный мир. Однако Христос Иисус устоял перед искушением Люцифера. Он его отверг.

Здесь я хотел бы сделать отступление. Вообще-то читая хронику Акаши вполне возможно запутаться в последовательности. Я полагаю, что в случае так называемого искушения последовательность такова, какой она представляется мне, но может статься, что она — обратная. Мне так не кажется, но я не могу утверждать, что при последующей проверке не окажется, что все же она была обратной. Поэтому мне хотелось бы обратить внимание на то, что в этих сообщениях из хроник Акаши я указываю лишь то, как все выглядит на деле. По этой причине в местах, где имеются сомнения, я указывал, что здесь впоследствии возможна поправка.

Итак, после того, как первый люциферический натиск был таким вот образом отражен, Люцифер и Ариман вступили в дело совместно. Объединившись, они задали Христу Иисусу вопрос относительно того, чтобы броситься с громадной высоты. То был вопрос, поставленный гордыне. Каким-то окольным путем вопрос этот должен был адресоваться гордыне, ощущению своего превосходства в отношении страха. И Христос Иисус отверг этот вопрос. Его невозможно было искушить, обращаясь к гордости, ведь в данном случае это означает самоощущение своей—в смысле страха — исключительности. Теперь Люциферу пришлось уступить, оставить его в покое.

Ариман же остался и задал третий вопрос, который опять-таки в Пятом Евангелии совпадает с вопросами в других Евангелиях, вопрос, связанный с тем, чтобы камни превратились в хлеб. Когда бы Христос действительно обладал могуществом, ему следовало повелеть камням сделаться хлебом. И вот здесь-то, в связи с этим вопросом,

некоторый неразрешенный момент остался без ответа. Христу Иисусу не удалось до конца ответить на этот вопрос Аримана, и Ариман ушел не полностью посрамленным. Во всяком случае, если мы рассматриваем данный вопрос с точки зрения хроники Акаши, у нас возникает такая картина. И Христос Иисус знал, что в том, что относится к Ариману, остается неразрешенный остаток, который не может быть преодолен посредством внутреннего духовного процесса, но для которого нужно еще и что-то другое.

Мне хотелось бы попытаться как-то это объяснить, как ни банально это может показаться. Собственно говоря, Ариман — властелин мира материальных законов. Если когда-нибудь будут напечатаны мюнхенские лекции этого года, весь мир Аримана предстанет в еще более явном виде. Ариман — это господин материальных законов, тех законов, которые на самом деле можно будет одухотворить лишь после того, как завершится все развитие Земли, тех законов, что сохраняют свое действие, свою силу. Ариман — это полноправный господин материальных законов. Не злоупотребляй он этой своей властью, не распространяй он ее на что-то другое, он оказался бы, в некотором роде, единственным необходимым персонажем в рамках земного развития. Но ведь справедливо то, что значит в космическом «Отче наш»: «Другими заслуженная самости вина переживается в насущном хлебе, в котором нет воли Неба». Справедливо то, что в своей земной жизни человек привязан к материальным законам, и он не в состоянии достичь непосредственного одухотворения того, что проистекает из материальных законов посредством чисто внутреннего, душевного процесса: для этого необходимо еще и внешнее. С вопросом этим связано также и все, что имеет отношение к богатству и бедности. Все, что вовлекает нас в социальный порядок, так что мы пребываем во власти законов, одухотворить которые нам удастся лишь в общем ходе развития Земли, принадлежит сюда же. А с этим связано (как я уже говорил, мне приходится сказать что-то банальное, однако банальностью здесь и не пахнет) то, что в общественном устройстве постепенно утверждается засилие всего того, что можно обозначить как «деньги», господство денег, делающее невозможным жить непосредственно по овеянному духом законам. Несомненно, всякому понятно, что здесь имеется в виду. Однако вследствие того, что налицо невозможность превратить «камни в хлеб», невозможность владеть духовным непосредственно в материи, независимо от материального, вследствие того, что эта невозможность

налицо, как налицо и ее зеркальная копия, засилие денег, от этого-то власть и принадлежит Ариману. Ведь в деньгах — в социальном смысле — обитает также и Ариман.

Как реакция на оставшийся без ответа вопрос Аримана у Христа Иисуса должно было зародиться идеальное стремление — излиться теперь в развитие Земли и постепенно, неспешно оказывать свое влияние на все дальнейшее развитие Земли. Это невозможно было исполнить на чисто душевном уровне. Все дальнейшее развитие Земли следовало пронизать Христом! Христос должен был перейти в развитие Земли. Ариман располагал властью обязать Христа связаться с Землей. Для этого он впоследствии всецело пронизал Иуду, а через Иуду у него появилось средство реально обречь Христа на смерть. И через смерть существо Христа излилось в существо Земли. То, что совершил Иуда, был не получивший окончательного ответа вопрос Аримана. Испытание Люцифера можно было внутренне преодолеть на душевном уровне. Всякая душа должна разделаться с искушением Люцифера внутри себя самой. Но таков уж Ариман, что он будет преодолен во всем последующем историческом развитии человечества, поскольку люди будут все более пронизываться существом Христа и с ним самоотождествляться.

Когда мы с позиций хроники Акаши рассматриваем третий, Ариманов, вопрос, не получивший полного ответа, мы взираем на глубинную тайну исторического развития, последовавшего за Мистерией Голгофы. Здесь содержится уже все. И теперь Христос знал, что он должен всецело связаться с земным телом, что он действительно должен стать всецело человеком.

И вот это-то становление человеком оказалось источником еще одного, трехлетнего страдания. Ибо не сразу (это вытекает из наблюдения за Пятым Евангелием в хронике Акаши), далеко не сразу существо Христа сделалось единым с тремя телами Иисуса из Назарета. Поначалу можно видеть, наблюдая за странствиями Христа Иисуса по Земле, что хотя три тела и пронизаны существом Христа, однако само оно не вполне находится внутри, как пребывает в человеке всякое другое «Я», но существо Христа, подобно могучей ауре, лишь слегка касается этих тел. Ибо имело место бесконечное число раз, когда телесное начало Христа Иисуса пребывало в каком-то месте, обреталось в одиночестве или в обществе других людей, Христос же находился далеко, странствуя по стране как духовное существо. И не всегда, когда Христос

появляется там или здесь, является взору того или другого апостола, совсем даже не всегда это духовное существо присутствовало здесь в материальном теле Христа Иисуса. Уже тогда он являлся в настолько мощном духовном теле, что оно неизменно воспринималось как материальное присутствие. То, что рассказывается относительно пребывания учеников с Христом, согласно Пятому Евангелию, не всегда относится к их совместной жизни в материальном теле, но зачастую лишь к визионерскому общению, доходящему вплоть до степени телесного присутствия.

Вот своеобразие, которое и в самом деле на первых порах привело лишь к непрочному сосуществованию Христа и телесного начала Иисуса из Назарета. Однако связь между ними становилась все теснее и теснее. Существо Христа приходилось все больше погружаться в тела Иисуса из Назарета и с ними связываться. И все же лишь к концу трех лет существо Христа образовало, так сказать, полное единство с телами Иисуса из Назарета, а полностью это произошло лишь непосредственно перед смертью на Кресте. Однако это соединение с человеческим телом представляло собой последовательное, непрестанно возрастающее страдание. Всеохватная, универсальная духовная сущность Христа могла соединиться с телом Иисуса из Назарета лишь при условии невыразимых страданий. Страдания эти продолжались еще три года.

Видя это, сентиментальным, по правде говоря, не становишься, так как во впечатлении, которое составлять о духовном мире, нет ни капли сентиментальности. Нет, пожалуй, ни одного такого впечатления, которое можно было бы сравнить по степени страданий с объединением в единое целое существа Христа с телесностью Иисуса из Назарета. И мы начинаем понимать, какие муки должен был терпеть Бог, чтобы состарившееся человечество могло претерпеть новое омоложение, дабы человек оказался в состоянии полностью овладеть своим «Я».

Развитие это было таково, что когда вокруг Христа собрались отдельные ученики, Христос Иисус подчас пребывал с ними в физическом теле, однако как духовное существо он, разумеется, оставался невидим для всех, кто был способен видеть лишь телесными глазами, так что лишь ученики знали о нем, о том, что он среди них — благодаря характеру своей связи с ним. Однако здесь хроника Акаши Пятого Евангелия обнаруживает нечто весьма необычное.

Особенно на первых порах на протяжении этих трех лет Христос Иисус говорил очень мало. Он действовал. И действовал одним своим присутствием. Я еще буду об этом говорить. Посредством той необычной связи, что имелась между существом Христа и телесностью Иисуса из Назарета, на других людей распространялись такие его действия, которые бы иначе не имели места в земной эволюции, а их отблеск принято называть совершенно неподходящим или теперь уже плохо понимаемым словом «чудо». Такие воздействия исходили от него благодаря его сущности. Об этом мы поговорим в следующий раз. Но теперь я хотел бы сказать о чем-то исключительном.

Мы видим группу странствующих учеников, и у многих создается вполне определенное впечатление: ну, теперь уж точно среди них пребывает Иисус из Назарета. Прежде всего такое впечатление возникает когда Христос Иисус странствует со своими учениками наедине. Но нередко зарождается еще и та мысль, что телесная личность Иисуса из Назарета далеко, ученики же полагают, что странствуют, имея существо Христа среди себя. Но существо это в состоянии (и в этом-то как раз примечательное и состоит) вещать через любого из учеников —через одного, через другого, попеременно. И когда тот или другой ученик говорит, внимающий народ видит перемену во всем облике говорящего, он как бы освящается —все делается иным, происходит преобразование, и ближе к концу это бывает всякий раз другой ученик. По самым разным поводам распространялось убеждение: здесь баламутящий народ смутьян, который сеет нечто такое, чего никак не желали иудейские вожди. Но не было известно, кто это. Иной раз слова исходили от одного, другой — от другого. Поэтому-то, как повествует нам хроника Акаши, и была необходимость в предательстве Иуды.

Признаюсь сам: вопрос о том, почему была необходимость в предательстве Иуды, почему на самом деле была нужда в том, чтобы кто-то, кто мог об этом знать из круга учеников, посредством Иудина поцелуя указал бы, словно пальцем ткнул: «Это он!», рассказ об этом всегда представлялся мне несуразным, пока я не узнал, что и в самом деле невозможно было догадаться, о ком из них идет речь, поскольку Христос мог вещать через каждого; так что даже когда он физически среди них присутствовал, опознать его было невозможно. Ибо в связи с тем, что он вещал то через одного, то через другого, за него можно было принять любого. А вещал-то ведь

каждый! Лишь когда знавший об этом, причем в момент, когда Христос Иисус телесно присутствовал среди них, сказал иудеям: «Это он!» — лишь тогда его смогли схватить. В самом деле, то было совершенно своеобразное явление, происходившее тогда в самой нижней точке, в средоточии развития Земли. Я в разных аспектах, по большей части теоретически рассуждал о том, как человечество переживает нисхождение и подъем, о том, как некогда этот самый импульс Христа укоренился среди человечества, как бы в самом его средоточии.

Здесь мы можем в некоторой степени получить представление о сущностном значении импульса Христа для развития Земли. Представление это возникает в связи с тем, что мы характеризуем дело со стороны того, чем именно является этот импульс в развитии Земли как таковом. Попробуй мы теперь, так сказать, шаг за шагом, чисто повествовательно изобразить то, как выглядят при созерцании все эти вещи, я не думаю, что события, будь они пересказаны чисто повествовательно, произвели бы на нас более слабое впечатление. Мне не кажется, что что-либо из тех указаний, которые уже сделаны относительно решающего значения импульса Христа, умалятся, если мы увидим, что пережил Иисус из Назарета, когда в его теле пребывал Заратустра, как он подрастал со своими страданиями и всей своей благожелательностью, которая из этих страданий вытекала, так что самость Заратустры была связана со словами, сказанными матери и с ними вместе покинула себя самое.

И когда мы далее узнаем, как в это существо Иисуса, освободившееся таким образом благодаря разговору с матерью от себя самого, погрузилось существо Христа, как это существо боролось с Ариманом и Люцифером, и как из этого страдания возникло все последующее, когда мы установим все эти подробности, то, думается мне, они в полном смысле подтвердят то, что возникает, на основе духовных исследований. И как ни тяжело при нынешних условиях говорить об этих предметах вполне откровенно, все же это следует рассматривать как подлинную обязанность — дать отдельным душам то, что делается все более и более необходимым для развития душ в направлении будущего. Поэтому прошу еще раз благочестиво воспринимать и лелеять эти предметы.

Четвертая лекция

Берлин, 6 января 1914 г.

При наблюдении за жизнью Христа Иисуса, которое мы проводим теперь согласно тому, что я предпочитаю именовать Пятым Евангелием, нам должно представляться важным все, что произошло после этого разговора Иисуса из Назарета с матерью, изложение которого было мной дано также и здесь. Сейчас бы мне хотелось (и, надеюсь, на это можно рассчитывать в тесном кругу такой рабочей группы, как здешняя) первым делом обратить внимание на то, что произошло непосредственно после разговора Иисуса из Назарета с матерью, то есть на то, что произошло в промежуток между этим разговором и Иоанновым крещением в Иордане. То, что мне предстоит рассказать, суть факты, открывающиеся интуитивному созерцанию, и они будут приведены как есть, без каких-либо объяснений, так что на их счет всякий может думать все, что пожелает.

Мы уже видели, что в итоге той, изображенной нами подробно жизни, что вел Иисус из Назарета начиная с 12-ти лет и до 29-го, до 30-го года жизни, у него состоялся разговор с матерью, с той матерью, что была фактически его приемной матерью и родной матерью соломонова Иисуса. Это был разговор, в котором, так сказать, в слова Иисуса из Назарета было так мощно, так энергично вложено то, что представлялось ему последствием, результатом его переживаний, что вместе с его словами в душу приемной матери влилась исполинская сила. Эта сила и сделала возможным то, что душа родной матери натанова Иисуса смогла низойти из духовного мира, в котором она пребывала приблизительно с 12-года натанова Иисуса, и смогла пронизать, одухотворить душу приемной матери, так что отныне та продолжала жить, будучи пронизана душой матери натанова Иисуса. С самим же Иисусом из Назарета произошло то, что по окончании разговора «Я» Заратустры его покинуло. И то, что теперь отправилось к Иоаннову крещению в Иордане, представляло собой, вообще говоря, натанова Иисуса, оформившего три оболочки так, как это обсуждалось уже не один раз, без «Я» Заратустры, но с последствиями воздействий, произведенных этим «Я» Заратустры, так что фактически все то, что способно было «Я» Заратустры излить в эту тройственную оболочку, в этих трех оболочках и присутствовало.

Для вас не секрет, что к тому существу, которое теперь

как Иисус из Назарета шествовал навстречу Иоаннову крещению в Иордане, повинуюсь какому-то, как сказал бы кто-нибудь, неопределенному космическому порыву (неопределенным он был для него самого, для космоса же порыв этот был вполне определенным), что к существу этому невозможно было обращаться в том же смысле, как к прочим людям. Ибо то, что наполняло это существо в качестве «Я», было «Я» Заратустры. Теперь это «Я» Заратустры удалилось прочь. И существо продолжало жить лишь благодаря воздействиям «Я» Заратустры. И когда это существо Иисуса из Назарета отправилось в путь к Иоанну Крестителю, то первым делом (так повествует Пятое Евангелие) Иисусу из Назарета повстречались два ессея. Ессеи эти были теми самыми, с которыми он при случае, как я говорил, нередко беседовал. Но поскольку «Я» Заратустры из него ушло, он не сразу смог узнать этих ессеев. Они же его узнали, так как, разумеется, тот значительный физиономический отпечаток, что сообщило этому существу пребывание в нем Заратустры, на взгляд со стороны не переменился. Оба ессея обратились к Иисусу из Назарета с вопросом: «Куда лежит твой путь?» Иисус из Назарета отвечал: «Туда, куда не желают посмотреть души наподобие ваших, где боль человечества способна ощутить лучи забытого света!»

Те ессеи его не поняли. Заметив, что он их не узнает, они сказали ему: «Иисус из Назарета, ты нас не признал?» Он же ответил: «Вы заблудшие овцы; а мне следует стать пастухом, у которого вы сбежали. И даже если вы меня признаете, уже скоро вы от меня вновь убежите. Как давно, как давно вы от меня убежали!» Ессеи не знали, что об этом и думать, ибо они не понимали, как возможно, чтобы такие слова могли исходить из человеческой души. И они недоуменно глядели на него. Но он опять заговорил: «Что же вы за души, где ваш мир? Почему вы укутываетесь обманчивыми оболочками? Почему у вас внутри горит огонь, который зажжен не в доме моего Отца? На вас отметина искуителя; своим пламенем он сделал вашу шерсть блестящей и гладкой. Волосья этой шерсти колют мне глаза. Вы, заблудшие овцы, искуитель наплат ваши души надменностью; в вашем бегстве вы на него натолкнулись».

Когда Иисус из Назарета сказал это, один из ессеев возразил: «Разве мы не дали искуителю от ворот поворот? Нет у него больше с нами ничего общего». И Иисус из Назарета сказал: «Что ж, вы изгнали его, а он возьми да и прибеги к другим людям. Так что он ухмыляется вам со всех

сторон из душ других людей! Уж не думаете ли вы, что смогли возвыситься, принизив других? Вы мните себя возвеличенными, но не потому, что высоко поднялись сами, а потому, что принизили других. Так что они стали ниже. А вы остались там, где и были. Лишь поэтому мните вы себя такими высокими». И здесь ессеи испугались. Но в этот миг Иисус из Назарета пропал из вида. Они больше не могли его видеть.

После того, как наступившее у них ненадолго помутнение зрения прошло, они ощутили потребность посмотреть вдаль. И вдали им представилось что-то наподобие фата-морганы. И в ней они увидели увеличенным до колоссальных размеров лик того, кто только что стоял перед ними. И они услышали слова, обращенные к ним как бы из фата-морганы, слова, которые ужасом охватили их души: «Тщетны ваши стремления, потому что пусты ваши сердца, поскольку вы исполнились духа, обманчиво скрывающего под обличьем смирения гордыню!» Они еще сколько-то там постояли, ненадолго ослепленные фата-морганой, а затем она исчезла. Но и Иисуса из Назарета перед ними больше не было. Они огляделись вокруг. Он уже отправился дальше, и они увидели его вдалеке. Тогда ессеи отправились домой и никому не сказали про то, что видели, но хранили молчание на этот счет вплоть до самой своей смерти.

Я хочу изобразить эти факты такими, какими они представляются исходя из того, что именуется у нас хроникой Акаши, и всякий может думать насчет этого все, что ему заблагорассудится. Лишь это важно теперь, потому что, может статься, это Пятое Евангелие появится в более подробном виде, вследствие же теоретического истолкования то, что оно нам еще даст, подвергнется лишь искажению. И вот побуждаемый идти на Иордан Иисус из Назарета сколько-то прошел в том направлении, после чего повстречал человека, про которого можно сказать следующее: его душа была погружена в глубочайшее отчаяние. Ему повстречался отчаявшийся человек. И Иисус из Назарета сказал; «Куда привела тебя твоя душа? Я видел тебя много времени назад, и тогда ты был совсем другим». И отчаявшийся ответил: «Я занимал значительный пост, я высоко поднялся в жизни. В человеческой иерархии я занимал множество должностей, мой взлет был стремительным. И я часто говорил себе, видя, как другие остаются на прежней должности, а я всхожу все выше: «Что ты за исключительный человек; твои высокие добродетели возносят тебя над всеми прочими людьми!» Я

был счастлив и упивался своим счастьем». Вот что сказал отчаявшийся. Затем он продолжал: «А после, когда я спал, мне привиделось что-то вроде сна. Во сне этом все выглядело так, словно мне задали вопрос — и мне тут же открылось, что этого вопроса я стыжусь. Ибо вопрос, который был мне задан, был следующий: «Кто сделал тебя великим?» И во сне мне предстало существо, которое сказала: «Я возвысил тебя, так что за это ты теперь — мой!» И мне стало стыдно, потому что я-то полагал, что обязан своим возвышением исключительно своим заслугам и способностям. А теперь передо мной предстало другое существо (и я чувствовал, до чего мне стыдно во сне), которое сказала, что в возвышении моем не было моей заслуги. Было так стыдно, что во сне мне пришлось пуститься в бегство. Я забросил все свои чины и почет и брожу с места на место, что-то отыскивая, сам не знаю что». Вот что говорил отчаявшийся. Он еще говорил, когда перед ним выросло существо, вставшее между ним и Иисусом из Назарета, и перекрыло собой фигуру Иисуса из Назарета. И у отчаявшегося человека возникло чувство, что это существо имеет отношение к люциферическому началу. Это существо все еще стояло перед ним, когда Иисус из Назарета скрылся из вида, а после исчезло и существо. И тогда отчаявшийся увидел, уже на некотором отдалении, что Иисус из Назарета пошел дальше, и он отправился своей дорогой, куда глаза глядят.

На дальнейшем пути Иисусу из Назарета повстречался прокаженный. На заданный им вопрос: «Куда завела тебя твоя душа? Я видел тебя много времени назад, тогда ведь ты был совсем другим» прокаженный отвечал: «Люди изгнали меня, изгнали за мою болезнь! Ни один человек не желал иметь со мной дела, и я не знал, как себе помочь в лишениях и нужде. Я скитался и бедствовал, и как-то однажды очутился в лесу. Что-то представившееся мне издали светящимся деревом влекло меня. Я ничего не мог с собой поделаться: как будто какая-то сила гнала меня к этому светящемуся дереву. И тут из сияния дерева словно бы выдвинулось что-то вроде скелета мертвеца. И я знал: передо мной сама смерть. Смерть сказала: «Я — это ты! Я питаюсь тобой». Тут я испугался. Однако смерть сказала: «Отчего же ты боишься? Разве ты меня не любил всегда?» А я-то знал, что никогда ее не любил. И когда она сказала мне это: «Отчего же ты боишься? Разве ты меня не любил всегда?», то превратилась в прекрасного архангела. Затем она исчезла, а на меня напал глубокий сон. Только

поутру я проснулся и обнаружил, что сплю возле дерева. И с тех пор моя проказа сделалась еще злее». И между тем как он рассказывал это, между ним и Иисусом из Назарета встало то, что он видел у дерева, и это нечто обратилось существом, про которое он знал: перед ним Ариман или нечто ариманическое. Он еще взирал на это существо, когда оно исчезло, и исчез также Иисус из Назарета. Иисус уже прошел сколько-то своей дорогой. И прокаженному пришлось двигаться дальше.

Пройдя через эти три испытания, Иисус из Назарета прибыл на место Иоаннова крещения в Иордане. Упомяну теперь еще раз, что когда Иоанново крещение свершилось, произошло то, что описывается также и в прочих Евангелиях, и что принято именовать искушением. Искушение это совершалось так, что Христу Иисусу пришлось иметь дело не с одним существом, но все искушение происходило в три этапа.

Первым делом Христу Иисусу пришлось иметь дело с существом, которое теперь оказалось ему близким, потому что он его увидел, когда к нему приступил отчаявшийся, так что вследствие этого он мог воспринимать его как самого Люцифера. То было весьма многозначительное соответствие. И здесь через Люцифера имело место то искушение, что выразилось в словах: «Вручаю тебе все земные царства с их богатствами, если ты признаешь меня своим господином!» Искушение Люцифера получило отпор.

Второй приступ заключался в том, что Люцифер явился вновь, но с ним было то существо, что стояло между Иисусом из Назарета и прокаженным, которое он по этой причине воспринимал как Аримана. И теперь имело место то искушение, что в прочих Евангелиях облачено в слова: «Бросься с высоты вниз, и с тобой ничего не случится, если ты Сын Божий». Отражено было также и это искушение, протекавшее так, что Люцифер мог быть обездвижен Ариманом, Ариман — Люцифером. И лишь третье искушение, свершавшееся одним Ариманом, дабы побудить Христа превратить камни в хлеб, лишь это искушение оказалось в тот раз отражено не окончательно. И тот факт, что Ариман был побежден не полностью, он и привел к тому, что случилось то, что случилось. Потому-то Ариману и удалось действовать через Иуду; потому-то, вообще говоря, и могло произойти то, что последовало дальше, причем так, как нам еще доведется услышать.

Как видите, относительно момента, который нам следует

расценивать как бесконечно важный во всем развитии Христа Иисуса, а тем самым и в эволюции Земли, здесь мы имеем интуицию Акаши. События между разговором Иисуса из Назарета с матерью и Иоанновым крещением в Иордане являются нашему взору так, словно тому, как именно развитие Земли связано с люциферическим и ариманическим началом, надлежало обозначиться еще раз. Тот, кто был натановым Иисусом и в ком на протяжении 18-ти лет действовало «Я» Заратустры, благодаря произошедшим событиям оказался готов воспринять существо Христа. Тем самым мы подходим к моменту, о котором чрезвычайно важно составить правильное суждение, если нам желательно достичь верного понятия относительно истории Земли как истории человечества. Потому-то я и постарался свести воедино из различных оккультных источников все то, что в этом смысле может прояснить наше — как человечества — развитие на Земле.

Быть может, когда-нибудь мне еще также представится возможность поговорить здесь о предметах, которые обсуждаются теперь в лейпцигском курсе, где я попытался провести линию, соединяющую событие Христа с событием Парсифаля. Сегодня мне хотелось бы сделать на этот счет лишь несколько замечаний в связи с фактами Пятого Евангелия, которые я впоследствии рассмотрю на нашей следующей встрече. Хотел бы обратить внимание на то, как через призму самых разнообразных фактов истории человечества (фактов, которые прямо-таки напечатлены на истории человечества, дабы человечество было в состоянии хоть немного проникнуть в ход событий), весь смысл и течение развития человечества обретает выражение, стоит лишь нам осмыслить факты и увидеть их в надлежащем свете. Мне хотелось бы углубиться не в то, что обсуждалось в Лейпциге насчет связи идеи Парсифаля с развитием Христа, а в то, что пронизывало там все рассуждения — вот это мне и хотелось бы теперь обсудить.

Поэтому, естественно, я должен обратить ваше внимание на то, что мы вспоминаем: каким предстает перед нами Парсифаль, также явившийся важной ступенью дальнейшего действия события Христа в единичной душе спустя несколько веков после того, как имела место Мистерия Голгофы. Парсифаль — сын странствующего рыцаря и матери Герцелойды. Рыцарь отправляется в дорогу еще до того, как Парсифаль появляется на свет. Мать мучается и страдает еще прежде рождения сына. Она желает уберечь его от

всего, с чем он может соприкоснуться, например через рыцарскую доблесть, а тем самым — от того, чтобы он развивал свои способности на рыцарском поприще. Она воспитывает его так, что он ничего не ведает о том, что происходит в окружающем мире, что может быть дано человеку воздействиями внешнего мира. Парсифалю приходится расти в естественном уединении, будучи предоставленным лишь природным впечатлениям. Ему не следует ничего знать о том, что происходит в среде рыцарей, как и прочих людей. Сообщается также, что он не знает ничего о том, что говорится во внешнем мире насчет тех или иных религиозных представлений. От матери он узнает лишь то, что есть Бог, и что Бог стоит позади всего. Он желает служить Богу. Однако ничего сверх того, что может служить Богу, он не знает. Всего прочего Парсифаль лишен. Но тяга к рыцарству столь сильна, что в один прекрасный день это побуждает его покинуть мать и отправиться в путь, чтобы познакомиться с тем, к чему его влечет. И тогда после многоразличных скитаний он оказывается заброшенным в замок Святого Грааля.

То, что ему доводится здесь испытать, лучше всего (то есть в наибольшем соответствии с тем, что мы можем извлечь из духовно-научных источников) изображено у Кретъена де Труа, бывшего также источником для Вольфрама фон Эшенбаха. Мы узнаем, что однажды в своих странствиях Парсифаль оказался в лесистой местности на берегу моря и увидел двух рыбаков. В ответ на заданный вопрос они указывают на замок рыбацкого короля.

Он является в замок и находит там лежащего на ложе человека, больного и слабого. Человек этот вручает ему меч, меч своей племянницы. И еще его глазам открылось, как вошел оруженосец с копьем, по которому вплоть до рук оруженосца стекала кровь. Затем вошла дева с золотой чашей, испускавшей такое яркое сияние, что оно затмило все прочие светильники в зале. Затем подали на стол. С каждой переменной блюд чашу проносили и помещали в соседнее помещение. И лежавший там отец рыбацкого короля подкреплялся тем, что находилось в этой чаше.

Все это привело Парсифаля в изумление, однако в прежних странствиях один рыцарь посоветовал ему не злоупотреблять вопросами. Поэтому и на сей раз он не спросил о том, что видел; он собирался об этом спросить на следующее утро. Но проснувшись наутро, обнаружил, что замок пуст. Он звал людей, но ответа не было.

Парсифалю пришло в голову, что рыцари отправились на охоту, и вознамерился последовать за ними. Во дворе он нашел своего оседланного коня и поехал из замка, однако ему пришлось стремительно проскакать по разводному мосту; коню пришлось совершить прыжок, потому что мост тут же развели. Но следа рыцарей отыскать ему не удалось.

Но нам-то известно, в чем тут дело: Парсифаль не задал вопроса. Несмотря на то, что его взору представилось самое удивительное зрелище, он упустил возможность о нем спросить. И ему приходится слышать снова и снова, что то, что ему следовало спросить, как-то связано с его призванием, что его, так сказать, миссия связана с вопросами относительно того, с чем ему придется столкнуться. Он не спросил! Ему дали понять, что не задав вопроса, он тем самым спровоцировал некоего рода бедствие.

Каким представляется нам здесь Парсифаль? Он предстает перед нами таким, что мы говорим себе: перед нами личность, воспитанная в стороне от культуры внешнего мира, которой не следовало ничего знать о культуре внешнего мира, и которая должна была быть подведена к чудесам Святого Грааля, чтобы спросить об этих чудесах, но спросить изнутри девственной души, не подверженной влияниям прочей культуры. Почему ей следовало задать свой вопрос именно так? Я уже неоднократно указывал на то, что действовало под влиянием импульса Христа, причем в качестве деяния, так что люди не сразу могли понять, что именно здесь действовало. Так что, с одной стороны, мы имеем то, что не прекращало оказывать действие вследствие того, что Христос влился в земную ауру, как и то, что люди на этот счет мыслили, как они спорили и что измышляли в многообразных теологических учениях. Ведь импульс Христа продолжал свое действие и дальше! И формирование Запада происходило под влиянием этого импульса Христа, оказывавшего свое действие в подспудных глубинах как на человеческие души, так и изнутри всего процесса исторического становления. Если бы он был в состоянии действовать лишь через посредство того, что люди поняли, через то, относительно чего они спорили и бранились, его воздействие в развитии человечества было бы чрезвычайно мало. Теперь мы видим, что во времена Парсифаля наступает важный момент, когда импульс Христа продвигается в своем действии на одну ступень дальше.

Потому-то Парсифалю и не следовало быть одним из тех, кто, так сказать, выучил, что было принесено в жертву на

Голгофе, насчет чего впоследствии наставляли апостольские отцы, учителя церкви и разные прочие теологические школы. Ему не следовало знать, как вставали на службу Христу рыцари со своими доблестями. Ему следовало соприкоснуться с импульсом Христа исключительно лишь в потайных глубинах собственной души, куда импульс этот мог пробиться соразмерно с тем, что позволяла эпоха. Такое соприкосновение оказалось бы нарушенным лишь в том случае, если бы он воспринял то, о чем учили насчет Христа люди или чему они относительно него выучивались. Не то, что делали или говорили люди, но что переживает душа, когда она полностью предана тому, что сверхчувственно свершалось в дальнейшем действии импульса Христа.

Вот как должно было обстоять дело с Парсифалем. Внешнее учение всегда принадлежит также и чувственному миру. Но импульс Христа действовал сверхчувственно и должен был оказывать сверхчувственное действие в душе Парсифаля. Его душа должна была испытывать позыв ни к чему иному, кроме как к тому, чтобы задать вопрос там, где ему придется столкнуться со значимостью импульса Христа, а именно при Святом Граале. Он должен был задать вопрос! Он должен был задать вопрос, не будучи подстрекаем ни тем, что следовало почитать в Христе, как полагали рыцари, ни тем, что следовало почитать в Христе в соответствии с представлениями теологов; нет, исключительно лишь девственная, однако живущая в соответствии с духом своей эпохи душа должна была побудить его к тому, чтобы спросить, что же могло открыться через Святой Грааль, и чем же все-таки могло явиться событие Христа. Ему следовало спросить! Запомним это.

А вот другому задавать вопрос не следовало: юноше в Саисе не следовало спрашивать. Ибо его роковое проклятие в том-то как раз и состояло, что он принужден был спросить, он сделал то, что не должен был, он пожелал, чтобы было снято покрывало со статуи Изиды. Юноша из Саиса — это Парсифаль эпохи, предшествовавшей Мистерии Голгофы. Но в ту эпоху ему было сказано: опасайся того, чтобы твоя неподготовленная душа возжелала обнажить то, что скрыто покровом! Юноша в Саисе после Мистерии Голгофы — это Парсифаль. И он не должен жен получать какой-то особенной подготовки, ему следует приступить к Святому Граалю с девственной душой. Он упускает самое главное, поскольку не совершает того, что было запрещено юноше из Саиса, поскольку не спрашивает, не ищет раскрытия тайны для

своей души. Вот как меняются времена по ходу развития человечества!

Мы ведь положительно знаем (поначалу нам следует намекнуть на эти вещи в абстрактном смысле, но мы еще сможем поговорить о них подробнее), что речь здесь идет о том, что должно было открыться в Исиде. Мы представляем себя стоящими перед статуей Исиды с маленьким Гором, перед тайной связи между Иеидой и Гором, сыном Исиды и Осириса. Но это абстракция. Естественно, за этим кроется великая тайна. Юноша в Саисе еще незрел, чтобы узнать эту тайну. Когда Парсифаль, упустивший спросить о чудесах Святого Грааля в Граальсбурге, вновь пускается в путь, в числе первого встреченного им — женщина, невеста, скорбящая по своему только что умершему жениху, которого она держит на коленях: настоящий образ скорбящей матери с сыном, так часто служивший впоследствии мотивом Пьеты! Вот первое указание на то, что должен был бы узнать Парсифаль, осведомись он о чудесах Святого Грааля, Он узнал бы в иной форме о той связи, что существует между Исидой и Гором, между матерью и Сыном Человеческим. И он должен был спросить!

Отсюда мы можем видеть, как глубоко задевают нас намеки на то, какого рода прогресс имеет место в развитии человечества: то, что не должно было происходить в эпоху до Мистерии Голгофы, это же самое после нее должно иметь место, поскольку за это время человечество продвинулось вперед. Можно сказать, душа человечества стала другой.

Как уже сказано, обо всем этом нам еще предстоит поговорить позднее; теперь мне хотелось бы только намекнуть. Но ведь все эти вещи обретают для нас соответствующую ценность лишь тогда, когда мы делаем их плодотворными для себя, по-настоящему плодотворными. И что можем мы действительно извлечь из тайны Парсифаля, обогащенного образом юноши в Саисе — это то, что мы способны научиться задавать вопросы в надлежащем смысле, так, как это соответствует нашему времени. Ибо в этой науке постановки вопросов заключен восходящий поток развития человечества.

Итак, после Мистерии Голгофы неизбежно открываются два направления развития человечества: одно, несущее импульс Христа и постепенно выводящее нас к спиритуальным высотам; и второе, которое являет собой словно бы продолжение нисхождения и приводит в материальную жизнь, к материализму. В настоящую эпоху

два этих направления настолько пронизывают друг друга, что, почитай, куда как преобладающая часть нашей культуры питается из материалистического направления; так что сегодня человеку приходится без предубеждения и шор взирать на все, что может сказать духовная наука об импульсе Христа и того, что с ним связано, дабы убедиться, что в дополнение к становящемуся все более материалистическим внешнему миру душа нуждается еще и в том, внутреннем

в смысле спиритуальности, пути. Но для этого нам необходимо выучиться как раз вещам вроде упомянутой: мы должны научиться спрашивать. Мы должны выучиться спрашивать в рамках спиритуального направления. В материалистическом течении все уводит человека прочь от вопросов.

Хотелось бы лишь сопоставить эти две вещи, чтобы показать, каково одно и каково другое течение. В одном мы имеем дело с людьми, которые стоят всецело на позициях материализма. Это вполне могут быть и те, что придерживаются тех или иных спиритуальных догм, которые на словах, в теории признают спиритуальный мир. Но это и неважно, а важно только то, что мы со всей нашей душой пребываем в спиритуальном направлении. Относительно людей, которые стоят всецело на позициях материализма, можно сказать: никакие они не «вопрошатели». Они в самом деле никакие не вопрошатели, потому что они знают уже все. Такова характерная примета материалистической культуры, что эти люди знают все, что они не желают спрашивать. Теперь даже самые молодые знают все и ни о чем не спрашивают. То, что человек в состоянии вынести собственное суждение по всем поводам, принято почитать за свободу и рост личностной ценности. Никто не замечает только, как это персональное суждение созревает. Мы вырастаем в мире. С первыми детскими словами мы воспринимаем то, воспринимаем другое. Мы растем дальше, воспринимая все больше и больше, и не замечаем, как же мы воспринимаем предметы. Наша карма формирует нас определенным образом. По этой причине одно нам нравится больше, другое — меньше. Наконец мы вырастаем и достигаем с собственным суждением уже вполне заслуживающего уважения для многих критиков 25-летнего возраста, и мы ощущаем зрелость своих суждений, поскольку убеждены в том, что они исходят из нашей собственной души. Но тот, кто способен заглядывать в души, знает, что за этим

не кроется ничего кроме сконцентрированной на собственной душе внешней жизни, в которую мы как раз и помещены. Тем самым мы можем нарваться также и на конфликт — если уверуем в то, что то или это приводит нас к собственному суждению. Веря, что независимы, мы попадаем в еще большее порабощение от своего нутра. Мы судим, однако полностью разучиваемся спрашивать. Мы учимся спрашивать лишь тогда, когда нам удастся привести душу в то равновесие, которое в состоянии хранить благоговение и почтительность в отношении священных жизненных сфер, когда мы в состоянии располагать в душу чем-то таким, что неизменно полно решимости не позволять даже собственным суждениям восстанавливать себя против того, что желало бы к нам пробиться из этих священных жизненных сфер. Мы учимся спрашивать лишь тогда, когда способны погружаться в исполненное ожидания настроение, так что через то или это событие нам может открыться то или это в жизни, если нам по силам ждать, если мы располагаем определенной робостью в отношении того, чтобы приложить собственное суждение к тому, что должно излиться из священных областей бытия, если мы не судим, но спрашиваем, причем спрашиваем совсем не только людей, которые в состоянии нам что-то сказать, но в первую очередь вопрошаем духовный мир, к которому мы обращаем не свои суждения, но наши вопросы, причем вопросы уже в самом настроении, в образе мыслей.

Попробуйте — именно медитативными средствами — уяснить для себя, какова разница между воздержанием от суждений и воздержанием от вопросов по отношению к духовным сферам жизни. Необходимо понять внутренне, что между тем и другим принципиальная разница. С этой разницей связано нечто такое, что характерно и для всей нашей эпохи в целом, а нам в нашем спиритуальном духовном движении следует уделять данному аспекту особое внимание. Ибо этому спиритуальному духовному движению лишь тогда будет сопутствовать успех, если мы научимся понимать разницу между вопрошанием и суждением. Разумеется, мы обязаны выносить суждения в том, что касается внешних жизненных обстоятельств. Потому-то я и не сказал, что мы должны воздержаться от суждений повсюду; лишь относительно того, что является глубочайшими мировыми загадками, нам следует ознакомиться с полным ожидания вопросительным настроением. Наше спиритуальное духовное движение будет существовать дальше благодаря всему тому,

что будет способствовать признанию и развитию такого вопросительного настроения у большей части человечества; наше спиритуальное движение будет тормозиться и ограничиваться всем тем, что будет противостоять этому движению — в форме легкомысленного вынесения суждений. И если в подобающие торжественные моменты своей жизни мы попробуем поразмыслить о том, что можем мы извлечь из такого образа, как отправляющийся в Граальсбург Парсифаль, который должен задать вопрос, то именно в этой фигуре Парсифаля мы и обретаем образец для нашего спиритуального движения. А в связи с этим можем понять также и многое другое.

Если мы оглянемся еще раз на эпоху развития человечества, предшествовавшую Мистерии Голгофы, то нам придется сказать: тогда человеческая душа располагала древним наследием из времен, когда она низошла из духовных высот к земным воплощениям. Это наследие продолжало оставаться при ней и дальше — из инкарнации в инкарнацию. Поэтому в те времена еще существовало древнее ясновидение, которое шаг за шагом сходило на нет, становилось все слабее и слабее. Чем дальше шли инкарнации, тем слабее становилось приходившее в упадок древнее ясновидение. С чем было связано древнее ясновидение? С тем же, с чем и внешнее восприятие с помощью глаз и ушей, с тем, что как раз и представляет собой человек во внешнем мире. До Мистерии Голгофы дело с людьми обстояло так, что они росли как дети; они учились ходить, говорить и, само собой разумеется, поскольку там все еще присутствовали элементарные силы в плане древнего ясновидения, учились также ясновидению. Они учились этому как чему-то, что возникало у человечества в обычном обиходе, как в обычном обиходе у человечества появилось то, что посредством особого устройства гортани оно выучилось говорить. Но люди не остановились на речи, а перешли к элементарному ясновидению. Это элементарное ясновидение было так же связано с обычной человеческой конституцией, как эта человеческая конституция помещена внутрь материального мира; так что неизбежно было то, что ясновидение приняло форму человеческой конституции. Дрянной человек был не в состоянии втиснуть чистую природу в свое ясновидение; неиспорченный человек мог вместить свою чистую природу в свое ясновидение. Вполне естественно, поскольку ясновидение было связано с непосредственной человеческой конституцией.

Непременным следствием этого было то, что некую тайну, а именно тайну связи между духовным миром и материальным земным миром, существовавшую до нисхождения Христа Иисуса, не следовало обнаруживать перед этой обычной человеческой конституцией. Вначале человеческую конституцию следовало переформировать, довести до зрелости. Саисский юноша не должен был видеть статую Изиды так запросто, приступая к ней извне.

С четвертым послеатлантическим периодом, на который выпала Мистерия Голгофы, древнее ясновидение исчезло. Возникла новая конституция человеческой души, такая конституция, которая вообще должна оставаться оторванной от духовного мира, если только она не вопрошает, если не имеет того позыва, который заключен в вопросе. Те же адмы вредоносные силы, что приступали к человеческой душе в древности, не могут получить к ней доступа, если задается вопрос относительно тайны, которая есть тайна Святого Грааля. Ибо в этой тайне кроется то, что теперь, начиная с Мистерии Голгофы, излилось в ауру Земли. То, что не изливалось в нее ранее, как и то, что излилось теперь в ауру Земли в качестве таинства Грааля, так и останется сокрытым для тебя, если не задать вопроса. Необходимо вопрошать, что, впрочем, представляет собой не что иное, как необходимость обладать побуждением действительно раскрыть то, что и так уже живет в душе.

Прежде Мистерии Голгофы в душе этого не было, поскольку Христос не пребывал в ауре Земли. Прежде Мистерии Голгофы любой человек, стоило ему только надлежащим образом воззриться на статую Исиды и постигнуть ее тайну (посредством того, что в нем еще присутствовало от древних ясновидческих способностей), любой человек, говорю я, без всякого затруднения вложил бы сюда всю свою человеческую природу и таким образом познал бы ее.

Во времена после Мистерии Голгофы душа, достигающая вопрошания, приходит к нему как подобает, и она также сможет надлежащим образом воспринять новую Мистерию Исиды. Потому-то так и важно теперь правильное вопрошание, то есть правильная установка в отношении того, что может быть провозглашено в качестве спиритуального мировоззрения. Если человек лишь только освобождается от настроения вынесения суждений, сколько бы он ни читал, книги, все циклы, вообще все что угодно, — он так ничего и не познает, потому что настроение Парсифаля у него

отсутствует. А вот если кто приходит с настроением вопрошания, он узнает еще и нечто совершенно иное, помимо того, что содержится в словах. Он плодотворно переживает в собственной душе слова с их первоисточной силой. Важнее всего как раз чтобы то, что нам возвещено спиритуально, делалось таким внутренним переживанием, внутренним опытом.

В первую очередь мы вспоминаем обо всем этом, когда сталкиваемся с такими вещами, как значительные события между разговором Иисуса из Назарета с матерью и Иоанновым крещением в Иордане. Ибо эти предметы чем-то станут для нас лишь в том случае, если мы зададим про них вопрос, если ощутим живую потребность установить, что именно оказывало действие на том важном водоразделе, где эпоха до Мистерии Голгофы граничит с эпохой после Мистерии Голгофы. Как раз таким вот предметам лучше всего дать подействовать на собственную душу. Вообще говоря, все то, что они имеют сообщить нашей душе, уже содержится в рассказе. Нам нет необходимости давать так уж много толкований от себя.

Как раз в связи с этим разделом Пятого Евангелия мне пришло желание высказать это замечание общего характера и указать на то, как в наше время, в каком-то смысле, вновь стало так важно понять настроение Парсифаля. Мы просто обязаны его понять. И ведь оно проявляется вновь у Рихарда Вагнера, пытавшегося облечь его в музыкально-драматическую форму. Не хочу вмешиваться в великую свару, разгоревшуюся вокруг «Парсифаля» в современном внешнем мире.

Предназначение духовной науки вовсе не в том, чтобы принимать чью-либо сторону. А потому не дай ей Бог вмешаться здесь в борьбу между теми, кто желал бы сохранить «Парсифаля» в Байрейте, прежде всего как наиболее значительное свидетельство нового настроения Парсифаля для современного мира — сохранить его и защитить, и теми, кто хочет вручить его королевству Клингзора. Вообще говоря, последнее уже наступает. Но я хотел бы указать на иное: что в продолжении действия импульса Христа как раз там, куда еще не проникает способность суждения, куда еще не проникает высшее сознание человека, но куда все в большей и большей степени это высшее сознание должно указывать посредством спиритуального мировоззрения, там как раз и должно неизменно присутствовать настроение Парсифаля, но еще и

многое, о чем мы будем говорить в течение настоящей зимы.

Пятая лекция Берлин, 13 января 1914 г.

Мне представляется, что благодаря рассмотрению того, что я позволил себе назвать «Пятым Евангелием», нам удалось получить более четкую картину того, что уже неоднократно обсуждалось нами применительно к развитию человечества на Земле в целом и к влиянию на такое развитие человечества Мистерии Голгофы. Ведь мы уже и раньше пытались в самых разнообразных аспектах получить то или иное представление относительно того, что в первую очередь произошло с Иоанновым крещением в Иордане, мы уже и раньше указывали на то, что существо Христа связалось с тем существом, которое мы именуем Иисусом из Назарета, и именно через это пытались обосновать столь кардинальную значимость события Голгофы для развития человечества.

Но теперь нами рассмотрена — так, как ее удастся установить духовно научными средствами — история юности Иисуса из Назарета, дабы посмотреть, как то существо, что именуется нами Иисусом из Назарета, прибыло к Иоанну Крестителю в тот момент, когда им должно было завладеть существо Христа. Теперь нам было бы желательно с помощью того, что удалось получить при наблюдении Пятого Евангелия, продвинуться дальше в понимании того, что связано с Мистерией Голгофы. Попытаемся сегодня в первую очередь направить свой душевный взор на того, кого обычно принято именовать «предтечей»: на Крестителя Иоанна и на некоторые обстоятельства, связанные с миссией Крестителя.

Когда мы хотим понять Крестителя Иоанна и отношение к Крестителю Иоанну Христа Иисуса, а именно то, как оно намечено в Евангелии Иоанна, возникает необходимость бросить взгляд на духовный мир, из которого ведет свое происхождение Креститель Иоанн. Нет нужды даже и упоминать о том, что это — духовный мир древнееврейской старины.

Впрочем, по ходу развития человечества на эту древнееврейскую старину была возложена совершенно особая миссия. При этом мы вспоминаем, что исходя из воззрений нашей духовной науки мы должны понимать развитие Земли как берущее начало от развития Сатурна, Солнца и Луны, и что на счет развития Земли мы в первую

очередь должны отнести то, что в дополнение к возникшему на более ранних стадиях развития Земли в качестве физического тела, эфирного тела и тела астрального, в ходе как раз земного развития происходит обретение человеческого «Я». Разумеется, это «Я» не может обрести себя разом, но необходим весь без изъятия путь развития Земли, чтобы сформировать «Я» таким, каким ему надлежит быть, дабы человек мог, так сказать, вписать свое развитие в рамки вечности.

Предпослав такое вступление, мы и в самом деле должны рассматривать Землю, - до некоторой степени, как ту площадку внутри космоса, на которой человек должен развить свое «Я». Седая еврейская старина именовала Яхве или Иеговой то существо высших иерархий, под влиянием которого это «Я» и возникало. Если мы займемся библейской историей творения (я попытался обсудить соответствующие моменты в цикле о «Тайнах библейской истории творения», Мюнхен, 1910), то также и в ней нам в высшей степени наглядно откроется, как из седмицы существ высших иерархий, из седмицы элохимов развивается один из элохимов, Яхве или Иегова. Можно сказать, что подобно тому, как вся человеческая структура сформирована по образу и подобию головы, так и седмица элохимов расчленена так, что седмица эта обретает особое оформление в одном из них, в Яхве или Иегове, так что он становится для развития Земли как бы его головным существом. Вот что открывается древнему еврейству и что оно признает. Поэтому оно усматривает в Яхве или Иегове то существо из ряда высших иерархий, с которым необходимо вступить в особые отношения, чтобы развить «Я». И в самом деле, развертывание древнего еврейства представляет особый этап формирования «Я» человечества, и в рамках древнего еврейства влияние Яхве или Иеговы воспринималось так, что в зависимости от того, как люди себя в отношении его позиционировали, как его воспринимали и ощущали, и могло постепенно пробудиться «Я».

Так что же это, собственно говоря, за существо — Яхве, или Иегова? Это как раз то самое существо, которое следует представлять находящимся в теснейшей связи с развитием Земли. Он является, так сказать, господином, повелителем развития Земли или, лучше будет сказать, фигурой, в которой старинное еврейство усматривает господина, повелителя развития Земли. Потому-то мы и видим, что вся

древнееврейская культура фактически устроена с прицелом на то, чтобы рассматривать Яхве или Иегову в качестве бога Земли, помышлять, что Земля, можно было бы сказать, пронизана таким божественно-духовным властвованием, и что человек, желающий осознать свою собственную реальную связь с мирозданием через Землю, должен прежде всего придерживаться земного бога Яхве или Иеговы. Все древнееврейство сориентировано на это.

В самом начале книги Бытия нам изображают, что из вещества Земли Яхве создает человека. «Адам» значит «сделанный из Земли», земной. И в то время как обитавшие вокруг древнееврейского народа религиозные системы (это можно показать на частностях) во всем исходят из того, чтобы усматривать стихии, в которых они почитают своих богов, в том, что, собственно, происходит не с Земли, но поступает на Землю снаружи, древнееврейство усматривает стихии, в которых следует почитать бога Яхве или Иегову, в Земле и во всем, что происходит на Земле. Отдельные из окружающих народов взирали на звездное небо, на светила и их обращение. У них было то, что именуют астральной религией. А другие народы, в свою очередь, наблюдают гром и молнию, как выражаются стихии в них, и после задаются вопросом: как возвещают о себе божественно-духовные существа посредством языка грома и молнии, облачных образований и тому подобного?

Точно также обитавшие вокруг древнееврейского народа племена отыскивали свои религиозные символы в том, что выше Земли — в звездах или в атмосфере, искали в них то, что могло для них служить выражением того, как они соотносятся со всем, что превышает Землю. Однако еще и сейчас слишком мало внимания обращают на то, что для древнееврейского народа было характерно, что он сознавал себя целиком и полностью связанным с Землей, с тем, что исходит из земного нутра. Во всех частных моментах находим мы указание на эти связи древних евреев с тем, что происходит из Земли. Говорят, что в своих походах они следовали за облаком или за огненным столпом. Они «следовали за огненным столпом» постольку, поскольку такой огненный столп может быть вызван к жизни силами Земли.

Есть в Италии местности с вулканическими породами: достаточно зажечь здесь листок бумаги и провести им вдоль трещины в земной поверхности, как из нее сразу показываются клубы дыма, поскольку силы Земли

устремляются к нагретому воздуху. Вот и огненный столп следует представлять порождаемым внутриземными силами, за которыми следовали евреи. Также и водные или облачные столбы не следует воображать в качестве порождений атмосферных сил, но вызываемыми к бытию снизу, со стороны пустыни. И знаки, обозначавшие Яхве или Иегову у древнего еврейства, связаны с земными процессами. Даже возникновение «великого потопа» следует отыскивать в том, что пульсирует в Земле в качестве ее сил, что порождается не снаружи, как следствие космических процессов, но процессами теллурическими.

Желая признать бога Земли, древнееврейский народ бросал великий вызов окружающим его народам. Однако все то, что приходит сверху, что поступает на Землю извне, воспринималось как нечто такое, что не доросло до задач формирования Земли, но так и осталось на стадии формирования Луны. Все это, заодно со всем прочим, заносили по разряду земных деяний «змия», того, что произвел задержавшийся на стадии лунного развития Люцифер. Этот вызов, брошенный древним еврейством окружающим религиозным системам, можно еще описать, выразившись так: если вы желаете возвыситься до божественного, вы должны отворотить свой взор от Земли, должны воспарить в космос. То, что происходит в космосе, или что поступает из космоса в земную атмосферу — вот этому-то мы и должны молиться. Но древнее еврейство говорило: мы молимся не тому, что приходит сверху, как и не тому, что создается внеземными силами, нет — истинный Бог с Землей!

Теперь это слишком мало принимают во внимание, ибо когда ныне произносят такие слова, как «Бог» или «дух», а затем заглядывают в древние времена, то неизменно испытывают ощущение: и тогда под ними понимали то же самое. Поскольку ныне западное человечество под влиянием почти двухтысячелетнего христианского развития вновь, и совершенно обоснованно, взирает ввысь, принято полагать, что также и древнее еврейство взирало вверх. Ничего подобного! Древнее еврейство говорило: миссия, которую Яхве уготовил Земле, оказалась нарушенной богом, явившимся извне, тем, который символически представлен в райском змии.

Однако ведь евреи многое переняли от соседних народов, и мы можем понять, почему именно евреи переняли очень многое от соседних народов. Ведь у них была, так сказать,

наиболее уязвимая во всей древности религия, чему люди в наше время поверить почти не в состоянии: что Яхве или Иегова — земное божество, в том смысле, в каком мы это только что обсуждали. Разумеется, это нисколько не отменяет того факта, что Яхве, хотя он и земное божество, как я изобразил это в «Очерке тайноведения», оказывает действие в лунных силах Земли, так что с иной точки зрения является лунным божеством. Однако в данном контексте это совершенно неважно. У древних евреев была самая незащитная религия среди всех народов того времени. И как сегодня люди не в состоянии поверить в то, чтобы кто бы то ни было, говоря о Боге, к которому он обращается едва ли как не к

чему-то высшему, мог взирать не вверх, но вниз, в направлении центра Земли, то эту устремленность вверх переняли также и иудеи. И в первую очередь они восприняли эту устремленность, видя у всех окружающих народов одно и то же: они молятся тому, что имеет происхождение вне Земли.

Но великое отличие иудейского тайного учения, в сравнении с теми, что пребывали вне этого учения, в том, что оно с полной отчетливостью доводило до людей: из Земли происходят силы, вплоть до самой Луны, за которые нам следует держаться, и придерживаться иных сил — это соблазн; ибо прочие силы сосредоточены в том, что выражается в символе змия. Итак, древнееврейский народ ощущал в своем учении часть того, что мы, до некоторой степени, вновь отыскиваем в нашем духовно-научном мировоззрении.

Впрочем, в силу только что указанных причин древнееврейский народ все больше уклонялся от таких воззрений, и прежде всего тогда, когда настало время Мистерии Голгофы. И тут появился некто ощущавший себя облеченным миссией энергично указать на то, что должно было быть свойственно евреям. Это как раз и был Креститель Иоанн. Прежде всего он чувствовал в себе призвание энергично указать на то, в чем состояла сила евреев, то есть то, что мы теперь охарактеризовали.

Составив представление о тенденциях в развитии иудейской религии, он облек свои ощущения в слова, облек их в громкие, значительные слова. Он сказал примерно так: вы именуете себя «чадами Авраама». Будь вы чада Авраама, вы должны были бы знать, что ваш Бог, Бог Авраама, Исаака и Иакова, бог Яхве или Иегова, связан с земным началом, что

сам он выразил в том, что вылепил первых людей из Земли. Однако в душе своей вы больше — не чада Авраама. Вы из племени тех, кто взирает вверх, на высшие силы. Вы поддались соблазну того, что принято обозначать, и справедливо, символом «змия». Вы — змиевы дети!

Глубокое значение во многих отношениях имело то (я уже говорил об этих словах в ином аспекте), что Креститель Иоанн воспользовался именно этими словами. Ведь, по сути говоря, что представляет собой то, что мы привыкли обнаруживать в Библии как произнесенные там слова? Когда бы мы только пожелали быть хоть на чуточку честнее сами с собой, то признали бы, как же скверно мы теперь читаем! Ведь как, по большей части, воспринимаются теперь людьми слова, значащиеся там в Евангелии, слова «вы — порождения ехиднины»? Они понимают эти слова не иначе, как если бы Иоанн и в самом деле так вот резко и грубо бранил окружающих его людей «вы — порождения ехиднины». Да, это было не особенно вежливо. Но вряд ли можно назвать сколько-то мотивированным то, что, желая обратиться к сердцу человека, ты начинаешь с того, что обкладываешь его бранными словами. И не так уж это к лицу Иоанну, когда приходится слышать: то был его божественный гнев! Здесь я могу прибегнуть к самым банальным аргументам: ругаться дело нехитрое! За этим дело не станет. Но в данных словах, воспринимаемых многими исключительно как бранные, заложен весь смысл того, на что желал обратить внимание окружающих Иоанн: вы более не ведаете, в чем заключается миссия бога Яхве; ибо вот так, как вы обращаетесь не к силам Земли, но к силам вне Земли, вы не дети Авраама, так как вы поклоняетесь тому, что принес вам змий. Так что вы из племени тех, кто вокруг вас поклоняется богам под самыми различными именами, но имеют в виду как раз то, что вы описали как «змия».

И здесь мы оказываемся в святая святых Иоанновой души. Возможно, у него были основания именно так обращаться с людьми. Я говорю это теперь не на основании Пятого Евангелия (в том, что касается Пятого Евангелия, до фигуры Крестителя Иоанна дело еще не дошло), но говорю на основании тех вещей, которые могли быть получены откуда-то еще. Так что у Крестителя Иоанна, пожалуй, могли быть основания обращаться к приходившим к нему на Иордан так, словно он подметил в них, что они переняли у язычников определенные нравы и обычаи. И правда, в самом имени, данном ему теми, кто сюда являлись, присутствовало нечто

из того, что он вообще слышать не желал....

В тех местах, где Креститель Иоанн произносил свои речи, бытовали древние учения, которые можно было бы описать примерно так. Однажды, в начале развития человечества, из источника Яхве человек и высшие животные обрели воздушное дыхание, однако козни Люцифера это дыхание осквернили. Добрыми и благими пребыли лишь те животные, что остались, так сказать, на стадии первоначального развития, у которых воздушного дыхания нет: рыбы. Вот многие и являлись на Иордан (как это делают евреи во многих местах еще и по сей день) и в определенное время года вставали у воды и трясли свою одежду, потому что верили, что тем самым перебрасывают свои грехи на невинных рыб, которым так и придется нести их далее. Такие вот и подобные этому обычаи, связанные с окружающим язычеством, Креститель Иоанн усматривал в тех, о ком он как раз и говорил: «В змии вы поняли больше, чем в Яхве. Поэтому вы безосновательно именуете себя детьми того, кто был предопределен вам в предки, детьми Авраама. Я говорю вам: Бог Авраама, Исаака и Иакова мог бы вновь приступить к своей изначальной миссии и из этих вот камней, то есть из Земли, вновь произвести на свет человеческий род, который понимал бы его лучше!»

В этом месте, где Библия донесла до нас именно такое выражение: «Бог может пробудить Аврааму детей из этих вот камней», употреблено на тогдашнем языке так много явно двусмысленных слов с намеками. И они, эти слова, преднамеренно употреблены так, чтобы привлечь внимание к тому, что в этих вещах содержится глубинный смысл. Но вполне это понять можно лишь сопоставив то, что я только что изложил, с миссией Павла.

Я уже неоднократно высказывался относительно миссии Павла, и теперь мне хотелось бы представить тот аспект, который может оказаться важным для нашего понимания того, к чему мы стремимся. Как же все-таки могло случиться, что Павел, как упоминалось уже много раз, не подвинулся на то, чтобы вместить в свое мировоззрение значение Мистерии Голгофы на основании того, что стало ему известно в Иерусалиме, между тем как событие под Дамаском всецело убедило его в том, что он назвал Воскресением Христа? Впрочем, здесь нам необходимо чуть заглянуть в то, какую подготовку получил Павел для того, что явилось ему в событии под Дамаском.

Павел прошел иудейскую пророческую школу своего

времени. Он точно знал: вплоть до определенного момента в развитии человечества благодать — и в первую очередь для самого развития человечества — зависит от того, чтобы крепко держаться за Бога Земли, чтобы понимать, что миссия Яхве связана с Землей. Но настанет время (и об этом тоже было известно Павлу), когда важным вновь сделается «верхнее», то, что приходит на Землю со стороны внеземных обстоятельств. И важно понимать, что Христос, прежде чем ему довелось принять на себя — через Мистерию Голгофы — миссию в отношении Земли, исполнял в качестве Христа свое предназначение в космических областях, что он обитал в надземных сферах. С большей обстоятельностью это изложено в том цикле, который я недавно прочитал в Лейпциге.

Можно проследить внеземные обстоятельства более подробно, и окажется, что поначалу Христос действовал в надземных царствах, а затем все больше и больше приближался к Земле, пока наконец через тело Иисуса из Назарета он не влился в земную ауру. Павел знал, что когда-то этот момент должен наступить, но прежде события при Дамаске он не видел: «Христос уже здесь!» Однако он был готов к этому, и вполне определенно говорит о том, что был к этому готов. Прочтите в этой связи 12-ю главу 2-го послания коринфянам:

Что мне пользы от похвалы; и все же я приступаю к видениям и откровениям Господа. Знаю я одного человека во Христе [здесь Павел подразумевает самого себя]; четырнадцать лет назад (был ли он в теле при этом — того не знаю; или он был вне тела — не ведаю и этого; Богу это известно) был он вознесен на Третье небо. И знаю того же человека (был ли он в теле или вне тела, не знаю; Богу это известно), который был вознесен в Рай и слышал несказанные слова, которые не в состоянии сказать ни один человек. Вот чем хочу хвалиться, самим же собой хвалиться не хочу, разве лишь слабостью моей.

Что говорит здесь Павел? Не более и не менее, как то, что еще за 14 лет до этого (то есть, согласно хронологическим данным, следует исходить из того, что это переживание имело место приблизительно через шесть лет после события Голгофы) он был в состоянии ясновидческим способом восходить в духовные области. Это значит, что он удостоверяет самому себе: в нем обитает человек (и только им желает он хвалиться, но не материальным человеком), который положительно способен заглядывать в духовные

миры. И когда он изведal это переживание, ему стало ясно: «Что же ты тогда видел в духовных мирах, всматриваясь в них прежде? Да ты ведь видел Христа, каким он был еще наверху, в небесных областях!» Через событие при Дамаске Павлу стало ясно, что Христос излился в земную ауру и пребывает в ней.

Вот что здесь важно, и потому-то многие умы приблизительно во времена закладки христианства и высказывали мысль, звучащую ныне достаточно странно. «Истинный Люцифер — это Христос», — говорили они. Ведь они понимали: если прежде кто-то всматривался в сверхчувственные обстоятельства, он должен был, если правильно понимать ход развития человечества, держаться за «змия». Однако после того, как событие Голгофы наступило, победитель змия спустился вниз и сделался теперь хозяином Земли. Но все это связано со всем вообще развитием человечества.

Ну, и какой же тогда смысл следует вкладывать в то, что древнее еврейство являет собой, так сказать, вызов и отповедь астральным религиям окружающих народов, выступает против религий, усматривавших символы божественного в облаках, в громе и молнии? Смысл в том, что человеческая душа должна подготовиться, воспринять «Я» так, чтобы получать откровения духа не через звездные письмена, не через то, что является в громе и молнии, но чтобы это «Я» получало такие откровения в духовном через сам же дух. И если прежде человек действительно желал узреть Христа, он мог это сделать лишь в том смысле, как это делал Заратустра, поскольку он взирал на то, что может быть названо материальной оболочкой Христа, Ахура Мазды. Человек мог взирать на материальное Солнце и при этом знать: там, внутри обитает Христос. Но с Мистерией Голгофы Христос оказался одновременно выделен из материальных солнечных воздействий и — в качестве духовного Солнца — пронизал земную ауру. Так вот чем сделался, пронизывая земную ауру, Христос, после того, как он был в какой-то степени подготовлен теми, кто поклонялся Яхве или Иегове. И становятся понятными самые значительные высказывания Крестителя Иоанна, если мы будем их трактовать именно в таком ключе.

И вот теперь началась подготовка Мистерии Голгофы. Между тем как шла подготовка (я желаю теперь представить все более в абстрактном аспекте: у нас еще будет возможность углубиться в конкретику позже), Христос Иисус

и Креститель Иоанн, в некоторой степени, противостояли друг другу. Если вызвать перед своим душевным взором то, что было нами только что сказано о Крестителе Иоанне, это укажет нам, в каком именно смысле Христос Иисус, так сказать, противостоял Крестителю Иоанну: он противостоял тому в Крестителе Иоанне, что, в некоторой степени, имело самое исчерпывающее представление о том, что значит поклоняться духу Земли.

Но откуда все же взялся этот дар в рамках иудаизма, а также в рамках иных кругов (ибо были и другие люди, неизменно побуждавшиеся к тому — в большей или меньшей степени — мистериями), дар к тому, чтобы надлежащим образом почитать дух Земли? Откуда этот дар? Прежде Мистерии Голгофы они были связаны с тем, что мы могли бы назвать материальной наследственностью, с той материальной наследственностью, которая ведь является земным законом. То, что я сейчас скажу, современной науке представляется полной нелепостью; но пусть это будет та глупость, которая есть «глупость перед людьми и мудрость перед Богом»*. Прежде Мистерии Голгофы то, что принято называть познавательными способностями, было в некоторой степени связано с наследственными процессами, и прогресс человеческого развития в том-то как раз и состоит, что благодаря представлению познание сделалось независимым от всех природных моментов наследственности.

(* Ср. 1 Коринф. 3,19. - И. М).

Поэтому в древних мистериях нередко поступали правильно, когда должность в них переходила от отца к сыну и так далее. Во времена Мистерии Голгофы, и это важно, познание сделалось для земного человечества независимым от чисто физических обстоятельств.

Благодаря прогрессу человечества познание стало чисто душевным делом, и это душевное дело стало святой святых человеческой души, теперь уже независимым от внешних моментов наследственности

Но благодаря чему стало возможным то, что человек, таким образом, сберег свое наивнутреннейшее, свое святой святых неповрежденным? Постарайтесь постигнуть все значение того, что самое потаеннейшее свойство человеческой души, познание, сделалось чисто душевным аспектом, что в том, что касается способностей, человек, так сказать, не мог более ничего наследовать от своих предков. Разумеется, сегодня многим людям все еще хотелось бы унаследовать от предков свои познавательные способности,

но не получается. Это уже заметно. Способности Гёте не перешли непосредственно к его потомству, да и у других их тоже что-то не обнаруживается.

Но что случилось бы с этими способностями, когда бы они не получали одновременной духовной поддержки со стороны, когда бы им не было дано духовного импульса? Ушедшие внутрь человека способности оказались бы неприкаемыми. Человек попал бы на Земле в такое положение, что ему пришлось бы ожидать, что уготовит ему в качестве среды, в прямом соответствии свойствам его кармы, Земля, и что проблеснет в его чувствах здесь. Однако он не смог бы особенно все это ценить, и был бы рад, если бы вскоре ему удалось снова удалиться с Земли, потому что здесь он не смог бы обзавестись какими-то особенно ценными способностями. На это очень удачно обратил внимание людей Будда; отсюда и его учение, уводящее прочь от всех земных чувственных восприятий.

И вот теперь Христос дал о себе знать в Иисусе из Назарета в качестве чего-то такого, про что Христос Иисус мог сказать при Иоанновом крещении в Иордане: «Здесь в меня из надземного мира низошло нечто такое, что способно плодотворно вмешаться в «Я»». Впоследствии в человеческой душе будут содержаться такие обитатели, что происходят из внеземных областей, а не просто унаследованы. Все, что люди могли знать прежде, все это просто унаследовано, это с материальными свойствами переходит из поколения в поколение. И Иоанн Креститель был последним, кому еще удалось достичь того, что высшие способности оказались унаследованы им на основе того, что может быть унаследовано. «Один из величайших среди тех, кто рожден женщиной», — так сказал о нем Христос Иисус. Тем самым он обратил внимание на то, какой разрыв имеет место между стариной и новым временем, что старина с полным основанием могла сказать: «Когда я отыскиваю то, что должно обитать в моей душе в качестве путеводной нити к высотам человечества, я вспоминаю об Аврааме, Исааке и Иакове, ибо от них в линию наследственности, тянущуюся вплоть до меня, низошли способности, достигающие высот человечества. Однако теперь эти способности должны приходиться из внеземных областей. Теперь надо не просто взирать на Землю и отыскивать в Христе бога Земли, но осознавать небесное нисхождение Христа в душу». Это и подразумевал Христос Иисус, говоря об Иоанне Крестителе как об одном из величайших людей среди тех, что «рождены

женщиной», то есть которые несут в себе способности, которых можно достичь непосредственно через телесное наследование.

Это дает нам ответ на вопрос, который может оказаться в самом деле немаловажным для нашего времени. В момент, когда в нашем пятом культурном периоде о себе, так сказать, заявил (так, как я это указывал уже неоднократно) третий послеатлантический период, люди принялись вновь взирать на то, что земному человеку может показаться внеземным. Теперь была возможность воспринимать эту возродившуюся заново астральную религию не так, как воспринимали свою астральную религию египтяне или халдеи, но ее следовало воспринимать так, как воспринимал бы ее тот, кто действительно вправе рассуждать об этих предметах.

В 1607 г. прозвучали слова, которые я желал бы вновь повторить здесь. Один человек сказал: «Во всем мироздании усматривается великолепная, достойная всякого изумления гармония, причем как в чувственном, так и в сверхчувственном, как в идеях, так и в вещах, в области природы и благодати. Эта гармония имеет место как в предметах, так и в их связях между собой. Высшая гармония — это Бог, и в качестве своего образа он напечатлел внутреннюю гармонию всем душам. Числа, фигуры, светила, природа в целом гармонируют с определенными тайнами христианской религии. Как, например, во Вселенной существуют три покоящихся вещи: Солнце, неподвижные звезды и пространство (Intermedium), а все прочее подвижно, так и в едином Боге: Отец, Сын и Дух. Шар также являет собой Троицу: Отец — это центр, Сын — поверхность, Дух — равенство отстояния центра от поверхности, радиус, равно как и иные тайны. Без духов и душ гармонии бы нигде не было. В человеческих душах пребывают бесконечно разнообразные гармонические предрасположенности. Вся Земля одушевлена, и тем самым создается великая гармония как на Земле, так и между ней и светилами. Эта душа действует во всем теле Земли, однако обиталище свое имеет в определенной ее части, подобно тому, как и человеческая душа пребывает в сердце; и уже оттуда, все равно как из фокуса или из источника ее действия распространяются на океан и на атмосферу. Отсюда между Землей и светилами существует симпатия, отсюда и порядок в природных явлениях. О том, что Земля действительно обладает душой, нагляднее всего свидетельствуют наблюдения за бурями и вызывающими их всякий раз аспектами*. При определенных

аспектах и констелляциях воздух неизменно приходит в волнение; если же их нет, либо они малы или скоропреходящи, он остается спокойным».

(* Астрологический термин. — И. М).

Шестая лекция. Берлин, 10 февраля 1914 г.

«Такие же и сходные мысли высказывает Кеплер и в книге «*Harmonices Mundi*»*. Приведу лишь одну из многочисленных цитат: «Земной шар окажется в таком случае телом, как тело животного, и что для животного его душа, тем будет для Земли «*Natura sublunaris*»**, вызывающая в присутствии определенных аспектов бури. Это не опровергается тем, что повод для бури не всегда в точности совпадает с аспектами; зачастую Земля представляется инертной, а другой раз — возбужденной, так что она продолжает свои испарения и в отсутствие аспектов. Так что Землю следует уподобить не такому послушному зверю, какова собака, а скорее быку или слону: она медленно поддается гневу, но он тем сильнее, если она выведена из себя.» [Книга IV, гл. VII.]».

(*«Мировые гармонии» (лат.).

(** «Подлунная природа» (лат.).

«Эти и прочие бесчисленные изменения и явления, имеющие место на Земле, столь размеренны и упорядочены, что их невозможно приписать какой-то слепой причине; и поскольку сами планеты не ведают об углах, которые испускаемые ими лучи образуют с Землей, Земля должна быть наделена душой».

В своей манере он, далее, говорит: «Земля — это животное. Мы замечаем в ней все то, что аналогично частям тела животного. Растения и деревья — это ее волосы, металлы — ее жилы, морские воды — ее жидкости. Земля обладает творческой силой, своего рода воображением, движением, страдает некоторыми недугами, а прилив и отлив — это дыхание животных. Как представляется, душа Земли — это своего рода пламя, и отсюда подземное тепло, и потому нет никакого размножения в отсутствие тепла. Бог напечатлел в душе Земли определенное изображение Зодиака и всего небосвода».

«Вот связь небесного и земного, причина симпатии меж Небом и Землей: прообразы всех ее движений и отправлений насаждены в ней Богом-Творцом».

«Душа в центре Земли, по всем направлениям рассылает она собственные образы или копии и таким образом воспринимает все гармоничные изменения и предметы вне себя. Как обстоит дело с душой Земли, точно также и с душой человека. Например, все математические представления и доказательства душа порождает из самой себя, иначе она не могла бы обладать столь высокой степенью надежности и определенности».

«Планеты и их аспекты оказывают влияние на душевные силы людей. Они вызывают душевные движения и страсти всякого рода, а тем самым — самые чудовищные поступки и события. Они влияют на зачатие и рождение, а потому — на темперамент и характер человека, и на этом основана большая часть астрологии. Вероятно, от Солнца на всю Вселенную распространяются не только свет и тепло, но оно является также центром и обителью чистого разума и источником гармонии во всем мироздании, и все планеты одушевлены».

Вот как заявляет о себе взгляд, направленный вверх, в этом мыслителе, с которым мы сталкиваемся в XVII в. (эти слова относятся, как сказано, к 1607 г.). Но в словах этих уже видно то, что взгляд вверх христианизирован. Во всяком случае тот, кто произнес только что прочитанные мной слова, был глубоким мыслителем, в котором осуществлялась глубинная, потайная связь человеческой души с тем, что божественно пронизывает и будоражит мир. Этому же мыслителю, чей отзыв относительно «души Земли» мы только что слышали, принадлежат и следующие прекрасные слова:

Гимн к Богу.

Мира творец, о, вечная мощь! Мировые пространства
Полнятся Славой твоей; также и Небо с Землей.
Даже малыш бессловесный лепечет чужими словами,
Дабы порочный умолк, славе согласно твоей.
Мира великий творец, с восторгом взираю на дело,
Что с величайшим искусством руки свершили твои,
С Солнцем посереде, источником света и жизни,
Что по законам святым вожжи сжимает Земли
В разном вращенье ее. И Луны наблюдаю потуги,
Вижу и россыпи звезд по бесконечным полям —
Мира властитель! О, вечная мощь! От мира до мира
Все на крылах световых мчится блистанье твое.

Мы еще глубже заглядываем в его душу, когда он

говорит:

Если ты теперь творца вещей в зеркале захочешь Увидеть, а между тем когда-то тебе доведется познать Само существо, скажи мне, глаз, что же ты медлишь? Познакомиться вместо кажимости — с самим благородным предметом? И если неполнота знания доставляет тебе столько удовольствия.

Какое блаженство будет увидеть целое!
Душа, смело откажись от недостойного,
Дабы теперь же обрести вечно-великое.

И если здесь жизнь — ежедневное умирание,
И, более того, смерть — это источник жизни,
О, дитя человеческое, почему ты медлишь, умерев,
Вновь приветствовать свет с новым рождением?

Кто произнес эти слова, как и слова о душе Земли, кто высказал их в XVII в.? Их высказал тот, кто основал всю новую астрономию, Иоганн Кеплер, без которого новой астрономии вообще не было бы. Какой монист не похвалил бы за них Иоганна Кеплера? И пускай на только что приведенные слова Иоганна Кеплера будут обращать внимание одни только приверженцы монизма, в противном случае все рассуждения об Иоганне Кеплере останутся чем-то таким, что мне не хотелось бы вмещать в одно - единственное слово.

Здесь уже заложено представление о том, чем должно вновь сделаться созерцание звезд: это будет новое чтение звездного письма, как мы пытаемся это делать в нашем духовно-научном мировоззрении. И получает ответ наш недоуменный вопрос, с которого мы начали сегодняшнюю лекцию: как нам ближе подойти к импульсу Христа? Как нам понять Христа? Как нам занять в его отношении подобающее место, так чтобы мы могли сказать: мы действительно переняли импульс Христа? Если мы будем учиться с теми же рвением и душевной углубленностью, как это описывалось в древнееврейскую старину: «Я взираю на Авраама, моего отца, т.е. на линию телесной наследственности, — на праотца Авраама, когда я хочу говорить об основании того, что как наиболее ценное ношу в своей душе», так вот, если сегодня мы будем с той же душевной углубленностью и в том же сердечном настрое взирать на то, что происходит из духовных высот и что духовно нас обогащает, на Христа, если все свои способности, все, что умеем, так что это и делает из

нас людей, мы возведем не к какой-то земной силе, но ко Христу, мы обретем живую связь, с Христом. «Если ты обладаешь какой угодно способностью, пускай даже это будет самая заурядная способность, делающая тебя человеком, откуда она у тебя?» От Христа!

Как древний еврей говорил, умирая, что возвращается на лоно Авраама (что имело глубокий смысл), так мы учимся понимать смысл нашего времени, времени после Мистерии Голгофы, прибавляя к древним словам «Мы рождены от Бога» то, что соответствует для нас древнему «вернуться на лоно Авраама»: «Мы умираем во Христе».

Если мы научимся понимать Мистерию Голгофы, то сможем обрести ту живую связь с Христом, которая нужна нам, как в древнееврейской старине существовала живая связь с Богом, который был Богом Авраама, Исаака и Иакова, а выражалась она в том, что всякий знал: со смертью он возвращается к праотцу Аврааму. А для людей, живущих после Мистерии Голгофы, это должно выражаться в том, что они сознают: мы умираем во Христе!

Сообщения, сделанные мной на основе Пятого Евангелия, дают возможность заново ознакомиться с тем, что должно было происходить по всей Вселенной, чтобы могло наступить то, что известно нам как Мистерия Голгофы. И сама Мистерия Голгофы представляется с точки зрения духовнонаучного рассмотрения своего рода предварительным завершением иных процессов, к которым она присоединяется по ходу последовательности общемировых фактов.

Мы говорили о том, что два мальчика Иисуса подготовили Мистерию Голгофы. Мы видели, что один из двух мальчиков Иисусов, так называемый соломонов Иисус, нес в себе «Я» Заратустры. Мы видели, как это «Я» Заратустры, после того, как два мальчика Иисуса, бывшие приблизительно одного возраста, достигли 12-летнего возраста, переместилось в тело другого мальчика Иисуса, того, что происходил из натановой ветви дома Давида. Затем нам на основе Пятого Евангелия удалось более обстоятельно обсудить, какая именно судьба была уготована этому Иисусу из Назарета, несшему в себе таким образом три телесных оболочки, появившихся на свет с натановым мальчиком Иисусом, и который вплоть до 30-летнего возраста носил в себе «Я» Заратустры, вплоть до пересказанного вам разговора с матерью, когда пламенность тогдашних его высказываний, позволявшая его собственному «Я» изливаться в слова, привела к тому, что «Я» Заратустры, до

некоторой степени, оставило телесные оболочки этого Иисуса из Назарета. И мы знаем, как затем вследствие Иоаннова крещения в Иордане существо Христа вселилось в тройную телесную оболочку Иисуса из Назарета.

Если мы теперь готовы все это постигнуть, то мы и в самом деле почерпываем отсюда вовсе не меньшие, а несравненно большие представления о значении существа Христа Иисуса — сравнительно с теми людьми, кто в состоянии освоиться лишь с теми представлениями, что имелись прежде, а также с сообщениями Евангелий в том виде, как их можно воспринять.

Но все это событие, которое мы именуем — вместе с Распятием и Воскресением — Мистерией Голгофы, увенчивает три других. Оно представляет собой, так сказать, предварительное завершение трех других. Одно из этих событий имело место еще в древнюю лемурийскую эпоху, а из двух других одно пришлось более на начало, а второе — на конец атлантической эпохи. Вот только три этих события носят такой характер, что они разыгрались не на материальном плане, но в духовных мирах. Нам нужно, так сказать, душевно воззреться на четыре события, последнее из которых (то, которым до сих пор преимущественно и занимались и которое мы именуем Мистерией Голгофы) разыгралось на материальном плане, в то время как три других, как события подготовительные, прошли в духовных мирах.

Про то существо, которое мы именуем натановым Иисусом, я вам говорил, что он обнаружил свою необычную натуру тем, что сразу после рождения смог произнести несколько слов, которые, впрочем, были сказаны на таком необычном языке, что тогда этот язык никто не мог понять, и только материнское чутье позволило ей догадываться, что могли означать эти слова. Насчет этого натанова мальчика мы должны также отдавать себе полный отчет, что это не было такое человеческое существо, как прочие человеческие существа, оставившие за плечами множество земных жизней (как, например, соломонов мальчик Иисус, в котором пребывало «Я» Заратустры, и как другие люди), то есть он не оставил эти жизни за плечами, как они, но провел предшествующее свое существование в духовных мирах. Я указывал на это ранее, когда говорил: «Некий остаток из того, что, начиная с лемурийской эпохи, переходило в человеческие инкарнации в качестве человеческих душ, словно бы так и пребывал в духовных мирах, не перейдя в

человеческое воплощение, а перешел в человеческое воплощение лишь тогда, когда ему довелось родиться на свет в качестве натанова мальчика Иисуса». То, что тогда осталось, а значит, то, что не может быть названо человеческим «Я» в обычном смысле этого слова (ибо человеческое «Я» — это то, что переходит из инкарнации в инкарнацию на Земле), судьба этого остатка разыгрывалась в духовных мирах. И лишь те, кто принадлежали к древним мистериям, те, что были в состоянии наблюдать процессы в духовных мирах, только они могли знать, что это существо, которое должно было однократно появиться в качестве натанова мальчика Иисуса, которому суждено было быть одушевленным существом Христа, прежде должно было пройти через определенные коллизии в духовных мирах. Чтобы познакомиться с этими перипетиями, надо иметь в виду следующее. Большинство из вас еще помнят те лекции, что читались здесь как-то несколько лет назад относительно антропософии; в них я остановился в первую очередь на чувствах людей. Тогда я недвусмысленно указал на то, что исчисляемые обычно пять человеческих чувств — это лишь часть всех чувств, и что, вообще говоря, у человека 12 чувств. Теперь нет нужды говорить об этом подробнее. А вот на что указать следует, так это то, что тому, что является человеческими чувствами, то есть тому, что внедрено в нашу телесность в качестве чувств, собственно говоря, была бы уготована поистине роковая для людей судьба, не произойди в духовных мирах в древнюю лемурийскую эпоху первое событие Христа, это как бы предвестие Мистерии Голгофы. В самом деле, в лемурийскую эпоху человек воплотился так, что, в основном, он уже располагал зачатками для своих чувств. Но еще мы знаем, что в лемурийскую эпоху имело место воздействие люциферических сил на человеческую эволюцию. Это воздействие люциферических сил простиралось в человеческой конституции на все. Так вот, если бы тогда не имело место ничего кроме того, благодаря чему человек был в лемурийскую эпоху приведен к своему земному воплощению, а далее произошло бы люциферическое воздействие, наши чувства оказались бы совсем иными, нежели те, что мы имеем теперь. Можно сказать, эти чувства были бы сверхтонкими, крайне обостренными. Они стали бы таковы, что мы не смогли бы жить с такими, словно бы притуплёнными, чувствами*. К примеру, красный цвет производил бы на человеческий глаз такое впечатление, что под его воздействием глаз ощущал бы

вполне определенную боль. Иные впечатления производили бы на чувства другие болезненные воздействия. Так, например, под действием синего цвета глаз ощущал бы себя словно высосанным. То же и со всеми прочими чувствами.

(*Mit unseren Sinnen temperiert durch die Welt gehen. Обыгрывается выражение mit offenen Augen durch die Welt gehen — быть любознательным, иметь «глаза нараспашку». — И. М).

Человеку пришлось бы существовать в мире так, что чувства постоянно подвергались бы болезненным раздражениям или, наоборот, испытывали чрезмерное и потому также нездоровое удовольствие. Чувства получали бы более сильные впечатления со стороны, нежели это для них полезно.

Вот что получилось бы вследствие люциферического воздействия.

Человечество оказалось избавлено от этого, причем на сей раз это случилось не вследствие события, имевшего место в материальной земной области, но благодаря процессу, явившемуся, так сказать, первой подготовительной ступенью Мистерии Голгофы. Еще в лемурийскую эпоху то самое существо Христа, которое впоследствии благодаря Иоаннову крещению в Иордане соединилось с телом Иисуса из Назарета, это же существо Христа соединилось с существом, тогда еще пребывавшим в духовных мирах. Я говорю о существе, которое позднее появилось на свет как натамов мальчик Иисус, но пребывавшим тогда еще в духовных мирах. Если про событие в Палестине можно сказать, что существо Христа воплотилось (verkörperte sich) в Иисуса из Назарета, то относительно того первого события с Христом следует сказать, что оно водушевилось (verseelte sich) в лемурийскую эпоху в духовном мире в существо, которое позднее низошло на Землю как натамов Иисус. Так и обитало в духовных мирах духовно-душевное существо, которое благодаря этому акту связывания, то есть связывания существа Христа с душой будущего Иисуса из Назарета, и всего того, что за этим последовало, избавило человеческие чувства от пагубы, то есть как бы таким образом озарило человечество из духовного мира, чтобы его чувствам не был причинен вред, когда его обитание на Земле оказалось бы сопряжено с такими страданиями или такой гиперчувствительностью. Первое подготовительное событие

Мистерии Голгофы имело место ради спасения чувств. То, что мы можем теперь жить в мире такими, как мы есть, с нашими чувствами — следствие того события Христа.

В начале атлантической эпохи имело место второе событие. И опять оно заключалось в том, что существо, сделавшееся впоследствии натаповым Иисусом, воодушевилось существом Христа. Тем самым человеческая природа оказалась избавлена от другой напасти. Ибо хотя чувства и сделались здоровыми благодаря первому событию Христа, по причине люциферического, а впоследствии — еще и ариманического воздействия эта человеческая природа сделалась бы такой, что так называемые семь жизненных органов (по случаю лекций по антропософии мне довелось говорить также и о семи жизненных органах; это подобные сосудам органы физического тела, в основе же их лежит, собственно говоря, определенная конституция эфирного тела) стали бы такими, что мы опять-таки не смогли бы обитать в мире как люди, как теперь у нас происходит с симпатией и антипатией, но человек попеременно ощущал бы звериное вожделение и чудовищное отвращение в отношении того, что он потребляет своими органами, что может ему служить пищей. Вплоть до того, что даже и то, что могло бы достаться его органам дыхания, он воспринимал бы так, что его охватывало бы то дикое вожделение, то глубочайшее омерзение. Так что и жизненные органы человека были бы под влиянием Люцифера и Аримана чрезмерно активны. И здесь наступило второе событие Христа, и вновь это было событие в сверхчувственных мирах. Благодаря ему жизненным органам человека была дана возможность быть в определенном смысле умеренными, соразмерными. Так что подобно тому, как наши органы чувств никогда бы не смогли умудрено взирать на мир, не произошли первое событие Христа в лемурийскую эпоху, так и нашим жизненным органам ни за что бы не достичь надлежащих пропорций, не произошли в начале атлантической эпохи второе событие Христа.

Но человеку могла угрожать еще одна пагуба, относившаяся к его астральному телу, к распределению ролей между мышлением, чувством и волей. Ныне мышление, чувство и воля у человека находятся в определенной гармонии, и если она оказывается нарушенной, это пагубно отражается на здоровье человека. Когда мышление, чувство и воля взаимодействуют ненадлежащим образом, человек погружается в безбрежную,

дикую ипохондрию, а бывает, дело доходит до настоящего помешательства. При полнейшей неразберихе в том, что касается мышления, чувства и воли люди вполне могли бы прийти до состояний помешательства, когда бы к концу атлантического периода не случилось третье событие Христа. Оно привело к тому (то было снова водушевление Христом все еще пребывавшего в сверхчувственных мирах натанова Иисуса), что в душевные силы человека между мышлением, чувством и волей была внесена уравнивающая гармония.

Все три только что указанных мной события воздействовали на людей из духовных миров; они не происходили на материальном уровне. Но они (в первую очередь третье из них) оставили по себе прочную память в мифических представлениях. И подобно тому, как во многих случаях духовное познание приводит к тому, что мы верно понимаем те знамения, что содержатся в легендах и мифах, и, так сказать, надлежащим образом углубляем, так может произойти и с данным знаком. Все мы его знаем, это третье знамение, изображаемое сверхчувственным существом, будь то Архангел Михаил или же Святой Георгий, которые затаптывают, одолевают дракона. Вот образное изображение третьего события Христа: Архангел Михаил или Святой Георгий, впоследствии натанов мальчик Иисус, воодушевленный существом Христа. Потому и существует архангельский образ в духовных мирах. А преодоление дракона означает подавление в человеческих мышлении, чувстве и воле (то есть в страстной природе человека) того, что желало бы совершенно перепутать мышление, чувство и волю, привести их в состояние хаоса. Можно глубоко это прочувствовать, как в тех неистовых образах, которые словно бы для того и создаются, чтобы понять то, чего не постигает рассудок, по крайней мере может быть представлено человеческой душе для символического созерцания и чувства — как именно выражаются здесь глубинные, весьма глубинные взаимосвязи.

Мы уже упоминали в предыдущих случаях о том, что греческому миру в его божественном и духовном мире были даны отблески, как бы теневые фигуры того, что в атлантическую эпоху пребывало в мире словно бы непосредственно над человеком в качестве реальных божественно-духовных существ. И вот у греков было четкое представление как раз о третьем событии Христа, о том событии Христа, которое дается человеческой душе исключительно в образной форме с помощью Святого

Георгия или Архангела Михаила, побеждающих дракона. Греки представляли себе Христа, одушевляющего того, кто будет впоследствии натановым мальчиком Иисусом, в качестве своего Аполлона. И можно сказать, что в Греции со Святым Георгием с драконом связывался чрезвычайно глубокий смысл, помещавшийся прямо в космосе. У греков на Парнасе был Кастальский источник, близ которого в земле зияла расщелина, откуда поднимались испарения. Эти испарения обвивали гору подобно змее, так что уже в этих змеевидно опоясывающих гору испарениях можно было усматривать образ разбушевавшихся человеческих страстей, погрузивших мышление, чувство и волю в хаос. Над расщелиной, там, где эти змеевидные испарения выходили наружу, был сооружен оракул, посвященный Пифии. Пифия восседала над расщелиной на своем треножнике, и вздымающиеся испарения подталкивали ее к визионерству, и то, что она в таком состоянии изрекала, считалось речением самого Аполлона. А те люди, кому необходимо было принять какое-то решение, посылали людей к Пифии и через ее уста испрашивали совет у Аполлона. Значит, у греков все основывалось на убеждении, что к настоящей мудрости человека приводит Аполлон. Теперь мы знаем, что это за мудрость. Это одушевленный Христом будущий натанов мальчик Иисус, именовавшийся у греков Аполлоном. У того, что восходит к Пифии из Земли, он отбирает его люциферически-ариманическое действие. А поскольку в испарениях восходит вверх жертва Аполлона, испарения уж более не приводят к путанице и хаосу, но представляют собой для греков мудрое и упорядочивающее мышление, чувство и волю. Итак, мы видим, что для грека идея Аполлона воплощает в себе то, что в людские мышление, чувство и волю вплетено божество, которое мы будем позднее именовать Христом, божество, пожертвовавшее тогда собой в том, что влилось в душу будущего натанова мальчика Иисуса и излило гармонию в мышление, чувство и волю, на которые Люцифер и Ариман оказали бы рассогласующее воздействие в человеческой душе.

Так что мы имеем произошедшие в сверхчувственных мирах три события Христа, по сути подготавливающие событие Голгофы. И если теперь мы зададимся вопросом о значении уже самого события Голгофы: что же, собственно говоря, повлекло за собой это событие, что разладилось бы, не наступи событие Голгофы? — то нам ведь известно, что в четвертый послеатлантический культурный период, в

греческо-латинскую эпоху, человечество созрело для того, чтобы развить в себе «Я». Поначалу зрелости для формирования «Я» достигли как раз те края Запада, что простираются по Западной Азии, Южной и Центральной Европе. И прежде всего «Я» должно было развиваться вследствие столкновения в Центральной и Южной Европе романских народов — с германскими. Итак, в четвертый послеатлантический период должно было развиваться «Я». Но развилось бы оно неупорядоченно. Ибо подобно тому, как в лемурийскую эпоху неупорядоченно развились бы чувства, если бы не наступило первое событие Христа, как ненадлежащим образом развились бы семь жизненных органов, если бы в начале атлантической эпохи не произошло второе событие Христа, как три вида душевной деятельности человека — мышление, чувство и воля — развились бы в хаосе, не свершись к концу атлантической эпохи третье событие Христа, так и «Я» развилось бы во что-то бессвязное, не произошли бы в греко-латинскую эпоху четвертое событие Христа, а именно Мистерия Голгофы. Ибо — мы подчеркивали это неоднократно — в четвертый послеатлантический период люди подошли уже к сознанию «Я».

Те люди, которым не было дано этого достичь, вначале получили откровение в иной форме. Ибо в том-то и заключается характерное отличие откровения Будды от откровения Христа, что откровение Будды предназначалось людям, которые по сути не должны были прийти к сознанию своего переходящего из инкарнации в инкарнацию «Я». Не понимает буддизма тот, кто не в состоянии надлежащим образом это постигнуть. Я уже неоднократно указывал на ходячую в позднем буддизме притчу, в которой говорится, что настоящий буддист взирает на то, что переходит из инкарнации в инкарнацию, так, что сравнивает это с плодом манго, который, будучи помещен в землю, производит на свет новое дерево, из которого растет новый плод. Новый плод связывают со старым исключительно лишь название и форма. Это-то и характерно для буддизма, что здесь не говорится о реальном, шествующем по инкарнациям «Я». А не говорится о нем потому, что у народов Востока реальное «Я» не полностью достигло сознания. Еще и теперь можно видеть: когда стоящие на позициях восточных учений люди желают постичь мировоззрение Запада, они не в состоянии продвинуться до того момента, где в дело вступает «Я».

«Я» должны были произвести на свет народы четвертого

послеатлантического периода. Однако рождалось это «Я» в сумятице. О том, что оно рождалось в сумятице, говорит одно явление, которое весьма значимо для четвертого послеатлантического периода. Мы сталкиваемся здесь, как с важнейшим выражением рождения «Я», со стихией греческой философии. Но с другой стороны, как явление, сопутствующее греческой философии, мы видим здесь движение сивиллизма, тот сивиллизм, про который нам следует сказать: Сивиллы — это все те женские существа, что, в отличие от Пифии, не получали в плане своей душевной жизни гармонизации со стороны Аполлона, но позволяли своим откровениям проявляться в мышлении, чувстве и воле хаотично и бессвязно. Через эти сивиллические откровения, захватывающие период с VIII века до Христа и вплоть до Средних веков, зачастую струилось что-то от высшей мудрости, но все это как попало, зачастую вперемешку со всевозможным редкостным вздором. В движении сивиллизма прежде всего обнаруживается то, как рождение сознания «Я» поначалу должно было оказывать разлаживающее действие, что под воздействием ариманических и люциферических влияний «Я» должно было явиться на свет столь же неупорядоченным, — точно так же, как без трех первых событий Христа были обречены беспорядочно формироваться 12 чувств в лемурийский период, семь жизненных органов в раннюю атлантическую эпоху и три душевных органа — в поздний атлантический период. Точно так же и в послеатлантический период «Я» получилось бы без складу и ладу, когда бы не наступила Мистерия Голгофы.

Итак, мы видим, как эта Мистерия Голгофы словно бы постепенно спускается вниз с духовных высот, где она вначале разыгрывается в качестве события Христа в лемурийскую эпоху, пока не доходит до физического плана, — именно в этой нашей земной Мистерии Голгофы. Это может в свою очередь указать нам на значение этого единственного в своем роде события для развития Земли, может указать нам на то, насколько хорошо было подготовлено это беспримерное событие из духовных миров.

Связь с высшим солнечным существом, которую мы также неоднократно подчеркивали применительно к существу Христа, также дает о себе знать в греческой идее Аполлона, поскольку Аполлон — солнечный бог.

Я дал лишь наброски того, что может таким образом внести вклад в полное истолкование значения Мистерии

Голгофы. Все это возможно разработать в деталях, и тогда обнаружится все грандиозное космическое величие Мистерии Голгофы. Так что к Мистерии Голгофы можно подойти в космическом аспекте. Но можно к ней зайти также и с другой стороны. Это может быть сделано приблизительно следующим образом.

Представим, что человек попадает в духовный мир, будь то через врата смерти или через посвящение. Будем теперь исходить из того, что он попадает в духовный мир через врата смерти, и тогда первое здесь — то, что человек совлекает с себя физическое тело все равно как внешнюю оболочку. Это физическое тело в полной власти земных стихий. Попробуем себе представить, что, пройдя через врата смерти, человек оглядывается из духовного мира, в котором он пребывает, на судьбу своего физического тела, на то, как оно, сгнившее или сожженное, предается земным материальным стихиям. То, что человек усматривает в этих процессах, взирая на судьбу материального тела из духовного мира, вполне можно было бы назвать природным явлением, ничем не выделяющимся в ряду прочих, явлением, при котором нравственным понятиям отыскивается не больше применения, чем принято их пускать в ход при образовании облаков или когда из облака в облако ударяет молния. И как человек взирает на природные явления, точно также поначалу ему видится то, что распадается здесь, как материальное тело. Но еще нам известно, что затем человек несколько дней остается связанным со своим эфирным телом, и что, как своего рода второе освобождение, имеет место отделение астрального тела и «Я» — от эфирного тела.

Когда, далее, человек оглядывается на отделившееся эфирное тело, то оно, со свойственными ему процессами, предстает уже иначе, нежели отделившееся физическое тело. Прежде всего, после смерти мы не можем взирать на эфирное тело из духовного мира так, чтобы рассматривать то, чем оно тогда является и что с ним происходит, как природный процесс. Это совершенно не так, но в эфирном теле, в его необычности, перед нами обнаруживается, как в него вплетено все то, что мы в качестве своих убеждений и мыслей носили в собственной душе вплоть до самой смерти. Если наши помышления были благими, это видно по эфирному телу; если же у нас были коварные, злые мысли, по нему это также видно. Да, в нем просматривается и ощущается целая, так сказать, иерархия благих и дурных чувств и восприятий. Все это находит в нем выражение. Мы

вкладываем свою внутреннюю душевную конституцию, такой, как она есть, в свое эфирное тело. По нему это можно видеть, и все это достаточно затейливым образом растворяется в эфирном мире: он всасывает это в себя. Так что когда мы так вот оглядываемся на судьбу собственного эфирного тела, то, в сущности, взираем на отображение того, чем были в земной жизни сами.

Насчет того, что мы здесь наблюдаем, можно еще сказать нечто совершенно своеобразное. Мы в состоянии сказать себе: если ты испытал те или иные благие чувства, принес ту или иную жертву духовным мирам, значит, ты передал всеобщему эфирному космосу нечто такое, что продолжает там действовать как благо. Если же у тебя были скверные чувства, скверные эмоции, если ты не желал иметь дела с отображениями духовного мира, ты передал эфирному космосу нечто такое, что наносит ему ущерб, производит там опустошение.

Вот судьба нашей души, а значит, нашего астрального тела и нашего «Я», того, чем они являются в духовном мире, — взирать на то, что натворили мы сами в судьбе ее эфирного тела, которое более не может быть изменено, когда оно отделилось от материального тела. Это даже основное зрелище, которое представляется нам после смерти. Подобно тому, как прежде, в чувственном мире, нам воочию представали облака, горы и так далее, то теперь, после смерти, в качестве фона нам предлагается зрелище того, что мы сами, в силу определенной душевной конституции и своего образа мыслей, заложили в свое эфирное тело. Зрелище это становится все больше, и становится по сути как небосвод, на котором появляется все прочее. Такова, значит, судьба человека после смерти, чтобы созерцать судьбу эфирного тела.

Помимо того, здесь обнаруживается вот еще что: это распадающееся эфирное тело обладает, в сущности, двойными характеристиками. Одни связаны с тем, что вообще говоря производит после смерти неизменно угнетающее, омрачающее впечатление. С чем именно связаны такие его свойства, прояснится лучше всего, если мы чуть коснемся судьбы материальной Земли.

Судьбу эту, судьбу материальной Земли признают сегодня и физики. Они справедливо соглашаются с тем, что в какой-то момент Земля как материальный объект падет жертвой так называемой тепловой смерти. Отношение теплоты к прочим физическим силам Земли таково, что когда-то в

будущем настанет такой момент (ныне это подтверждается физическими выкладками), что все перейдет в некую равномерную теплоту. Тогда здесь больше не будет ничего, что могло бы свершиться на Земле — как событие или некий процесс в их материальной области. Вся Земля падет жертвой тепловой смерти.

Те, кто относятся к материалистам, вполне естественно, должны принять как само собой разумеющееся (ибо в противном случае их можно обвинить в непоследовательности), что с этой тепловой смертью все, что они именуют человеческой культурой, человеческим мышлением, чаяниями и намерениями, неизбежно прекратится, что в равномерной теплоте вся человеческая жизнь должна исчезнуть. Тот же, кто прозревает в связь вещей, как ее способно вывести духовно-научное учение, он знает, что эта тепловая смерть означает, что материальная Земля, как труп, спадет с того духовного начала, что ей принадлежит, как человеческий материальный труп отпадает в человеке от того, что проходит через врата смерти. И как человеческий труп со смертью отстает от духовно-душевного начала человека, преодолевающего состояние между смертью и новым рождением, как человек переходит из одного состояния в другое, так и духовное начало Земли, когда с тепловой смертью ее земному существованию настанет конец, перейдет к юпитерианскому существованию. Это юпитерианское существование будет дальнейшим воплощением всего того, что связано с Землей в духовном плане.

Если после смерти мы способны вот так оглянуться назад на эфирное тело, то, действительно, благодаря определенному восприятию, которое здесь наличествует по отношению к этому эфирному телу, взору открывается то, что часть свойств эфирного тела связана со всем тем, что в рамках земной сферы обречено на тепловую смерть, что распадается. В нашем эфирном теле присутствуют такие силы, активно способствующие тому, чтобы обречь Землю на тепловую смерть. Но имеются здесь и иные силы.

В этом эфирном теле можно заметить еще один вид сил, и они относятся ко всему земному так, как, скажем, при созерцании растительного семени мы замечаем, что семя окружено таким растительным веществом, из которого должно воссоздаться будущее растение. Подобным же образом и в эфирном теле видно: здесь присутствуют силы, которые обречены быть деятельными для Земли, пока она

существует, пока Земля не падет жертвой тепловой смерти. Но присутствуют здесь и юные силы, связанные с тем, что содержит Земля, как космическая завязь, подлежащая переходу в следующую инкарнацию Земли. Эту как бы заряженную силами завязи часть эфирного тела можно видеть лишь в том случае (и тем самым мы вновь затрагиваем чрезвычайно важную тайну духовной науки), если мы добьемся определенной связи с существом Христа, с импульсом Христа. Ибо часть эта пронизана силами Христа, излившимся в духовную сферу Земли благодаря Мистерии Голгофы. Здесь, в этой части они и присутствуют. Ибо эти силы Христа представляют собой то, что также и в человеке переводит все зачаточное, способное к росту — на Юпитер. Так что это позволяет нам созерцать в нашем эфирном теле нашу собственную связь с импульсом Христа, то в нас, что сохраняет всхожесть, чему суждено будущее.

Так вот, если мы приглядимся ко всему этому именно в таком ракурсе, то возникает уверенность, что и в самом деле из Мистерии Голгофы на Землю излилось то, о чем часто упоминают, и что это имеет какое-то отношение к возвращению к жизни всего духовного начала Земли, в которую мы сами, как люди, погружены. И к переживаниям, которые должен изведать человеческое существо, обладающее надлежащим сознанием «Я», какое имеет современный западный человек, к переживаниям этим относится как раз то, чтобы, созерцая после смерти свое эфирное тело, видеть это тело не без пронизанности импульсом Христа. Ведь жалка будет твоя жизнь после смерти, если при созерцании собственного эфирного тела тебе придется обойтись без пронизанности эфирного тела импульсом Христа. Вот потому-то я и указывал всегда на то, что явление Христа на Землю — это факт, и также и те люди, что сегодня высшим своим сознанием все еще противятся импульсу Христа, мало-помалу получают доступ к импульсу Христа, когда они, пускай даже через одну-две инкарнации — в качестве населения западных культурных областей Земли — его отыщут.

Посмертное человеческое блаженство в том-то и состоит, чтобы при созерцании своего эфирного тела располагать несомненностью импульса Христа. Посмертное человеческое проклятие — замечать в эфирном теле лишь то, что, так сказать, подлежит земной смерти. Для человека, который в силу принадлежности к культуре как раз обладает четким сознанием «Я» (у людей Востока это сознание «Я» еще не

вполне отчетливо), для человека, который уже родился с четким сознанием «Я», как у западных народов, высшей степенью злосчастия будет взирать на свое эфирное тело и видеть там одни лишь силы, оказывающие разрушительное действие на развитие Земли, но не быть в состоянии заметить там субстанционального присутствия импульса Христа. Если ты не можешь созерцать в эфирном теле юные ростковые силы импульса Христа, это все равно как жить после смерти под впечатлением землетрясения или извержения вулкана.

Но что они, собственно говоря, собой представляют, эти юные ростковые силы импульса Христа? Об одном относящемся сюда предмете я упоминаю в различных контекстах вот уже многие годы. Мы говорили о том, какую роль играет кровь в материальном теле Христа Иисуса. В самом деле, кровь относится к материальным веществам тела, и для обычного человека она находится в ряду всего того, что со смертью распадается на элементы. Этого не произошло, по крайней мере так не случилось с частью крови Христа Иисуса, которая на Голгофе вытекла из его ран на землю. Эта часть крови перешла в эфир, и в самом деле эфирные силы Земли вобрали ее в себя, так что кровь, которая вытекла тогда из ран, сделалась эфирной субстанцией. И эта эфирная субстанция проблескивает, посверкивает, лучится в эфирном теле и — так это воспринимается после смерти, — проявляет себя таким образом, что человек знает: здесь заново зарождающаяся жизнь, которая жизнетворяще ведет человека навстречу будущему.

Составные части эфирного тела попадают в него и из другого источника, что позволяет нам увидеть, что здесь присутствует заряженная свежими силами жизнь. Как раз наблюдения на основе Пятого Евангелия указывают на то (и когда досконально разберешься в том, что может быть извлечено из Пятого Евангелия, это — одно из сильнейших впечатлений), что после того, как останки Христа Иисуса были положены в гробницу, действительно произошло нечто такое, благодаря чему в завершение там могли присутствовать все те вещи, с изумительной точностью отображаемые Евангелием Иоанна: что гробница была пуста, и пелены лежали вокруг. Так все и было. На это нам указывает Пятое Евангелие. Случилось это потому, что произошло волнообразное землетрясение с образованием трещины в земле. В эту трещину и опустились останки

Христа Иисуса. Затем трещина вновь закрылась. А из-за волнообразного движения и бури укутывавшие тело покрывала в самом деле оказались разбросаны именно так, как это изображено в Евангелии Иоанна при описании пустой гробницы. Это грандиозное, проникающее до самого сердца впечатление, когда узнаешь об этих вещах из Пятого Евангелия и потом находишь им подтверждение в Евангелии Иоанна.

Итак, к эфирному телу прибавилось кое-что еще: то, что было поглощено трещиной, пронизало то, что мы назвали искрящейся и поблескивающей в эфирной субстанции кровью, и благодаря этому сверкающая и блестящая кровь сделалась видна в эфирном теле, так что возникает впечатление, о котором я сказал прежде: после смерти эфирное тело распространяется в ширину, и вы взираете на него, как на своего рода небосвод, на котором перед вами выделяется все прочее, и в качестве основной субстанции в этом распространяющемся эфирном теле — вытянутое во всю ширь Тело, обескровленное Тело Христа Иисуса, которое было поглощено трещиной в земле и таким образом перешло в Землю, и выделяется на распространяющемся перед вами полотне эфирного тела, словно бы его оживляя.

И это зрелище придает уверенность: человечество не погибнет, но продолжит жить дальше в качестве духовного содержания Земли, когда материальное с нее спадет, как отдельный человеческий труп спадает с духовного начала человека. Разумеется, «Я» и астральное тело таковы, что служат ручательством человеческих свободы и бессмертия. Но в таком случае человек продолжил бы существовать сам по себе. Он явится на Юпитер и придется там не ко двору, если то, что было им достигнуто на Земле, не окажется перенесено на Юпитер: если не будет перенесено то, что было привнесено в земную сферу благодаря импульсу Христа. Можно сказать, что вряд ли отдельные люди продолжили бы существовать на Юпитере сколько-то более обогащенными, чем они были уже в лемурийскую эпоху: они продолжали бы жить на Юпитере в скудости, не будь они укоренены в земную сферу, которая была вохристовлена. И бедность эта, она произвела бы такое впечатление: земная жизнь, по сути, пропала зря, ведь она представала бы человеку в жизни от смерти до нового рождения как что-то горестное и жалкое, в то время как то, что сотворил с духовной областью Земли импульс Христа, сообщает душе блаженство в жизни между смертью и новым рождением. Итак, все, что может пережить

душа после Мистерии Голгофы, возникает благодаря тому, что излилось в духовную атмосферу Земли через импульс Христа!

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Гамбург, 16 ноября 1913 года.

Теперь мне предстоит говорить о предметах, выявившихся по ходу нашей антропософской жизни, о духовнонаучных исследованиях, полученных из хроники Акаши и относящихся к жизни Иисуса. В Христианстве уже были высказаны кое-какие мои обобщения насчет жизни Христа Иисуса. Выступал я также и в других городах, что-то желал бы сказать и вам, причем в определенном аспекте. Вообще должен подчеркнуть, что говорить об этом непросто, потому что в настоящий момент прямые результаты принимаются в штыки, пускай даже в общем и целом допускается существование духа, о котором принято рассуждать абстрактно. Однако стоит представить конкретные сообщения из области духовного развития мира, как тут же приходится иметь дело не только с добродушными критиками, но и с такими, что словно с цепи срываются, как это было с сообщением о двух мальчиках Иисусах, совершенно очевидным для тех, кто мыслит объективно. Поэтому прошу вас благочестиво подойти к сегодняшним сообщениям, ведь будучи изложены вне нашего контекста они могут быть превратно поняты и натолкнуться на резкую отповедь.

Но есть и такие точки зрения, в соответствии с которыми чувствуешь обязанность сообщать такие вещи людям. Одна сводится к тому, что в наше время необходимо обновленное понимание Христа Иисуса, всмотреться по - новому в то, что же, собственно, произошло в Палестине как Мистерия Голгофы. Есть и другая точка зрения, и согласно ей как раз оккультная интуиция тесно связана с мировоззрением в целом, которое проистекает из духовной науки, доставляя нам известие о том, каким оздоравливающим и укрепляющим питанием для человеческих душ оказывается то, что они в состоянии чаще думать о том, что соприкасается с этим величайшим событием. Эти души могут получить помощь, вспоминая о Мистерии Голгофы, о каких-то конкретных вещах, о том, что еще и сегодня можно установить в частностях. Но эти предметы все еще подлежат исследованию оккультным взглядом. Так что я хотел бы

подчеркнуть душевную ценность воспоминания о таких событиях и обратиться к рассмотрению некоторых моментов того, что дает нам в качестве своего рода Евангелия, Пятого Евангелия, хроника Акаши. Мы живем теперь в эпоху, когда исполняются слова Христа: «Во все дни я с вами»*. В определенные моменты он оказывается особенно к нам приближен, произнося то новое, что свершилось во время Мистерии Голгофы.

(* Матф. 28, 20).

Сегодня я хочу говорить о том, что принято называть событием Пятидесятницы. Для меня самого то была отправная точка Пятого Евангелия. Первым делом я обратил взгляд на души апостолов и учеников, которые не только согласно традиции, но и на самом деле собрались вместе на Пятидесятницу. Тут в их душах можно было заметить нечто такое, что воспринималось ими как необычайное пробуждение. Ибо они знали что-то такое, что перед этим с ними произошло. Они сказали себе: «Мы пережили нечто необычайное». Ибо они оглядывались назад на переживания, изведенные ими как бы в высшем сновидении, в ином состоянии сознания. Все — в высшем значении слова — происходило точно также, как, в более низменном виде, происходит у отдельного человека, который пережил что-то во сне и, вспоминая об этом, говорит себе: «Я пережил этот сон, и теперь, задним числом, он ясен моему бодрствующему сознанию». Вот и на праздник Пятидесятницы было так, что они сказали себе: «Похоже, что повседневное сознание уснуло». В памяти всплывали события, про которые им было известно, что они их пережили, но они пережили их не в обыкновенном повседневном сознании. Теперь они это знали. И теперь они припомнили: «Некогда мы странствовали с тем, кто был нам так дорог и так любезен, кого мы так ценили! И вот в какой-то момент случилось так, словно он был от нас забран». Им казалось, что воспоминания о совместной их жизни с Иисусом обрываются, и дальнейшее переживалось ими словно в сомнамбулическом состоянии.

В ретроспективе они пережили то, что описывается в евангелиях как Вознесение Христово, а отступая в воспоминаниях еще дальше, они переживали то, как неким образом соприисутствовали Христу Иисусу. Теперь они знали: «Мы были с ним, но тогда это было все равно как во сне;

лишь теперь мы можем вполне понимать, как это было, когда мы были вместе с ним». Они вновь переживали время, которое прожили с ним после Воскресения как сомнамбулы. Теперь они пережили это в воспоминании. Затем все передвинулось еще дальше назад, и они пережили уже и то, что было Воскресением и смертью на Кресте. Здесь я могу сказать: колоссальное, потрясающее впечатление возникает тогда, когда так вот в первый раз видишь, как души апостолов, оглядываясь назад, взирали на событие Голгофы. И должен признаться, что лично у меня впечатление впервые возникло не тогда, когда я прямо взирал на Мистерию Голгофы, но при взгляде в души апостолов, как им представлялось это при взгляде с высоты Пятидесятницы: они, в самом деле, пропустили все это не через материальное зрение, пережили не в материальном сознании, но лишь задним числом им открылось то, что здесь свершилась Мистерия Голгофы, ибо их материальное переживание сознания прекратилось еще за сколько-то времени до того, как Христу Иисусу пришлось претерпеть все то, что описывается как бичевание, возложение тернового венца и распятие. Боюсь быть неверно понятым, потому что выражение это сравнительно избито, и все же скажу так: ученики прозевали, проспали все, что случилось.

Потрясающе было наблюдать, к примеру, как реализуется то, что изображают как отречение Петра. Он отрицает Христа, но не из нравственного изъяна, а все равно как лунатик. На самом деле его повседневному сознанию связь с Христом более не видна. Его спрашивают: «Ты с Христом Иисусом?» А он в данный момент этого не знает, ибо его эфирное тело претерпело такую метаморфозу, что в настоящий момент связь с Христом ему не видна. Все это время он был здесь же, и прошел через все, он странствовал с Воскресшим. То, что производит Воскресший с его душой, глубоко в нее проникает, однако осознается это лишь на Пятидесятницу, ретроспективно. Теперь полные значения слова, произносимые Христом Иисусом, иначе отдаются в душе, те слова, которые он говорит Петру и Иакову, когда берет их с собой на гору: «Бодрствуйте и молитесь!» И в самом деле, они впали в своего рода измененное состояние сознания, в своего рода сон или транс.

Когда они собрались и стали совещаться, среди них был в эфирном теле и Христос Иисус, но так, что они об этом не догадывались, и он беседовал с ними, а они — с ним, но все это происходило с ними как с сомнамбулами. Сознательным

событием это стало лишь на Пятидесятницу, задним числом. Вначале они странствовали с ним, далее сознание исчезает, а после они вновь пробуждаются. Они подумали: «Вначале он пошел на крестную смерть и умер на кресте, далее случилось то, что зовется Воскресением, и он снова явился в своем духовном теле, общался с нами и по капле влил в наши души мировые тайны. Теперь все то, что мы пережили прежде в ином состоянии сознания, становится нашим представлением».

Два впечатления чрезвычайно здесь важны. Это часы перед смертью. Само собой разумеется, так и подмывает выдвинуть всевозможные научные возражения; но если только вы представите себе, что при обращении взора на хронику Акаши события приобретают характер объективной действительности, их следует пересказать. Прежде всего оказывается вот что. На протяжении часа перед смертью по Земле наблюдалось распространение затмения, которое производит на взгляд ясновидящего впечатление солнечного; но возможно, что это было и облачное затмение. Затем можно заметить, что со смертью на кресте импульс Христа, пронизав эту тьму, соединяется с аурой Земли. В этом затмении перед его смертью просматривается связывание импульса Христа с аурой Земли. Здесь ты испытываешь величественное, колоссальное впечатление от того, как это существо, пребывавшее в теле Иисуса, изливается теперь в духовно-душевную ауру Земли, так что отныне души людей как бы в нее погружены. Видеть так вот, в духе, Крест на Голгофе, и как Христос изливается на земную жизнь сквозь затемненную Землю — это производит грандиозное впечатление, от которого захватывает дух; ибо здесь ты видишь в образной форме, как в самом деле реализуется, что должно было осуществиться для развития земного человечества.

А еще положение во гроб. Естественно, здесь прослеживается (я уже упоминал об этом в цикле, прочитанном в Карлсруэ) то, как в природном событии находит внешнее воплощение событие духовное. Когда Христос лежал в гробнице, на Земле разразилось сильнейшее землетрясение, сопровождавшееся смерчем. Здесь особенно важно то, что выяснилось также и при рассмотрении хроники Акаши: после смерча пелены лежали в гробнице так, как это достоверно изображает Евангелие Иоанна. То, что я изложил теперь, было в ретроспективном обзоре пережито апостолами в качестве Мистерии Голгофы при их встречах с

Христом после Воскресения. На Пятидесятницу они впервые пережили в своем сознании то, что тогда извели как бы в сомнамбулических грезах. Когда свершилась Мистерия Голгофы, Христос Иисус и в самом деле остался один, ибо его ученики не только покинули его; их покинуло и собственное сознание. Они пребывали в своего рода сновидческом состоянии и переживали события так, что по сути лишь на Пятидесятницу им удалось в полном сознании реализовать ретроспективный обзор. Весьма своеобразно пережили они эту встречу с Христом после Воскресения, так что в образах передними открылось следующее: «Мы были с ним здесь и там, он говорил; теперь это нам ясно». И вот им довелось пережить нечто примечательное. Они увидели образы своих переживаний с Христом в таком виде, как это соответствовало их совместной жизни после Воскресения. Но при этом у них возникало впечатление, словно в черед с тем, первым, им открывалось еще что-то другое: все вновь и вновь показывался образ, напоминавший им о земной совместной жизни, переживавшейся ими как во сне-трансе. Однако два эти события все время представлялись им их совместная жизнь после Воскресения и совместная жизнь до того, как они погрузились в транс, когда они были рядом с Христом еще в его материальном теле. События представляли перед ними как два образа, накладывающихся друг на друга. Один показывал воспоминание о материальном событии, другой — повторное пробуждение того, что они прошли с Христом, в ином состоянии сознания. Благодаря этому совпадению двух образов им стало ясно, что, собственно, за это время произошло.

Теперь, на Пятидесятницу они отчетливо понимали, что именно свершилось для развития Земли. Желая описать, через что они прошли, оказываешься перед лицом двух величественных и глубинных событий. То, что имело место, предстало их восприятию, будучи вызвано событием Пятидесятницы. И им с живостью представилось, что то, что пребывало прежде в космосе, теперь находится на Земле. Все это становится нам ясно лишь тогда, когда мы видим хронику Акаши. Будем исходить из тех переживаний, что даются человеку.

Первым делом, прежде чем спуститься к новому земному воплощению, человек переживает духовные факты. Затем он проходит состояние зародыша и роды, переходит через материнское тело в материальную земную жизнь и наконец вновь возвращается в духовный мир. Таково его

душевное развитие. Для всякого существа эти ступени - свои.

Давайте попробуем отнести их к существу Христа. Христос проходит через свои состояния по-другому. От Крещения и до Голгофы здесь — своего рода зародышевое состояние. Смерть на Кресте — это рождение, жизнь с апостолами после Воскресения — это земное странствие. Переход в земную ауру представляет собой то, что есть для человеческой души переход в духовный мир. Для Христа все наступает с точностью до наоборот. Обратного ищет он и для своей судьбы. Человеческая душа уходит с Земли в духовный мир, Христос переходит из духовного мира в земную сферу, соединяется с Землей, чтобы через великую жертву перейти в ауру Земли. Это есть переход Христа в девахан. И теперь, в ауре Земли, Христос проживает свой собственный девахан, избранный им для самого себя. Человек восходит с Земли в небо; Христос, напротив, нисходит с Неба на Землю, чтобы жить с людьми. Это его девахан.

Итак, то, что Бог вступил в свое земное существование — это по случаю праздника Пятидесятницы открывается духовному взору апостолов и учеников в образе Вознесения, собственно, земного странствия*. Тем самым их восприятиям стало ясно, что именно случилось, что за жребий выпал земному развитию. На праздник Пятидесятницы апостолы ощутили себя преображенными и наполненными новым сознанием: то было нисхождение духа, внутренняя вспышка исполненного духа познания.

(*Вознесение по-немецки — *Himmelfahrt*, букв, «небесное странствие». Р.Штейнер, прибегая к игре слов, говорит *Erdenfahrt*. — И. М.).

Разумеется, рассказывая про такие события, в глазах людей ты запросто предстаешь мечтателем или фантазером, но ведь, с другой стороны, вполне понятно, что ничто заурядное не в состоянии выразить великие события, произошедшие в жизни Земли. И тогда ученики, оглянувшись назад, но понимая лишь теперь, увидели трехлетнюю жизнь Христа Иисуса от Иоаннова крещения и вплоть до Мистерии Голгофы. Относительно этой жизни мне хотелось бы сделать несколько замечаний.

Оттолкнуться мне хотелось бы от такого изображения событий, какими они представляются наблюдающим хроники Акаши. Прежде Иоаннова крещения в Иордане духовный взгляд падает на одно особого рода событие в жизни Иисуса, в которого Христос еще не излился. Тогда, на 30-м году жизни у Иисуса состоялся разговор с его приемной матерью.

Начиная с 12-летнего возраста родной матери не было с ним рядом, однако формировалась все более глубокая связь Иисуса с приемной матерью. Я также рассказывал уже о переживаниях, которые довелось изведать Иисусу с 12 до 18 лет, а затем — до 24 и до 30 лет. То были события, исполненные глубокого смысла. Здесь мне хотелось бы остановиться на одном событии, имевшем место до Иоаннова крещения. Это разговор с приемной матерью. То был разговор, при котором Иисус на глазах у матери оживил в своей душе все, что пережил начиная с 12 лет. Теперь ему удалось поведать, да так, что его слова были пронизаны глубокими, мощными чувствами, поведать все, что он, по сути более или менее в одиночку, пережил в своей душе. Он рассказывал это наглядно и с убеждением. Он говорил о том, как в эти годы, с 12 до 18 лет, в его душу, как озарение, проникли высшие божественные учения, некогда открывшиеся еврейским пророкам. Ибо это-то и нахлынуло на Иисуса тогда, с 12 до 18 лет, подобно инспирации. Началось же все, когда он был среди ученых книжников в храме. То была инспирация в роде тех, которые некогда открывались пророкам в великие древние эпохи. Случилось так, что под впечатлением этих внутренних прозрений ему приходилось испытывать муки. Это глубоко отложилось в его душе: древние истины были даны еврейскому народу в те времена, когда его тела были устроены таким образом, что могли это понять. Но теперь эти тела больше не были пригодны, чтобы воспринимать как во времена древних пророков.

Необходимо сказать одну вещь, которая характеризует чудовищно мучительное переживание в жизни Иисуса; приходится выражать ее абстрактно и сухо, хотя сама эта вещь играла роль колоссального значения. Во времена иудаизма существовал язык, снизошедший «из духовно-божественных миров. Теперь же, как вспышка из душевных глубин, древний язык вновь вышел на поверхность, однако здесь не было более никого, кто бы это понял. Заговорив о величайших учениях, вы проповедовали бы глухим, бесчувственным людям. Вот что было величайшей мукой Иисуса; и это он изложил своей приемной матери.

Далее Иисус изложил второе событие, которое пережил в своих странствиях с 18-ти до 24-х лет, приводивших его в те области Палестины, где обитали язычники. Он ездил с места на место, работая по плотничному ремеслу. По вечерам он усаживался вместе с людьми. То было совместное

времяпрепровождение, какого люди не ведали ни с кем другим. От великой муки в Иисусе сформировалось нечто такое, что в конечном итоге преобразилось в волшебную силу любви, пронизывавшей каждое его слово. Эта волшебная сила слов оказывала действие в разговорах с людьми. Что было здесь величественнее всего, так это то, что меж его слов изливалось нечто подобное таинственной силе. Она оказывала столь сильное действие, что еще долгое время после того, как Иисуса здесь уж не было, по вечерам люди вновь собирались посидеть вместе, и у них возникало такое чувство, словно он все еще здесь, что он присутствует, причем присутствие его не телесно. Люди сидели вместе, и у них возникало впечатление, совместные видения, словно бы он вновь здесь показался. Так во многих местах он оставался среди людей как живой, присутствовал там духовно.

Как-то раз он явился в место, где был старинный языческий культовый алтарь. Жертвенный алтарь пришел в запустение. Жрецы ушли отсюда, потому что местных жителей одолел пагубный недуг. Когда Иисус сюда пришел, со всех сторон сбежались люди. Уже впечатление, которое производил на окружающих Иисус, говорило о нем как о чем-то выдающемся. Язычники поспешили сюда, они собрались вокруг алтаря и ждали, что теперь жрец вновь принесет здесь жертву. Иисус поведал это матери. Он отчетливо понял, что сделалось теперь из языческих жертвоприношений. Оглядывая людей, он понял, чем мало-помалу обратились языческие боги: злыми демоноподобными существами, которых он в тот раз увидел. Тут ноги его подкосились, он упал и теперь в ином состоянии сознания пережил то, что происходит при языческих жертвоприношениях. Здесь больше не было старинных богов, как в прежние времена, а появлялись демонические существа, питавшиеся людьми и доводившие их до болезни. Иисус пережил это в ином состоянии сознания, после того, как упал. Теперь он все это рассказал, и рассказал также, что люди разбежались, но увидел он и удаляющихся демонов. Язычество пришло в упадок, оно больше не содержало великих мудростей былых времен. Иисус пережил это в непосредственном созерцании. Теперь он мог сказать матери: «Низойди вновь к евреям небесный голос, как являлся он некогда пророкам, здесь больше не отыщется ни души, чтобы его понять; но и языческие боги более не являются. Их место заступили демоны. Также и языческим откровениям сегодня не отыскать человека, который мог бы их вместить». То была

вторая великая мука.

Иисус взволнованно поведал матери о третьей великой муке, изведенной им, когда его допустили в общину ессеев. Община эта желала достичь созерцания благодаря совершенствованию отдельных человеческих душ и таким образом вызнать из божественных миров то, что иначе как евреям, так и язычникам невозможно было бы воспринять. Но знание это было доступно лишь отдельным людям, и добиться этого можно было благодаря тому образу жизни, что укоренился у ессеев. И все же какое-то время Иисус был вместе с оккультной общиной ессеев. Покидая ее, он увидел Люцифера и Аримана, которые убежали от есейских ворот прочь — ко всему прочему миру. За есейской оградой у него состоялся также и визионерский разговор с Буддой. Теперь-то он знал: существует возможность подняться туда, где ты воссоединишься с божественно-духовным, но достичь этого могут лишь отдельные. Если же этого пожелают все, то им придется отказаться. Освободившись от Люцифера и Аримана, этого могут добиться лишь некоторые — за счет преобладающего большинства, но тогда Люцифер и Ариман отправляются ко всему прочему человечеству. Открыть всему человечеству сущностную связь с божественно-духовным миром было невозможно ни на иудейский, ни на языческий, ни на есейский лад.

По ходу этого разговора душа Иисуса слилась со всей мукой и страданием. В эти слова он вложил всю силу своего «Я». Что-то здесь из него изошло, прейдя к приемной матери — столь сильно был он связан с тем, что рассказывал. С этими словами само его существо перешло к матери, так что он оказался как бы вне собственного «Я», вышел из своего «Я». Вследствие этого мать сделалась совершенно другой. Между тем как что-то из Иисуса ушло, мать обрела новое «Я», которое в нее погрузилось; она стала новой личностью.

Если провести исследование и попробовать узнать, в чем состояло то, что здесь произошло, выяснится нечто примечательное: родная мать этого Иисуса, которая обреталась в духовном мире начиная с 12-го года его жизни, снизошла теперь своею душою вниз, одухотворив и всецело наполнив душу приемной матери — так, что та сделалась совершенно иной. Сам же Иисус испытал такое чувство, словно собственное «Я» его покинуло: «Я» Заратустры переместилось в духовный мир. Побуждаемый внутренней необходимостью, испытывая настоятельную потребность что-то предпринять, Иисус теперь отправился на Иордан к

Иоанну Крестителю, ессею. «Я» Заратустры вышло, а существо Христа в него погрузилось: он сделался пронизан существом Христа. Приемную же мать пронизала душа той матери, что пребывала в духовном мире. Но он, он странствовал теперь по Земле, в телах Иисуса — он, Христос. Не сразу эта связь установилась в полном объеме, но то и другое происходило постепенно, мало-помалу.

Я перескажу отдельные события, из которых станет ясно, что вначале Христос был слабо связан с телом Иисуса, но постепенно связь эта становилась все крепче. Если мы узнали муки и страдания Иисуса с 12-го по 30-й год, то теперь нам становится известно колоссальное усиление этих страданий — теперь, поскольку в последующие три года с человеком все крепче связывался Бог. Эта непрерывная, становившаяся все более тесной связь Бога с человеком была и столь же резким обострением боли. То несказанное, что должно было произойти, чтобы сделать для человечества возможным восхождение к духовным изначальным силам, обнаруживается в страданиях Бога на протяжении трех лет, проведенных им на Земле.

Не следует ожидать, чтобы в настоящее время эти обстоятельства нашли особое понимание. Есть одна такая книга, которую следовало бы читать по причине ее парадоксальности: «О смерти» Мориса Метерлинка. В книге этой говорится, что дух якобы не может страдать, что страдать может только тело. На самом же деле физическое тело способно страдать не больше камня. Телесная боль — это боль душевная. Страдать может только то, что душевно, что обладает астральным телом. Поэтому Бог способен мучиться куда больше, чем человек. Христос страдал вплоть до самой смерти, и самые сильные мучения были при связывании Христа с существом Иисуса. Он преодолел смерть, перейдя в ауру Земли. Прежде я более абстрактно изображал то, как событие Христа оказывается в центре развития Земли. Важнейшее это событие нисколько не теряет, будучи рассмотренно во всей своей конкретной действительности. При воспроизведении всех без исключения фактов все живо предстает перед нами, надо лишь правильно смотреть. Когда Пятое Евангелие наконец будет здесь (а человечеству оно понадобится — быть может, лишь по прошествии долгого времени), это важнейшее событие будет видеться по-иному.

Пятое Евангелие сделается источником утешения и здоровья, это будет книга — источник силы. В конце

Четвертого Евангелия значатся слова, указывающие на то, что будет еще и продолжение: «Мир не вместит всех книг, которые можно было бы написать». Поистине это так. Так что здесь можно получать ободрение еще и с другой стороны, если насчет Палестины будут выясняться какие-то новые факты, потому что четыре Евангелия тоже появились на свет, собственно говоря, точно так же, как и Пятое, вот только с Пятым это происходит два тысячелетия спустя.

И если Пятое Евангелие появится перед нами, то с точки зрения способа возникновения оно не будет отличаться от прочих. Найдутся, правда, люди, которые этого не признают, ибо человеческая душа эгоистична. Представим на минуту, что шекспировская пьеса «Гамлет» была бы неизвестна, а теперь бы «Гамлет» вдруг появился: люди обязательно принялись бы его бранить. Вот и Пятому Евангелию придется пробиваться. Люди нуждаются в чем-то таком, что действительно будет понято теми, кто понять желает. Придется лишь признать, что, как и прежде, откровения могут исходить исключительно из духа. Но пути и средства для этого — иные. В этом отношении перед нашим временем стоят особые задачи.

На какое время выпало то, что я поведал? Оно не могло выпасть ни на какое иное время, нежели на то, когда это и произошло: на четвертый послеатлантический период. Прийдись это, к примеру, на третий или на второй период, там нашлось бы много людей, сведущих в прамудрости мудрости индусов, для которых мудрость присутствовала бы как нечто само собой разумеющееся. Меньше понимания отыскал бы Христос в персидский, еще меньше — в египетский период. Но в четвертый период понимание уже полностью исчезает. Поэтому учение могло проникнуть в души и умы лишь в качестве факта веры. То было наиболее скверное время для понимания, от которого люди были более всего удалены. Но действия Христа не зависели от того, что были в состоянии понять люди. Ибо Христос сделался не только мировым учителем, но тем, кто нечто совершил в качестве духовного существа, кто излился в ауру Земли, чтобы обитать меж людей. Символически это можно уподобить тому, как женщины пришли к гробнице и духовное существо сказало им: «Тот, кого вы ищете, не здесь!»

Это повторилось еще раз, когда в Крестовые походы полчища европейцев перебрались к Гробу Господню. Люди оказались здесь в окрестностях Голгофы. Но и им было сказано: «Того, кого вы ищете, больше здесь нет!» — ибо он-

то уже перенесся в Европу. Между тем как паломники по велению сердца тянулись в Азию, Европа начала пробуждаться и образумливаться, но понимание Христа шло на убыль. Только в XII в. появилась потребность в доказательствах Бога. Свидетельством чего является это для нас применительно к Новому времени? Разве вы испытываете нужду доказывать, кто — вор, если вы этого вора видели самолично в собственном саду?

Доказательства нужны вам лишь тогда, когда вы его не знаете. Доказательства Бога принялись отыскивать, потому что было утрачено понимание; ведь про то, что человек знает; ему ничего доказывать не нужно.

Христос здесь присутствовал, он пронизывал души. Все, что происходило, случалось под влиянием Христа, поскольку души жили в импульсе Христа. Теперь человечество должно приступить к сознательному постижению Христа. Поэтому человечество должно узнать Христа еще лучше. С этим связано познание человека Иисуса из Назарета. Нужда в этом будет становиться все больше. Непросто об этом говорить, однако в каком-то смысле это нечто такое, что предстает в настоящий момент высшим долгом: говорить отдельным людям как раз о человеке Иисусе из Назарета, говорить о том, что мы могли бы назвать Пятым Евангелием.

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Первая лекция Штутгарт, 22 ноября 1913 г.

Уже неоднократно говорили мы о великом, решающем значении импульса Христа для развития человечества Земли, и мы пытались с разных сторон дать характеристику сущности этого импульса Христа, которую мы обычно кратко выражаем словами «Мистерия Голгофы». Но вот в последнее время моей задачей было исследование чего-то куда более конкретного относительно Мистерии Голгофы и того, что с ней связано, и как раз эти изыскания приняли для меня такой вид, что моим долгом стало то, чтобы в кругу наших друзей как раз теперь, в наши дни поговорить также и о результатах этих исследований. Мне удалось кое-что установить относительно жизни Христа Иисуса по тому, что принято именовать хроникой Акаши, о которой мы говорили неоднократно.

Насчет того, какие перевероты в развитии человечества

назревают в наше время, мы обстоятельно говорили как раз здесь в ходе наших последних встреч, и, пожалуй, именно с этими переворотами связано то, что в настоящий момент настала необходимость довести до отдельных людей, собравшихся в антропософском движении, каким мы его себе представляем, довести до отдельных людей, что называется, новые сведения из жизни Христа Иисусу. Только я прошу вас проявить особую сдержанность относительно того, что мне надо будет сказать на эту тему, трактуя это как чисто внутреннее дело нашей ветви. Ибо уже то немногое, что пришлось до сих пор обнародовать о жизни Христа Иисуса, что не было известно по Евангелиям или по церковной традиции, уже одно это (я здесь даже не буду упоминать о чудных критиках, недружелюбных нашему движению, но даже и у тех, которые определенным образом хотя бы однажды проявили благожелательность к этому движению), это спровоцировало какой-то пароксизм, дикую вспышку страстей, как, к примеру, история двух мальчиков Иисусов. Ведь ничто не вызывает такого неприятия у нашего времени, именно внутреннего неприятия, как внимание, обращаемое на конкретные единичные результаты духовного исследования. С такими вещами еще смиряются, когда говорится о духовном вообще, пускай даже излагаются отдельные необычайные абстрактные теории относительно духовной жизни. Однако терпимость прекращается, как только детали из сферы духовной жизни преподносятся так, как обычно принято представлять частности жизни на материальном плане. Еще будет сказано многое из того, что должно быть произнесено в связи с тем, что мне предстоит изложить. Теперь я хотел бы прежде всего начать сам рассказ с определенного момента, и я прошу вас воспринимать этот рассказ как своего рода Пятое Евангелие, которое пришлось на наше время точно так же, как прочие четыре прились на свое. Лишь эти немногие слова хотел бы я предпослать в качестве вступления. Прочую мотивацию мы еще обсудим завтра.

Мне хотелось бы начать с момента, обозначенного в Евангелии Луки как выступление 12-летнего Иисуса среди книжников в Иерусалиме, где он обратил на себя внимание этих книжников теми весомыми, величественными ответами, которые оказался в состоянии им дать. Как говорится в Евангелии Луки, таким его и нашли потерявшие его родные. Нам известно, что это выступление основано на том, что как раз тогда в жизни Иисуса произошло великое изменение,

которое может быть понято лишь с помощью духовной науки. Нам известно (повторим это вкратце), что приблизительно в начале нашего летоисчисления родились два мальчика Иисуса, один происходил из так называемой соломоновой ветви дома Давида, и в этом мальчике Иисусе воплотился дух или «Я», могли бы мы сказать, Заратустры. Нам известно, что мальчик этот подрастал, неся в себе великий дар, что и понятно, зная именно о том обстоятельстве, что мальчик этот нес в себе «Я» Заратустры. Известно нам и то, что приблизительно тогда же родился другой мальчик Иисус, из натановой ветви дома Давида, но он, правда, вступил на физический план с существенно иными чертами характера, нежели мальчик Иисус из соломоновой ветви дома Давида. Между тем как тот, что из соломоновой ветви, обнаружил особый дар ко всему тому, что на него влияло со стороны окружения, что он указал на свое происхождение из культуры человечества, причем вплоть до той самой точки, которой эта самая культура человечества в тот момент достигла, другой мальчик Иисус оказался, собственно говоря, лишенным какого-либо таланта применительно ко всему тому, чего достигло человечество по ходу развития. Он никак не мог освоиться с вещами, которым его хотели научить из всего того, чем овладели люди в ходе исторического развития. Зато этот мальчик Иисус обнаруживал чудесную глубину и щедрость сердца и души, такую полноту чувств, что, уж конечно, и не подумает сравнивать его ни с каким другим ребенком тот, кто, исходя из хроники Акаши, устремляет свой взор в ту точку развития нашего человечества, где можно отыскать и наблюдать этого ребенка. Дети росли, и в момент, когда им обоим было приблизительно по 12 лет, «Я» Заратустры перешло из одного мальчика Иисуса в другого, и мальчиком Иисусом, наделенным «Я» Заратустры, был теперь тот, что из натановой ветви, который и давал великие, исполненные мощи ответы перед лицом книжников в Иерусалиме. Так что здесь произошло соединение «Я» Заратустры и своеобразной природы (по-другому и не скажешь) натанова мальчика Иисуса. Еще мы знаем (я также излагал это раньше, когда представлялся повод), что родная мать натанова Иисуса, как и отец другого Иисуса, вскоре скончались, так что теперь из матери другого Иисуса (соломонов мальчик Иисус, поскольку он был по сути лишен «Я», также вскоре угас, как бы иссох), из матери соломонова Иисуса и отца натанова Иисуса получилась одна семья. Сводные братья и сестры,

появившиеся на свет от матери и отца соломоновой ветви, также переселились и жили теперь в Назарете, и в этой-то семье, то есть с приемной матерью и подрастал мальчик Иисус с «Я» Заратустры, разумеется, при том, что в этом возрасте он еще не знал, что в нем пребывает «Я» Заратустры. Он обладал способностями, которые должны были быть присущи «Я» Заратустры, однако сказать что-то вроде: «Во мне находится «Я» Заратустры» он не мог.

То, что выявилось теперь (а заявило оно о себе еще в великих ответах, данных Иисусом книжникам, но теперь проявлялось все больше и больше), было то (вот мне теперь и следует изобразить жизнь этого мальчика Иисуса, его жизнь приблизительно с 12-ти до 18-ти лет), что в душе у него свои права предъявило нечто вроде внутренней инспирации, возникшего в нем вдруг непосредственного знания. Это знание присутствовало в нем непосредственно, как бы естественно — так, что он воспринимал нечто своей душой подобно тому, как древние пророки в правремена иудейства воспринимали свои божественно-духовные откровения с божественно-духовных высот, из духовных миров.

Существовало обыкновение присваивать в воспоминании тому сообщению, что являлось некогда древним пророкам из духовных миров, имя великой Бат-Коль, воспринимать их как голос из духовного мира, великой Бат-Коль. И если теперь великая Бат-Коль возродилась в нем, но теперь уже в нем одном, то это было в 12-ти, 13-ти, 14-ти, 18-летнем мальчике Иисусе (вот уж редкая и достойная изумления зрелость внутренней инспирации) все равно как возрождение тех внутренних переживаний, что выпадали древним пророкам.

Что в первую очередь бросается в глаза, когда ты в соответствии с правилами хроники Акаши направляешь взгляд на эту точку развития человечества, так это то, что в рамках всей данной семьи и всего своего окружения в Назарете этот мальчик, пока он был сравнительно молод, оставался одинок и изолирован с этим своим внутренним откровением, превышавшим все прочее, что могли тогда знать другие. Также и приемная мать очень мало его тогда понимала, а остальные и совсем не понимали. И когда мы принимаемся высказывать суждения об этом мальчике, совершенно неважны любые умозрительные построения, а важно сопереживать тому, что это значит — быть умудренным мальчиком в возрасте с 12 до 18 лет, чувствовать, как в тебе поднимается нечто совершенно

чуждое в форме откровений, которые к тому времени сделались совершенно невозможны для всякого другого, и оставаться с этими откровениями один на один, не быть в состоянии с кем-либо поговорить и, более того, невольно чувствовать, что никто тебя и не поймет, если ты с ним заговоришь. Такое и мужчине пережить непросто, а уж терпеть это в возрасте от 12 до 18 лет и вовсе что-то чудовищное. Но к этому ужасу добавился еще и другой.

Для него, для этого мальчика Иисуса не было тайн насчет того, что именно был в состоянии воспринять человек его эпохи. Уже тогда широко распахнутыми глазами своей души он видел, что воспринимают и что могут духовно-душевно переработать люди благодаря свойствам своей природы, как и что они получили из того, что было открыто евреям древними пророками. Глубокую боль, бескрайнюю муку доставляло ему ощущение: «Да, так было в древности, так обращалась к пророкам великая Бат-Коль; таково было изначальное учение, жалкие остатки которого сохранили фарисеи и другие книжники. Пожелай теперь великая Бат-Коль обратиться к какому-либо человеку, не отыщется ни одного такого, кто поймет голос из духовных миров. Теперь все в человечестве переменялось в сравнении с временами древних пророков. Даже прозвучи сегодня те великие, исполненные славы откровения древности, здесь не отыщется ушей, чтобы их услышать». Все это вновь и вновь прокручивалось в душе мальчика Иисуса, и с этим мученьем он оставался одинок.

Это просто что-то непередаваемое, когда обращаешь свое сердце к страданиям, разыгрывавшимся в этом мальчике Иисусе, страданиям, которые характеризуются так, как это только что сделал я. И вполне уместно сказать следующее. Как бы часто мы ни выступали — пусть с самыми важными вещами — насчет Мистерии Голгофы в более общем плане, мы поистине Ничуть не скрадем величия у космической или исторической точки зрения, если будем все в большей и большей степени обращать внимание на единичные конкретные факты, как они открываются взору как раз-таки исключительно в своей фактичности. Ибо ничто, кроме наблюдения этих фактов, не позволяет так пристально приглядеться к тому, каков был ход развития человечества, увидеть, что древняя мудрость наличествовала также и в еврейском народе, и то, как невозможность эту древнюю мудрость понять была налицо в ту эпоху, когда она, я бы сказал, наудачу, между 12-м и 18-м годами жизни вновь

затеплилась в отдельно взятой душе. Но случилось это лишь к тем большим страданиям этой самой души, поскольку она никому не могла сделать понятным то, как выразилась Бат-Коль, как это откровение было для той души лишь мученической мукой. Мальчик был предоставлен всецело самому себе с этими своими переживаниями, которые, так сказать, являют собой концентрированное страдание исторического развития человечества.

И вот в мальчике развилось нечто такое, что, я бы сказал, в остаточных формах можно наблюдать в жизни там и сям, но применительно к жизни Иисуса все это следует себе представлять бесконечно увеличенным. Боль, страдание, переживающиеся исходя из тех же самых оснований, как и те, что были только что изображены, преобразуются в душе, преобразуются так, что тот, кто сам способен испытать такие боли и мучения, как что-то само собой разумеющееся претворяет эту боль и страдание в благожелательность, в любовь, но не просто в чувство благожелательности и в чувство любви, а в силу — в исполинскую силу любви, в возможность довести эту любовь до духовно-душевного воплощения. Вот так, по мере подрастания, в Иисусе развивалось нечто вполне своеобразное.

Несмотря на то, что братья и сестры, все непосредственное окружение Иисуса злобились против него, потому что они не могли его понять и считали, что он не вполне здоров психически, все же нельзя отрицать, что на посторонний чисто телесный взгляд, да и теперь — на взгляд, устремленный в соответствии с хроникой Акаши, видно, что куда бы этот юный мальчик ни являлся, с кем бы он ни говорил, пускай даже его невозможно было понять, из того, что он говорил, можно было по крайней мере усвоить, что здесь имеет место нечто вроде фактического перетекания какого-то неопределенного «нечто» из души Иисуса — в другую душу. То, что из него изливалось, было наподобие переливанию некоего флюида благожелательности и любви. То было преображенное страдание, претворенная боль. Некое благотворное дыхание любви доходило до того, кто соприкасался с Иисусом уже тогда, так что всякий, имея с ним дело так или иначе, чувствовал, что перед ним нечто необычное. Иисус устроил в доме отца нечто вроде столярной или плотничной мастерской и прилежно в ней трудился. Но в часы, в которые он приходил к себе, разыгрывалось то, что я охарактеризовал только что. То были (а внутренние переживания здесь важнее всего) внутренние переживания

Иисуса из Назарета, скажем, в промежуток между 12-м и 16-м или 18-м годами его жизни.

Затем, в период с 18-ти до 24-х лет для Иисуса начался период странствий. Тут он много переезжал с места на место, работал там и сям по ремеслу, которым занимался также и дома, появлялся в иудейских, но также и в языческих местностях. Уже тогда действие его переживаний в более ранние годы весьма необычным, особым образом проявило себя в его обращении с людьми, с которыми ему доводилось сходиться. И важно, чтобы мы принимали в расчет также и это, поскольку лишь благодаря учету этой черты мы глубже проникаем в то, что на самом деле тогда произошло в развитии человечества.

Переходя с места на место и трудясь, Иисус, я бы сказал, попадал в те или иные семьи. После смены, как выразились бы мы теперь, они устраивали совместные посиделки, и повсюду здесь можно было ощутить ту черту благожелательности, любви, о развитии которой я говорил.

Это можно было ощущать везде и всюду, но воспринималось это, так сказать, в реальности. Ибо повсюду, где он был, у людей тогда, в период, когда он разъезжал с 18-го по 24-й год, возникало чувство: здесь действительно присутствует необычное существо. Не всегда люди это выражали, но чувство такое было: «Здесь, среди нас восседает необычное существо». И выражалось это в том, что когда он снова пускался в путь, люди не просто неделями говорили лишь о том, какие беседы велись между ним и прочими, нет, зачастую все выглядело следующим образом. Когда уже после того, как Иисус отправился дальше, люди собирались вечером вместе посидеть, у них возникало ощущение, что сюда же явился и он. То было всеобщее видение. У них было чувство: он снова среди нас. И во многих и многих местах происходило так, что он уже ушел и тем не менее, по сути, был все еще там, духовно являлся людям, в духе жил среди людей, так что они знали: мы сидим вместе с ним.

Как сказано, это было видение — в том, что касается субъективной стороны; что же до объективной, то было исполинское действие любви, которую он выражал описанным образом, и которая выражалась так, что место его появления в определенном смысле больше не было связано с внешним материальным пространством, не было связано с пространственными отношениями материального человеческого тела. Чрезвычайно большое значение для

понимания образа Иисуса имеет то, чтобы вновь и вновь наблюдать, как он непрестанно продолжает быть с теми, у кого появился однажды, как он, можно сказать, духовно остается рядом с ними и вновь возвращался к ним же. Тот, к кому он заглянул однажды, так сохранит его в своём сердце.

Так вот, как я уже говорил, в ходе странствий Иисус попадал также и в языческие области, и в одной такой области ему довелось изведать совершенно необычное переживание. Вы получаете особенно глубокое впечатление, устремив взгляд в эту точку в развитии человечества, когда просматриваете все исходя из хроники Акаши.

Иисус оказался в языческой местности. Здесь я хочу подчеркнуть: если вы спросите меня, где это было, куда он зашел, мне пока еще придется вам ответить: этого я не знаю. Быть может, последующие исследования дадут установить, где это было, однако отыскать географическое местоположение того уголка мне еще не удалось. Но сам факт совершенно ясен. Могут существовать причины, в силу которых мы не можем добраться до географического местоположения, само же происшествие оказывается абсолютно ясным. Так вот, теперь, когда рассказываю вам все это, я не желаю хоть на миг скрыть от вас признание, что здесь еще не все исследовано, дабы вы видели, что здесь мне и в самом деле важно в первую очередь аккуратно и точно сообщить лишь то, за что я могу поручиться.

Итак, он попал в языческий городок. Было здесь пришедшее в упадок капище. Жрецы этого городка давно его покинули; но окрестный народ, мучимый болезнями, был погружен в пучину бедствий. Как раз оттого, что здесь свирепствовал жесточайший недуг, языческие жрецы и покинули капище, ну, и в силу других причин. Народ же сознавал не только свой недуг и свою убогость, свои скорбь и придавленность, но и чувствовал себя оставленным священнослужителями, приносящими языческие жертвоприношения, и поэтому претерпевал чудовищные муки. И вот в эти места явился Иисус. Случилось это примерно на 24-м году его жизни. Уже тогда в нем в высшей степени проявилось то, что уже одно его появление производило совершенно особенное, грандиозное впечатление, также и тогда, когда он даже не открывал рта, а его еще только видели на подходе. В самом деле, это явление Иисуса представляло собой нечто совершенно необычайное для тогдашних людей, среди которых он появлялся. Уже при его приближении ощущалось что-то

совершенно небывалое. Следует принимать в расчет и то, что здесь мы имеем дело с людьми совершенно другой эпохи и других местностей. Когда он приходил, мы видим, как люди чувствовали: здесь нечто совершенно необычное, это существо изливает из себя нечто такое, что не изливается ни от одного другого человека. Чувствовал это, так сказать, почти каждый; и кто-то при этом испытывал симпатию, а кто-то — антипатию. Так что нечего удивляться тому, что проявилось здесь, что, можно сказать, со скоростью молнии распространилась весть: «Сюда подходит необычное существо!» И вот этим людям вокруг жертвенного алтаря подумалось, что вернулся какой-то прежний языческий жрец, или же что он послал кого-то другого, чтобы вновь отправлять культ жертвоприношений. И собравшаяся толпа становилась все более многочисленной; ибо со скоростью молнии распространилось известие, что явилось совершенно необычное существо. Когда Иисус увидел толпу, то ощутил к ней бесконечное сострадание, однако он не испытывал желания, хоть от него яростно того требовали, вновь совершать жертвоприношение, не испытывал желания совершать это языческое жертвоприношение. Но зато при виде этой толпы на его душу навалилась также и боль за пришедшее в упадок язычество, точно также, как в возрасте с 12-ти и до 16-ти, 18-ти лет душа его страдала от боли за пришедший в упадок иудаизм. И когда Иисус посмотрел на толпу, то увидел повсюду среди людей, а затем — уже и на алтаре, у которого он стоял, увидел демонические элементарные существа. Он упал как подкошенный; но падение это произошло исключительно по той причине, что ужасающее зрелище, которое ему довелось пережить, погрузило его в отрешенное от действительности состояние.

Между тем как Иисус лежал там, словно мертвый, народ охватил страх. Люди начали разбегаться. А у него, лежавшего в измененном состоянии, было явление перенесения в тот духовный мир, который наглядно ему показал, каково было древнее язычество, когда в древних мистериях в их изначальной святости в жертвоприношениях язычников все еще присутствовала изначальная языческая мудрость. Ему открылось, каким было язычество в древние времена, как прежде на иной манер ему открылось то, каким был иудаизм. Но поскольку тогда это совершилось в духовно-душевной, незримой форме, поскольку тогда наверх выплеснулось то, что желало к нему обратиться через инспирацию, подобно тому, как это случалось с древними

пророками, то теперь он должен был изведать величие язычества на иной лад. Он должен был узреть то, что можно обозначить лишь следующим образом. Покоясь там, он видел языческие капища, культовое устройство которых было таково, что они являлись результатом изначальных мистериальных откровений, а по сути были внешним изображением мистериальных действий. Когда свершались жертвоприношения, то в молениях людей в древние времена, пока все еще несло на себе надлежащий образ, на эти капища изливались силы тех духовных существ из ряда высших иерархий, до которых были в состоянии возвыситься язычники. Все равно как его душе предстало видение: верно, если в давние времена на таком вот алтаре в эпоху, когда язычество переживало расцвет, свершались жертвоприношения, то в жертвенных действиях сверху изливались силы благих языческих богов. Но теперь — и не в инспирации, но в непосредственной имагинации — ему довелось с величайшей живостью пережить упадок язычества. Ему пришлось теперь пережить и это, также и упадок язычества! И взамен того, чтобы, как это было прежде, в жертвенных действиях проливаться благим силам, теперь ожили демонические элементарные существа, всякого рода подручные Люцифера и Аримана. Он созерцал их теперь, и таким вот образом его духовно-душевному взору явился упадок язычества.

То была вторая разновидность великой боли, поскольку Иисус мог себе сказать: некогда у язычников имелись культовые действия, связывавшие человечество с благими существами определенных иерархий. Все это до того извратилось и выродилось, что имеются уже такие, подобные этому места, где все благие силы превратились в демонические силы, где дело зашло настолько далеко, что окрестный народ оказался покинут старыми языческими богами. Итак, упадок язычества предстал его душе иначе, чем в случае иудаизма, куда задушевнее и нагляднее.

В самом деле, необходимо хоть немного проследить разницу в чувствах и ощущениях в том случае, когда подобные чувства и ощущения представляют собой изливание такого непосредственного имагинативного переживания — или же теоретического познания. Действительно, взглянув в эту точку хроники Акаши, получаешь впечатление бесконечно многозначительного, однако и бесконечно мучительного переживания истории развития человечества,

которая в свою очередь концентрируется в данном имагинативном мгновении.

Теперь Иисус знал: такими некогда жили среди язычников божественно-духовные силы; но даже если они были еще живы, то больше не было людей и не имелось возможностей для того, чтобы люди действительно восстановили ту, прежнюю взаимосвязь. Эту-то беду человечества, спрессованную в кратком переживании, он теперь и пережил. И когда он возвысился до восприятия того, что некогда открывалось в доброе, в благословенное старинное время расцвета язычества, ему слышались слова (так их можно назвать), которые он ощутил как тайну всей человеческой жизни на Земле и ее связи с божественно-духовными существами. Мне не оставалось ничего иного, кроме как передать то, что раздалось тогда в душе упавшего навзничь, как бы мертвого Иисуса, который как раз тогда стал снова приходить в себя, не оставалось ничего, кроме как следующим образом переложить это в слова нашего немецкого языка. И слова эти я в силу определенных причин должен был первым делом сообщить нашим собравшимся тогда друзьям, при закладке первого камня нашего дорнахского здания. То, что слышалось тогда в качестве праначальной мудрости, по-немецки можно выразить так:

Аминь.

Засилие бедствий
Свидетельство высвобождающегося «Я»
Чужое прегрешение — самости вина
Переживается в насущном хлебе,
В котором нет воли Неба
Поскольку человек отделился от Вашего Царства
И забыл Ваши имена
О Отцы что на Небесах.

Как видите, любезные мои друзья, это похоже на перевернутый «Отче наш», но что есть, то есть:

Аминь.

Засилие бедствий
Свидетельство высвобождающегося «Я»
Чужое прегрешение — самости вина
Переживается в насущном хлебе,
В котором нет воли Неба
Поскольку человек отделился от Вашего Царства

И забыл Ваши имена О
Отцы что на Небесах.

Вслед за тем, как это явилось ему в качестве тайны человеческого существования на Земле и связи между человеком и божественно-духовным бытием, он снова пришел в себя и еще успел увидеть бегущих прочь демонов и разбегающихся людей. Теперь Иисус оставил за плечами порядочную часть жизни. Отныне он также знал, как обстоит дело с развитием человечества в отношении язычества. Он мог сказать самому себе: вот и на обширных просторах язычества развитие идет по нисходящей. Такое знание пришло к нему не через внешнее наблюдение, но через наблюдение души, это знание, которое показало ему: язычество, как и иудейство, нуждается в чем-то совершенно новом, в обновленном импульсе!

Нам следует констатировать, что Иисус прошел через эти переживания. Правда, «Я» Заратустры пребывало в нем; однако он не знал, что оно находится в нем, и тогда еще ему об этом не было известно. Так что эти переживания оставались для него просто опытом, ведь там не было учителя, который мог бы это ему объяснить теоретически; он извещал эти переживания просто как опыт.

Вскоре после того, как Иисус извещал этот опыт применительно к язычеству, он отправился в обратный путь. То был приблизительно 24-й год его жизни. Он вернулся домой примерно тогда же, когда умер его отец, и теперь он снова жил со всем семейством и со своей приемной матерью в Назарете. Своеобразие проявилось в том, что другие понимали его все хуже и хуже. Только приемная мать мало-помалу вырабатывала в себе определенное сердечное или любовное понимание того колоссального процесса (пускай даже в то время о какой-то особой полноте здесь еще речи не было), что протекал в этой душе. Так что подчас, пускай даже матери было все еще далеко до того, чтобы понимать Иисуса на более глубинном уровне, они все же обменивались какими-то развернутыми репликами, даже при том, что применительно к тому, что чувствовал Иисус, все это было еще поверхностно, так что мать все более и более дорастала до всего того, что жило в душе Иисуса.

В это время Иисусу довелось извещать еще один необычный опыт, доставивший ему третье великое мучение. В период с 24-го по примерно 30-й год жизни все время крепла его связь с одной общиной, сформировавшейся уже

очень давно, с общиной ессеев. Эта община ессеев была составлена из людей, которым стало известно, что в истории человечества наблюдается некий кризис, что иудаизм и язычество в их развитии по нисходящей дошли уже до такой точки, что людям следует искать нового пути, чтобы вновь отыскать соединение с божественно-духовным миром. И надо сказать, что по сравнению со старинными мистериальными методами здесь в сущности имелось нечто новое, связанное с образом жизни, к которому стремились ессеи, чтобы вновь достичь соединения с божественно-духовным миром. У этих ессеев были особенно строгие жизненные правила, целью которых было то, чтобы после жизни, полной самопожертвования и самоотдачи, после жизни, далеко выходящей за пределы того просто душевного и интеллектуального совершенствования, вновь обрести воссоединение с божественно-духовным принципом.

Вообще говоря, ессеи эти были тогда даже довольно многочисленны. Резиденция их находилась на Мертвом море. Однако по отдельным местностям Передней Азии у них были раскиданные повсюду поселения, и их число умножилось настолько, что там и сям отыскивался кто-то, кто в силу условий, что неизменно в такой области возникали, оказывался увлечен ессеями идеями, а ессеи идеалы подвигали его к тому, чтобы пополнить их ряды. В таком случае этот человек был обязан передать всю свою собственность ордену, а правила ордена для членов были строгими. Тот, кто входил в орден, не мог сохранить частную собственность. Так вот, скажем, у человека имелись небольшие владения. Когда он делался ессеем, эти владения, которые, может статься, находились очень и очень далеко, доставались ессеям, таким образом владения имелись у них повсюду. Обычно они отправляли туда младших братьев, не тех, от которых эта собственность к ним поступила. Из совместной собственности всякий мог поддерживать всякого почитавшегося достойным, — правило, по которому лучше всего видно, что в разные эпохи человечеству оказываются полезны совершенно несхожие вещи, потому что в наше время такое правило представилось бы бесконечно жестоким. Для ессеев же оно работало. Оно заключалось в том, что всякий был уполномочен поддерживать из общего достояния людей, которых считал достойными, но ни в коем случае не тех, что были с ним в родстве. Это строжайшим образом исключалось, будь то для ближних или же дальних родственников. В самом ордене имелись различные ступени.

Высшую ступень окутывала глубокая тайна. Достичь ее было чрезвычайно затруднительно.

И вот, что касается жизни Иисуса, в самом деле, в это время Иисус был уже таким, что в нем в колоссальной степени присутствовало то, что я описал как исходивший от него флюид, действовавший на людей, можно сказать, как сама воплощенная любовь. Действовало это и на ессеев, и поэтому случилось так, что Иисус, формально ессеем не являясь, оказался вовлеченным в ессейскую общину. В период с 24-х до 30-ти лет он был так тесно знаком с ессеями, что мы можем сказать: многое из того, что он пережил и обсудил с ними, что было их сокровеннейшими тайнами, ему удалось усвоить.

О том, что составляло некогда славу иудаизма, Иисус узнал с 12-го по 18-й год, с тем, что было тайной язычников, познакомился в период с 18-ти до 24-х лет. Теперь, в непосредственном общении с ессеями, поскольку они позволили ему принять участие во всех их тайнах, он узнал секрет ессея, то, как он смог дорасти до какого-то воссоединения с божественно-духовным миром. Здесь Иисус мог сказать себе: что ж, вроде бы действительно вот способ вновь отыскать дорогу к тому, что являет собой связь с божественно-духовным началом. И в самом деле, можно видеть, что после того, как дважды Иисусу довелось страдать, дважды страдать и мучиться в связи с иудаизмом и с язычеством, теперь, когда он пребывал вот так среди ессеев, ему нередко брезжило что-то наподобие радостной уверенности в том, что можно все-таки отыскать путь наружу. Однако уже вскоре опыту было суждено заставить его распрощаться с этой радостной уверенностью.

Тогда ему стало известно то, что опять-таки не узнать теоретически, опять-таки не узнать в виде преподанного учения, а можно почерпнуть лишь непосредственно из жизни. Однажды, уже после своего присоединения к ессеям, Иисус проходил через ворота ессеев, и здесь ему довелось узреть грандиозное, глубоко потрясшее душу видение. Прямо перед собой он увидел, что от ворот ессеев как бы поспешно удаляются две фигуры, относительно которых ему уже тогда некоторым образом было ясно: это Люцифер и Ариман; они как бы убегали от ворот ессеев. И это видение посещало его теперь нередко, когда ему доводилось проходить ессейскими воротами. Ведь ессеи были тогда уже довольно многочисленными, так что приходилось с ними считаться. Дело в том, что ессеи не могли (это было связано с тем, как

они должны были настраивать свою душу) проходить через обычные, для всех, ворота, на которых имелись изображения. Ессеи не имел права проходить ни через какие ворота, которые в те времена расписывали. Он мог идти лишь через ворота без росписи. В Иерусалиме, как и в других городах, такие ворота имелись. Ессеи не мог проходить через расписанные ворота. Это доказательство того, что в то время ессеи были довольно многочисленны. Иисус приходил к этим единственным воротам, и видение очень часто повторялось. Росписей здесь нет, — говорил он себе, — но взамен росписей, видел он, здесь стоят Люцифер с Ариманом. И вот, в его душе сформировалось (чтобы это оценить, нужно все воспринимать исключительно с точки зрения духовно-душевного переживания; так что когда я об этом говорю, теоретически это излагаю, с этим, разумеется, вполне можно было бы и смириться, однако следует принять в расчет и то, каким оказывается душевное переживание, когда доводится изведать такие вот вещи в их непосредственной духовной действительности), благодаря этому переживанию в нем оформилось, позвольте мне повторить это уже использованное мной слово: оформилось убеждение переживания, которое может быть выражено лишь так.

Именно, Иисус мог себе сказать, примерно, следующее: «Похоже, ессеи путь — это тот, который указывал мне на разные лады, как, благодаря усовершенствованию отдельной души, можно вновь отыскать путь в божественно-духовные миры; однако достигается это за счет того, что ессеи так устраивают свою жизнь, что держатся подальше от всего того, что каким-либо образом позволило бы к ним приблизиться Люциферу и Ариману».

Они все устроили так, что Люциферу с Ариманом было к ним не подойти. Так что Люциферу с Ариманом приходилось стоять перед воротами. Но теперь, духовно отследив всю ситуацию в целом, он также знал, куда всякий раз отправлялись Люцифер и Ариман. Они шли к другим людям снаружи, к тем, кто не мог встать на путь ессеев! Это страшно ударило его прямо в сердце, прибавив к прежним переживаниям еще одно, еще более мучительное. То был чудовищный удар, так что он был вынужден в сердцах сказать себе: «Что ж, отдельный людям ессеи путь мог бы помочь выпутаться, но лишь тогда, когда они посвятят себя такой жизни, которая не может сделаться уделом всего человечества; это возможно лишь если отдельные люди обособляются и избегают Люцифера с Ариманом, которые

тогда-то как раз и перебираются на большие толпы».

И вот на душу Иисуса тяжким грузом легла мысль о том, как же все-таки немногие избранные могли вновь пережить то, что пережили древние пророки на основе великой Бат-Коль, то, что являлось язычникам при древних жертвоприношениях. Если то, что более не были в состоянии пережить потомки язычников и иудеев, если отдельный человек мог добиться того же, следуя по ессейскому пути, то неизбежным следствием этого должно было быть то, что прочее величайшее людское множество тем в большей степени станет добычей Люцифера с Ариманом и их демонов. Ведь ессеи покупали свое совершенство тем, что, отправляя Люцифера и Аримана прочь, напускали их на других людей. Они добивались собственного совершенства за счет других людей, ибо путь их таков, что избрать его может лишь малая горстка людей.

Вот что узнал теперь Иисус. То было третье великое страдание, которое нашло себе подтверждение для Иисуса прежде всего в том, что у него состоялась нечто вроде визионерской беседы с Буддой — прямо исходя из опыта, полученного им у ессеев, даже прямо посреди самого общежительного союза ессеев. Община Будды, ее более тесный круг, имела ведь с ессейством много сходства, будучи только несколькими столетиями старше. И вот Будда открыл тогда Иисусу из духовного мира: «Поистине, такая община может существовать лишь в том случае, если в ней участвуют не все люди, Но лишь небольшая горстка». Опять-таки это выглядит едва ли не примитивно, если кто вздумает сказать: «Будда открыл Иисусу, что буддийские монахи лишь тогда могут расхаживать с чашей для пожертвований, если таких монахов совсем немного, а прочие, так сказать, платятся за это жизнью совсем иного рода». Произнеси кто что-то подобное, это покажется чем-то совершенно неуклюжим. И совершенно в ином свете предстает то же самое, когда ответственная духовная сила, какой здесь явился Будда, открывает это в том положении, в каком находился Иисус из Назарета.

Так что за свою жизнь с 12-ти до 30-ти лет Иисус из Назарета трижды переживал ход развития человечества — в мучениях, вплоть до мельчайших подробностей. То, что жило теперь в его душе, что скопилось в его душе, ему удалось раскрыть по достижении 29-го года в разговоре со своей приемной матерью уже после того, как эта мать смогла постепенно добиться понимания его сути, смогла с ним

сблизиться. Каким же бесконечно важным оказался разговор, состоявшийся у Иисуса из Назарета приблизительно на 30-м году жизни с его приемной матерью, беседа, в которой на самом деле в немногие часы оказалось словно бы влито все то, что составляло переживания Иисуса из Назарета за эти годы, и значительной ее сделало именно то, что это было так. Немного отыщется столь значительных духовных впечатлений, по крайней мере на определенной степени духовного переживания, как эти, испытываемые вами, когда вы направляете взгляд на то, что имел обсудить Иисус из Назарета со своей приемной матерью.

Вторая лекция (конспект)
Штутгарт, 23 ноября 1913 года.

Сегодня нам прежде всего предстоит остановиться на разговоре Иисуса с его матерью, которой мало-помалу удалось добиться понимания сына. С ней произошла колоссальная перемена. Из духовных миров в нее низошел дух другой Марии, родной матери Иисуса. Теперь она несла его в себе. Выясняется, что разговор Иисуса с его матерью имеет глубочайшее значение для подлинного понимания Мистерии Голгофы с точки зрения духовно-научного исследования. Мать все лучше понимает Иисуса. То было своего рода понимание на уровне восприятия. Теперь Иисус мог говорить о тройном изведенном им страдании. То, что он говорил, было своего рода обобщением всего того, что происходило в его душе начиная с 12-го года жизни. Он говорил матери о своих переживаниях с 12-го по 18-й год. Он говорил о великих учениях Бат-Коль. Говорил о том, что никто не в состоянии его понять, что он не может говорить о том, что настоятельно требует быть сообщенным другому. Он сказал матери, что даже появившись теперь древние учения, не сыскалось бы людей, чтобы их понять.

Далее он говорил о втором роде мучительных переживаний. Рассказал о тех событиях перед запуселым жертвенным алтарем, и как он проник в древние мистерии, при которых божественно-духовные существа спускались непосредственно вниз, при том, что также и в этом отношении случился упадок. Вместо старых добрых языческих богов теперь в жертвенных празднествах принимали участие демоны. Иисус говорил о великих космических событиях, о, так сказать, перевернутом «Отче наш». То был замечательный в своем роде разговор, который

он вел со своей матерью. Иисус рассказывал, как ему довелось узнать про то, как Люцифер и Ариман бежали от ворот ессеев и приходили к другим людям, которые не могли следовать строгим правилам ордена. Обо всем этом и говорил Иисус. Это было все равно как развертывание всей его прошлой жизни. То был разговор, направление которого задавалось тем, что слова были не просто словами повествования, что слова несли в себе не просто то, что обычно несут в себе слова, но то, что говорил Иисус, было впечатленным на словах глубиннейшим переживанием, выраженными в словах болью и страданием, претворенными в бесконечную любовь, болью, обернувшейся любовью и благожелательностью. Слова эти текли к матери, словно некая реальность. То, что исходило от Иисуса и переходило к матери, представлялось какими-то частями души. В немногие часы вместилось все то, что было больше, чем просто переживанием. То было космическое переживание в наиподлиннейшем смысле слова. Иисус из Назарета мог произносить только слова, но в словах этих была часть его души. О многом нужно поведать, если хочешь описать то, что содержит хроника Акаши. Так, в ходе разговора в Иисусовой душе прояснилось то, какой именно точки достигло развитие человечества. Теперь в нем со все большей отчетливостью брезжило сознание того, что в нем пребывает душа Заратустры. Так что Иисус почувствовал, как он в качестве Заратустры оставил за своими плечами историю тогдашнего человечества. Иисус обращался к матери не с теми словами, которые я произношу теперь, но старался выразиться так, чтобы ей было понятно. Он говорит матери о том, что всякое человеческое существо наделено определенными силами, и это очень важно. Был такой период в жизни человечества, древнеиндийская культура, когда люди были особенно огромными вследствие того/Что вся их жизнь была пронизана ребячески-солнечными силами раннего детства. Что-то из этих сил все еще существует в нас с первого по 7-й год жизни.

Затем наступил второй период, древняя персидская эпоха, одушевлявшаяся силами, которые действуют в человеке и теперь, с 7-го по 14-й год.

Далее Иисус обратил внимание на третью эпоху, египетский период, в который властвовали силы, действующие теперь в человеке с 14-го по 21-й год, где особенно большая роль в развитии индивидуума отводится душе чувствующей. В эту египетскую эпоху культивировались

астрономические и математические науки.

И теперь перед Иисусом возник следующий вопрос: какую эпоху мы проживаем теперь, что может испытывать человек в возрасте с 21-го по 28-й год жизни? И он почувствовал, что то, что господствовало во внешней жизни, было силами, пролившимся на греко-римскую культуру, но силы эти — уже последние.

Идея индивидуальной человеческой жизни явилась взору Иисуса во всем своем значении. С 28-го по 35-й год человек таким образом пересекает середину жизни и начинает приближаться к старости. Никаких новых жизненных сил здесь более нет; унаследованные силы богов исчерпаны. До сих пор находящиеся на подъеме силы здесь присутствовали, но к середине жизни они уже потреблены. И что дальше? Нигде не было видно чего-то нового, откуда человечеству могли явиться новые силы. Если не произойдет что-то новое, человечество обречено иссохнуть. Какое-то время Иисусу пришлось переживать мысль относительно этого кризиса, после чего «Я» Заратустры, обладание которым только перед этим мгновенно ему открылось, это «Я» высвободилось. Иисус словно бы до такой степени самоотжествился с развитием человечества, что пока он говорил, «Я» Заратустры перешло к матери. При нем остались лишь три оболочки, и Иисус снова сделался тем, кем был в 12 лет, однако со всем тем, что ему удалось увлечь в свои глубины благодаря переживаниям Заратустры. Теперь это сделалось чем-то вроде толчка, увлекшего его на Иордан к Иоанну Крестителю. И здесь в Иисуса из Назарета погрузилось то, что должно было влиться в процесс развития человечества, чтобы человечество не иссохло: существо Христа. Этот импульс Христа пришел в момент, когда люди были менее всего готовы к тому, чтобы его воспринять. В своих сердцах люди могли чувствовать тягу к Христу, однако никакой мудрости и энергий прежних эпох более не имелось. Так что поначалу Христос действовал лишь как сила, а не учитель. Но еще и теперь человечество не слишком далеко продвинулось в

понимании импульса Христа.

Поначалу действенность Христа не зависела от понимания, которое он находил в людях. На протяжении всех трех лет существо Христа погружалось в Иисуса из Назарета. То, что Бог вселился в человеческое тело, касалось вовсе не одних только людей, но и напрямую затрагивало высшие иерархии. Воплотиться в человеческом теле — до сих пор ни

одному богу не довелось пройти через это. Вот что здесь потрясает и изумляет: жизнь Бога в человеческом теле на протяжении этих трех лет. Однако это было необходимо, чтобы перед людьми вновь открылась возможность движения вверх.

На первых порах существо Христа было слабо связано с Иисусом из Назарета, однако на всем протяжении продвигавшегося вперед поступательного развития он все теснее и теснее связывался со своим телом — вплоть до самой крестной смерти. С тех пор человечество нисколько не продвинулось в понимании духовных предметов. Иначе сегодня было бы невозможно появление такой книги, как «О смерти» Метерлинка. Это никчемная книга. Здесь говорится: когда человек лишается тела, он делается таким образом духом, а значит он больше не в состоянии страдать. Однако это полная противоположность тому, как все обстоит на самом деле. Страдать всегда обречен дух, а не тело. По мере того, как ныне происходит рост индивидуальности, вырастают также и боли, вырастают ощущения. Так что и современному человеку недоступно понимание страданий, которые испытал воплотившийся Бог.

Одна из женщин хотела найти Христа в гробнице. Он был духовным телом. Христа невозможно было отыскать с помощью материальных чувств. словно бы повторением этих поисков были Крестовые походы в средневековье. То были те же самые напрасные поиски. И как раз примерно во времена этих Крестовых походов появились немецкие мистики, которые вновь надлежащим образом отыскивали связь с Христом. Христос действовал также и там, где его учение не присутствовало; он действовал во всем человечестве как сила.

Вслед за крещением в Иордане Христос был все еще слабо связан с телом Иисуса. Первый, кто ему повстречался, был Люцифер. Он давал разгуляться всем тем силам, которые способны раскрываться в существе в связи с тем, что связано с проявлениями надменности. «Если ты меня признаешь, я вручу тебе все земные царства».

Это нападение было стремительно отбито. При втором искушении Люцифер и Ариман явились вместе, когда они желали вызвать в Христе чувства испуга и страха своими словами: «Низвергнись вниз».

На третий раз Ариман явился один с призывом: «Вели, чтобы эти камни сделались хлебом». Этот вопрос Аримана оставил после себя неразрешенный остаток; окончательного

ответа он не получил. То, что это и не могло произойти, связано с глубиннейшими силами развития Земли, поскольку сюда принадлежит также и человек.

Здесь мы имеем нечто вроде вопроса денег. Ведь он тесно связан с аримановым вопросом. Ариман сохранил часть своей власти над Иисусом Христом. Это дало о себе знать в Иуде Искарите. В предательстве Иуды продолжил свое действие этот неразрешенный вопрос.

Далее говорилось также о том, что только в темноте было возможно, чтобы импульс Христа при крестной смерти сообщился Земле. Было ли то затмением Солнца или же темнота происходила от какой-то иной причины, пока еще с точностью установить не удастся. Под конец — весьма настоятельная просьба относительно сохранения этих откровений в тайне.

ПЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Первая лекция Мюнхен, 8 декабря 1913 г.

Некоторые обязанности, возлагаемые на человека из духовного мира, сделали для меня необходимым провести в последнее время кое-какие исследования относительно жизни Христа Иисуса. Вы знаете, что через так называемую хронику Акаши возможно получить доступ к событиям, имевшим место в прошлом. Вот и была сделана попытка получить доступ к важнейшему событию в развитии Земли, событию, связанному с Мистерией Голгофы. Здесь выяснилось многое из того, что может послужить дополнением к тем более духовнонаучным изложениям, которые предлагались вам в связи с Мистерией Голгофы по различным поводам. Иной характер имеет то, что выяснилось теперь из хроники Акаши; речь здесь идет, так сказать, о чем-то более конкретном, некоей совокупности фактов, относящихся к жизни Христа Иисуса. С течением времени, следует надеяться, эти факты соединятся в своего рода Пятое Евангелие, и на следующем вечернем заседании секции мы будем говорить о том, почему именно в наше время возникла необходимость в том, чтобы извлечь из оккультных источников то, что в определенном отношении может быть названо Пятым Евангелием.

А сегодня я первым делом хотел бы вам представить несколько относящихся к юности Иисуса из Назарета

эпизодов, которые должны увенчаться важным разговором, состоявшимся у него с приемной матерью. Кое-что из того, что будет теперь обсуждаться в качестве Пятого Евангелия, г-жа Штинде уже довела до некоторых из вас; но ради связности я кратко упомяну также и те вещи, что были изложены.

Сегодня я хотел бы начать свой рассказ с того события, которое мне уже неоднократно приходилось вам излагать, с перехода «Я» Заратустры в телесные оболочки того мальчика Иисуса, который происходил из натановой ветви дома Давида. Я хотел бы кратко упомянуть, что в соответствии с исследованиями в хрониках Акаши два мальчика Иисуса появились на свет приблизительно в одно время. Один происходил от того, что мы могли бы назвать соломоновой ветвью дома Давида, другой — из натановой ветви дома Давида. Они были очень несхожи меж собой в том, что касается всей жизни мальчиков. В том теле, что происходило из соломоновой ветви дома Давида, содержалось то же самое «Я», которое некогда жило на Земле в качестве Заратустры, и оно продвинулось до такой духовности, что хотя, как это и бывает в таких случаях, первые 12 лет жизни действовало в нем вполне по-детски, однако выказало себя наделенным величайшими талантами, молниеносно выучивая все то, чего удалось достичь человеческой культуре на тот момент. Чрезвычайно одаренного мальчика мы будем (в соответствии с тем, что можно заключить на основании хроники Акаши), мы можем называть его мальчиком из соломоновой ветви дома Давида. Другому, мальчику из натановой ветви, мы таких свойств приписать не сможем. В сущности, это был мальчик, которого вполне можно было бы назвать лишенным дарований насчет всего того, чему люди могут выучиться благодаря достижениям земных наук и искусств. Он даже обнаружил едва ли не нерасположение к тому, чтобы обучаться чему-либо из того, чего добилось человечество. Напротив того, этот мальчик Иисус выказал в высшей степени глубокую гениальность сердца; уже в самом раннем возрасте от него так и излучалась самая горячая любовь, какую только можно представить, и впитывал в себя в сфере человеческо-земных представлений все то, что способно подвести к раскрытию жизни в любви.

Также мы знаем, что когда оба мальчика достигли приблизительно 12-летнего возраста, «Я» Заратустры покинуло свое тело, как это подчас случается в оккультных процессах земного развития человечества. Оно вышло из

исчавшего после этого тела мальчика Иисуса из соломоновой ветви и перешло в телесные оболочки другого мальчика Иисуса. Евангелие Луки указывает на это, повествуя о том, как этот мальчик Иисус уселся тогда среди книжников и давал достойные изумления ответы, так что его собственные родители едва его признали.

Итак, вот перед нами, начиная с 12-го года жизни, растет и развивается тот мальчик Иисус, что был наделен сердечным даром, но одновременно словно бы соединил в себе также и совокупность всех человеческих даров, связанных с чувством и душевностью. Перед нами соединение «Я» Заратустры с тем мальчиком Иисусом, который тогда еще даже и не ведал, что с ним произошло: что то было «Я» Заратустры, которое покинуло тело соломонова мальчика Иисуса и переселилось в него, и уже начало действовать в его телесных оболочках, так что два этих элемента пронизывали друг друга со все большей степенью совершенства.

Ещё мы знаем, что родная мать натанова мальчика Иисуса, как и отец соломонова мальчика, вскоре умерли, так что из двух семей, из которых происходили два мальчика Иисуса, сделалась одна семья и у натанова Иисуса появились приемные братья и сестры из другой семьи, а родная мать соломонова Иисуса стала его приемной матерью, или мачехой. В этой-то семье в Назарете он теперь и рос. Выдающаяся одаренность, проявленная им, когда он давал книжникам в храме те грандиозные, полные мощи ответы, которые привели всех в изумление, продолжала возрастать и далее. Можно только поражаться тому, что происходило в душе этого натанова Иисуса с 12-го по 18-й год жизни: как из неисследимых глубин его душевной жизни восходило нечто такое, что был не в состоянии испытать никакой другой человек той эпохи; о себе заявляли грандиозная зрелость духовного суждения наряду с глубинной самобытностью его душевных способностей. К изумлению его окружения, к душе Иисуса все отчетливее обращался тот грандиозный божественный голос из духовных областей, который в тайных иудейских учениях именовался Бат-Коль. Но великая Бат-Коль обращалась к этому подраставшему мальчику иначе, нежели к книжникам, на возвышенный лад. Она нисходила к нему как чудесное внутреннее озарение. Вот и случилось так, что уже в юности Иисус из Назарета мог себе сказать, будучи в угрюмом расположении духа: «Что сделалось с иудейским человечеством с тех времен, когда

человечество это внимало древним пророкам, тем древним пророкам, которые еще сами благодаря своей инспирации и интуиции обретали духовные тайны из высших миров?» И здесь Иисусу из Назарета открылось через внутреннее озарение, что некогда между древними иудейскими пророками и божественно-духовными силами существовало тесное сообщение; что через исполненный важности и святости голос великой Бат-Коль древним пророкам становились доступны величайшие тайны. Но времена менялись — вплоть до настоящего времени, в которое жил тогда Иисус из Назарета. Здесь были ученые, сухие книжники, но были также и некоторые пророки, способные улавливать лишь отзвуки, слабые отзвуки того, что некогда воспринимали великие пророки в качестве откровения. Однако все, чего могла достигнуть современность, было лишь тенью древних учений. Что же касается того, что в качестве традиции сохранялось в писаниях, насчет этого Иисус ощущал и чувствовал (а ему все это давалось лишь благодаря непосредственной внутренней инспирации, благодаря тем светочам, что разгорались в нем день ото дня все ярче и ярче), что хотя все это здесь и присутствует, однако современность более неспособна это понять. Его жизнь была наполнена такими инспирациями.

Колоссальной силы впечатление получает человек, устремивший духовный взор в данную точку развития Земли, когда он видит, как то, что некогда, в древние времена открывалось праотеческим пророкам, снова проблескивает в душе Иисуса из Назарета, и когда он наблюдает, как одиноко Иисусу посреди человечества, которое понятия не имело о том, что он переживал. Вот и пришлось Иисусу сказать самому себе: «Раздайся сейчас с небес, громко и отчетливо, голос великой Бат-Коль, нет здесь людей, которые смогли бы его понять. Что сделалось с человечеством?» Это легло на его душу колоссальной мукой. Так мы видим, как мальчик входит в пору юности. Что ни неделя, он обогащался новыми познаниями, однако каждая новая идея сплеталась для него со все более умножающейся болью, с глубоким и неизбежным страданием по поводу всего того, чему человечество разучилось, что оно забыло, что оно больше не в состоянии понять. Вся нисходящая линия человечества навалилась на душу Иисуса из Назарета. Многому можно выучиться от боли и страданий, которые приходится вытерпеть, когда направляешь духовный взор на эволюцию человечества.

Но колоссально впечатление, которое получаешь исходя из той души, которая из чистого сострадания к человечеству ощущает доведенную до бесконечности, концентрированнейшую боль относительно упадка человечества, относительно того, что человечество более неспособно воспринимать от того, что было ему приуготовлено из духовных миров. Боль эта еще увеличивалась оттого, что во всем окружении Иисуса из Назарета в промежуток с 12-го по 18-й год жизни не было никого, с кем бы он мог хоть как-то перемолвиться на этот счет. Даже самые лучшие ученики такого великого ученого, как Гиллель, не понимали того великого, что открывалось в душе Иисуса из Назарета. Он был одинок со своими откровениями и со своей бесконечной болью, охватывающей человечество бескрайним сочувствием. С этим душевным настроением Иисуса из Назарета мне и хотелось в первую голову вас ознакомить. Между тем как он внутренне все это переживал, между тем как внутри него возникали и гибли миры, он продолжал внешне непритязательно трудиться в заведении своего отца, своего рода столярной, плотничной мастерской. Так он созрел вплоть до 18-ти лет. Тогда по желанию семьи он должен был отправиться в некоего рода странствие по миру, переходя с места на место, чтобы какое-то время работать там и сям. Так он и сделал. И тем самым мы переходим ко второй эпохе в юности Иисуса из Назарета, продолжавшейся приблизительно с 18-го по 24-й год.

Он побывал во многих местах как внутри Палестины, так и за ее пределами. Он появлялся во всевозможных языческих местностях; уже тогда он посещал как иудеев, так и язычников. Нечто своеобразное можно было подметить в этой личности, что неизменно входит в круг наиболее поучительных представлений, когда мы пытаемся исследовать тайны глубин человека: можно было заметить, что колоссальная боль, которую ему довелось испытать в своей душе, претворилась в колоссальную любовь, как это, - часть бывает с болью, когда она бескорыстна, в любовь, заявляющую о себе не только в словах, но и уже одним присутствием. Когда Иисус появлялся в семье, посреди которой ему предстояло работать, то по одной только манере, как он себя преподносил, просто по тому, каким он был, было видно, что из этой души лучится любовь, которая только вообще способна исходить от человека, любовь, которая всем во благо, в атмосфере которой хотелось жить всем, кто ее замечал. А любовь эта была претворенной болью, была

метаморфозой боли. Много было моментов, приводивших к тому, что у людей, среди которых он жил, возникало впечатление, что здесь они имеют дело с таким человеком, который еще никогда не являлся на Земле. Днем Иисус работал, по вечерам семья собиралась в том месте, где он трудился, и там он находился среди нее. В таких семьях было живо все то, что могла из себя излучить его любовь. Люди думали, что перед ними не просто человек, когда он произносил свои безыскусные слова, которые были напитаны всем тем, что им было пережито с 12-ти до 18-ти лет. И после, когда Иисус уже отправился дальше, в этих семьях, когда они усаживались вместе, жило впечатление, что он все еще среди них, словно никуда и не уезжал. Его присутствие продолжало ощущаться без какой-либо паузы. Более того, случалось так, что у всех сразу возникало реальное видение: в то время, как они говорили о том, что услышали, пока они внутренне ликовали от того, что удавалось им задним числом ощутить от его присутствия, они видели, как будто он проходил в двери, усаживался среди них, ощущали его столь любезное присутствие, слышали, как он говорит. Телесно его здесь не было, и все же то было общее для всех видение.

Постепенно во многих местностях сформировалась общность между Иисусом из Назарета и людьми, с которыми он на протяжении времени приходил в соприкосновение. И повсюду люди рассказывали о человеке великой любви. На него переносилось также и многое из того, что значилось в священных письменах. Люди не понимали священные письмена, да и его самого рассудком они не понимали, но тем задушевнее ощущали они сердцем его любовь, беспримерность его существования и производимых им действий. Он приходил не только в иудейские, но и в языческие местности, где пришли в упадок языческие учения. Он познакомился со многими языческими посёлками, в которых пришли в запустение древние капища.

И вот однажды Иисус явился в такое место, по которому особенно больно ударил упадок языческого культового центра, старинного языческого священства.

Ведь на самом деле языческие капища были внешним отображением того, что культивировалось в Мистериях. Церемонии в культовых центрах были слепками с мистериальных тайн. Однако всё это находилось в упадке, пришло в запустение во многих местностях. Так вот, здесь Иисус из Назарета явился в один из такой культовый центр,

где разор и запустение, по неведомым ему причинам, читались также и во внешнем виде строений. Я и теперь всё ещё не знаю, в каком месте находилось это капище. К сожалению, из хроники Акаши мне не удалось установить это место — где оно точно находилось и как именовалось; в силу каких — то причин отпечаток этого места, так сказать, исчез с географической карты Земли. То, что я вам рассказываю, наблюдалось по всем правилам, именно так, как я вам об этом рассказываю, вот только место я вам указать не могу; по каким — то причинам его невозможно установить. Однако то было языческое поселение, пришедшее в упадок капище, и окрестный народ был печален и недужен, его преследовали всевозможные горести и болезни. А поскольку его донимали такие болезни и горести, священнослужители удалились, бежали отсюда. Капище пришло в упадок. Народ чувствовал себя обездоленным, поскольку жрецы его покинули. Когда Иисус явился в этот языческий культовый центр, здесь безраздельно господствовали беды и несчастья. Иисус подошёл ближе, кое — кто его заметил, и тут же по народу со скоростью молнии пронеслось: «Приближается человек, способный нам помочь!» Ибо то, что излучалось в качестве энергии его любви, сделавшейся своего рода освящающей любовью, давало людям почувствовать, что приближается кто — то особенный, словно само Небо вновь прислало им жреца для совершения их культов. Они стекались громадными толпами; они надеялись, что культ будет снова отправляться. Понятно, Иисус не был склонен к тому, чтобы отправлять языческий культ; но посмотрев теперь на людей своим обострившимся почти что до ясновидения взглядом, возникшим из страдания и любви, он уже постиг кое — что относительно сути упадка язычества. Здесь ему удалось узнать следующее. В древнейшие времена, когда культ совершали и жертвы приносили всё ещё благие жрецы, в этих капищах к языческим жертвам и ритуалам склонялись благие духовные существа из сферы высших Иерархий. Но постепенно (это открылось ему) язычество пришло в упадок. В то время как раньше на жертвенные алтари нисходили потоки милосердия и благодати благих, почитавшимися язычниками богов, и потоки эти связывались с жертвами, теперь вниз спускались демоны, посланцы Аримана и Люцифера. Иисус увидел этих демонов среди народа и понял, что эти демонические существа и являются причиной тяжких недугов, свирепствовавших среди народа, которому он теперь сострадал от всей души. И когда Иисус уловил эти

потаённые связи, когда ему открылась тайна пришедшего в упадок язычества, он рухнул, словно подкошенный. Это происшествие ужасно подействовало на народ, полагавший, что перед ними сошедший с небес священник. Но люди увидели, как он упал, и они бежали, в великом смущении бежали с этого места, куда только что сошлись.

Последним своим взглядом, которым Иисус из Назарета обозрел народ еще в обычном своем сознании, он увидел, как вместе с народом разбегаются и демоны; но другие демоны все еще его окружали. А затем повседневное сознание покинуло его, и он ощутил себя как бы вознесшимся в высший духовный мир, из которого некогда изливались благословения языческих богов, соединявшиеся с жертвами. И точно также, как он воспринимал когда-то голос великой Бат-Коль, теперь он услышал звучания, доносившиеся из божественно-духовных царств, от тех иерархий, к которым принадлежали благие языческие боги. В этом отрешенном состоянии воспринял Иисус человеческое пра-откровение. Я попытался выразить по-немецки то, что он тогда услышал, насколько мне удалось передать то, что слышалось ему. И вот что важно: мне удалось впервые огласить эти слова при закладке первого камня нашего дорнахского строения. Это все равно как перевернутый христианский «Отче наш», который ему лишь много времени спустя довелось обнародовать так, как это всем известно. Теперь, однако, это подействовало на него так, как если бы некогда, прежде развития Земли, это могло быть открыто в качестве космического «Отче наш». Вот как это звучит по-немецки:

Аминь

Засилие бедствий

Свидетельство высвобождающегося «Я»

Чужое прегрешение — самости вина

Переживается в насущном хлебе,

В котором нет воли Неба

Поскольку человек отделился от Вашего Царства

И забыл Ваши имена

О Отцы что на Небесах.

Значит, так:

Аминь

Засилие бедствий

Свидетельство высвобождающегося «Я»

Чужое прегрешение — самости вина

Переживается в насущном хлебе,

В котором нет воли Неба
Поскольку человек отделился от Вашего Царства
И забыл Ваши имена
О Отцы что на Небесах.

Так что то, что обратилось к нему тогда из областей, из которых некогда действовали боги язычников, было для него как великое, грандиозное откровение. Эти слова, поначалу представляющиеся чрезвычайно незамысловатыми, на самом деле заключают в себе тайну всей инкарнированности человека в материально-земную телесность, его связанности с материальной земной телесностью. Эта тайна содержится в них. Как я убедился в ходе повторяемого вновь и вновь медитирования этих слов, через них ты подходишь все ближе и ближе к переживанию заключенных в них колоссальных глубин. Можно даже сказать, что все исконно-древнее языческое небо, высказавшее само себя в этой тайне человеческого становления как некоем макрокосмическом «Отче наш», воздействовало тогда на простершегося Иисуса из Назарета, пребывавшего в отрешенном состоянии. А когда он снова пришел в себя, то увидел последних убежавших демонов, заступивших на место древних благих языческих богов, а в отдалении различил разбежавшийся народ. Ему же теперь в дополнение к боли, испытанной ранее из-за откровений Бат-Коль, до которых человечество не созрело, пришлось претерпеть еще и вторую муку, поскольку он принужден был признать: в упадке пребывает также и то, что обращалось некогда к язычеству, что было духовно-душевными откровениями для язычества. И прозвучи сегодня все небесные голоса, у человечества отсутствует способность их воспринять. Вот что он вынужден был сказать самому себе.

Колоссально впечатление, которое получаешь, наблюдая за тем, как много боли потребовалось, сколько ее должно было скопиться в одной душе, чтобы прошла подготовка Мистерии Голгофы. Впечатление становится еще грандиознее, когда все это позволяет узнать, что за боль должна была влиться в тот импульс, который мы называем импульсом Христа, для дальнейшего развития Земли. Так Иисус познал также и сущность язычества и сущность его упадка.

Когда Иисусу было приблизительно 24 года, он вернулся к себе домой; в это же примерно время умер и его родной отец. Теперь он остался один со своими братьями и сестрами, которые все были ему сводными, и с приемной матерью.

Здесь выяснилось нечто необычное: мало-помалу любовь к нему приемной матери становилась все горячее, она понимала его все лучше, братья же с сестрами его не понимали. В ней открылся величайший сердечный талант. Сердцем своим она мало-помалу (пускай хотя бы мало-помалу) шла к пониманию этого одиночки, носившего в себе боль человечества, в то время как братьев это нимало не заботило.

Но вначале ему следовало познакомиться с чем-то еще: с общиной, указавшей ему, так сказать, третий аспект упадка человечества. Ему предстояло познакомиться с общиной ессеев. Эта община ессеев, чья головная резиденция находилась на Мертвом море, была тогда очень широко распространена в мире. То был строгий, замкнутый и непроницаемый извне орден, стремившийся через определенным образом упорядоченную, полную самоограничений жизнь вновь проникнуть на те ступени, с которых человечество спустилось в своем нисхождении. Упражняя душу, ессеи намеревались воспарить до тех душевных высот, на которых вновь могло бы быть воспринято нечто — безразлично, называть ли это великой Бат-Коль на иудейский лад или древним откровением в языческом смысле. Ессеи желали достичь этого строгой душевной муштрой и отгороженностью от всего того, чем занималось прочее человечество. То, к чему они были устремлены, привлекало к ним многих. По всему краю у них имелись владения. Кто намеревался сделаться ессеем, должен был передать в общественное достояние все то, что досталось или еще только могло достаться ему по наследству. Никто не смел сохранять собственность за собой. У многих ессеев имелись дома и земли, отписанные ими ордену. Благодаря этому орден повсюду располагал отделениями, которые были рассыпаны по областям Передней Азии, главным образом в Палестине, в том числе и в Назарете. Все должно было быть общим. Орден ессеев совершал великие благодеяния. Никто ничем не владел. Всякий имел право уделять средства из общественного владения тому, кого считал бедным или немощным. Благодаря работе над душой ессеи обретали определенную целительную энергию с необычайно благотворным действием. У них было правило, совершенно невозможное в наши дни, тогда же оно строго соблюдалось: всякий мог оказывать поддержку из общественного имущества человеку, которого почитал достойным, но ни в коем случае — не своему родственнику. Он должен был

держаться в стороне от всех материальных связей, соединявших его с внешним миром.

Собственно говоря, Иисус из Назарета, как и Иоанн, с которым он ненадолго свел знакомство у ессеев, не сделался ессеем; но благодаря тем колоссальным богатствам, которые скрывала его душа, в ордене к нему относились с величайшей доверительностью. С ним обсуждали многое из того, что вообще-то было достоянием исключительно членов высокой степени посвящения. Так он узнал, как они вновь устремлялись к высотам, с которых прежде спустились люди. И нередко ему казалось, что он мог бы сказать самому себе: «Да, среди нас есть люди, которые вновь восходят к тому, что некогда, в пра-времена открывалось человечеству, но чего человечество в целом сегодня не понимает».

И вот как-то однажды, после того, как в рамках ессейской общины у Иисуса состоялся особенно проникновенный разговор насчет мировых тайн, ему было дано изведать великое, грандиозное переживание.

Выходя от них через ворота, он увидел в некоем видении две фигуры. Признав в них Аримана и Люцифера, он заметил, что они убегают прочь от ессейских ворот. Он понял, что они бегут ко всему остальному человечеству. И такое вот видение повторялось теперь у него неоднократно. У ессеев был такой обычай, что они не могли проходить через обычные ворота города или дома той эпохи, которые были украшены какими-либо изображениями. От таких ворот им приходилось отворачиваться. Но поскольку ессеи были многочисленны (в тогдашней Палестине жило столько же ессеев, сколько и фарисеев), их нужды принимали во внимание и возводили для них совсем простые ворота. Итак, ессеи не могли проходить в

какие-либо ворота, на которых имелись какие-либо украшения. Это было связано со всей их душевной организацией. Поэтому в городах существовали особые ессейские ворота. Иисус из Назарета уже неоднократно проходил через такие ворота. И всякий раз он видел, как Люцифер с Ариманом удаляются от ворот каким-то особенно угрожающим человечеству образом. Действительно, видите ли, когда о таком узнаешь теоретически, это уже, разумеется, производит впечатление; но когда узнаешь об этом так, как можно это сделать, всматриваясь в хронику Акаши, когда ты действительно видишь фигуры Люцифера и Аримана при таких условиях, как увидел их Иисус из Назарета, впечатление окажется совершенно иным. Здесь ты

начинаешь проникать в величайшие тайны не просто интеллектом, не просто разумом; нет, эти величайшие тайны ты не просто «знаешь», но их переживаешь, становишься с ними единым целым.

Лишь скудными словами способен я описать то, что свалилось теперь на душу Иисуса в качестве третьего великого страдания: он узнал, что хоть в его эпоху и возможно обособиться и достичь высшего узрения, однако лишь так, что прочее человечество окажется тем более отрезано от всякого развития души. Такие люди, — сказал он самому себе, — отыскивают совершенства собственной души за счет прочего человечества, и поскольку они стремятся к такому развитию, которое не дает Люциферу с Ариманом к ним приблизиться, те вынуждены бежать. Но между тем, как эти единичные люди от них освобождаются, Люцифер и Ариман бегут к другим людям. И люди эти оказываются в том большем упадке, чем выше восходят в своей обособленности те, первые. Естественно, это произвело чудовищное впечатление на Иисуса из Назарета, который испытывал безраздельное сострадание ко всем людям, но не мог без величайшей, неизбывной боли воспринимать то, что отдельным людям приходилось подниматься в своем душевном развитии за счет человечества в целом. Так у него сформировалось представление: Люцифер и Ариман получают все большую власть над человечеством как раз потому, что некоторые индивидуумы желают быть чистыми, быть ессеями. То была третья великая боль, даже наичудовищнейшая боль, ибо теперь его душу нередко обуревало нечто вроде отчаяния относительно судьбы земного человечества. Тайна судьбы земного человечества налегла на него всей своей чудовищной тяжестью. В сжатом виде он нес эту судьбу мира в собственной душе.

И вот, приблизительно на 29-м или 30-м году жизни Иисуса, между тем как мать, приходившаяся ему приемной матерью достигала с ним все большего сердечного взаимопонимания, как-то раз, почувствовав взаимно с ней, что их души способны друг друга понять, он вступил с матерью в беседу, беседу, оказавшуюся бесконечно важной для развития человечества. Ныне, в ходе этого разговора, Иисус из Назарета заметил, что и в самом деле способен излить в сердце матери то, что пережил начиная с 12-го года жизни. Теперь он мог мало-помалу выразить в обращенных к ней словах все, что ему довелось испытать. И он сделал это. Он описал ей свои чувства в связи с упадком иудаизма и

язычества, в связи с эссеями, в связи с эссеистическим отшельничеством. И случилось так, что эти слова, которые переходили из души Иисуса в душу приемной матери, действовали не как обыкновенные слова, но так, словно бы каждому слову он мог придать что-то от всей своей души. Слова окрылялись всем, что ему пришлось выстрадать, что перешло непосредственно из его страдания — в любовь, в святость души. Он сам был тесно связан со своей болью, со своей любовью, так что нечто и от него самого перелетало на крыльях его слов — в душу этой приемной матери.

А затем, после того, как Иисус рассказал то, что так вот пережил, он поведал еще нечто такое, что было ему дано как знание и что я хотел бы теперь обобщить в слова, полученные нами в духовной науке. Впрочем, тем самым все, что сказал Иисус из Назарета своей приемной матери воспроизводится мною по одному только смыслу, сами же слова я буду подбирать ориентируясь на то, чтобы вы могли их легче понять, предпочитая это тому, чтобы непосредственно проговаривать по-немецки то, что получилось у меня из образов хроники Акаши. Иисус из Назарета рассказал своей приемной матери как на основе всей этой боли ему открылась тайна развития человечества, того, как развивалось человечество. И вот он ей сказал: «Мне стало известно, что некогда человечество оставило позади себя древнейшую эпоху, в которой оно, само этого не сознавая, с чистейшей детской силой восприняло высшие существа». Этими словами он указал на то, что мы в духовной науке именуем первой послеатлантической культурной эпохой, когда священные риши индийского народа могли доносить до человечества свои великую, грандиозную мудрость. Но Иисусу из Назарета эта мудрость виделась в том аспекте, что он мог сказать сам себе: «Как восприняли святые риши эту мудрость, какие силы действовали в душах риши и вообще в душе древнейшего индийского народа?» То были энергии, которые вообще-то действуют лишь в детстве, с рождения и до 7-летнего возраста ребенка, а затем они отмирают для отдельного человека; тогда же они изливались на всю человеческую возрастную ступень. Вследствие того, что силы детства распространялись на весь целиком возраст человечества, эти наидревнейшие священные божественные истины вливались в человеческую душу, обращаясь инспирацией, интуицией. Но с этой первой эпохой человечества, которую мы именуем древнеиндийским культурным периодом, а Иисус из Назарета сравнил его,

обращаясь к матери, с первым детским возрастом, с завершением этой эпохи минула также и возможность сохранять силы детства на более поздних возрастных ступенях. Они иссякли, и поэтому человечество было больше не в состоянии воспринимать и сохранять то, что открывалось ему когда-то. Далее Иисус из Назарета заговорил о том, что затем последовала эпоха, которую можно сравнить с человеческим возрастом с 7-ми до 14-ти лет, в которую, однако, силы, присутствующие вообще-то лишь с 7-го до 14-го года жизни, изливались на всю человеческую жизнь, так что люди ощущали их даже будучи уже стариками. Вследствие же того, что даже и более старшие возрасты могли быть пронизаны этим, во вторую, древнеперсидскую эпоху, имелась возможность обрести ту мудрость, которая признается нами в качестве мудрости Заратустры, теперь же, как видел Иисус из Назарета, она отвергалась человечеством вследствие непонимания. В третью эпоху, на которую теперь мог оглянуться Иисус из Назарета и о которой он рассказывал теперь своей матери, на все человеческие возрасты изливалось то, что вообще-то переживалось с 14-ти лет до 21-го года, так что даже и в 50, в 60 лет люди все еще обладали теми силами, которые действуют лишь до 21-го года. Тем самым этой третьей эпохе были доступны те важнейшие науки о природных процессах, которые так поражают нас, когда мы проникаем в египетскую и в древнюю халдейскую науку, проникаем в истинные основания их астрологического знания, того знания, в котором речь идет не просто о Земле, но о мировых тайнах в их действии на человека, и в чем впоследствии лишь очень слабо могло разобраться человечество. Однако Иисус из Назарета увидел, что миновала также и третья эпоха. Как стареет отдельный человек, — сказал он, — так состарилось и человечество.

Греческая культура получила сильнейшие импульсы от мистериальной мудрости, вызвавшей в ней величайший расцвет философской мысли и искусства, но приведшей также и к переходу к четвертому культурному периоду, в котором мы собственно и живем, где происходит обращение к человеческой самостоятельности и создаются новые социальные порядки, порывающие с зависимостью от древней мистериальной традиции. Упадок древних мистерий начинается с подъемом новых государственных структур и их соперничеством между собой; но с этим также связан и стремительный интеллектуальный рост. Теперь здесь

имеются лишь те силы, которым доступно понимание самых незначительных вещей, когда они оказываются распределены по всем человеческим возрастам. Мы живем среди человечества, которое способно понимать лишь с помощью тех сил, что присущи человеку в возрасте с 21-го года до 28-ми лет. Но когда минет также и этот культурный период, человечество вступит в пору среднего возраста; тем самым будет достигнута определенная точка максимального подъема, удержаться на которой невозможно. Должен начаться спад, пускай поначалу очень постепенный. Человечество вступает в такой возраст, когда силы отмирают, примерно так же, как и отдельный человек на четвертом десятке достигает возраста, когда начинается спад. Упадок всего человечества начнется уже со следующей эпохи, — так сказал Иисус из Назарета, поскольку его душу пронизала вся боль относительно этого будущего заката человечества. Само человечество, сказал он, вступает в такую эпоху, когда изначальные силы пресеклись. В то время как для отдельного человека юношеские силы все еще могут продолжать свое действие, для человечества в целом такое невозможно. Оно должно вступить в непреодолимый период старости, если только в него не вольются какие-то новые силы. Он предвидел запустение культуры на Земле, если только не появятся какие-то новые силы. Природные силы иссякают, когда человечество вступает в такой возраст, который для единичного человека приходится на период с 28-го по 35-й годы жизни. И если никакой иной источник сил не появится, человечество одряхлеет.

Примерно так, если коротко, говорил Иисус из Назарета своей матери. Что же будет с человечеством, если его постигнет судьба единичного человека? Перед колоссальностью этого вопроса Иисус (а вместе с ним и — мать) ощутил необходимость нового духовного импульса. Что — то должно было прийти, и прийти оно могло только извне: то, чего не было в самом человечестве, поскольку после достижения этого, среднего возраста в человеке более не могло в свободной форме содержаться что — либо новое — в смысле внутречеловеческих, не связанных с чувственным миром сил. Следовало ожидать извне чего — то такого, что вообще — то появляется в возрасте с 28 — го по 35 — й год жизни изнутри. И здесь с колоссальной силой, рядом с которой просто нечего поставить, из души Иисуса из Назарета вырвалась боль относительно того, что в окружающем его мире нет ничего, что могло бы излить

энергию обновления в приходящее в упадок человечество.

Так протекал этот разговор, и с каждым словом что — то от его собственного существа как бы перетекало в приёмную мать. У слов словно были крылья, и в них выразилось то, что это были не просто слова, но с ними из телесности Иисуса из Назарета вырвалось что — то, что было словно его самостью, что сделалось единым целым с его болью и с силой его любви. И в этот момент, когда его самость оторвалась, его на мгновение озарило, чем вообще — то была эта самость: сознание собственного «Я» как «Я» Заратустры. Просветлённым, на единственный миг просветлённым он ощутил себя как «Я» Заратустры. И всё же у него возникло чувство, как будто это «Я» вышло из него и вновь оставило его в одиночестве, так что он вновь был тем, только больше и взрослей, кем был и на 12 — ом году жизни.

Колоссальная перемена произошла также и с его матерью. Когда исследуешь в хронике Акаши, что именно там произошло, то оказывается, что вскоре после того, как Иисусу из Натановой ветви сравнялся 12 — й год и в него вселилось «Я» Заратустры, душа его родной матери вознеслась в духовные области. Теперь же она в виде души вновь спустилась вниз и одушевила его приёмную мать, которая в силу этого как бы помолодела. Так что теперь душой родной матери Иисуса одухотворялась его приёмная мать, бывшая родной матерью соломонова мальчика Иисуса. Значит, отныне по Земле опять странствовала в материальном теле, в теле матери соломонова мальчика Иисуса — душа родной матери натанова мальчика Иисуса. Сам же он остался как бы наедине со своими тремя телами, однако в высшей степени одухотворённым всеми своими переживаниями — наедине со своим физическим, эфирным и астральным телами; «Я» из него всё же ушло. Действительно в этом физическом, эфирном и астральном телами пребывало всё то, от происходило от «Я» Заратустры. Хотя само «Я» Заратустры от него отселилось, все связанные с ним впечатления остались. Это привело к тому, что в этой необычной личности, которой теперь являлся Иисус из Назарета после того, как «Я» Заратустры от него отступило, имелось нечто совершенно особенное. И то, что в нём было, это представлялось мне, когда я смог проследить дальнейшие события в Пятом Евангелии — так, как я излагаю это теперь. После того, как этот разговор с матерью состоялся, в Иисусе из Назарета, из которого ушло «Я» Заратустры, произошло словно бы пробуждение, выглядевшее как могучий

космический порыв, который погнал то, что от него оставалось, на берега Иордана, к Иоанну Крестителю. На пути туда это необычайное существо (ибо таким и был теперь Иисус из Назарета, существом, представлявшим собой высшее человеческое начало, которое вообще - то сходится воедино лишь при полностью развитых четырёх членах человеческой конституции, теперь же оно несло по земле эту человечность лишь в трех человеческих оболочках, существо, которое внутренне ощущало себя не так, как человек, внешне же имело человеческий облик), после разговора с матерью, ощутив в себе порыв отправиться на Иордан к Иоанну Крестителю это существо, говоря я, повстречало двух ессеев, двух из знакомых с Иисусом ессеев. Разумеется, то, что они увидели в его облике, показалось им необычайным, но все же они узнали его по внешнему виду, который не изменился, который вполне можно было опознать. Но он показался им странным. По причине произошедшего с ним изменения его глаза приобрели совершенно необычайное выражение. Из этих глаз словно бы лился внутренний свет, блиставший неярким сиянием, словно воплощенная в свет, не земная, но небесная человеческая любовь. Ессеи увидели в нем старого знакомого. Они восприняли его так, словно им невозможно было уклониться от величественно спокойного, возвысившегося до бесконечности сдержанного взгляда Иисуса, каким он был теперь. Но опять-таки, с другой стороны, заглянув в эти глаза, ессеи ощутили одновременно что-то вроде упрека, который исходил не от него, который был чем-то наподобие энергии, излучавшейся из их собственных душ, а после вливавшейся в его глаза и там отражавшейся, наподобие неяркого лунного света, однако словно как грандиозный упрек к их собственному существу, к тому, чем были они сами.

Лишь в таких словах, как можно установить на основании взгляда в хронику Акаши, способен я охарактеризовать то, что увидели эти ессеи в душе Иисуса из Назарета: они почувствовали эту душу сквозь его тело, то есть через его физическое, эфирное и астральное тела, увидели, как она взирает на них, ее восприняли. Нелегко было им вынести близость с ним; ибо сказывалось действие бесконечной любви, бывшей в то же время словно бы и упреком им. Близость к Иисусу из Назарета воспринималась ими как нечто чрезвычайно притягательное, но одновременно они испытывали желание удалиться. Все же один из них набрался смелости, поскольку они знали Иисуса по многим

разговорах, которые состоялись между ними, и спросил его: «Куда держишь путь, Иисус из Назарета?» Слова, которые произнес тогда Иисус, я мог бы перевести по-немецки примерно так: «Туда, куда души, подобные вам, не желают смотреть, где боль человечества может отыскать лучи забытого света!» Ессеи не поняли сказанного им, и они заметили, что он не ведает, кто они.

По его отчужденному взгляду, который был непохож на взгляд того, кто взирает на знакомых ему людей, по всему его поведению и по тому, как он выговаривал слова, они подметили, что он их не узнаёт. И здесь один из ессеев собрался с духом еще раз и сказал: «Иисус из Назарета, ты нас не узнаешь?» И тот произнес в ответ нечто такое, что я также могу передать исключительно в следующих словах немецкого языка: «Что вы за души? Где ваш мир? Зачем вы облачаете себя обманчивыми оболочками? Почему внутри вас горит огонь, зажженный не в доме моего Отца?» Они не понимали, что с ними происходит, не понимали, что произошло с ним. Один из ессеев еще раз спросил: «Иисус из Назарета, так ты нас не узнаешь?» Иисус ответил: «Вы как заблудшие овцы; я же был сыном пастуха, от которого они убежали. Если вы меня признаете теперь, вы тут же вновь убежите. Уже так много времени прошло с тех пор, как вы сбежали от меня в мир». И они не знали, что о нем и думать. Тут он заговорил вновь: «На вас клеймо искусителя. Своим пламенем он сделал вашу шерсть блестящей. Волосы этой шерсти колют мне глаза!» Тут они почувствовали, что эти его слова были чем-то вроде отзвука их собственной сущности, раздавшимся из его существа. Далее Иисус продолжил: «Искуситель повстречал вас после вашего побега. Он наплатил ваши души высокомерием!» Здесь один из ессеев приободрился, потому что почувствовал нечто знакомое, и сказал: «Разве мы не указали искусителю на дверь? Больше он не имеет к нам отношения». На это Иисус из Назарета отвечал: «Да, вы указали ему на дверь; но он перебежал к другим людям и на них наскочил. Так что он не при вас, он в других людях! Вы видите его повсюду. Уж не думаете ли вы, что возвысились, указав ему на дверь? Вы остались на той же высоте, на какой и были. Вам кажется, что вы стали выше, потому что вы принизили других. В преуменьшении других вам кажется, что вы поднялись ввысь».

Здесь ессеям стало страшно. Но в тот самый миг, когда на них нашел бескрайний ужас, у них возникло ощущение, словно Иисус из Назарета растворился в облако и исчез у них

из виду. Однако их взоры оставались и далее околдованы этим существом Иисуса из Назарета, так что они не могли отвести глаз от того места, куда они были направлены. Здесь их взгляд словно бы переключился в космическую даль и упал на колоссальных размеров явление, выглядевшее словно безмерно увеличенная фигура Иисуса из Назарета, которого они только что видели. Те же самые речи, с которыми он только что обращался к ним в обычном своем виде, звучали теперь из уст этой увеличенной фигуры, которая их словно бы околдовала. Они были не в состоянии оторвать глаза от этого видения, чей взор был направлен на них как бы издали. Тем самым в их души закралось нечто наподобие упрека, который, с одной стороны, виделся им вполне заслуженным, но, с другой, казался невыносимым. Увеличившийся до исполинских размеров Иисус представился этим двум ессеям превратившимся во что-то вроде фата-морганы на дальнем небосводе, и сама ситуация, которую эти слова описывали, также показалась им увеличившейся до грандиозности. Со стороны этого видения, со стороны этого призрака прозвучали слова, которые по-немецки можно было бы воспроизвести примерно так: «Тщетны ваши стремления, потому что пусты ваши сердца, поскольку вы исполнились духа, обманчиво скрывающего под обличьем смирения гордыню».

Вот что сказало существо, повстречавшимся ессеям после того, как «Я» Заратустры высвободилось из телесных оболочек Иисуса, и Иисус вновь сделался таким же, только выросшим, каким он был на 12-м году жизни, но теперь его пронизывало все то, чем смогли загрузить это необычное тело «Я» Заратустры и все то пережитое, о чем я рассказывал. О необычности же этого тела говорило хотя бы то, что сразу после появления на свет он смог произнести поразительные слова мудрости на языке, понятном лишь чувству матери.

Вот что хотелось мне рассказать вам сегодня в рамках безыскусного повествования, которое доходит вначале до предпринятого Иисусом из Назарета после разговора с матерью путешествия к Иоанну Крестителю, на Иордан. Послезавтра мы продолжим рассказ и попробуем навести мосты к тому, что пытаемся постигнуть как значение Мистерии Голгофы.

Вторая лекция Мюнхен, 10 декабря 1913 г.

Прежде чем я продолжу свой пересказ из Пятого Евангелия, позвольте мне сделать несколько замечаний, связанных с обнаружением этого Пятого Евангелия. Широкие круги современной общественности совершенно не понимают значение всего того, что должен внести в нашу эпоху оккультизм, духовная наука. Дело в том, что в широких кругах все еще слишком мала склонность уделять внимание клонящимся к упадку культурным элементам нашего времени, прежде всего духовным культурным элементам, а также тем, которые знаменуют подъем и, в какой-то степени, служат починком обновления нашей духовной жизни, и тем не менее не могут принять никакой другой иной формы помимо той, что ведет к определенному ознакомлению с фактами конкретных оккультных исследований, пускай даже такое знакомство теперь весьма предосудительно и презираемо.

Прежде всего хотел бы обратиться к вам с просьбой поразмыслить в связи со сказанным насчет того, что к таким сообщениям из конкретных оккультных сфер следует подходить с определенной долей благочестия. Наше время менее всего склонно к тому, чтобы воспринимать такого рода вещи как нечто само собой разумеющееся, и лишь сопереживание, со-чувствие на основе жизненных импульсов сообщает нашим душам способность видеть их в правильном свете. Когда же они будут сообщены неподготовленным, тут-то и проявится то, как в случае вынужденного под нажимом общественности разглашения насчет двух мальчиков Иисусов, до какой распоясанности доходят даже самые благонамеренные. Не хочу даже и останавливаться на многочисленных безумных нападках, обращенных против такого рода вещей. С какой страстью они воспринимаются! Сегодня все еще немыслимо, чтобы заимствуемые из духовного мира знания менее абстрактного характера, вроде тех вполне конкретных по содержанию итогов исследований, которые были сообщены позавчера, чтобы они могли извлекаться оттуда именно как знания. Это связано (пускай даже такая связь вовсе неочевидна) с той принципиальной поверхностностью в первую очередь мышления и представления, что охватила нашу современную литературу, трактующую вопросы мировоззрения.

Вовсе не из чрезмерного критицизма отмечаю я тот или иной момент как раз в кругу нашей секции, но чтобы привлечь внимание наших друзей к тому, в сколь жалком

положении пребывает в наше время чистая логика мышления. Способность сопоставлять и различать в наше время отсутствует. Люди добровольно и охотно (причем в куда большей степени, чем кажется им самим: ведь теперь то и дело раздаются крики насчет свободы от всяких авторитетов) воспринимают в качестве авторитета что угодно, прежде всего в кругах, зачастую считающихся сегодня наиболее образованными. То и дело приходится сталкиваться с такими вещами, про которые (пускай даже это происходит лишь вследствие временной загруженности, при том, что то же время можно было использовать и получше) необходимо упомянуть, наподобие того, что мне пришлось пережить в Берлине на докладе о Джордано Бруно, с которым я выступал в одном религиозно-фило-софском обществе и где я упомянул (это было уже давно) о том, насколько мало наше время способно действительно вникнуть в систему идей таких великих личностей, как Джордано Бруно. Я обратил тогда внимание слушателей на одну погрешность в ходе рассуждений, связанную с погрешностью в восприятии, что содержалась в одной гремевшей тогда книге, в «Сущности христианства» Гарнака.

В прочитанной мной вчера открытой лекции я сказал, что если что-то упоминаю с целью критики, то вовсе не желаю вынести окончательный приговор потенциалу, научности данного лица. Напротив, тем самым я хочу указать как раз на то, что под влиянием суггестивного воздействия самое значительное может приводить к опустошительным последствиям. Так, к примеру, тогда выяснилось, что один из самых знаменитых современных теологов рассматривает это сочинение, «Сущность христианства», как нечто весьма выдающееся. В частности при этом не входят. Например, в этом сочинении отстаивается такое воззрение на Воскресение Христа Иисуса, которое имеет приблизительно следующий вид: что бы ни случилось тогда в Палестине, сегодня мы это знать не в состоянии, так что нет нужды реконструировать понятие Воскресения; однако от этого случившегося в Палестине факта происходит вера в Воскресение. Этой-то веры мы и придерживаемся, вне зависимости от того, что к этой вере привело.

Председатель этого религиозно-философского общества сказал мне после доклада, что он досконально ознакомился с «Сущностью христианства» Гарнака, но такого места в книге не нашел. Да и вообще это католическая точка зрения. Ведь католики утверждают: «Неважно, действительно ли в Трире

находится Священная риза, важна лишь вера, что это — риза». Хоть он и ополчился против такого воззрения, однако пояснил, что в книге ничего такого нет. На следующий день я выписал ему страницу, на которой это, само собой разумеется, значилось. Ученый

муж просто пробежал это место глазами — и не увидел. Такие опустошительные последствия имеет сегодня все, оказывающее — как авторитет — такое суггестивное действие, что этого вообще не замечают, однако те, кто именуют себя антропософами в подлинном смысле, должны такие вещи замечать, ибо в нынешней духовной культуре это как раз самое опустошительное.

Имя Эйкена известно как имя человека, возродившего идеализм. Ему досталась знаменитая премия. Но не стоит ему завидовать. Он написал книгу, которая называется «Можем ли мы продолжать быть христианами?». Оказывается, на одной странице здесь сказано: как современные образованные люди, мы более не можем мириться с тем, что люди говорят о демонах, как это было во времена, когда Христос странствовал по Земле. Ни один современный образованный человек верить в демонов более не может. Читая это, современный «образованный» человек чувствует себя польщенным. Тот, кто делает ему комплимент — в полном смысле «свой парень». Но замечает ли этот «образованный», что несколькими страницами ниже в той же книге есть и другое предложение: «Соприкосновение божественного и человеческого порождает демонические силы»? И это преспокойно проглатывается. А если вы укажете на это как на нелепицу, то услышите в ответ: здесь он употребил это не в смысле «демонического». Услышав такой ответ, поневоле нужно очень крепко призадуматься, потому что из этого ответа становится совершенно понятно, что слова употребляются теперь совершенно бессознательно, не думая о том, чтобы придать им смысл, который должен быть им присущ. Вот что страшно. Только поэтому и возможно наступление такого тревожного явления, как книга, которая теперь, несмотря на то, что ее составляют три толстых тома, выходит уже вторым изданием. Это «Критика языка» Фрица Маутнера, который сделался своим для очень и очень многих, составив большой философский словарь. Такие явления необходимо обсуждать, пускай даже это неприятно. «Критика языка» призвана быть последней значительной критикой всех философских мировоззренческих устремлений. Книга эта весьма важна в

смысле характерной для современности внешней изощренности. Ей невозможно отказать в том, что это весьма значительная книга, полная остроумных замечаний. Здесь сводятся счеты со всем мировоззренческим прошлым человечества. Разделяваясь с мировоззренческим направлением, несимпатичным также и мне, критик на полном серьезе прибегает к такому образу: тот, кто рассуждает об этом мировоззрении, подобен клоуну, залезшему на свободностоящую лестницу, который вознамерился бы, вскарабкавшись на самый ее верх, подтянуть ее к себе. Он сверзится с нее. Но я вас умоляю: как возможно, когда ты установил лестницу вертикально и влез наверх, после этого сверху тянуть ее к себе и с нее сверзиться? Как можно прокручивать в голове такого рода мысли, если только ты не полностью лишен соображения? Большинство и не замечает такие вот пустые мысли, поскольку ныне люди очень мало практикуются в логике. В противном случае они заметили бы, что теперь такие вот нелепицы можно повстречать в половине книги, и они находятся там на каждой двадцатой странице. Об этом нужно упомянуть хотя бы однажды, поскольку это характерно для того, как ныне мыслится то, как осуществляется суггестивное влияние на мышление. Этот пример приведен мной не без умысла, ибо для того, кто умеет мыслить, вся книга написана исходя из той же самой логики, однако этого не замечают. Многие не заметят даже невозможности этой идеи, но при том состоянии духовной жизни, в котором она пребывает сегодня, про такое вот литературное явление всюду трубят как о чем-то колоссальном по значению, и многие полагают, что это так, изучают это, и из числа тех, кто может мыслить подобным образом, пополняются ряды противников духовной науки.

Я нахожу жестоким то, что вынужден это говорить, однако это должно быть сказано, поскольку вы не должны оставаться в неведении относительно того, что происходит ныне. Пускай даже немногие прочтут книгу, но то, что от нее исходит, странствует по многим книгам и лекциям и почитается за логику. Потому-то и оказывается, что перед лицом незрелого мышления нашего времени настолько трудно бывает выступить не только с духовно-научными идеями, но даже и с положительными результатами исследований Акаши, о которых я говорил в прошлый раз. Это и вынудило меня произнести те слова, что были только что употреблены, что в самом деле наши друзья должны ощутить необходимость

основательно и глубоко (как раз там, где речь заходит о том, чтобы трактовать вещи, применительно к которым обыденное мышление может оказаться недостаточным) проникнуться пониманием необходимости строго вышколенного мышления. Иначе, само собой разумеется, мы еще долго не сможем пробиться с положительными оккультными исследованиями через современный логический туман, который столь критически себя ведет. Разумеется, усвоить их способен лишь тот, кто вначале подготовил свою душу результатами духовной науки, которые в большей степени могут быть выражены в идеях. Лишь обращаясь к таким людям можно говорить о предметах, в связи с которыми невозможно обойтись просто идеями, а необходимо поведать о том, какими они оказываются в результате исследований Акаши. Они не оторваны (хотя все, что я преподаю в качестве Пятого Евангелия — это лишь рассказы) от всего того, что способно дать также и духовное исследование, хотя очевидно это становится не сразу.

Отвержение этих конкретных итогов исследований связано не с чем иным, как с тем, что современное мышление слишком грубо для того, чтобы действительно вникнуть в результаты духовных исследований. Необходимо понять, насколько естественно то, что человек, способный породить идеи вроде приведенных, вовсе не в состоянии по-настоящему вникнуть в духовную науку. Это задает критерий, которого мы должны придерживаться в отношении того, что превозносится теперь в качестве философской мировоззренческой литературы. Это делает необходимым, чтобы как раз при обсуждении таких предметов мы прониклись мыслями относительно необходимости того, чтобы такие мысли попали теперь хотя бы в некоторые души, дабы они постепенно надлежащим образом влились в духовную жизнь современности.

Так вот, я нередко указывал на Мистерию Голгофы, на отдельные ее моменты, которые должны быть непременно постижимы посредством строгого мышления, если оно желает утвердиться в рассмотрении исторического развития человечества. Собственно говоря, мы не располагаем настоящим рассмотрением исторического развития человечества. Сегодня у нас нет никакой истории, никакого осмысленного проникновения в то, что произошло. Если оно когда-нибудь у нас появится, люди поймут, что и в самом деле во времена Мистерии Голгофы развитие человечества пошло на спад и что благодаря Голгофе явился импульс,

придавший человечеству то омоложение, что запустило вновь одряхлевшие культурные силы. Через наблюдение конкретных событий, разыгрывавшихся в Палестине, эта общая мысль ничуть не принижается, но напротив, еще больше возвышается через познание тех конкретных событий, что тогда произошли.

Позавчера я остановился в своем рассказе на том, как после разговора, который состоялся у Иисуса из Назарета с приемной матерью и при котором «Я» Заратустры отделилось от трех тел, оказавшихся тогда в необычном сочетании друг с другом, лишенном земного «Я», он повстречал двух ессеев. Эту сцену я попытался изобразить; изобразил я ее до того момента, когда Иисус, переговорив с ними, предстал им так, как словно бы растворился, и они увидели его как некую фата-моргану, из которой прозвучали слова: «Тщетны ваши стремления, потому что пусты ваши сердца, поскольку вы исполнились духа, обманчиво скрывающего под обличьем смирения гордыню!» Когда два ессея услышали это, их зрение словно бы на какое-то время помутилось. Они увидели его вновь лишь когда он продвинулся дальше на своем пути. Из хроники Акаши мне удалось установить, что оба ессея были сильно впечатлены тем, что им довелось пережить, с этого дня они сделались молчаливы и ничего не рассказали прочим ессеям.

Когда Иисус прошел немного дальше, ему повстречался человек, производивший впечатление глубочайшего страдания, придавленности, угнетенности. Этот человек шел навстречу Иисусу с опущенной головой, его придавленность выражалась и в осанке. И здесь он услышал, как то существо, что я

охарактеризовал позавчера как Иисуса из Назарета на тот момент, обратилось к нему со словами, которые прозвучали как бы из самых глубин этого существа.

Придавленный и угнетенный человек услышал, как Иисус сказал: «Куда тебя привела твоя душа? Я знал тебя тысячелетия, многие тысячелетия назад, и тогда ты был другим». И здесь этот придавленный человек ощутил настоятельную необходимость чем-то поделиться с этим явлением. Ведь не можем же мы назвать земным человеком существо, состоявшее лишь из физического тела, эфирного тела и астрального тела, сохранявших остаточные воздействия «Я» Заратустры. Мы можем назвать его только «существом». Пребывавший в отчаянии человек ощутил потребность сказать этому существу: «Я достиг в жизни

высокого ранга, и всякий раз, когда я поднимался все выше, меня охватывало чувство: «Что ты за исключительный человек!» Во всем мне сопутствовало счастье. Но очень быстро случилось так, что я лишился этого счастья. Произошло это в одну ночь. Именно, как-то раз я уснул и привнес в свой сон чувство, что испытываю стыд за то, что вижу. Мне приснилось, что передо мной стоит существо, и оно спрашивает меня: «Кто сделал тебя таким великим, кто вознес тебя до столь высокого ранга?» И мне стало стыдно оттого, что даже во сне мне мог быть задан такой вопрос, ведь мне-то было ясно, что исключителен я сам и что, разумеется, это в силу моих великих достоинств добился я такого почета. А когда это существо так вот ко мне обратилось, меня во сне охватило чувство стыда за самого себя, во сне, — так сказал этот погруженный в отчаяние человек. — И я обратился в бегство, но стоило мне только убежать, как то же существо вновь стояло передо мной в измененном образе, говоря: «Я тебя возвысил, я возвел тебя в высокий сан». И здесь я узнал в нем искусителя, про которого писание рассказывает, что он был искусителем еще в раю. Тут я проснулся, и с того момента не ведаю больше покоя. Я распрощался со своими постами и с местом, где жил, и с тех пор без какого-то дела скитаюсь по миру. И теперь мое поприще привело меня к тебе, меня, странника, живущего подаянием». И в тот самый миг, когда человек это сказал (так передает это хроника Акаши), ему снова было видение, вставшее перед Иисусом из Назарета, который в этот миг вновь исчез у него с глаз. Затем видение рассеялось, и человек оказался предоставлен своей судьбе.

Владевший Иисусом порыв вел его дальше. Затем он повстречал прокаженного и должен был, когда тот приблизился к нему, произнести слова: «Куда тебя привела твоя душа? Тысячи и тысячи лет назад я видел тебя другим. Да, тогда ты был другим». Прокаженный сказал: «Люди изгнали меня отовсюду за мою проказу. Поэтому мне пришлось скитаться по свету, и никто не принял меня. Я был рад, когда в дверь или в окно мне бросали скудно меня питавшие объедки. Но нигде я не мог остаться на месте, я был вынужден скитаться с места на место. И вот, как-то ночью я попал в лес. Там мне издали представилось блистающее, словно пламя, дерево. Свет манил меня к себе. И когда я подходил ближе, из пламенеющего дерева выступила фигура, имевшая вид скелета, и обратилась ко мне с ужасными словами: «Я — это-ты! Я питаюсь тобой». Здесь

на меня напал чудовищный страх, и поскольку он так меня обуял и заставил трепетать, что я ощущал, как струпья проказы стучат друг о друга и словно бы шуршат при трении один о другой, то существо почувствовало, что со мной происходит, и молвило: «Почему ты так меня боишься? Ты уже прожил так много жизней, и тогда тебе был по нраву вкус жизни, то многое, что доставляли тебе в твоей жизни вожделения, что приносили повседневные радости, когда ты мог утопать в повседневных радостях. Тогда-то ты меня любил, ты любил меня, ты сильно меня любил. Ты не всегда догадывался об этом, однако ты любил меня, и поскольку ты так меня любил, твоя душа притянула мое существо к себе. Я сделался тобой и могу питаться лишь тобой». И мой страх вырос еще. Здесь скелет обернулся прекрасным Архангелом, и я на него взирал. «Да, — сказал он мне, — когда-то ты меня любил». Здесь я погрузился в глубокий сон, а проснувшись наутро, увидел, что лежу возле дерева, и продолжил скитаться по свету, а теперь повстречал тебя. С тех пор, как это видение меня посетило, проказа делается все нестерпимей». Между тем как он так говорил, скелет снова вырос перед ним и скрыл Иисуса, который исчез и должен был продолжать свой путь, подгоняемый властвовавшим в нем порывом. А человеку также пришлось идти своей дорогой.

После эти трех встреч — встречи с двумя эссеями, с отчаявшимся человеком и с прокаженным — Иисус из Назарета в том виде, который был мною описан в прошлый раз, пустился в дальнейший путь и явился к Иоанну на Иордан. Существо Христа ниспустилось с космических высот, овладело тремя телами Иисуса, в которых существу Христа и предстояло пребывать на протяжении трех лет.

Следующее, что мне необходимо рассказать — это история искушения. Здесь хроника Акаши представляет дело точнее, чем прочие Евангелия. Должен лишь заранее заметить, что изложу ее так, как она была преподана мне, однако вполне может случиться так (поскольку исследовать такие вещи тяжело, и необходимо проявлять осторожность), что впоследствии понадобится поправка, дабы поменять три ступени искушения, о которых я поведаю. Потому что при наблюдении в хронике Акаши последовательность зачастую может спутываться, и здесь я не вполне уверен в последовательности. Хочу рассказать это лишь в той мере, в какой мои знания вполне точны.

После того, как Христос Иисус (ведь теперь Христос и в

самом деле пребывавал в Иисусе) удалился в пустыню, вначале к нему приступило то существо, которое он тут же распознал как Люцифера, ибо первым делом в его душе разыгрались два важных ощущения. Ему вспомнилось — теперь это было уже с «Я» Христа и с эфирным и астральным телом Иисуса из Назарета — как Люцифер с Ариманом убегали от ессейских ворот к прочим людям, когда после беседы с ессеями он выходил через ессейские ворота. Ему пришлось задуматься об этом. Второе ощущение, посетившее его душу, напомнило ему об отчаявшемся, который повстречался ему по пути на Иордан, которого эта фигура скрыла собой, принудив его, Иисуса, пуститься в дальнейший путь. Теперь он знал, как опознаются такие вещи в оккультном восприятии: «то был Люцифер, которого я увидел тогда убегающим от ессейских ворот вместе с Ариманом, Люцифер встал между мной и отчаявшимся, и теперь это он вновь стоит передо мной».

Благодаря этому рассказу мы можем получить представление о том, как происходят оккультные восприятия, когда они относятся к прошлому. Поистине они не таковы, чтобы их можно было усваивать спокойно, соблюдая полную объективность, подобно всему прочему, например, тому, что бывает нам рассказано. Через эти вещи выражаются глубокие мировые тайны, они вторгаются во все силы нашей душевной жизни и касаются не только наших представлений и обыденного рассудка. Потому-то на таком удалении столь непросто выразить словами соответствующие оккультные восприятия, выразить эти исследования, которые нам не следует замалчивать, и все же мы способны впихнуть потрясающие результаты исследований в слова обыденного разговорного языка. Такие вещи обнародуются лишь тогда, когда их необходимо обнародовать.

Итак, Люцифер предстал Христу Иисусу. Все разыгралось так, как это может быть выражено словами других Евангелий (это все околичные описания духовных процессов): «Если ты признаешь меня, я отдам тебе все царства этого мира». Примерно так обратился Люцифер к Христу Иисусу, в котором, правда, теперь пребывала божественная сущность Христа, способного понимать Люцифера, однако для понимания он мог воспользоваться лишь астральным телом Иисуса из Назарета, таким, как оно развилось благодаря «Я» Заратустры, пронизавшего астральное тело Иисуса, так что Христос мог воспользоваться им как орудием. Поэтому он слышал слова, так сказать, не как Бог, но лишь как обожествленный человек: «Признай меня, и мои ангелы

будут охранять каждый твой шаг».

Теперь мы должны призвать на помощь то, что я сказал как-то раз в одном цикле лекций, который вышел теперь уже в печатном виде: что еще в эпоху древнего Солнца Люцифер был существом, стоявшим тогда наравне с Христом, почему теперь существо Христа, погрузившееся в человеческое тело, должно было ощущать высокий космический ранг, на котором находился Люцифер и должен был его ощущать равным себе, невзирая на все, что с ним произошло вплоть до того, как он сделался искусителем. Уже поэтому становится понятно, как мог Люцифер обратиться к нему с требованием: «Признай меня». Когда Люцифер говорит что-то в этом роде, в самом деле говорит так, что это оккультными путями изливается в человека, необычайно набухает и раздувается все, что живет в человеческой душе в плане сил высокомерия, гордости. Поэтому здесь нет никакого иного средства (когда наступает наисильнейшее искушение пасть перед лицом чувств высокомерия и затаенной гордыни), кроме как сопротивляться им максимально сосредоточенными силами души.

«Если ты признаешь меня, я отдам тебе все царства, что ты видишь теперь вокруг меня». Это великолепные, необозримые царства, это целые миры, которые Люцифер способен в такой момент распространять вокруг себя. У этих царств имеется лишь одна особенность: то, что желание их обрести можно испытывать лишь на основании оправданного или неоправданного душевного высокомерия. И избавиться можно лишь так, как избавился в тот раз Христос Иисус: увидев это насквозь. Ибо в такой момент ты не чувствуешь ничего кроме высокомерия и гордости, что имеется в человеческой душе; все прочие чувства оказываются парализованными. Однако Христос Иисус избежал этого искушения и изгнал Люцифера от себя прочь.

Затем последовал второй наскок. Теперь они явились на пару. И вновь Христос Иисус изведal ощущения, позволившие ему узнать, кем были эти двое. В нем вновь ожили ощущения, возникшие у него в связи с двумя фигурами, убежавшими от ессейских ворот, и на пути к Иордану — при появлении в разговоре с отчаявшимся и в связи с фигурой скелета, обернувшегося Архангелом. Он знал, что теперь перед ним два искусителя. К нему было обращено требование, верно передаваемое также и прочими Евангелиями: «Бросься вниз, с тобой ничего не случится!»

При таких искушениях в человеке в колоссальной степени

заявляет о себе одолевающее всякий страх мужество, также способное сделать человека своенравным. И этих двух искушителей Христу Иисусу удалось отразить.

Здесь наступил третий приступ. Он исходил от одного Аримана. Теперь он один стоял перед Христом Иисусом. И здесь наступило искушение, которое может быть выражено исключительно словами прочих Евангелий: «Сделай посредством моей силы, чтобы эти камни стали хлебами».

То, что возможно было возразить на этот ариманов вопрос (здесь дальнейший ход событий в Пятом Евангелии отличается от того, что повествуют прочие Евангелия), Христос Иисус ответить не смог. Вопрос этот отчасти остался без ответа, остался как последний неразрешенный след искушения. Из этого возник импульс, сохранивший действенность для дальнейших переживаний Христа в теле Иисуса из Назарета. Ибо поскольку он не смог полностью ответить на последний вопрос Аримана при искушении в пустыне, это задало связь между Христом Иисусом и теми земными событиями, что имеют отношение к Ариману.

Если вы припомните, что Ариман является господином смерти, как и то, что с помощью той иллюзии, что создается им, когда он распростирает перед душой материальность, душа поддается на иллюзию материального, если вы припомните, что говорилось этим летом о роли Аримана в развитии Земли, вам станет понятно, что деяния Аримана укоренены в развитии Земли. Вот так и случилось, что между не получившим ответа остатком на этот вопрос возникла связь между земным странствием Христа Иисуса и развитием Земли в целом. Вследствие этого оставшегося без ответа вопроса Христос Иисус оказался словно бы связанным с развитием Земли, постольку поскольку Ариман — неотъемлемый его участник.

Зачастую приходится именовать вещи банальными словами, хотя сами они далеко не банальны. Ариман все делает таким, что оно является в материальности и в ней же и пребывает. Но тем самым, вследствие того, что он производит такую манипуляцию, такое событие, чтобы Христос Иисус превратил камни в хлеб, делается невозможным. Как раз аримановы действия этому и препятствуют. Это то же самое явление, которым обуславливается то, что определенные ступени, связанные с развитием Земли, поскольку они зависят от Аримана, могут быть преодолены лишь в ходе всего временного цикла и полного вохристовления земной эволюции.

То, что говорится в космическом «Отче наш»: «Чужое прегрешение — самости вина Переживается в насущном хлебе», находит выражение в ариманических силах, про которое в том же «Отче наш» сказано: «В котором нет воли Неба», но воля Аримана, которую таким образом необходимо преодолевать в рамках земной закономерности, а чисто духовными средствами с ней ничего не поделаешь. Эти вещи связаны с тем самым насущным хлебом. В мире внешней социальности это выражается в том, что мы и в самом деле нуждаемся в материальном в форме денег, мамоны, самого грубого символа ариманического порабощения, что, далее, препятствует тому, чтобы в социальной жизни камни могли превращаться в хлеб и обуславливает необходимость привязанности человека на Земле к ариманическому, к материальному.

Вам следует самостоятельно продумать эти идеи до конца: как требование «преврати камни в хлеб» связано с ролью денег в деятельности общества. И вот, поскольку власть Аримана сохранила таким образом связь с земным странствием Христа Иисуса, потому-то Ариман и оказался в состоянии пробраться в душу Иуды, а окольным путем через Иуду — привести к прочим описанным в других Евангелиях событиям, которые кружным путем через Иуду дали преследователям возможность опознать Христа Иисуса. По сути, это Ариман в Иуде сделал возможной смерть Христа, а то, что он был на это способен, связано с не получившим полного ответа вопросом при искушении.

Вот что, однако, необходимо учитывать, чтобы до конца понять все земное странствие Христа Иисуса. Существо Христа вселилось в три тела, однако не так, чтобы это «Я» Христа сразу же оказалось так же связано с этими тремя телами, как связано с ними человеческое «Я». В начале трехлетнего земного странствия существо Христа было лишь слабо связано с тремя телами Иисуса, но далее оно обосновывалось в них все основательнее. В этом-то и состояло развитие на протяжении трех лет, что существо Христа, поначалу пронизывавшее сущность Иисуса лишь наподобие ауры, постепенно все сильнее вживалось в три тела. Вместиться в них с той же неразрывностью, что и человеческому «Я», существу Христа удалось лишь незадолго перед смертью на кресте. Однако на протяжении всех трех лет это втискивание было непрерывным мучительным ощущением. Процесс полного вочеловечивания, продолжавшийся три года и приведший к Мистерии Голгофы,

как раз и был этим втискиванием в три тела — то была мука Бога, которую следовало ощутить на Земле, дабы могло случиться то, что было необходимо для вливания импульса Христа в развитие Земли. К тому, что я рассказывал о боли и страданиях Иисуса в молодости, должно было прибавиться еще и это.

Заговаривая о «боли Бога», сегодня вполне возможно натолкнуться на непонимание. К примеру, Метерлинк, который произнес столько прекрасных вещей в своей теперь уже несомненно становящейся прославленной книге «О смерти», и который неизменно стремится к тому, чтобы с помощью находящихся в его распоряжении средств пояснить предметы духовной жизни, этот же самый Метерлинк удосужился сказать, что лишенная тела душа неспособна испытывать боль: боль, якобы, может ощущать лишь смертное тело. Это просто венец абсурда, поскольку тело не испытывает никакой боли, не больше какого-нибудь камня. Боль испытывает астральное тело, пребывающее с «Я» в физическом теле. Но кроме этого существуют еще и душевные боли, так что со смертью боли не прекращаются. Единственно, что они больше не могут вызываться нарушениями в физическом теле, но для самой души им прекращаться вовсе не обязательно.

То, что происходило здесь при вхождении существа Христа в три тела Иисуса, доставляло Христу мучительнейшую боль. Человечество постепенно придет к необходимости понять, что и на самом деле для того, чтобы начиная с Голгофы и впредь развитие Земли продолжалось дальше, существо Христа должно было влиться через боль в земную ауру, и человечество должно ощутить, что его собственная судьба связана с этой болью Христа. Связь человечества с болью Христа должна становиться все конкретнее. Лишь тогда мы сможем понять, как именно, начиная с Мистерии Голгофы, эта боль продолжала свое действие в земной ауре через силы омоложения.

Все более глубокое понимание Мистерии Голгофы делается задачей прогрессивного духовного развития. Впрочем, многое из того, что играет значительную роль в современной культуре, должно быть преодолено. Что касается понимания христианства, как раз теперь мы пребываем в кризисе, в настоящем кризисе. Разумеется, я говорю здесь вовсе не о том, что может быть произнесено по поводу христианства тем или иным признанным теологом. Я хотел бы лишь обратить внимание на самые элементарные

проявления непонимания, Характерные для современности. На одном из тех собраний 1910 года, на которых говорилось об историческом Христе, один непрестанно поминаемый теолог, желая доказать, что слова учения Христа Иисуса — это лишь обобщение учений, существовавших уже прежде, сказал: «Буду вам благодарен, если вы укажете мне среди высказываний Иисуса Христа хоть одну фразу, которая бы в той или иной форме не существовала уже прежде». Если в наши дни либеральный ученый теолог окажется в состоянии доказать то, что утверждал тот, наши современники увидят в нем великого человека, ибо насколько же убедительно должно подействовать то, что человек в самом деле может доказать, что все высказывания Христа уже были ранее произнесены другими, так что ничего нового в них нет. Но тому, кто зрит в корень, такое утверждение представляется в ином свете. Представим, что Гёте сочинил стихотворение, оно еще не записано, а только прочитано вслух, и услышавший его ребенок воскликнул: «Но это же все слова, которые я уже слышал!» Напоминает ребенка такой теолог, который не слышит ничего кроме того, что уже ему известно, и не замечает того, что имеет здесь значение, ибо это настолько же выше отдельных высказываний, уже существовавших прежде, как стихотворение Гёте — выше отдельных слов, уже слышанных ребенком. Если люди совершенно не представляют себе, на что, как на главное, следует обратить внимание, и способны думать, что занимаются ныне настоящей теологией, так вот цепляясь за слова, настаивают, что и в самом деле правда, что высказывания уже существовали прежде, все это указывает на то, что в отношении постижения христианства мы пребываем в глубоком кризисе. Отсюда становится понятно, что подлинное понимание Христа может придти лишь тогда, когда отомрет современная теология, представляющая собой официальную инстанцию, надзирающую за пониманием Христа. Вот что здесь важнее всего: чтобы мы научились вчувствоваться во все величие событий, разыгрывавшихся на Голгофе.

Другое важное обстоятельство указывает нам хроника Акаши. Именно, поскольку существо Христа не сразу тесно связалось с телами Иисуса, но поначалу связь была лишь слабой и поверхностной, то первое время могло происходить следующее. Подчас существо Христа бывало поверхностно связано с тремя телами Иисуса из Назарета, и при такой связи пребывало среди учеников и ближайших

приверженцев, говорило с ними. Но иногда внешние оболочки могли находиться в каком угодно месте, а существо Христа могло от них удаляться; в качестве духовного существа оно могло являться там или тут, очень и очень далеко. Многие явления Христа как раз таковы, что ученикам, единоверцам, а также и другим является существо Христа. Между тем как он так вот странствовал с десятью, пятнадцатью или еще большим числом приверженцев, и существо Христа все больше втискивалось в свои тела, тут уже о себе заявило иное явление. Теперь неоднократно оказывалось, что на того или иного из учеников вдруг внезапно находило вдохновение (Inspiration). Тогда его облик менялся, так что уже и со стороны можно было видеть, что у него делалось иное лицо. И когда происходило что-то подобное, и он произносил самые замечательные слова Христа, то здесь изменялся уже и реальный вид Христа Иисуса, так что он смотрелся самым неказистым во всем кружке. Так повторялось снова и снова. Об этом свидетельствует хроника Акаши. Это привело к тому, что преследователи никогда не знали, кто из странствовавшей с места на место толпы был тем, кого они собственно искали, так что существовала опасность, что они схватят не того, кого надо. И тогда тот, кого схватить следовало, ускользнул бы. Потому-то и возникла необходимость в предательстве Иуды. Так, как про него рассказывают обычно, все выглядит не слишком-то разумно. Потому что если вдуматься в ситуацию, поневоле задашь вопросы: для чего понадобился поцелуй Иуды? А необходимость в нем возникла по только что указанной мной причине.

С человечески - земным странствием Христа связано много таинственного, но самое потрясающее обнаруживается, когда вы направляете взор на его смерть. Здесь необходимо сказать то, что я произношу без тени сомнения, поскольку для оккультного познания это установленный факт: что в наиболее важных точках историко-духовных свершений то, что вообще-то течет по отдельности, а именно нравственный и материальный миропорядки, вновь соприкасаются друг с другом. Когда это в наиболее выраженной форме происходило в развитии Земли, как раз и наступила Мистерия Голгофы. Когда Христа пригвоздили к кресту, наступило затемнение, широко распространившееся по тем местам. Пока что из хроники Акаши не удалось установить, отчего оно приключилось и было ли оно земного или же космического происхождения. Но затемнение было, а что

такое затемнение означает, можно, с оккультной точки зрения, наблюдать при солнечном затмении. Я не хочу сказать, что тогда произошло именно затмение Солнца, дело могло быть и в значительном облачном затмении. Но ведь тогда, когда Солнце оказывается затемненным на небе, имеет место нечто совершенно иное, нежели просто ночью. Каково действие такого общего затемнения, можно узнать, например, в случае перекрытия Солнца Луной. При этом во всех живых существах, людях, животных и растениях, имеют место значительные оккультные перемены. Например, меняется вся структура взаимодействия между материальным телом и эфирным телом растения, весь мир, а с ним — и земная аура предстает тогда в совершенно преображенном виде. Последний раз это произвело на меня совершенно потрясающее впечатление, когда мне удалось это наблюдать при солнечном затмении во время краткого цикла лекций, читавшегося в Стокгольме. В самом деле, здесь действительно происходит то, что в том участке земной ауры, где затмение всего сильнее, происходят великие изменения. И сквозь изменившийся таким образом участок земной ауры импульс Христа перетек в развитие Земли, когда Христос Иисус умер на Кресте. Вот что достойно изумления — священное событие затмения на широких пространствах вокруг Креста на Голгофе.

Другое — это то, на что уже было однажды указано в Карлсруэ, и что также значится в напечатанном цикле лекций, читавшихся в Карлсруэ, на что также указывает Пятое Евангелие. Так вот, физическое тело Иисуса из Назарета было словно бы всосано Землей, ибо когда тело положили в гробницу, в самом деле приключилось подобное землетрясению содрогание Земли, связанное еще и с бурей, так что в земле разверзлась трещина, которая и приняла тело в себя. А буря крутилась таким вихрем, что возникло то своеобразное скручивание и положение пелен, как это изображает Евангелие Иоанна. Затем расселина, созданная землетрясением, закрылась, так что тело, естественно, было не отыскать. Ищущие могли только услышать данный им из оккультных областей ответ: «Того, кого вы ищете, больше здесь нет». Подобное приключилось и тогда, когда многие люди в Европе собрались в качестве крестоносцев отыскивать память Христа на Голгофе. Также и им, пускай в недоступной им самим форме, был дан ответ: «Того, кого вы ищете, больше здесь нет». Ибо импульс Христа духовно проходит через души людей, как реальный факт он действует также и

в тех, кто его не понимает. Не следует говорить просто о великом учителе. То, что произошло, действует как факт, придавший дальнейшему развитию человечества великий толчок. Задача подлинно оккультного исследования в этой области будет заключаться в том, чтобы все лучше научиться отыскивать Христа как-то иначе, чтобы не получать неизбежного ответа: «Того, кого вы ищете, больше здесь нет». Но когда мы захотим отыскивать его все более духовно, мы сможем найти истинный, соответствующий действительности ответ.

Вот что хотел я вам сегодня рассказать, и в этих моих сообщениях, думается мне, в противоположность абстракциям теологов, просматривается куда большая основательность в смысле изображения Мистерии Голгофы. Так, как предстают эти факты в хронике Акаши, они позволяют убедиться в том, что в тот момент имело место нечто наиважнейшее.

Оккультный исследователь убежден в следующем. Если когда-нибудь людские сердца, несколько сменив направление в сравнении с прежним, возвысятся над надменностью знания и нелепостью, что господствует ныне в душах, если когда-то сердца смогут проникнуться надлежащей мыслительной способностью, тогда (пускай даже многие будут склонны думать: что общего у мышления с выслушиванием такого рода сообщений?) сердца смогут созреть для того, чтобы действительно понимать также и такие вещи, которые внешне вроде бы ничего общего с мышлением не имеют. Ведь как раз благодаря правильному мышлению души пронизываются подлинным чувством правды, которое не воспринимает преподанное в двух этих лекциях как нечто смехотворное, но стремится перенять все это как тщательно проделанные исследования из хроники Акаши.

МИСТЕРИЯ ГОЛГОФЫ

Первая лекция Кёльн, 17 декабря 1913 года.

В эти вечера — сегодня и завтра — мне предстоит поведать о том, что мы привыкли называть Мистерией Голгофы, и я попытаюсь представить это в несколько иной форме, чем было до сих пор. Я хотел бы отметить, что до сих

пор сообщения о Мистерии Голгофы обладали хотя и оккультным, но все же более оккультно-теоретическим содержанием. Говорилось о сущности и значении Мистерии Голгофы для развития человечества. Что определенным образом она является центральным событием общего развития человечества на Земле и поскольку она является центральным событием, для постижения этого давался материал мышлению, который полностью исчерпался из источников оккультного исследования. Этим некоторым образом были вскрыты те мыслительные источники, которые как бы излучаются от Мистерии Голгофы, расходятся дальше и оживают в нашем земном развитии. В том, что живет в развитии человечества на Земле, может быть найдено (если это будет охвачено видящим взором) значение Мистерии Голгофы.

Теперь же мне надлежит ближе подойти к тому, что позволяет конкретно высказаться о событиях, которые разыгрались в начале нашего летосчисления. Мне надо будет говорить о событиях, которые с силой излучили то, что живет дальше в земной ауре и что может быть наблюдаемо оккультно. Завтра я скажу немного о причинах того, почему в антропософских кругах именно теперь, в этот период времени, должны быть рассмотрены эти вещи. Сегодня же я попытаюсь несколько коснуться того, что в начале нашего летосчисления произошло в Палестине. И я надеюсь, что событие Голгофы, как оно было характеризовано больше в форме идей, не потерпит в ваших сердцах, в ваших душах ущерба от того, что мы взглянем один раз прямо, как бы конкретно обратим наш взор на то, что тогда разыгралось.

Уже в рассмотрении Евангелия от Луки и в серии лекций о так называемом Евангелии от Матфея я затронул некоторые существенные моменты из области, которая здесь имеется в виду: речь идет о том, что в начале нашего летосчисления приблизительно одновременно были рождены два мальчика Иисуса. И я отметил, что оба мальчика Иисуса, рожденные в то время, очень сильно различались между собой своим характером и способностями. Один из мальчиков Иисусов, описание, которого еще словно просвечивает в так называемом Евангелии от Матфея, происходит из соломоновой линии дома Давида, в нем жила душа или «Я» того, кого мы знаем как Заратустру.

Останавливаясь на такой инкарнации, мы должны особенно уяснить себе одно: когда вновь воплощается даже такая высокая индивидуальность какой был Заратустра —

именно в то время, когда он родился Иисусом, — эта индивидуальность в детском или юношеском возрасте отнюдь не должна знать, что она является этой индивидуальностью. Нет необходимости в наличии сознания, которое могло бы быть выражено в словах: «Я есмь такой-то», — этого нет. Но налицо в подобном случае то, что рано проявляется все значение (которое затем обуславливает всю основную структуру характера данного ребенка) тех повышенных способностей, которые получает душа человека благодаря тому, что прошла через такую инкарнацию. Так у соломонова мальчика Иисуса, назову его так, в котором живет «Я» Заратустры, есть высокие способности, и это характерно: он снабжен такими способностями, которые дают ему возможность легко проникать в окружающие его достижения того, что в своём культурном продвижении человечество завоевало себе на Земле. В окружении же такого ребенка, и особенно тогда, вся культура человечества жила в словах, жестах, поступках, — короче: во всем, что можно слышать и видеть. Обыкновенный ребенок мало принимает из того, что он видит и слышит. Тот же мальчик с большой внутренней гениальностью вбирал в себя даже из самых скудных намеков то, что изживалось в них как достижение человечества; короче, он показывал себя в высшей степени одаренным ко всему, что произвело до тех пор человечество и что обычно усваивается школьным путем. Такого мальчика сегодня назвали бы «высоко одаренным мальчиком». Таков был соломонов мальчик Иисус. Вплоть до своего двенадцатого года он быстро усваивал то, чему мог научиться от своего окружения.

Совсем в ином роде был другой мальчик Иисус, характер которого чуть брезжит, больше не скажешь, сквозь описания Евангелия от Луки. Он происходил из натановой линии дома Давида. Он был как раз неособенно одарен к тому, что можно было изучать внешним образом. До своего двенадцатого года он не проявлял никакого интереса к чему бы то ни было из достижений человеческой культуры, усваиваемых школьным путем. Но зато с раннего детства он проявлял в высшей степени то, что можно было бы отметить как «гениальность сердца»: сочувствие ко всякой человеческой радости, ко всякому человеческому страданию. Совсем особенно проявлял он свою гениальность в том, что он меньше жил в себе, мог меньше проявить сноровку, которую обычно усваиваешь себе на Земле, но с раннего детства он чувствовал чужое страданье, чужую радость как свое

собственное страдание и свою собственную радость, мог переносить себя в души других людей. Это он проявлял в высочайшей степени.

Исключительно различны между собой оба мальчика Иисуса, какими они предстают наблюдению в Акаша хронике. По достижении обоими мальчиками двенадцатого года жизни наступило событие, которое я уже часто характеризовал: при паломничестве в Иерусалим, которое совершали родители с натановым Иисусом, «Я» Заратустры, которое до сих пор пребывало в соломоновом мальчике Иисусе, покинуло его тело и перешло в телесные оболочки натанова мальчика Иисуса. Поэтому произошло то, что все, что усвоило себе это царственное «Я», смогло теперь действовать в душе другого, натанова мальчика Иисуса, который со всей силой Заратустры — но, не зная этого — смог выступить теперь среди ученых книжников, уча и вызывая удивление, как это описывает Евангелие. Я указывал также, что другой, соломонов мальчик Иисус, от которого отступило «Я», стал очень быстро увядать и спустя сравнительно короткое время умер.

Необходимо отметить, что для человека, который отдает, как это описано теперь с соломоновым мальчиком Иисусом, свое «я», отнюдь не сразу прекращается возможность жизни. Как шар как бы собственной внутренней силой продолжает некоторое время катиться дальше, так продолжает такое существо жить некоторое время живущей в нем силой; и для того, кто не умеет тонко наблюдать людские души, различие между душой, предстающей еще во владении своим «я», и такой, которая свое «я» потеряла, отнюдь не велико, потому что в обычной жизни души непосредственное вершение в ней «я» не так сильно. То, что мы испытываем от встречи с человеком, то, что мы замечаем в нем, это в самой малой степени является откровением «я», это — откровение «я» через астральное тело. Астральное же тело этот другой мальчик Иисус сохранил; и лишь тот, кто способен тщательно различать, а это нелегко, прежние ли привычки, прежние ли мысли продолжают свое действие в душе или же и впредь ею еще вбирается новое, лишь тот может благодаря этому заметить присутствует ли еще «я» или нет. Начинается увядание, своего рода отмирание, усыхание; и так это было с этим мальчиком Иисусом.

В силу определенного кармического стечения обстоятельств вскоре после перехода «Я» Заратустры в другого мальчика Иисуса умерла физическая мать натанова

мальчика, а также отец соломонова Иисуса, и из отца натанова и матери соломонова мальчика Иисуса образовалась супружеская пара. У натанова мальчика - Иисуса не было ни сестер, ни братьев, и сводные сестры и братья, которых он приобрел теперь, приходились сестрами и братьями именно соломонову мальчику Иисусу. Из двух семей образовалась одна, которая впредь жила в местечке, называемом потом Назаретом. Таким образом, говоря теперь о натановом мальчике Иисусе, в которого перешло «Я» Заратустры, мы пользуемся выражением: Иисус из Назарета.

Так же и здесь я хотел бы сегодня рассказать немного о юношеской жизни этого Иисуса из Назарета, как она может быть исследована сообразно Акаша хронике, чтобы мы смогли это использовать для понимания определенного значительного исторического момента земного развития, который затем подготовил Мистерию Голгофы, говорить о которой мы будем еще и завтра.

Жизнь Иисуса из Назарета разыгрывается в трех для высшего зрения отчетливо одна от другой отличающихся фазах. Уже в беседах с учеными книжниками проявилось, что на двенадцатом году жизни благодаря переходу в него «Я» Заратустры в нем ожила внутренняя сила к просветлению, к принятию просветления и к сочетанию последнего с тем, что как способность жило в душе Заратустры. И если уже проявилось, что в этой душе была огромная сила внутреннего переживания, то теперь в подрастающем Иисусе от его двенадцатого по семнадцатый и восемнадцатый год жизни можно заметить, что, подымаясь из глубин души, внутренние просветления становятся все богаче и богаче и что теперь это главным образом просветления, которые имеют отношение ко всему развитию древнееврейского и вообще еврейского народа.

Иисус из Назарета был включен в еврейский народ, но в еврейском народе совершенно не воспринималось больше величие того, что как непосредственные Мировые тайны некогда, в древние времена пророков, было дано этому народу. Много унаследовалось от старых откровений пророков, но давно угасли первичные способности непосредственно из духовных миров извлекать духовные тайны. Их брали из надежных писаний. Были, конечно, единичные примеры, как, например, пользовавшийся известностью Гиллель, которые благодаря своему индивидуальному развитию были способны еще немного внимать тому, что было возвещено древним пророкам. Но в

этих немногих людях была далеко уже не та сила, которая существовала на заре развития еврейского народа во времена откровений. Ясно сказывалось нисходящее духовное развитие этого еврейского народа. Но то, что было некогда, что было дано откровениями времен пророков, это всплывало теперь как бы из глубин души Иисуса из Назарета как внутреннее просветление.

Я хочу обратить ваше внимание не столько на тот исторический факт, что силой внутреннего просветления в единичном человеке вновь всплывало, что некогда во времена пророков было откровением, сколько мне хотелось бы обратить ваши ощущения на значение того, что сравнительно молодая душа, душа тринадцатичетырнадцатилетнего Иисуса из Назарета в бесконечном одиночестве чувствует в себе восхождение откровения, восхождения которого люди в его окружении больше не чувствовали, и которым в слабом отблеске и в крайнем случае обладали лишь лучшие. Перенесите ваши ощущения в жизнь такой души, которая одиноко пребывает наедине с величайшим человечества и оцените тот факт, что Мистерия Голгофы должна была быть подготовлена тем, что в душе Иисуса из Назарета должны были сосредоточиться эти одинокие чувства и одинокие ощущения. Когда стоишь, таким образом, словно на душевном острове с чем-то, что — как он, уже с детских лет мог чувствовавший сообща со всеми людьми, хотел бы сделать общим достоянием всех людей, но — общим достоянием сделать не можешь, потому, что души спустились на уровень, на котором они этого больше воспринять не могут, когда ощущаешь, как в скорби и страдании должен знать нечто, что другие вместить не могут, но когда так хотелось бы, чтобы это жило и в их душах, — тогда подготавливаешь себя к миссии. К этому подготавливался и Иисус из Назарета. Основную настроенность, основной оттенок обрела его душа из того, что все вновь он должен был говорить себе: «Ко мне звучит голос из духовного мира. Если бы человечество могло его слышать, это послужило бы ему на бесконечное благо. В старые времена были люди, которые могли внимать ему. Но теперь больше нет для него слуха». Это страдание — страдание от одиночества — все более и более проникало в его душу.

Такова была душевная жизнь Иисуса из Назарета приблизительно между его двенадцатым и восемнадцатым годом жизни. Поэтому он оставался непонятым своим

родным по крови отцом и своей приемной матерью, со стороны же сводных сестер и братьев не только непонятым, но часто осмеянным и принимаемым за полубезумного. Он прилежно работал в столярным ремесле своего отца. Но во время работы в его душе жили ощущения, о которых я сейчас рассказал. Затем в восемнадцать лет он ушел странствовать. Работая в различных семьях, у различных ремесленников своего профиля, он исходил Палестину, а также расположенные вокруг языческие селения. Он был ведом так своей кармой. Для всех, в чей круг он вступал, странствуя таким образом по Палестине, проявлялась своеобразность его натуры. Днем он работал, вечерами сидел вместе с людьми. И люди, с которыми он сидел — это был период приблизительно от девятнадцати до двадцати двух лет, — находясь вместе с ним, чувствовали (они не всегда это ясно осознавали, но отчетливо чувствовали), что здесь среди них находится человек совсем особого склада, что такого они никогда еще не видали; более того, они не могли себе и представить, что такой мог существовать. Они не могли найти к нему подхода.

Если хочешь это понять, надо принять во внимание, одно то, что вообще должно быть принято во внимание, если действительно хочешь проникнуть в различные тайны эволюции человечества: подобные переживания, на которые я указал в молодом Иисусе из Назарета, вызывают в душе глубочайшее страдание. Но страдание это претворяется в любовь. И много высочайшей любви, вершащей в жизни, есть претворенное страдание этого рода. Глубочайшее страдание обладает способностью претворяться в любовь, которая действует не просто как обычная любовь, просто бытием любящего существа, а как любовь, которая излучает действенные как бы в дали аурические лучи. Так что люди, среди которых пребывал Иисус в это время, понимали, что в их среде находится кто-то, кто гораздо больше, чем просто человек. И когда он покидал данное место, это действовало так, что люди, вновь собираясь вечером вместе, действительно имели чувство его присутствия. Они ощущали, будто он еще был тут. И когда он уже давно покинул местность происходило так, что люди, сидя вечером за столом, сообща переживали общее видение. Они видели его выступающим в духовном облике. Каждый в отдельности сопереживал видение, что Иисус опять пришел к ним, что он снова говорит с ними, сообщает им нечто как некогда, когда он присутствовал телесно. Так жил он видимым образом

среди людей, уже давно уйдя от них. Именно претворенное в любовь страдание делало его столь действенным. Благодаря этому люди, у которых он бывал, чувствовали себя особенно связанными с ним, они, собственно, никогда больше не чувствовали себя разлученными с ним: они чувствовали, что он остался здесь и все вновь заходит к ним.

Он странствовал не только по областям Палестины, но его карма повела его (говорить обстоятельно о частностях, почему карма вела его так, завело бы сегодня слишком далеко) также и в языческие местности. Он пришел туда после того, как испытал нисходящее развитие в иудействе. И теперь он увидел, что в культовых деяниях язычников, что в языческих религиозных обрядах также, как и в иудействе, вымерло то, что некогда жило в этом древнем язычестве как праоткровение. Так должен он был пережить вторую фазу нисхождения человечества с бывшей некогда духовной высоты. Но в другом роде, чем в иудействе, надлежало ему воспринять это нисхождение язычества. Переживание нисхождения иудейства было более внутреннего порядка, полученное путем внутреннего просветления. Там он видел, что откровения духовного мира, которые некогда возвещались через древних пророков, прекратились, потому что не было больше уха, чтобы внимать им.

Что же касается язычества, то это ему стало ясно в местности, где особенно пришло в упадок древнее языческое богослужение и где упадок язычества проявился также и внешним знаменьем. В местности, куда он теперь пришел, люди были поражены проказой и другими скверными болезнями. Они стали отчасти злонравными или порочными, отчасти расслабленными. Жрецы избегали их и покинули эти места. Его заметили (с быстротой молнии распространилась весть, что пришел некто совсем особенный), потому что уже и в своем внешнем жесте и в своей поступи он достиг того, что являлось как бы преображенным страданием, любовью. Увидели, что пришло существо, какое еще не ходило по Земле. Эта весть переходила из уст в уста, она быстро распространилась среди людей, и чтобы увидеть это сбежались многие; сбежались — рассказываемое мной показывает Акаша хроника, — потому что люди думали, что им ниспослан жрец, который вновь совершит жертвоприношения. Ведь их жрецы сбежали! Он не собирался совершать языческое жертвоприношение. Но теперь словно в оживленных имагинациях пред ним предстала вся загадка нисхождения также и языческой

духовной эпохи. Он мог теперь непосредственно воспринять, что вливалось раньше в тайны языческих мистерий, что жило в языческих мистериях: это были силы высоких духовных существ, нисходившие на жертвенные алтари. Теперь же вместо сил добрых духов вниз на священные алтари устремлялись различные демоны, посланники Люцифера и Аримана. Не через внутреннее просветление как в иудействе, но будто во внешних видениях воспринял он упадок языческой духовной жизни.

Нечто иное, нечто совсем иное — знакомиться с вещами, так сказать, только теоретически, и — созерцать, как на жертвенный алтарь, на который некогда струились божественно-духовные силы, теперь спускались демоны, вызывающие ненормальные душевные состояния, болезни и тому подобное. Смотреть на это в духовном созерцании есть нечто иное, чем знать об этом теоретически. Иисус же из Назарета должен был познать это в непосредственном духовном созерцании, должен был увидеть, как действовали посланники Люцифера и Аримана, должен был увидеть, что они произвели в народе. И внезапно он упал как мертвый. Люди в страхе обратились в бегство. Ему же в этом состоянии одухотворенности, как бы отвлеченности в духовный мир вскрылось то, что некогда как праоткровение давалось язычникам. И так же как он воспринял сообщенные древним пророкам тайны, жизнь которых теперь не больше, чем тень осеняла еще иудейскую культуру, так силой духовной инспирации он смог теперь внять, каким образом эти тайны были возвещены язычникам.

Глубочайшее впечатление произвело на него то, что я попытался исследовать и в первый раз сообщил по случаю закладки Камня Основы нашего здания в Дорнахе. Это можно было бы назвать «обратным Отче наш», потому что это было как бы обратной последовательностью того, что является субстанциональным содержанием молитвы, приписанной Христу Иисусу его учениками. Иисус из Назарета воспринял теперь нечто как «обратное Отче наш», так что он смог почувствовать, что в этих словах как бы сжата тайна человеческого становления и включенность в земные инкарнации:

Аминь,
Зла вершат,
Свидетели высвобождающегося Я,
Со-возвинный с другими

Своесамости долг Переживите
В повседневном хлебе,
В котором не вершит воля неба,
В котором человек расстался с вашим царством
И забыл ваши имена,
Вы, отцы на небесах.

Переданное словами, это есть нечто, что выражает законы воплощающегося человека, который из макрокосмоса вступает в микрокосмос. С тех пор как мне стали известны эти слова, я нашел, что они являются чрезвычайно значительной медитативной формулой. Они обладают совершенно необыкновенной силой над душой, и силу этих слов замечаешь тем сильнее, чем больше их рассматриваешь. Затем, когда ищешь их понимания, то видишь, что в них действительно сжата тайна человека и судьбы человечества, и как из обращения этих слов от конца к началу могло возникнуть микрокосмическое «Отче наш», которое затем возвестил Христос своим последователям.

Но не только эту тайну языческого праоткровения воспринял Иисус: когда после видения он пришел в себя, то благодаря бегущим людям и демонам он смог познать всю тайну язычества вообще. Это было второе безмерное страдание, погрузившееся в его душу. В значительных переживаниях он постиг сначала упадок иудейства, постиг через познание того, что было открыто некогда еще не павшему иудейству. Теперь подобное он познал и у язычников. Так надлежало ему завоевывать себе сознание того, каким образом в его окружении человечество должно было жить в смысле слов, что «есть уши у них, но мировым тайнам они внимать не могут». Так должен он был расширить в себе до бескрайности сочувствие, которое всегда испытывал к людям и которое может быть выражено в следующих словах: «Теперь он мог созерцать. Человечество должно получить содержание его созерцания, но где найти тех, кто сообщит это человечеству?»

Через такие испытания он должен был проходить приблизительно до своего двадцатичетырехлетнего возраста.

Затем карма повела его домой, в то время, когда умер его отец. Он остался вместе со своими сводными сестрами и братьями и со своей приемной матерью. В то время как раньше приемная мать мало понимала его, теперь она проникается все большим сочувствием к тому, что он нес в себе как собственное большое страдание. Затем следовали

дальнейшие переживания от двадцать четвертого до двадцать восьмого, двадцать девятого, тридцатого годов, когда он — хотя это и было трудно — все больше и больше встречал понимание своей приемной матери. Одновременно в эти годы он ближе познакомился с орденом ессеев. Сегодня я хотел бы отметить только главные моменты этого знакомства Иисуса с орденом ессеев. Это был орден, в котором соединялись отделившиеся от остального

человечества люди; люди, которые лелеяли особенную жизнь тела и души, чтобы такой жизнью вновь достичь праоткровения духа, которое человечество потеряло.

Путем строгих упражнений и строгого образа жизни эти души в их восхождении должны были достичь той ступени, когда они вновь могли быть приведены к духовным областям, из которых притекали праоткровения.

В этом кругу Иисус из Назарета познакомился и с Иоанном Крестителем, но оба они не были в собственном смысле слова ессеями. На это прямо указывает соответствующая область хроники Акаша. Итак, из приведенного мной вытекает, что появился человек совершенно особенного склада, который чрезвычайно действовал на всякого; он уже подействовал, как я это описал, так необычайно на язычников, но и ессеи — хотя вообще достигнутое их душой они сохраняли как священнейшую тайну, ничего не передавая из этого посторонним — запросто говорили с Иисусом о важных тайнах ордена и о том важном, что в стремлении их душ они завоевали себе. Так познакомился Иисус с современным в то время путем человеческой души для достижения тех высот, на которых некогда пребывали и с которых затем спустились пра-души людей. Да, он мог заметить в ессеях, что путем особых упражнений людям всё еще возможно добраться до этих высот. Но душе его, можно сказать, если в данном случае допустимо такое выражение, было не по себе от того, что такой есей, желая достичь этих высот, должен был отойти от остального человечества и вести жизнь вне круга остальных людей. Это было совершенно не в духе всеобъемлющей любви к человечеству, которую чувствовал Иисус из Назарета и который не мог вынести, чтобы существовало какое-то духовное достояние, которое не должно было бы быть усвоено всем человечеством, а лишь отдельными — за счет всего человечества. И часто уходил он с величайшей скорбью от ессеев. То, что он ощущал при этом, можно выразить словами: «Также и здесь единичные,

лишь немногие могут найти путь обратно к праоткровению; но как раз, когда эти немногие обособляются, другим тем более приходится жить в упадке. Они не могут подняться, потому что им остается исполнение грубой материальной работы для тех, кто обособился».

Когда однажды он вновь выходил из ворот оседлости ордена, он увидел в духе два облика, обращающихся в бегство от ворот. От этих обеих фигур, которые на нашем антропософском языке мы обозначаем теперь как «Люцифер» и «Ариман», он получил впечатление, что защищая себя от них своими упражнениями, своей аскетической жизнью, строгими правилами ордена, ессеи изгоняют их; ведь ничто от Люцифера и Аримана не должно было подступить к их душам. Поэтому Иисус из Назарета увидел Аримана и Люцифера, убегающими прочь. Он узнал теперь, что как раз тем, что создана такая оседлость, куда не подпускались Ариман и Люцифер, где ничего не следовало знать о них, они тем больше стремятся к другим людям, потому что от этих мест они вынуждены бежать. Вот что предстало теперь пред ним. И опять: это действует совсем иначе, когда узнаешь об этом в теории, чем когда видишь работу единичных душ на свое благо, работу, силой которой Люцифер и Ариман отгоняются к другим людям. Теперь он знал, что путь ессеев — не спасительный путь, но что это путь, который через обособление способствует только собственному продвижению за счет остального человечества.

Невыразимое милосердие охватило его. Он не испытал никакой радости от восхождения ессеев, потому что узнал, что чем выше подымались отдельные, тем глубже должны были погружаться другие люди. Все это тем более переживал он, чем чаще видел также и у других врат центров ессеев — таких мест оседлости было много — образ вынужденных обращаться в бегство Люцифера и Аримана, которые останавливались перед вратами и не могли проникнуть в эти центры ордена. Так знал он, что нравы и правила ордена всей структурой ессейских установлений гонят Люцифера и Аримана к другим людям. И это было третьим большим, бесконечным страданием о нисхождении человечества, которое он ощутил и которое таким образом распростерлось над его душой.

Я уже сказал, что его приемная мать все больше понимала то, что жило в его душе. Теперь произошло то, что имело большое значение как подготовка к Мистерии

Голгофы: произошел разговор — так показывает исследование в Акаша хронике — между Иисусом из Назарета и его второй, или приемной матерью. Ее понимание его настолько продвинулось, что он смог сказать ей о своем тройном страдании — в области иудейства, язычества, а также иесейства, — испытанном им в связи с нисхождением человечества. И описывая ей свое одинокое страдание и свои переживания, он видел, что это действовало на ее душу.

Самые величественные впечатления в области оккультного исследования можно получить как раз благодаря знакомству с характером этого разговора. Собственно, во всем развитии Земли трудно найти нечто подобное (я не говорю, нечто «большее», потому что Мистерия Голгофы, конечно, больше, но — нечто подобное). То, что он говорил матери, это были не просто слова в обычном смысле, но словно живые существа они переходили от него к приемной матери, и его душа окрыляла эти слова своей собственной силой. Все, что он так бесконечно сильно выстрадал, как бы помимо слов перешло в ее душу. Его собственное «Я» сопровождало каждое слово, и это не было просто обменом слов или мыслей, это было живым душевным странствованием от него в душу матери, словами его бесконечной любви, а также и его бесконечном страдании. Он смог развернуть перед ней большую картину того, что сам трижды пережил. Все это было усилено еще тем, что постепенно Иисус из Назарета перешел в разговоре на то, что он вынес как итог из своего тройного страдания о нисхождении человечества.

Но здесь действительно трудно облечь в слова то, что он, как бы сводя воедино свои собственные переживания, говорил теперь матери. Но так как мы духовнонаучно подготовлены, то с помощью духовнонаучных формул и выражений можно будет попытаться передать смысл, передать итог этого разговора. Конечно, то, что я сейчас скажу, было высказано не так, но это вызовет приблизительное представление того, что хотел вызвать Иисус в душе приемной матери как представление. .

«Когда смотришь обратно на развитие человечества, то его совокупная жизнь на Земле предстает как отдельная человеческая жизнь; лишь изменяясь за последующие поколения, будучи неосознаваемой ими». Перед душой Иисуса из Назарета, можно сказать, предстала послеатлантическая жизнь человечества: как после великого события природы развилась праиндийская культура, когда

великие святые риши могли внести в человечество необъятные сокровища мудрости. Иными словами, тогда была спиритуальная, духовная культура. «Да», — продолжал он, — «как отдельный человек проходит свой детский возраст между рождением и седьмым годом, когда вершат совсем иные духовные силы, чем в позднейшей жизни человека, так и в этом праиндийском периоде времени действовали эти духовные силы. Так как силы эти вершили тогда не только до седьмого года, а распространялись на всю жизнь, то человечество проходило иную эволюцию, чем позднее. Тогда в течение всей жизни знали то, что сегодня знает и переживает ребенок до седьмого года. В наши дни мышление между седьмым и четырнадцатым, между четырнадцатым и двадцать первым годом жизни стало таким, какое оно есть теперь, потому что детские силы, которые выключаются у нас теперь на седьмом году жизни, утеряны. И так как в то время силы, действующие теперь до седьмого года, были разлиты на всю жизнь, то люди первой послеатлантической эпохи были ясновидящи, поднимаясь с помощью этих сил выше. Да, это была золотая эпоха развития человечества. Затем пришел другой период времени, когда во всем человечестве стали деятельными, распространенными на всю жизнь человека те силы, которые действуют лишь между седьмым и четырнадцатым годом жизни. Затем наступила третья эпоха, когда деятельными стали силы, которые теперь действуют между четырнадцатым и двадцать первым годом. А теперь мы живем в эпохе, когда над всей жизнью человечества разлиты силы, которые действуют между двадцать первым и двадцать восьмым годом. Здесь мы уже приближаемся», — так говорил Иисус из Назарета, — «к середине человеческой жизни, к тридцати годам, когда для единичного человека прекращается восхождение сил юности, когда он начинает свое нисхождение. Здесь у нас тот период времени, который соответствует годам жизни отдельного человека от двадцати восьми до тридцати пяти лет, когда человек начинает свое жизненное нисхождение. В то время как у единичного человека есть в наличии еще другие силы, позволяющие ему жить дальше, в совокупном человечестве их больше нет. В этом и состоит большое горе, что человечество должно стареть, его молодость уже прошла, когда оно вступает в возраст между двадцать восьмым и тридцать пятым годом жизни. Откуда прийти новым силам? Силы юности исчерпаны!»

Говоря так своей приемной матери, Иисус словно выразил

запечатленность невыразимой скорби в самой жизни развивающегося человечества, но было видно, как безнадежно, совсем безнадежно обстояло теперь с человечеством. Силы молодости исчерпаны, человечеству остается идти навстречу старости. Единичный человек, это знал он, живет благодаря остатку сил дальше от тридцать пятого года до смерти. У человечества не было подобного, в него должно было вступить нечто, то, что единичной жизни человека необходимо между двадцать восьмым и тридцать пятым годом жизни. Макрокосмически должна просветиться Земля силой, которой в данном случае должен быть просветлен человек, когда он проходит свой жизненный путь между двадцать восьмым и тридцать четвертым годом жизни. Ощущение того, что человечество стремится к старости, эту мысль, видишь теперь в Акаша хронике, чувствуешь в словах Иисуса из Назарета.

И пока он так говорил матери, пока, так сказать, из его слов говорил смысл развития человечества, в определенное мгновение, когда как бы все, что было в его самосущности перелилось в его слова, он осознал, что с ними нечто ушло от его собственного существа, потому что его слова стали тем, чем был он сам. В этот момент в душу его приемной или второй матери излилось то душевное существо, которое жило в его родной матери, которая умерла после перехода его «Я» в тело другого мальчика Иисуса и с двенадцатого года жизни Иисуса жила в духовных областях. С этого момента она могла одухотворять душу приемной матери, так что последняя жила теперь с душой родной матери натанова Иисуса.

Иисус же из Назарета столь интенсивно связал себя самого со словами, в которых он запечатлел всю свою скорбь о человечестве, что его «Я» словно исчезло из его телесных оболочек и его телесные оболочки теперь снова стали такими, какими были, когда он был маленьким мальчиком, но теперь они были проникнуты всем, что он выстрадал, начиная от своего двенадцатого года. «Я» Заратустры ушло и в трех его оболочках жило только то, что осталось в них мощью истекших переживаний. В этих трех оболочках теперь проявился импульс, направивший его к Иоанну Крестителю на Иордан. Слово в своего рода сне, который опять-таки не был сном, а высшим сознанием, следовал он на Иордан и вместе с ним были лишь три оболочки, одухотворенные и наполненные следствиями всех переживаний, постигших его, начиная с двенадцатого года. «Я» Заратустры ушло. Три оболочки вели его так, что он едва воспринимал свое

окружение. Он жил, именно потому что «Я» ушло, полностью погруженным в созерцание судеб людей, а также и того, чего людям не хватало.

Когда он шел к Иоанну Крестителю на Иордан, то встретил на пути двух ессеев, с которыми часто беседовал. В его теперешнем состоянии он не узнал обоих ессеев, ибо его «Я» было словно восхищенным. Они же узнали его и поэтому обратились к нему: «Куда ведет тебя твой путь, Иисус Назарей?» То, что он им ответил, я попытался облечь в слова. Он произносил слова так, что ессеи не знали, откуда они шли; они шли из него и не из него: «Туда, куда не хотят смотреть души вашего рода, где страдание человечества может найти лучи забытого света».

Таковы были слова, исходившие от него. Они не поняли его речи; теперь они заметили, что он их не узнал. И продолжали: «Разве ты нас не знаешь, Иисус из Назарета?» И теперь явились еще более странные слова. Было так, как если бы он им сказал: «Вы как заблудшие овцы, я же был пастыря сын, от которого вы бежали. Если вы меня верно познаете, то скоро снова убежите. Уже давно вы бежали от меня в мир».

Ессеи не знали, что им надлежит думать о нем, ибо, когда он говорил так, глаза его отражали что-то совсем особенное. Они казались смотрящими во вне и во внутрь. Эти глаза выражали укор душам собеседников. Через эти глаза струилось нечто словно от кроткой любви, но от любви, которая была к упреку ессеям, упреку, который подымался из их собственной души. Так приблизительно можно характеризовать то, что ощутили ессеи, когда они теперь слышали: «Что вы за души? Где ваш мир? Зачем вы покрываете себя покрывалами обмана? Зачем во внутреннем у вас горит огонь, не в доме моего отца возженный?» И, словно умолкли их души при этих словах, он же говорил дальше: «Вы несете на себе знак искуителя, он поразил вас после вашего бегства. Своим огнем он нанес на вашу шерсть блеск лицемерия. Волосы этой шерсти колят мой взор. Вы, заблудшие овцы! Он пропитал ваши души, высокомерием».

Когда он произнес слова «блестящей лицемерием стала ваша шерсть, волосы этой шерсти колят мой взор», — то один из ессеев возразил: «Не указали ли мы на дверь искуителю? Нет больше его части на нас». Когда ессей произнес это, Иисус продолжал дальше: «Да, вы указали ему на дверь, он же, бежав, пришел к другим людям; он подступает к ним со всех сторон. Вы не подымаетесь, если вы снижаете других.

Вам лишь кажется, что вы восходите, потому что вы допускаете умаление других!

Вы остаетесь на той же высоте, где находились, и лишь умалая других, вы мните себя большими».

Иисус из Назарета говорил так, что ессеям запомнилось это. Высказанное им подействовало на них настолько удручающе, что зрение их погасло; их взор затмился, и Иисус из Назарета словно исчез из их глаз. И тогда, когда он словно ускользнул из поля их зрения, они будто издали увидели его лик, но увеличенным до исполинских размеров, как фата-моргана, далеко-далеко вдали и как бы звуча из этой фата-морганы шли слова, которые они ощутили: «Тщетно ваше стремление, ибо пусто ваше сердце, которое вы исполнили лишь духом, обманчиво таящим гордость в оболочках смирения».

Затем исчезла и эта фата-моргана, они же остались стоять подавленные и потерянные. Когда вновь вернулось им зрение, они увидели, что пока перед ними было видение, он уже прошел часть пути дальше. Им ничего не оставалось, как только осознать, что он уже прошел часть пути дальше. Подавленные, пошли они затем в свое ессейское убежище и никогда не рассказывали о том, что пережили, но молчали об этом в течение своей жизни. Этим, конечно, в своей душе они стали самыми глубокими среди братьев, но они умолкли, став братьями-молчальниками, говорящими лишь самое необходимое для повседневного взаимопонимания. Их братья не знали, почему так изменилось их существо. До самой смерти не выдали они ничего из того, что восприняли, почему и сопережили совершенно особенным образом то, что разыгралось как Мистерия Голгофы. Для остальных же пережитое ими было словно недоступно для восприятия.

Пройдя еще часть пути, Иисус встретил человека, душа которого несла в себе глубокое отчаянье. Но, как сказано, Иисус был словно восхищен из земных соотношений, так что он не постигал, что некий человек приближается к нему. Тем более глубокое впечатление произвело его существо на этого человека, отчаяние которого отражалось в его облике печатью самого глубокого страдания. Мощное впечатление получила эта душа при взгляде на Иисуса из Назарета, когда он подошел. Слова, исторгнутые Иисусом приблизительно могут быть высказаны так: «К чему привел путь твоей души? Я видел тебя много тысяч лет тому назад; ты был другим в то время!»

Все это отчаявшийся человек услышал словно высказанным самим явлением Иисуса из Назарета. С одной стороны, словно понуждаемый этими словами и влекомый душевной потребностью высказаться, с другой — самому найти ответ для своей судьбы, отчаявшийся сказал: «В своей жизни я достиг высоких званий; я всегда учился; благодаря усвоенному все выше и выше подымался я над окружающими меня людьми. Всякое достижение делало меня все более гордым и часто говорил я себе: какой ты все же редкий человек, тебе удалось так блестяще вознестись над другими людьми! Я чувствовал цену своей души, которая должна была быть ценнее душ других людей. Мое высокомерие возростало со всяким новым отличием. И вот, однажды я увидел сон. Ах, как ужасен был этот сон! Я не только видел сон, но пока он мне снился, моя душа была исполнена стыда. Потому что я стыдился видеть подобное во сне. Я был в жизни так горд! Теперь же мне снилось то, чего я никогда не желал бы видеть и во сне, но во сне оно мне казалось верным. Мне снилось, что я задал себе вопрос: «Кто так возвеличил меня?» И тут предо мной предстало существо, которое сказало: «Ты поднят мною, ты велик благодаря мне, но за это ты и принадлежишь мне!» В этом я почувствовал глубочайший позор: я получил теперь откровение, что я не есмь избранная душа, поднявшаяся собственной силой; другое существо возвеличило меня. Я обратился в бегство во сне. Проснувшись, я действительно обратился в бегство, оставив чины и достижения. Я не знал, что я искал, и так — беглецом перед собой и перед тем, чего я достиг — я уже давно брожу в мире, стыдясь всего, что некогда думал в своем высокомерии».

Когда отчаявшийся человек произнес эти слова, существо, которое говорило к нему во сне, вновь стояло пред ним, между ним и Иисусом из Назарета. Это существо из сновидения заслонило собой облик Иисуса из Назарета. И когда сновидческий образ вновь рассеялся, словно разошелся в туман, то Иисус уже прошел часть пути дальше. Осмотревшись, отчаявшийся увидел его уже в отдалении. И ему только оставалось в своем отчаянии идти своим путем дальше.

После этого Иисусу из Назарета повстречался прокаженный, проказа и страдание которого уже достигли наивысшего предела. Ощущения этой души, вызвали в существе Иисуса из Назарета слова, которые услышал прокаженный. Опять это были слова: «К чему привел путь

твоей души? Я видел тебя много тысячелетий тому назад; ты был другим тогда!»

Слова эти вызвали прокаженного к речи; опять-таки похожим образом как перед этим был вызван к речи отчаявшийся. Прокаженный сказал: «Я не знаю, как я заболел; болезнь постепенно подступала ко мне и люди перестали меня терпеть в их среде. Я должен был удалиться в глушь и едва вымаливал под дверями подачки, которые мне бросали люди. Однажды ночью я приблизился к густому лесу. Я увидел как бы выступающее навстречу мне из прогалины самосветящееся, мерцающее дерево. У меня была потребность подойти поближе к этому светящемуся, мерцающему мне навстречу дереву. Дерево притягивало меня. И когда я близко подошел к нему, то, как бы из свечения дерева на меня стал наступать скелет. Я знал: это смерть, которая стоит предо мной в таком облике. И смерть сказала мне: «Я есмь ты; я питаюсь тобой. Не бойся!» И скелет продолжал: «Почему ты боишься? Не любил ли ты меня некогда в течение многих жизней? Ты только не знал того, что ты любил меня, потому что я являлся тебе прекрасным Архангелом, его-то ты и вздумал любить!» И уже не смерть стояла предо мной, а Архангел, которого я часто видел и о котором я знал, что это образ, который я любил. Затем он исчез. Я же проснулся лишь на следующее утро, лежа у дерева и чувствуя себя еще более убогим, чем был до того. И я знал, что все, что я любил как наслаждения жизни, что жило во мне как себялюбие, все это связано с существом, которое явилось мне как смерть и как Архангел, которое утверждало, что я любил его и что я сам был им. Теперь я стою пред тобой, стою перед тем, о котором я не знаю кто он». И тут вновь явился Архангел, а затем и смерть, став между прокаженным и Иисусом из Назарета. В то время как прокаженный видел только Архангела, исчез Иисус, а затем исчезла смерть и исчез Архангел. Прокаженный должен был идти дальше и увидел лишь удалявшегося Иисуса из Назарета.

Такие события находишь происшедшими на пути Иисуса из Назарета, когда он шел после разговора с матерью к Иоаннову Крещению на Иордан, когда прослеживаешь этот путь по Акаша хронике.

Мы увидим завтра, что события, разыгравшиеся при встрече с двумя ессеями, при встрече с отчаявшимся и при встрече с прокаженным, продолжали свое действие в оболочках Иисуса из Назарета; увидим, каким образом эти

соприкосновения с миром, которые Иисус, будучи словно восхищенным, едва понимал, соединились с тем, что он принял при Крещении Иоанном на Иордане. Если рассказанные мною события, которые разыгрались как раз после разговора с приемной (или второй) матерью и перед Иоанновым Крещением, кажутся кому-то странными или удивительными, то я могу ему лишь сказать: «Пусть они кажутся странными, но они предстают в их истине при исследовании Акаша хроники. Они представляют собой события настолько единственные в своем роде, как им и надлежит быть, потому что они являются подготовкой к событию, которое тоже могло совершиться лишь один раз, к событию, которое мы называем Мистерией Голгофы. Кто не хочет освоиться с мыслью, что в то время в развитии человечества разыгралось что-то совершенно особенное, тому весь ход этого развития человечества будет трудно понять.

Вторая лекция Кёльн, 18 декабря 1913 г.

Перед тем как идти дальше в рассмотрении жизни Христа Иисуса, я хотел бы сделать несколько кратких указаний, касающихся способа, которым эти вещи были найдены. Речь, конечно, может идти лишь о том, чтобы в немногих словах дать характеристику чрезвычайно обстоятельного предмета. Но все же мне хотелось бы, чтобы вы получили представление о том, что можно назвать оккультным исследованием до той степени, когда становится возможным проникнуть к таким конкретным фактам, которые были рассмотрены нами здесь вчера.

Об этих вещах прежде всего надо сказать, что их исследования покоятся на чтении в Акаша хронике. И в статьях, появившихся в периодическом издании «Люцифер-Гнозис» под заглавием «Из хроники Акаша», в общих чертах я указал, как надо понимать такое чтение в Акаша хронике. Надо уяснить себе, что различные факты мирового вершения и мирового бытия должны быть найдены различным образом. На это уже было указано и я хотел бы уточнить это сейчас еще больше. Следует не забывать, что во Вселенной, в сущности, не существует ничего иного кроме сознаний. За исключением сознания каких-нибудь существ все иное в конечном итоге принадлежит области Майи, или великой иллюзии. Этот факт вы можете особенно уяснить

себе из двух мест в моих трудах, (также и из других), но особенно из двух мест: сначала в «Очерке тайноведения» из представленной там в качестве состояний сознания общей эволюции Земли от Сатурна до Вулкана, когда описывается продвижение от Сатурна к Солнцу, от Солнца к Луне, от Луны к Земле и так далее. То есть, если хочешь подняться к этим великим фактам, то надо настолько проникнуть в суть самого мирового вершения, чтобы этим самым вступить в переживание состояний сознания. Итак, описывая реальности, можно, собственно, описывать только сознания. То же самое можно вывести из появившейся этим летом книги «Порог духовного мира». В ней показано, как постепенным укреплением духовный взор подымается над тем, что предметно окружает нас, и что происходит в вещах, как все это, так сказать, тает и исчезает как ничтожное, пока, наконец, ни будет достигнута область, где пребывают только существа в различных состояниях сознания. Итак, действительные реальности мира — это существа в различных состояниях сознания. Следствием того, что мы живем в человеческом состоянии сознания и этим сознанием не охватываем полностью реальности, является то, что мы принимаем нереальность за реальность.

Достаточно (это я не раз приводил для сравнения) задать себе следующий вопрос: является ли волос, человеческий волос как таковой, реальностью хотя бы в самом ограниченном смысле слова? Есть ли у него самостоятельное бытие? Было бы бессмысленно утверждать самостоятельное бытие человеческого волоса. Осмысленно его возможно понять только растущим на человеческом теле, иначе он не может появиться, не может существовать сам по себе. Отнестись к волосу как к самостоятельному существу даже только в обычном земном смысле уже потому каждый найдет бессмысленным, что и для этого житейского понятия реальности волос не может возникнуть сам по себе. Часто отдельное растение считают самостоятельным самим по себе существом и, тем не менее, оно, как и волос, не является отдельным существом. Чем является волос на голове, тем — растение в организме Земли. В этом отношении бессмысленно рассматривать отдельное растение; надо рассматривать Землю аналогично человеку, а все растения на Земле, принадлежащими Земле, как волос — голове человека. Как не может существовать волос сам по себе, так же не может существовать и растение как самостоятельное существо вне организма Земли. Важно осознать, где

надлежит остановиться, рассматривая существо как существо по себе. Определенная высота познания, которую может достичь человек, показывает ему, что все, что не коренится в сознании, не является самостоятельным существом. Но все, коренящееся в сознании, коренится в нем различным образом.

Обратимся к рассмотрению мысли, то есть к тому, как мы думаем, будучи людьми. Мысли находятся в нашем сознании; но одновременно они находятся не только в нашем сознании, но и в сознании существ ближайшей высшей Иерархии Ангелов. В то время как мы думаем, весь наш мыслительный мир является мышлением Ангелов. Ангелы мыслят наше сознание. Отсюда вы можете увидеть, что поднимаясь к ясновидению необходимо развить иное ощущение по отношению к созерцанию существ высших миров, чем в обычной внешней действительности. Мышлением, как оно происходит в физически-чувственном мире, в земном бытии, невозможно подняться к высшему зрению. Для этого надо не просто мыслить, но надо стать мыслимым и осознавать, что тебя мыслят. Нелегко точно охарактеризовать ощущение, потому что в наши дни слова людей еще не созданы для этого, которое имеешь по отношению к такому своему созерцанию. Но, прибегнув к сравнению, можно сказать приблизительно так: допустим, что человек производит различные движения, но самих этих движений он не замечает; но он смотрит в глаза другому человеку и, видя в них отражение собственных движений, говорит себе: вглядываясь в эти глаза, я знаю, что движения моих рук или выражение моего лица совершают то-то и то-то. Этим чувством обладаешь уже на следующей ступени духовного созерцания. Свое мышление сознаешь лишь вообще; но наблюдаешь себя в сознании существ ближайшей высшей Иерархии. Свои собственные мысли предоставляешь думать Ангелам. Надо знать, что в своем сознании ты не сам управляешь своими мыслями, но что этими мыслями управляют существа ближайшей высшей Иерархии. Надо чувствовать в себе прядение сознания Ангелов и пронизание струящимся сознанием Ангелов. Тогда достигаешь объяснения непрерывных импульсов развития, например, истины Христова импульса, действие которого, вступив однажды, продолжается и теперь. Ангелы могут мыслить эти импульсы; мы, люди, можем их мыслить и характеризовать, если наше мышление мы сумеем предоставить Ангелам, чтобы они думали в нас. Это достигается продолжительными

упражнениями, изложенными в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» В какой-то момент со словами: «Теперь твоя душа больше не думает, она — мысль, которую мыслят Ангелы» — связываешь чувство, связываешь смысл. И в то время, когда в акте отдельного человеческого переживания это становится истиной, переживаешь в себе, скажем, общие истины Христа или другие мысли о мудром водительстве земной эволюции.

То, что относится к отдельным эпохам земного развития, к эпохе праиндийской, к эпохе праперсидской и так далее, — это мыслится Архангелами. Дальнейшим упражнением достигаешь того, что не только бываешь мыслим Ангелами, но переживаем Архангелами. Только надо в течение дальнейших упражнений осознать: «Свою жизнь ты предоставляешь жизни Архангелов». Подробнее это изложено в книге «Порог духовного мира», а именно, что продолжая свои упражнения — это причудливое сравнение я привел уже в Мюнхене, — получаешь чувство, как если бы вложил голову в муравейник: муравьи — это мысли в движении! В то время как в обычной жизни придерживаешься мнения, что сам думаешь свои мысли, благодаря упражнению начинаешь проглядывать, что мысли мыслятся в тебе, потому что Ангелы мыслят в тебе. А в течение дальнейших упражнений получаешь чувство, что Архангелы несут тебя в различные области мира, благодаря чему ты и знакомишься с этими областями. Кто верным образом описывает египетскую культуру, индийскую культуру, тот постигает, что это значит, что «твоя душа переносится Архангелом в ту или иную эпоху». Это напоминает то, как если бы наши жизненные соки знали, что они поддерживают жизненный процесс и подобно крови циркулируют в организме. Таким образом, ясновидящий знает: он ведом Архангелами в жизненном процессе мира.

То же, что касается душевного постижения отдельного переживания, отдельные переживания могут быть исследованы лишь тогда, когда в душе получают смысл слова: «Душа предоставляет себя в пищу Началам или Архам, духам Личности». Сказанное звучит причудливо, но, тем не менее, истинно то, что невозможно исследовать такие конкретные факты как жизнь Иисуса из Назарета, пока не осмыслишь, что принимается как духовная пища, служба, таким образом, духам Личности. Само собой разумеется, для человека, который живет в повседневности настоящего времени, это звучит как безумие. Само собой разумеется! И,

тем не менее: как кусочек хлеба, поступающий в наш желудок, становится нашим питанием, и если бы он мог рассуждать, то знал бы, что, питая нас, он имеет смысл и применение в жизни, — так же верно и то, что в нас, людях, заложен смысл в служении Архаям пищей. Странствуя по Земле, мы в то же время существа, непрерывно потребляемые Архаями как питание. Вы не будете отрицать, что люди не знают этого в обычной жизни, что они это назвали бы безумием, скажи им что-нибудь подобное. Чем зерно пшеницы служит физическому человеку, тем же служат и люди Архаям. Не только теоретически знать это, но жить в такой настроенности по отношению к Архаям, в какой жило бы пшеничное зерно, скользя, разжеванное нашими зубами, по небу в желудок с сознанием: «Я — пища человеку», знать так же: «Я — пища Архаям, меня переваривают Архаи, это их жизнь, что я живу в них», жизненно знать это, это значит перенести себя в сознание духов Личности, Архаев; точно так же, как это значит перенести себя в сознание Архангелов, когда знаешь: «Твоя душа переносится Архангелами в ту или иную эпоху»; и как это значит перенести себя в сознание Ангелов, когда знаешь: «Мои мысли мыслимы ангелами!»

Состояния переживаний должны стать иными, если, читая, хочешь проникнуть в духовные миры. Необходимо в полном сознании быть принимаемым в пищу духами Личности, когда должны быть исследованы такие факты, которые так конкретно как жизнь Иисуса из Назарета явлены в развитии человечества. Может быть, изложенное все же несколько послужило тому, чтобы показать всю инообразность, инакость этого оккультного исследования по отношению к исследованиям во внешнем мире. Потому что вы вполне можете продумать приведенный образ, и он даст вам верную точку опоры: чтобы получить представление о чтении в сознании Архаев, при котором тоже приходится пройти через душевное размалывание и чувствовать его, будет совершенно правильно аналогичное представление себя на месте размолотого, разжеванного зубами в кашницу пшеничного зерна. Это значит, что высшее исследование невозможно без внутренней трагики, без внутреннего страдания. В гладкой, не причиняющей боли абстрактности, как это происходит при исследованиях в физическом мире, не достичь исследования в высших мирах, если ему надлежит быть больше, чем просто фантазией. Отсюда мои вчерашние старания отступить при описании жизни Иисуса от

абстрактных понятий, от отвлеченных описаний. Вспомните, на что — как на существенное — я обращал главным образом ваше внимание. Я говорил: такова была жизнь Иисуса из Назарета между двенадцатым, восемнадцатым, двадцатым годом, вплоть до тридцати лет. Существенное состоит не столько в том, что здесь описывалось, сколько в том, чтобы получить живое чувство самих испытаний души Иисуса, когда она переживала то, что было описано; чтобы почувствовать страдание одиночества, бесконечное страдание одиноко нести ту истину, возвешение которой не было возможно, потому что не было ушей, чтобы внять ей. Я хотел указать на ощущения Иисуса из Назарета. Тройкое великое сострадание с человечеством хотел я представить в период от двенадцатого до тридцатого годов его жизни. Кое-что о значении переживаний Иисуса как подготовки к Мистерии Голгофы вы узнаете не столько тем, что намеченные мною события вы рассказываете себе или другим, сколько — и главным образом — тем, что вы сможете создать себе глубоко волнующее и потрясающее вашу душу представление, представление того, что должен был выстрадать Иисус из Назарета, прежде чем он смог приблизиться к осуществлению Мистерии Голгофы, чтобы импульс Христа смог излиться в земное развитие.

Живое представление этого Христова импульса создаешь себе тем, что вновь вызываешь перед собой это страдание и что, описывая относящиеся к этим событиям вышеприведенные факты, стараешься воссоздать и ощущения. Вы можете заключить это уже из характера исследования Акаша хроники, который я попытался изложить в нескольких словах. Чем больше удастся приблизиться своим ощущением к вершению поднимающихся, волнующихся ощущений такого существа, каким был Иисус из Назарета, тем больше проникаешь в эти тайны.

То, что отныне происходит с жизнью Иисуса, это мне не нужно описывать, об этом уже часто говорилось, а именно, что Крещением Иоанна на Иордане в оболочки Иисуса из Назарета — после того, как они были одухотворены жизнью в них «Я» Заратустры — вступило существо Христа, то есть определенное существо снизошло из области духовного мира и приняло отныне судьбу прожить три года в человеческом теле, прожить связанным с человеческим телом. Важно, чтобы мы уяснили себе, что это, собственно, за событие. Потому что, в сущности говоря, этот факт весьма значительно отличается от всех других фактов земного

развития. Но и другое тоже надлежит один раз уяснить себе: уяснить, что в тот миг, когда мы подходим теперь к событию, благодаря которому в оболочки Иисуса из Назарета вступило существо Христа, то мы подходим к тому, что, собственно, уже не является событием в смысле только человеческих задач земного развития.

Это событие можно рассматривать с точки зрения человеческой. Тогда говоришь: некогда жил человек, каким мы его описали; он принял в себя существо Христа, Христов импульс. Но положение можно также рассматривать совершенно иначе, хотя для этого и придется прибегнуть к достаточно непривычным представлениям; но это ничего: после нашей духовнонаучной подготовки мы все же сможем из этого кое-что извлечь.

Допустим, что рассматривая Мистерию Голгофы, мы сидели бы в совете, но не как люди среди людей, а сидели бы в совете высших духовных Иерархий и рассматривали бы Мистерию Голгофы как существа высших Иерархий. В духовном отношении такая перемена точки зрения вполне возможна. Это можно сравнить приблизительно со следующим: если перед нами гора, на средней высоте которой расположена деревня, то на деревню можно смотреть снизу, но на нее можно смотреть и с вершины горы. Совершенно естественно, что на Мистерию Голгофы большей частью смотришь с человеческой точки зрения; но однажды можно перенестись в сферу высших Иерархий. Как пришлось бы тогда говорить о Мистерии Голгофы? Тогда надо было бы сказать: «Когда Земля начала свое развитие, то у существ высших Иерархий по отношению к людям были определенные намерения. Они хотели вести земное развитие определенным образом. Но в это предначертанное водительство земных дел человечества вмешался сначала Люцифер». И если как существо высших Иерархий смотришь вниз на земное развитие, на задуманный план людских судеб, то видишь, как Люцифер меняет направление этого предначертанного развития.

Смотришь дальше вниз на эволюцию человечества и говоришь себе: «не все совершающееся внизу совершается благодаря нам. Туда все время вмешивается Люцифер». Тем, что вмешался Люцифер, а позднее и Ариман, эволюция человечества понесла в себе чуждый деятельности высших Иерархий элемент. Это можно выразить как бы в следующих словах существ высших Иерархий: «До определенной степени земная сфера для нас потеряна; там действуют силы,

отдаляющие от нас это земное поле и души людей».

Водительство же со стороны высших Иерархий происходит по градации — сообразно их силам — и сначала действуют более низкие. Дела земного развития ведутся так, что хотя при этом и деятельны высокие — вплоть до высочайших — существа, но выполнение определенных заданий они поручают служащим им Ангелам, Архангелам, Архаям, деятельность которых и вступает сначала в земную эволюцию.

Как я сказал, мы переносим себя — само собой разумеется, во всем смирении — в совет высших Иерархий, не в совет людей. Тогда мы можем сказать: «Наши посланники — Ангелы, Архангелы, Архай могли бы хорошо выполнять наши повеления, если бы земная сфера не содержала в себе посторонних сил». И тогда этот вывод великого совета богов, а именно: -«Из-за того, что мы не были в состоянии удержать Люцифера и Аримана вдали от земного развития, служащие нам Ангелы, Архангелы и Архай с определенного момента времени потеряли возможность делать для людей то, что должно быть сделано для них в нашем смысле» — приводит к определенному результату. А этим определенным моментом времени был как раз тот, на который пала Мистерия Голгофы.

Когда этот момент времени приближался, боги высших Иерархий должны были сказать себе: «Мы теряем возможность деятельности наших служителей в душах людей. Из-за того, что мы не смогли удержать Люцифера и Аримана, только до этого момента мы в состоянии действовать через наших служителей. В душах людей возникают силы, которые уже не смогут быть управляемы Ангелами, Архангелами и Архаями. Силами Люцифера и Аримана люди отпадают от нас».

Таким было фактически, если подобает так выразиться, «настроение на небе», когда приближался момент, с которого берет свой отсчет новое время. Великий «страх» богов вызывало то, что с определенного момента времени их служители не могли больше достаточно заботиться о людях. Это выражение не вызовет у вас недоразумений, потому что вы подготовлены духовной наукой к тому, что выражения получают иной смысл и оценку ощущения, когда ими пользуешься для характеристики высших миров.

Этот страх богов приближался, становился на небесах, решимся сказать так, все мучительнее, мучительнее и мучительнее. Тогда возникло решение ниспослать Духа

Солнца, пожертвовать им: «Отныне ему надлежит избрать иной удел и не быть в совете богов; он должен вступить на арену, где живут людские души. Мы приносим в жертву этого Духа Солнца. До сих пор он жил среди нас в сферах высших Иерархий; теперь через врата Иисуса он вступает в ауру Земли!»

Так обстояло это в совете богов при наступлении Мистерии Голгофы. Так выглядит это событие при взгляде на него сверху. Итак, перед нами ситуация управляющих Землей богов, а не только связанная с интересами человека. К положению можно подойти так, что не просто спрашиваешь, «что должно произойти для человечества, чтобы оно не сбилось с пути?» — но и с иной стороны может быть спрошено — «что надлежит сделать нам, богам, чтобы выровнять то, что произошло из-за того, что нам пришлось допустить в эволюцию Земли Люцифера и Аримана?»

Итак, можно создать себе ощущение, что Мистерия Голгофы является еще и чем-то иным, чем просто обстоятельством земного порядка; что она является к тому же и делом самих богов, событием мира богов. Поистине, для богов еще значительнее было то, что они должны были отдать Христа Земле, чем для людей то, что они смогли принять Христа.

И чем же, собственно говоря, еще является познание Мистерии Голгофы помимо того, что в ней познаешь центральное событие Земли? Тем, что взирая к Мистерии Голгофы, смотришь на нее как на факт, касающийся богов; что здесь боги отворяют небесное окно, что некоторое время они вершат свои дела перед глазами людей и что человек может смотреть на это вершение Божественных дел! Надо учиться чувствовать взирать на Мистирию Голгофы, так, как если бы, идя мимо всегда закрытого небесного дома как раз в этом пункте, проходя около окна, дано было бы взглянуть через это окно на то, что обыкновенно пребывало невидимым за стенами жилища богов.

Пребывая в благоговении, оккультно-ощущающий человек действительно чувствует себя по отношению к Мистерии Голгофы, подобно бродящему вокруг наглухо закрытого дома, лишь предощущая, что происходит внутри. И лишь в одном месте — маленькое оконце; смотря в него, он может стать свидетелем небольшого отрезка того, что происходит внутри. Для человека такое окно в духовный мир — Мистерия Голгофы. Таким образом, надо ощущать то, что произошло,

когда существо Христа снизошло в тело или, точнее, в три оболочки Иисуса из Назарета. Все глубже и глубже должны мы проникаться идеей, что благодаря Мистерии Голгофы мы являемся свидетелями дела богов.

Когда говорится о таких фактах, надо иначе выбирать слова, чем в обыденной жизни. Приходится говорить о «страхе», о «боязни» богов до того момента времени, когда в эволюции Земли должна была совершиться Мистерия Голгофы. Словам для святого духовного события человечества надо придать иное значение. Всякому в мире, кто уж слишком готов по глупости, непристойности, тщеславию или другим мотивам унизить святость высказанного, это так легко сделать! Для этого достаточно лишь дать превратный смысл соответствующему слову, то есть такой, каким пользуются в экзотерической жизни, чтобы этим жестом получить возможность обратить в противоположное то, что выносила в себе душа, что так непросто — а лишь из внутренней необходимости возвестить истины духовного мира — срывается с уст. Их извращают, находя смехотворными, чертовскими, сатанинскими при наличии в душах необходимой для этого непристойности и необходимой ветренности. Слишком уж сильно в наши дни заражены эти души. И слишком уж мало бодрствуют те, которым надлежало бы быть на страже сокровища святых духовных истин, которые как раз в настоящее время должны проникать в сердца людей.

В каком огромном сибаритстве хотелось бы людям питать свой дух! Так часто и столько прискорбного встречаешь здесь! Люди так легко удовлетворяются, когда им говорят о духе, лишь чуть выходя за пределы материализма, когда для этого им не приходится делать никакого усилия, особенно, когда им не надо напрягать своих душевных сил. Следовало бы чувствовать, что принимая участие в столь святых духовных рассматриваниях, в рассматриваниях самого святого дела земной эволюции, возлагаешь на себя ответственность по отношению к сокровищам знания о духовном мире. Непристойность нашего времени так велика в этой области и так несерьезно отношение к этому. Все вновь вы будете встречать эту непристойность то здесь, то там; но во всей ее отвратительности вы заметите ее, может быть, лишь тогда, когда вы достаточно бодрствуете и если ваши сердца достаточно воспламенены для самого святого в духовных истинах. Тогда, быть может, вы сможете соответствующе оценить ее и благодаря этому стать хорошими стражами

духовных сокровищ, оберегать которые мы призваны все вместе.

Эти серьезные слова, быть может, легче высказать тогда, когда указываешь на всю значительность того, что Мистерия Голгофы есть не только событие человечества, а событие богов, и что словно через окно мы смотрим на это деяние богов. Но как раз все, что делается для характеристики этого, будет искажено; искажено так, что я об этом и говорить здесь не хочу. Для всех вас наступит тогда, может быть, момент задуматься над той истиной, что словам физического мира, чтобы применить к сверхчувственному миру, мы должны придавать иное значение, и тогда их легко толковать в другом смысле.

То, на что я сейчас указал, популярное христианство выразило в словах: «Отец пожертвовал человечеству своего Сына!» Сердца людей, которые хотят чувствовать, в этих словах найдут запечатленным в популярной форме то, о чем в истинном смысле может быть сказано: «Мистерия Голгофы есть дело богов!»

Приняв в соображение высказанное мной, мы сможем получить представление о том совершившемся факте, который мы обозначаем как Крещение Иоанном на Иордане. За ним последовало затем то, что отмечено и в других Евангелиях: искушение. С точки зрения Акаша хроники мы можем описать его следующим образом: После принятия в себя Иисусом из Назарета существа Христа, он должен был удалиться в одиночество. И в одиночестве у него наступило созерцательно переживание, которое приблизительно верно передано словами ясновидящих авторов Евангелий. Это можно высказать подобным образом; только должно быть указано именно то, что существо Христа было теперь действительно связано с тремя телами Иисуса из Назарета. То есть, низойдя с духовных высот, оно связало себя со способностями трех тел. Было бы ошибочно представлять себе, что теперь, принадлежа все же высшему миру, из которого он сошел, Христос мог сразу же созерцать этот высший мир, мог бы проникать в него взором. Это не так. Кто это находит непонятным, должен подумать над тем, что значит «быть ясновидящим». Кто является ясновидящим? Вы все ясновидящие!

Все! Здесь нет никого, кто не был бы ясновидящим. Почему же он не воспринимает ясновидчески? Потому что он не развил органы, чтобы пользоваться силами, заложенными в каждом человеке. Дело не в том, что у нас есть

способности, а в том, чтобы мы умели ими пользоваться.

Существо Христа обладало всеми возможными способностями, но в трех оболочках Иисуса из Назарета оно обладало лишь теми способностями, которые соответствовали этим трем оболочкам, трем телам Иисуса из Назарета. Поэтому эти три оболочки и должны были быть так сложно подготовлены, чтобы их способности стали высокими способностями, имевшими большее значение, чем соответствующие способности всех других людей на Земле. Но Христос был связан с ними поистине так же, как и ваши ясновидческие способности связаны с органами, которыми вы обладаете, но которыми только еще не умеете пользоваться. Способности, которые душа Заратустры оставила в трех телах Иисуса из Назарета, служили теперь в этих телах Христу, у которого, прежде всего, произошла встреча с тем существом, которое должно было всколыхнуть всю гордость, все высокомерие, на которое только способна душа. Этому существу противостоял Христос Иисус.

В это мгновение путем внутренне воспринимаемой речи он почувствовал то, что вызывало в нем это существо, это приведено в Евангелии в словах: «Все окружающие тебя царства» — это были царства духовного мира, — «будут твоими, если ты признаешь меня владыкой этого мира!» Если вступаешь в духовный мир с доведенными до высокой степени гордыней и высокомерием, то путем всезаполняющего высокомерия в пределах этого духовного мира возможно вступить во владения мирового царства Люцифера, это произойдет, если оставишь позади все, кроме высокомерия. Только структура человека не такого свойства, иначе он пошел бы навстречу ужасной судьбе.

Христос Иисус был поставлен перед такой возможностью. И теперь в его душе всплыли два образа. Один образ соответствовал переживанию, которое у него было по пути к Иордану с человеком, которого я вам вчера описал как отчаявшегося. Перед Иисусом из Назарета вновь стоял образ, который во сне подступил к отчаявшемуся. Он увидел тождественность этого образа с тем, который сейчас сказал: «Познай меня как владыку мира». Затем он вновь узнал в этом образе того, кого видел перед воротами ессеев как Люцифера. Поэтому он знал теперь, что к нему говорил Люцифер, и — он отстранил его атаку. Он победил Люцифера.

Тогда, во второй атаке, к нему подступили два существа; и опять, сказанное в Евангелии приблизительно

соответствует испытанному им впечатлению. Ему было сказано: «Покажи все свое бесстрашие, свою силу, на что ты способен как человек, бросившись с высоты вниз без страха повреждения». В подобном случае в душе человека должно пробудиться сознание силы, отваги, которая, тем не менее, может также сделать человека опрометчивым. Два образа стояли перед ним. Благодаря тому, что у Иисуса уже имелось впечатление от бежавших от ворот ессеев Люцифера и Аримана и, имея теперь впечатление, что под обликом одного из этих существ скрывается существо, представшее в виде смерти прокаженному, которого он встретил на пути к Иордану, — он узнал теперь Люцифера и Аримана. Так было им вновь пережито то, что он пережил на этом пути. Он отразил также и эту атаку. Он победил Люцифера и Аримана!

Тут Ариман подступил еще раз. И, как в своего рода искушении, он обратился ко Христу Иисусу так, как это можно передать словами Евангелия: «Преврати эти камни в хлеб, чтобы показать свою мощь». Но на этот раз Христос Иисус не смог дать исчерпывающего ответа на требование Аримана. Первую и вторую атаку он мог отбить: атаку одного Люцифера и совместную атаку взаимно парализующих друг друга Люцифера и Аримана. Атаку же Аримана он отбить теперь не смог. И то, что атака Аримана не смогла быть полностью отбита, это имеет значение для действия всего Христова импульса на Земле.

Я все же должен в несколько популярной, почти тривиальной форме охарактеризовать, что это значит: «преврати эти камни в хлеб, чтобы они стали пищей людям». Деятельностью высших Иерархий на остаток земного развития — вплоть до Вулкана — Аримана полностью из строя не выбить. Всегда будет возможно чисто духовным усилием победить искушение Люцифера: подымающиеся изнутри желания, вожделения, страсти, — все, подымающееся как гордость, высокомерие, надменность. Люцифера, если он один подступает к человеку, возможно, победить чисто духовной силой. Также если Люцифер и Ариман оба вместе изнутри атакуют человека, то духовными средствами возможно достичь победы. Но когда Ариман один, то он вводит свою деятельность в материальное вершение земной эволюции. Тут его полностью не выбить из строя. Ариман, Мефистофель, Маммона — эти понятия идентичны — они таятся в деньгах, во всем, что связано с внешним естественным эгоизмом. Поскольку всегда необходимо, чтобы к человеческой жизни примешивалось

нечто внешне-материальное, человек должен считаться с Ариманом. Если Христу надлежало верно помочь людям на Земле, то он должен был допустить деятельность Аримана. Ариман, материальное, должен сотрудничать до конца земной эволюции. Деятельность Аримана должна была остаться непобежденной Христом. Ариман не был полностью побежден. Христос должен согласиться вести борьбу с Ариманом до конца земной эволюции. Ариман должен был остаться.

То, что происходит в нашем внутреннем существе как атаки Люцифера, как совместные атаки Люцифера и Аримана, — как люди мы можем это победить. Борьба же в материальном внешнем мире должна вестись до конца земного развития. Поэтому хотя Христос постоянно держал Аримана в страхе, должен выдерживать его около себя. Поэтому могло случиться, что в течение трех лет деятельности Христа в теле Иисуса из Назарета на Земле рядом с ним оставался деятелен также и Ариман, и он вошел затем в душу Иуды, ведя эту душу к предательству Христа. То, что произошло через Иуду, находится в связи с неразрешенным до конца вопросом искушения после события на Иордане.

Лишь мало-помалу, медленно и постепенно связывало себя существо Христа с тремя телами. Это длилось три года. В начале связь была совсем слабой, лишь постепенно существо Христа вступало в три тела; и только уже приближаясь к смерти, наступило действительное их проникновение существом Христа. И по отношению ко всей скорби и тому страданию, которое пережил, как я вам описал, в трех стадиях своего развития Иисус из Назарета, насколько бесконечно больше перестрадал теперь Христос в течение трех лет, достигая постепенно возможности своего полного соединения с тремя человеческими оболочками. Это было длительное страдание, но страдание, которое опять-таки претворялось в любовь, в любовь, в любовь.

Затем происходило следующее. Рассматривая образ жизни Христа Иисуса в кругу его близких учеников в первый, во второй и в третий год, можно констатировать насколько различной была его жизнь в разные годы. Как было сказано, в первый год Христос был еще слабо связан с телом Иисуса из Назарета. Тут постоянно происходит так, что физическое тело остается здесь или там, а существо Христа тем временем находится где-то в окружении. Когда в других Евангелиях говорится, что здесь или там Господь явился своим ученикам,

тогда физическое тело пребывало в другом месте, в то время как Христос в духе странствовал по местности.

Это было в начале. Затем наступило все большее и большее соединение существа Христа с телом Иисуса из Назарета. И позже происходило так, что когда Христос шел в кругу своих близких учеников, последние бывали внутренне связаны с ним так, что его жизнь словно сливалась с их жизнью. Чем больше он вживался в свое тело, тем больше он вживался и во внутреннее существо своих учеников. И теперь, странствуя с толпой этих своих учеников, силой внутренней общности, тем, как он вживался в других, он говорил устами то одного, то другого ученика. Было так, что странствуя по краю, говорил не только Христос Иисус, а один из учеников; но через него говорил Христос. С такой мощью вживался он в учеников, что менялось выражение лица ученика, через которого говорил Христос; и слушающий из народа по отношению к тому, кто говорил, имел чувство: этот у них учитель! Другой же, кто на самом деле был Христом, настолько уходил в себя, что выглядел обыкновенно. Так, то через одного, то через другого говорил он в этих землях. Это было тайной его действия последнего времени этих трех лет. И когда он странствовал так со своими учениками и казался врагам все более опасным, они говорили: «Как нам его подстеречь? Мы все же не можем задержать всю группу. Если схватим того, кто как раз говорит, то не будем знать, настоящий ли это или мнимый. Схватишь мнимого, тогда ускользнет настоящий». Они никогда не знали, был ли настоящим тот, что привлекал внимание. Это возбуждало большой страх! Знали, что говорил то один, то другой; настоящий же был непознаваем, потому что он принимал обычный облик другого.

Эта группа являла собой нечто удивительное. Поэтому было необходимо, чтобы совершилось предательство. Случившееся не было так просто, как оно обычно представляется. Ибо, что это значит, что Иуда должен был поцеловать того, кто был настоящим? Судя по обычному описанию, было бы ведь не трудно схватить Иисуса из Назарета. Поцелуй не имел бы никакого смысла, если бы тот, кто мог точно знать настоящего, не должен был бы поцелуем указать на этого настоящего тем, которые его не знали. По указанной причине враги как раз не знали, кто же был настоящим.

Лишь непосредственно перед наступлением его великих страданий, когда настала Мистерия Голгофы, лишь тогда

наступило полное соединение существа Христа с тремя телами Иисуса из Назарета. Тогда произошло то, что так прекрасно описано в других Евангелиях. Прежде всего, для ясновидящего ока, следующего в Акаша хронике тому, что тогда произошло, является совершенно неотъемлемым фактом, что в то время, когда Христос умирал на кресте, над Землей в области Голгофы и далеко вокруг наступил мрак как при солнечном затмении. Я не могу сказать, было ли это солнечным затмением или затмением, вызванным мощными облачными скоплениями, но Голгофа была погружена во мрак, который в ином случае наблюдается при затмении Солнца. Окультному взору, обращенному во время такого затмения на Землю, все живое предстает совсем иначе, чем тогда, когда такого затмения нет. Взаимоотношение эфирного тела с телом физическим становится у растений совсем иным; во время такого затмения также астральное тело и эфирное тело животных предстают совсем иными.

Во время такого солнечного затмения все на Земле обстоит иначе, чем при обычном отсутствии солнечного света по ночам. Подобное затмение может наступить и при исключительно плотном затемнении, но, конечно, не тогда, когда в обычном смысле небо просто покрыто облаками. Нечто подобное наступило как раз тогда. Как я уже сказал, я еще не знаю, было ли это солнечным затмением, но то, что наблюдается, выглядит именно таким. Во время этого изменения на Земле — также и в физическом смысле — то, что мы называем существом Христа перешло в живую земную ауру. Смертью Христа Иисуса Земля получила импульс Христа.

Величайшее, что произошло на Земле, приходится выражать лепетом таких слабых слов, потому что словами человека, собственно, даже приблизительно невозможно передать это величайшее событие.

Затем, когда было снято и погребено тело Иисуса, наступило другое событие природы — и это опять действительно наблюдается, — как нечто, выступающее в моральную жизнь человека. Поднялся вихрь, Земля дала трещину, принявшую тело Иисуса, в то время как были сорваны и отброшены пелены с тела. Как потрясает это наблюдение, действительно подтверждающее видящему оку расположение отброшенных пелен, как это описано в Евангелии от Иоанна.

Таким образом, в этот момент земного развития мы видим одновременность событий — затмение Земли, землетрясение

и мощный вихрь — то есть, одновременность природных событий с событиями духовными. Обычно нечто подобное происходит лишь в живых существах, как, например, движению руки предшествует волевое решение и мышление. Развитие Земли таково, что в обычной жизни мы имеем дело лишь с фактами механического порядка. Лишь в это особенное мгновение (конечно, это присутствует и в других фактах Земли, но в данном факте—в высочайшей степени) мы имеем дело с сочетанием одного духовного события с двумя физическими.

Я не думаю, что рассмотрением этих конкретных фактов (о которых как о своего рода Пятом Евангелии, возможно, теперь рассказать небольшому числу душ), будет нанесен ущерб той большой идее, которую более теоретически мы выработали о значении Мистерии Голгофы. Напротив, я думаю, что тот, кто пытается все глубже и глубже дать действовать на себя этим конкретным фактам, чувствует в себе укрепленным то, что более теоретически, более абстрактно, более рационально было изложено о Мистерии Голгофы раньше. Из самого характера этих фактов познают, что в настоящее время в нашем земном развитии произойдут важные события.

Может быть, как раз через познание этих конкретных фактов будут достигнуты правильное ощущение и соответствующий душевный оттенок по отношению к Мистерии Голгофы, и сообщением из Пятого Евангелия я хотел вложить в ваши души этот нюанс ощущения. Быть может, те или иные из вас, кто сможет принять участие в прослушивании других циклов лекций, а, может быть, и опять друзья здесь, в Кельне, смогут услышать еще и другое из этого Пятого Евангелия. Потому что надо сказать следующее: совсем независимо от того, что в наши дни человечество выказывает так мало склонности идти навстречу таким фактам, как те, о которых говорилось сейчас, вопреки этому существовала величайшая необходимость, чтобы как раз теперь такие факты влились в эволюцию Земли. Поэтому они и сообщаются, несмотря на то, что поистине трудно говорить об этих вещах. И, несмотря на то, что если бы ты следовал своей склонности, то предпочел бы о них умолчать, но исходя из внутреннего обязательства все же сообщая о них, пока они могут быть сказаны людским душам. Они будут нужны эволюции человечества. Душам, которые принимают их теперь, они будут нужны для той работы, которую им надлежит совершить в душевно-духовном отношении. Это

непреложно.

Вы видите, в наших рассматриваниях мы знакомимся мало-помалу с тем, что должно ожить в наших душах, чтобы мы смогли стать надежными звеньями в идущей вперед эволюции человечества. В этом ведь и заключается смысл развития человечества на Земле, чтобы души людей все сознательней познавали свои задачи.

Явился Христос. Импульс его подействовал как факт. Долгое время он мог действовать как факт больше в подсознании. Затем ему надлежало действовать благодаря понятому до сих пор. До этого он действовал тем, чем он был сам, а не тем, что было усвоено. Но все необходимое для людей становится учиться также понимать Христа, который через телесность Иисуса из Назарета вступил в земную ауру и тем самым в живое вершение человечества.

Макрокосмический «Отче наш».
Автограф Р. Штейнера,
(из записной книжки Рудольфа Штейнера).

Беседуя с матерью, он почувствовал, что дух ведет его на Иордан к Иоанну. По пути он повстречал двух ессеев, с которыми часто разговаривал. И он не узнал их. А они тут же узнали его. «Куда держишь путь?» «Туда, куда подобные вам души не желают смотреть — Где боль человечества может отыскать лучи забытого света».

Его глаза — они были полны любви, и все же эта любовь действовала так, как если бы она застигла их за чем-то дурным — «Что вы за души? Где ваш мир? — Почему вы окутываетесь обманчивыми оболочками? Почему у вас внутри горит пламя, зажженное не в доме моего Отца?» И они не поняли его речей. И они заметили, что он их не узнает. Иисус из Назарета, сказали они, ты нас не знаешь? «Вы как заблудшие овцы; я же был сыном пастуха, от которого они убежали. Если вы меня признаете теперь, вы тут же вновь убежите. Уже так много времени прошло с тех пор, как вы сбежали от меня в мир». И они не знали, что о нем и думать. Тут он заговорил вновь: «На вас клеймо искусителя. Своим пламенем он сделал вашу шерсть блестящей. Волосы этой шерсти колют мне глаза! Он повстречал вас после вашего бегства. Он напитал ваши души высокомерием». (Из записной книжки)

Здесь слово взял один из ессеев, и он сказал: «Разве мы не указали искусителю на дверь? Больше он не имеет к нам

отношения». И Иисус сказал: «Да, вы указали ему на дверь; но он пришел к другим людям. Так что он ухмыляется вам со всех сторон. Вы не возвышаетесь, когда принижаете других. Вы стали выше лишь потому, что вы преуменьшили других».

Здесь они испугались, но в тот же момент у них возникло впечатление, словно он пропал у них из глаз; однако вдали они увидали его колоссально увеличенную фигуру — и услышали слова: «Тщетны ваши стремления, потому что пусты ваши сердца, поскольку вы исполнились духа, обманчиво скрывающего под обличьем смирения гордыню». И долгое время они ничего не видели; когда они, наконец, пришли в себя, он уже отправился дальше — прочь от них. То, что они восприняли здесь, они не сообщили прочим ессеям, но молчали на этот счет всю оставшуюся жизнь.

Далее Он встретил отчаявшегося человека; после того, как Иисус спросил: Куда привела тебя твоя душа? Я видел тебя много времени назад, и тогда ты был совсем другим — тот отвечал: я высоко поднялся в жизни; и всякий раз, как я получал новый ранг, я говорил: что ты за исключительный человек; твои высокие добродетели возносят тебя над всеми прочими людьми; я был счастлив; и здесь как-то во сне мне пришел один вопрос, которым я никогда не задавался наяву: ведь я почувствовал, как во сне мне стыдно перед самим собой, что я задаю вопрос: «Кто сделал меня великим?» И тут передо мной стояло существо, которое сказала: «Я возвысил тебя, и поэтому ты мой» — и здесь мне пришлось обратиться в бегство, я скитаюсь, ища и не ведая, что ищу.

И пока он так говорил, существо снова оказалось здесь: своей фигурой оно закрыло Иисуса — и Иисус исчез у отчаявшегося с глаз.

Затем по дороге явился прокаженный — и он сказал после вопроса Иисуса: люди изгнали меня — и как-то раз я блуждал по лесу; светящееся дерево привлекло меня к себе — я подошел к нему; здесь передо мной встал мертвый костяк смерти — и он сказал: я это ты; я питаюсь тобой; здесь я испугался; он же сказал: почему же ты боишься; разве ты не любил меня когда-то; а я-то знал, что никогда его не любил, и здесь он обернулся прекраснейшим архангелом — и исчез — я погрузился в сон, а проснувшись наутро, увидел себя возле дерева, и проказа моя стала еще несноснее — Когда он сказал так, явился архангел, закрыл Иисуса — тот исчез.

Из «Воспоминаний о Штейнере» Андрея Белого

В пяти лекциях курса «Пятое Евангелие» Рудольф Штейнер вел нас из двадцатого века через историю в первый, чтобы сказать: теперь, когда стало на ноги самосознание, крест индивидуума для воскресения из личности впору понять, как событие первого века: в понимании возможности изжития кармы — здесь, на Земле. Иисус первый изжил карму; и тем предварил наш период; в середине периода самосознающей души — входим в возраст Иисуса; отсюда: снимаются и печати с биографии Его до 30 лет; Иисус — врата к инспирации; инспирация — перегорающее страдание; оно и есть карма. Иисус личность личности — первая, принявшая из свободы распятие личности, первая воскресшая в индивидуальную жизнь, которая есть «Вечная Жизнь» (личная же отрезок времени), или свободное изжитие всех ВАРИАЦИЙ, понятых в теме; вариация — бременна; ТЕМА — вечна; окончательное изжитие кармы — упразднение смерти; полное овладение темой индивидуума — воплощение во все планы Жизни, что и есть воскресение. Иисус, переступив порог смерти, оказался без кармы; падало перевоплощение, а он с нами остался: отныне и до века! Восстановился во множества распавшийся Адам, как "Текст печатается по изданию: Андрей Белый. «Воспоминания о Штейнере», Paris. La Presse Libre, 1982. Андрей Белый. второй Адам, собравший осколки мистерией Кармы, или миссией каждого «Я», восстанавливающегося до первого Адама. В нем его «Я», да и всякое «Я» — «Я», но индивидуально-социальное. Иисус — «Я», дошедшее до своей свободы от кармы; и в нем восстановлены все личности-личины в Личность собственно; но эта личность — не личность; индивидуум — сумма личных вариаций «минус» их карма, как нечто пребывающее; личность же «минус» карма, или личность, изжившая на Земле карму, есть парадоксальное целое из суммы всех возможных вариаций; она есть человечество. В Иисусе впервые парадоксально стали идентичны: личность и индивидуум; уже в Иисусе, а не в Христе. Вот почему Рудольф Штейнер и форму вечной жизни в Иисусе, не умирающей и пребывающей среди нас, дает в трудно понимаемом образе «Мейстера Иисуса», пребывающего в многих своих фантомах, в фантомах многих, избравших СВОБОДНО путь, воистину человеческий. «Мейстер» он потому, что он-то и есть водитель в социально-индивидуальной мистерии, и индивидуально-личной, — всех вместе, и — каждого порознь. Фантом есть тот миг жизни эфирного тела, где оно — центр кристаллизации физических

форм; это сила формообразования: фантом — и костяк эфирного тела, и силовая ось физического; в фантоме уже физическое тело бессмертно, а тело эфирное как бы умирает в действиях воскресения минеральной субстанции; фантом — и материальная форма в движении (ставшая геометрическим объемом), и неумирающее начало телесности, взворачивающее материю в нематерию. Иисус воскрес из смерти в фантоме, потому что он изжил карму; и всякое физическое тело бессмертно в фантоме; цельность фантома разбита грехопадением в многообразии животной, растительной и кристаллической Из «Воспоминаний о Штейнере». градации форм, прочитываемой символически в естественно-научной метаморфозе; но восстановление фантома в одном из осколков есть восстановление в принципе его во всем плане осколков; а этот план осколков, отдельностей, и есть физический план; фантом — реальность того, что сигнализируется новой физикой знаком четырехосности тел. Миссия «Майстера» Иисуса, показанная Штейнером; взворот в представлениях о материи нашего времени (атом, как имагинация вселенной); это проекция — вещи картины, поднимающей в нас, вызванной Вторым Пришествием. Иисус, став лично индивидуальным, не мог не восстать: в фантоме; но восстать одному — значит восстановить фантом для всех: т.е. стать дверью, распахнутой в нашем физическом теле и ликвидировать деление на «здесь» и там», «прежде» и «после», «один» и «все»; фантом — целое действительности всех физических тел, живых и мертвых. То, что внутри личности Иисуса до 30 лет казалось дырой внутри личности, то, что иным из современных физиков кажется дырой в механическом эфире, было [то было] укрыто трагической маской Греции, как слепой рок; оно-то и оказалось дверью, в которую мог войти Логос. Если Иисус, индивидуум в форме личности, становится в фантоме и личностью, пребывающей среди нас, и физико-эфирным прототипом «Я», то Иисус, соединенный с Христом, есть знак того, что человек человечества призван к восстановлению всего мирового космоса; Иисус Христос — прототип личности, становящейся символом всех индивидуумов в своей именно человеческой миссии, потому что Христос есть индивидуум всех индивидуумов мирового всего. Силою завершения человеческой миссии, погашением кармы в себе и громадою перегорающего в любовь страдания Иисус восстанавливает бессмертие человеческого Андрей Белый. фантома; как Иисус Христос он делается

руководителем человечества в действиях высвобождения Вселенной, через Мистерию Голгофы каждому открывается мировая Голгофа, так что мы в ландшафтах нашей свободы пути стоим уже не как люди: «неизвестно, что будем!» — ВОСКЛИЦАЕТ АПОСТОЛ, или: «будем подобны Ему», или: «будем судить ангелов». Это — «судить ангелов» по крайнему моему разумению значит: изменять карму духовных существ, восстанавливая ими нарушенное равновесие; если в Иисусе мы все цари в «человечестве», то во Христе — мы — являем собою в будущем десятую иерархию, несуществующую ныне в духовных мирах: иерархию «Любви и Свободы»; до нее — нет полного соединения любви и свободы; есть свобода из любви и любовь из свободы; Христос схождением в Иисуса и воскресением фантома Иисуса, становящегося «Мейстером» нашей судьбы, нам показывает план нашей архитектоники новых вселенных (Юпитера и Венеры), в которых соединение любви и свободы будет исполняться. И потому-то, имея в себе Юпитера и Венеру, мы среди них имеем и невидимую оком, нас ведущую рождественскую Звезду.

СВОБОДА ИЗ ЛЮБВИ — величайшее, что нам в несвободе доступно; в любви доступно: ход из несвободной любви, перерастающий несвободу в страданиях кармы, к свободе от кармы, т. е. к восстанию из смерти — в теле: эта наша миссия впервые лично осуществлена Иисусом. Ход обратный - к нам: ЛЮБОВЬ ИЗ СВОБОДЫ: это акт - схождения Логоса в достигающего свободы Иисуса; Иисус в страданиях достигает свободы; Христос в страданиях достигает человеческой, несвободной любви; Христос в Иисусе лишен свободы, но — любит Иисуса, свою темницу; Иисус в этой любви овладевает свободой не только от Кармы, но и от ухода из несвободы; акт рождения Христа в сфере земли [в землю] и Иисуса в небе скрещены: в крест! Отсюда реальное раскрытие свободы: Христос; реальное раскрытие любви — Иисус. Христос Иисус — врождение свободы в любовь; Иисус Христос — врождение любви в свободу.

Все то, на что косноязычно намекаю, — моя субъекция: один из тысячей подглядов в громаду смыслов «Пятого Евангелия». В «Пятом Евангелии» доктор показал мне (думаю, я — не один тут) все это, как факт математической достоверности: в самосознании; это не гнозис в, обычном смысле; не возможность к пониманию, а реальная ощупь; в «Пятом Евангелии» я сам — «апостол» среди «апостолов», как муж, достигающий зрелости: тринадцатый среди двенадцати. А форма вхождения моего в этот мир — мне

показанность жизни Иисуса до 30 лет; вместо «неизвестного», которого я должен чтить сквозь «Христа во мне», открыть мне «мое» же, но проспавшее в тысячелетиях моих личных перевоплощений; это содержание прозвучало «память о памяти» во мне. В Христианстве перетрясла тема; и то, что в ней вставало мне; но встряс и доктор, — по-новому вскрывшись; как артезианские струи, подземно текущие вдруг бьют; что молчало, то — вскричало; и этот крик его не умолкал во всем путевом зигзаге: Берген—Берлин: он кричал во вселенную на пароходе, в кривых тупичках городишки, в вагоне, в море; мне казалось: я был введен в один из пластов его жизни, о котором лишь подозревал; тема «Штейнер и Христос» открылась здесь в объясняющем стержне; она и Андрей Белый. была открыта; но я не знал, до какой степени он и ТЕМА — в одном, во всем: навсегда! С той поры, когда он точно бросив «учительство», произнес слова о недостойности своей коснуться темы, мне и лицо его стало иным; смотрите — иконостас сквозной, но не изнутри занавешен красным шелком; ничего не видишь. Кто-то подошел и, не отворяя царских дверей, отдернул завесу; и там, за завесой, в пролеты дверей, — неясный блеск престола. Что-то такое случилось с моим восприятием доктора; я не форсировал, не подглядывал; мне и «моего» было достаточно: что с ним делать? Я просто видел в докторе Штейнере... кого-то иного. «Иной» вперялся в меня словами: «Со страхом Божиим... приступи». А доктор Штейнер, вздев саквояж, стоял на палубе, слагая лекцию. Вероятно: менее всего ему было дело... до... меня. Но и мне... не... до... него. А мы «видели» друг друга: он, погружаясь в заботы дней, а я — вспоминая далекие годы зари моей: 901, 902-й. Они стали впервые картиною воспоминания в Христианстве; с них ТОЖЕ спадала завеса: метель, Москва, пунцовая лампадка церкви, Владимир Соловьев, а надо всем — звезда! — «Так вот что было: ЧЕГО не поняли!» Сам себя не понимал!).

К истории русских переводов «Пятого Евангелия».

В 1967 году Правление литературным и художественным наследием Рудольфа Штейнера в Дорнахе выпустило сборник русских переводов циклов Рудольфа Штейнера «Из области духовнонаучных исследований». Составитель и переводчик Олег Погибин (1908 — 1968) помимо лекций «Пятого Евангелия» включил в сборник циклы «Миссия единичных

народных душ в связи с мифологией германского Севера», «Розенкрейцерское христианство. Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца», «От Иисуса ко Христу», «Иносказательность истории», две лекции, прочитанные русским антропософам в Гельсингфорсе в 1911 и 1912 годах, а также текст, произнесенный Рудольфом Штейнером при закладке Камня Основы Первого Гётеанума 20 сентября 1913 года, лекции по содержанию антропософского движения и некоторые медитативные тексты. Свой сборник Олег Погибин снабдил следующим послесловием. «Несколько слов в заключение. При сверении текстов в различных изданиях в переводе не всегда сохранялась более или менее окончательная формулировка, как она дается в издании появляющегося теперь по-немецки Полного собрания духовнонаучных и художественных трудов Рудольфа Штейнера, но часто удерживалось оформление первых изданий, то есть изданий Марии Штейнер, с которых и был сделан перевод большинства этих лекций (изданных большей частью как эзотерические рассмотрения) и медитативных текстов. Тем не менее повсюду были приняты во внимание и внесены в перевод уточнения текста, введенные в это полное издание в тех случаях, когда несовершенная запись иногда требовала проверки текста путем его сверения с другими лекциями д-ра Штейнера, касающихся того же вопроса...

1967 год — год столетия со дня рождения М.Я. Штейнер-фон Сиверс. Ближайшая сотрудница Рудольфа Штейнера и со-основательница Антропософского общества всегда особенно близко принимала к сердцу так называемую «русскую» антропософскую работу, помогая ей и поддерживая ее морально и материально. «Работайте!» — было ее последним земным словом, произнесенным перед смертью, произнесенным по-русски. При вступлении в эту последнюю треть нашего XX века, в котором в пределах развития человечества так много должно совершиться духовно-реального, как это указывал Рудольф Штейнер, да пребудет наряду с постоянным его призывом к бодрствованию и к чувству ответственности также и этот последний завет Марии Штейнер пламенным лейтзатцем и импульсом для тех душ, карма которых подведет их к духовному познанию, к духовному пути современности — к антропософии». Олег Погибин, 1967 год.

В начале 90-х годов XX века два скромно переплетенных в синий и красный картон увесистых тома сборника (общим объемом в 740 страниц), напечатанных на пишущей

машинке, уже открыто ввозились в Россию и распространялись в антропософской среде. Так частично исполнилось желание Олега Погибина сделать доступным содержание циклов Рудольфа Штейнера в России. Позже некоторые лекции, включенные в этот сборник, вышли в антропософских издательствах («Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца» (в пер. Г.А.Кавтарадзе, изд. «Дамаск», 1992), «От Иисуса ко Христу» (в основу текста был положен перевод О. Погибина, изд. «Духовное познание», 1994), «Миссия отдельных народных душ» (в книге «Мистерия Архангела Михаила», изд. «Антропософия», 2000), «Иносказательность истории» (изд. «Новалис», 2002).

У Олега Погибина было много друзей: К.Х. Тюрк, скульптор и художественный терапевт, с которым он познакомился в кэмпхилле Карла Кёнига в Англии, а потом дружил и вместе работал в терапевтических центрах Франции и Германии, врач Г. Франк, знавший его с 1939 года, мадам Грабуа, председатель «Антропософского общества во Франции» в годы войны, которую он спас от облавы гестапо, укрывая в течение нескольких месяцев в своей квартире в Париже. Его талант эвритмиста отмечала Мария Штейнер, в гостеприимном доме которой одно время он проживал, обучаясь в Дорнахе. Ниже своими воспоминаниями об Олеге Погибине с русским читателем делится доктор Герберт Франк (Германия). Олег Погибин был талантливым лечебным эвритмистом, но на своей родине он стал известен именно как переводчик наследия Рудольфа Штейнера. Настоящее издание «Пятого Евангелия» позволяет широкому читателю познакомиться с этой стороной его служения.

Из 18 лекций этого тома Собрания сочинений Рудольфа Штейнера (ПСС 148), объединенных темой «Пятого Евангелия», Олег Погибин перевел в свое время семь: 5 лекций, прочитанных Рудольфом Штейнером в Христиании (Осло) в 1913 году, и две лекции, объединенных заглавием «Мистерия Голгофы», состоявшиеся в 1913 году в Кёльне и изданные на немецком языке при жизни Штейнера.

Текст перевода Олега Погибина был сверен и дополнен по 4-му изданию тома 148, вышедшему в 1985 году в издательстве «Rudolf Steiner Verlag» в Дорнахе.

Русское издание дополнено двумя главами из «Воспоминаний о Штейнере» Андрея Белого (из части «Рудольф Штейнер в теме «Христос»), написанных им под впечатлением от лекций «Пятого Евангелия», которые он слушал вместе с Асей Тургеневой в Норвегии в 1913 году.

Остальные 11 лекций специально для данного издания перевел Игорь Маханьков. На русском языке они ранее не издавались.

Из биографии Олега Погибина

Олег Погибин родился 13 (26) ноября 1908 года в семье царского офицера в гарнизоне Остролека на польской территории вблизи русской границы. У его матери были русские и польские корни. Олег был единственным ребенком в семье. Вплоть до окончания Первой мировой войны его семья в связи со службой отца переезжала из гарнизона в гарнизон. Во время революции, когда Олегу было 9 лет, семья Погибиных оказалась в Одессе. Одесса неоднократно переходила из рук в руки. В это время Олег учился в кадетском корпусе. Когда Красная армия подступала к городу в первый раз, всех воспитанников собрали вместе и повели по городу, чтобы переправить в Румынию. Рядом с домом родителей Олегу удалось отстать от группы и нырнуть в подвал соседнего дома. Позднее все его сокурсники были расстреляны из пулемётов подошедшей Красной армией. В открытой нараспашку квартире Олег никого не нашел. В Одессе начались затяжные бои. Улицы были усеяны трупами, через которые приходилось перешагивать, чтобы пройти. Свою мать Олег нашел в пригороде в доме бабушки. На чердаке их дома был расквартирован один из чинов Красной армии, и на какое-то время это служило защитой. Накануне второго наступления Красной армии отец Олега смог попасть на последнюю баржу, отходившую в Стамбул. И долгие годы родные не получали от него никаких вестей. Позднее окольными путями они узнали, что он живет в Каннах и служит управляющим на вилле одного английского лорда. В Одессе царил голод. Олег с матерью ушли от бабушки и скрывались в пригороде в сарае. Они питались прокипяченной кровью забитых на бойне животных, которую Олегу удавалось принести из Одессы в жестяной банке. Мать Олега надеялась выбраться к мужу. И при ближайшей возможности, когда она, наконец, получила разрешение на выезд в 1923 году, она вместе с Олегом уехала во Францию. Семья жила в подвальном помещении на вилле хозяина. Как лица без гражданства устроиться на работу официально они не могли. Мать Олега продавала в магазины Канн сшитые ею мягкие игрушки да собирала летом на крутых склонах холмов цветы лаванды, которые можно было пристроить у

парфюмеров. Имея лишь нансеновский паспорт, Олег не мог продолжать свое образование в Каннах и ему приходилось ездить поездом в бесплатную школу в Париж.

Еще в России в одном из иллюстрированных изданий Олег увидел изображение Первого Гётеанума в Дорнахе, которое произвело на него неизгладимое впечатление. С тех пор его не покидала мечта поехать в это место. После окончания высшей школы ему удалось, наконец, это сделать. В Дорнахе он увидел эвритмическое представление и сразу решил остаться там обучаться эвритмии. Он жил бедно, но вскоре подружился с русскими артистами, принявшими участие в его судьбе. Кроме того, он познакомился с Марией Штейнер, и некоторое время проживал в подвале ее дома, в котором находились также репетиционные эвритмические залы. Особенно интенсивно Олег занимался лечебной и речевой эвритмией.

После начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 года Олег Погибин как иностранец и лицо без гражданства был выслан из Швейцарии. Олег вернулся к родителям в Канны. Вскоре он был призван в южную группу войск французской армии и служил пехотинцем на франко-итальянском фронте непосредственно вблизи родительского дома. Фронт был довольно спокойным. После поражения французской армии на севере и востоке южная армия была распущена. Не имея французского гражданства, получить официальную работу Олег не мог. Семья жила в крайней нужде. Хозяин-англичанин в Канны, естественно, не приезжал. Олег получил ограниченную продуктовую карточку и сидел в основном на гречневой каше, чае и хлебе. Он спасался тем, что курил самокрутки из темного табака. По случаю он купил в Париже пишущую машинку с русским шрифтом. С этого времени он начал печатать свои переводы произведений Рудольфа Штейнера.

Через знакомого немецкого солдата удалось передать эти переводы в Берлин, откуда с помощью шведского посланника они попали в «Антропософское общество в Швеции» и были изданы в Упсале. Их разослали во все университетские библиотеки СССР. Такие посылки продолжались и в дальнейшем.

Во время войны Олег Погибин многократно пытался перейти франко-швейцарскую границу, чтобы попасть в Дорнах. Но эти попытки закончились неудачно. В последний раз по колено в воде он стоял в приграничном ручье под дулами ружей швейцарского пограничного наряда. После

драматичного и нелюбимого диалога Олегу пришлось вернуться обратно в Париж. В 1947—48 гг. Олег Погибин работал лечебным эвритмистом в основанном доктором Карлом Кёнигом кэмпхилле в Англии. Впоследствии Олег работал в «Зонненхофе», известном государственном заведении для душевно больных детей и взрослых в Бишвиллере в Эльзасе. Наконец, он получил здесь право на работу во Франции. Он вызывал особое доверие у детей, которые его очень почитали. Он работал также и в Германии: в Малыне под Карлсруэ. В это время я часто встречался с ним. Из Малыша он снова переехал в Бишвиллер, где после смерти отца жил в собственной квартире с матерью. Их гостеприимная квартира тонула в постоянной дымке, так как хозяйка очень сильно курили.

В 1960 году у Олега Погибина усилились ревматические боли в суставах, и это сильно ограничивало его практику лечебного эвритмиста. Он заставлял себя двигаться, давая указания особенно одаренным ученикам. Картина болезни соответствовала полиартриту. Лишь в 1965 году он прошел основательное обследование.

Рентген легких давал основание думать о раке. Однако Олег благополучно жил еще три года, и при новом обследовании ему поставили новый диагноз: *Lupus erythematoses*. После ухудшения состояния в мае 1968 года его положили в клинику университета в Страсбурге. Из-за редкости заболевания решили сделать бронхоскопию, во время которой 16 мая 1968 года он скончался. В свою новую квартиру близ Базеля он так и не въехал.

*Декабрь 1993 года. Бад Боль (Германия)
Доктор мед. наук Герберт Франк (пер. с нем. О. Прониной.)*

Предисловие Олега Погибина «Пятого Евангелия» к изданию лекций 1967 года.

Не без внутреннего преодоления и лишь считаясь с необходимостью времени и выпадающих на XX век событий и испытаний в развитии человечества дал Рудольф Штейнер— сначала в малых, духовно подготовленных кругах — некоторые «главы» из «Пятого Евангелия». Изданные еще при его жизни две лекции в Кёльне — «Мистерия Голгофы» — и опубликованный затем незадолго перед смертью Марией Штейнер цикл лекций в Христиании дают право решиться теперь и на их издание в русском переводе, тем более, что в

1963 году «Правление литературным и художественным наследием доктора Рудольфа Штейнера» опубликовало и остальные его лекции по этому вопросу.

Подобная публикация связана с двояким: с мощным духовным импульсом, который она способна дать ищущим и созревшим для этого душам, и — с возможностью профанации со стороны определенных (необязательно только материалистически настроенных) кругов, по тем или иным соображениям не желающих распространения того знания, которое как истины объективного духовного мира все больше и больше должно и будет струиться в человечество. Считаюсь с наступившей последней третью нашего XX столетия и с предстоящими человечеству дальнейшими испытаниями, на которые неоднократно указывал Рудольф Штейнер; считаюсь с той духовной борьбой, которая ведется и открыто, и за кулисами бытия против правомерного развития человечества на пути духа и самопознания, борьбой, которой и сам человек принимает часто слепое неосознанное участие, будучи лишь инструментом действующих за его сознанием сил, — считаюсь со всем этим и собран этот ряд циклов лекций Рудольфа Штейнера под общим названием «Из области духовнонаучных исследований». Их содержание способно дать тому, чье сердце стремится освободиться от предрассудков и косности современности, чье сердце не опирается на установленные или навязанные ему — откуда бы они ни шли — догматы и авторитеты, а способно к непредвзятому наблюдению и суждению, способно к восприятию и ощущению истины, — то внутреннее удовлетворение и то доверие к жизни и к самому себе, которые необходимы ему для внутреннего душевного покоя и чувства собственного достоинства, а также и для той ответственности перед духовным миром, которая только и в состоянии дать ему направление и цель в его личном стремлении. Потому что только знание о духе и первоосновах бытия, о силах, вершащих за внешней видимостью, о цели и назначении человека способно укрепить его во внутренней борьбе с самим собой и оградить его от противоборствующих сил иллюзии и разрушения, в которые он включен в своей повседневной жизни.

Наряду с неизбежной, быть может, критикой различных оттенков: сознательной, внушаемой или просто рутинной, — это Пятое Евангелие встретит во многих сердцах того народа, которому принадлежит будущая шестая послеатлантическая эпоха культуры и которому дано было

стать народом Христа, — несомненно также и соответствующий благоговейный прием, согревая душу и исполняя ее светом, в котором она нуждается на своем пути само- и миропознания. И этот мотив и есть тот святой основной, который исполняет доверием — но и чувством ответственности — при публикации на русском языке этого дара Рудольфа Штейнера — «Пятого Евангелия».

Примечания

Настоящий том Полного собрания сочинений Рудольфа Штейнера (Gesamtausgabe — GA) охватывает все лекции, прочитанные Рудольфом Штейнером под общим обозначением «Пятое Евангелие», за исключением лекций в Нюрнберге (9 и 11 ноября 1913 года) и в Бремене (11 января 1914 года), от которых не сохранилось никаких записей, а также лекции в Ганновере (7 февраля 1914 года), от которой остались скудные заметки.

В различных лекциях настоящего тома Рудольф Штейнер указывает на то, что к этому Пятому Евангелию принадлежат также и другие результаты исследований, изложенные им в иных местах. Своего рода обзор разных частей исследований хроники Акаши, попадающих в связи с этим в наше поле зрения, можно усматривать в лекции, прочитанной в Париже 27 мая 1914 года (она опубликована в томе «Подготовительные ступени Мистерии Голгофы», GA 152).

С. 14 Ср. Рудольф Штейнер «Загадки философии» (GA 18).

С. 20 Коперника ...в индексе Посвященное папе Павлу III сочинение Николая Коперника «De revolutionibus orbium coelestium libri VI» («О небесных обращениях», напечатано в 1543 году) в 1615 г. оказалось в списке запрещенных книг (т.н. Индексе), и не было оттуда исключено при последовавшем в 1757 г. сокращении списка. Лишь в 1822 году оно исчезло из списка, когда Святой престол объявил, что издание трудов, говорящих о движении Земли и неподвижности Солнца, более не запрещено.

С. 21 последовательный путь от Геккеля к духовной науке. Ср. лекцию Рудольф Штейнер «Геккель, мировая загадка и философия» в томе «Мировые загадки и антропософия» (GA54) О «Реинкарнации и карме» См. «Реинкарнация и карма с точки зрения необходимых для современной науки представлений»(GA 34).

С. 22 думать, что... сам жил в облике обезьяны. Ср. публикацию Besant/Leadbeater, «Man Whence, How and

Whither», London, 1913.

С. 43 вздорная сказка... католическим течениям. На общем собрании Теософского общества Анни Безант выступила с утверждением, что Рудольф Штейнер, «воспитанный иезуитами генеральный секретарь Немецкой секции, не смог в достаточной степени освободиться от этого рокового влияния для того, чтобы обеспечить в рамках своей секции достаточную свободу мнений». Ср. «The Theosophist», London, Februar, 1913. Это подвигло Рудольфа Штейнера на то, чтобы изложить историю своей жизни. Ср. лекцию: Берлин, 4 февраля 1913 года, в издании «Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe», Nr 83/ 84, Ostern 1984.

С. 51 слова апостола Павла см. 1-е Коринф., 3.

С. 61 сообщались малые частицы из этого Пятого Евангелия. См. прим. к с. 107.

С. 69 Закладка здания в Дорнахе состоялась 20 сентября 1913 г. Ср. «Anweisungen für eine esoterische Schulung» (GA 245). На русском языке: «Наставления для эзотерического ученичества», СПб, «Дамаск», 2005.

С. 105 безмерная фальсификация нашего учения. Речь идет о Максе Генделе (1865-1919), прослушавшем и записавшем в 1907/08 гг. под именем Грасхофа много лекций Рудольфа Штейнера в Берлине, переработанных им впоследствии в собственное сочинение «Rosicrucian Cosmo-Conception or Christian Occult Science».

С. 107 было предано гласности кое-что о тайне двух мальчиков Иисусов. Впервые о двух мальчиках Иисусах Рудольф Штейнер высказался в лекциях о Евангелии Луки в Базеле (15—26 сентября 1909 года), опубликованных в томе «Das Lukas Evangelium» (GA 114). На русском языке: «Евангелие от Луки», Москва, «Антропософия», 2000. Затем в трех открытых лекциях в июне 1911 года в Копенгагене, впервые вышедших в книжной форме в Берлине под заглавием «Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit» (1911) (GA 15). На русском языке: «Духовное водительство человека и человечества», Калуга, «Духовное познание», 1992.

С. 108 Рудольф Эйкен (1846—1926). Подробнее см. прим. к с. 127

С. 112 обычными представлениями и циклом лекций, читавшихся в Мюнхене. Имеется в виду устраивавшиеся тогда ежегодно в Мюнхене мистериальные постановки, с которыми всякий раз совмещался цикл лекций. В августе 1913 года это был цикл «Тайны порога» (GA 147). закладкой

нашего здания в Дорнохе. 20 сентября 1913 года в Дорнахе (Швейцария) имела место закладка камня в основание Первого Гетеанума. Ср. «Anweisungen für eine esoterische Schulung», (GA 245). На русском языке: «Наставления для эзотерического ученичества», СПб, «Дамаск», 2005. впервые после долгого перерыва. С апреля 1913 года.

С. 120 второе издание моей книги. «Воззрения на мир и жизнь в XIX в.» («Welt und Lebensanschauungen im neunzehnten Jahrhundert», Band I — 1900, Band II — 1901). Второе, расширенное издание этой книги появилось в 1914 году под заглавием «Загадки философии в кратком историческом очерке» («Die Rätsel der Philosophie in ihrer Geschichte als Umriß dargestellt»), ср. прим. к с. 14.

С. 124 Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1033—1109). Относительно доказательств бытия Бога см. его «Mopologium» и «Proslogion».

С. 125 с теологической точки зрения. К примеру, протестантский теолог Альберт Кальтхоф (1850—1906) в книге «Das Christus Problem», Grundlinien zu einer Sozialtheologie, Leipzig, 1902. в одном широко известном еженедельнике. «Die Zukunft» XXI. Jg., № 50 от 13 сентября 1913 года, в статье Якоба Фромера «Die Erneuerung der Philosophie».

С. 127 Рудольф Эйкен (1846-1926) получил в 1908 Нобелевскую премию в области литературы. В статье «Können wir noch Christen sein?» (Leipzig, 1911) на с. 216 буквально сказано следующее: «Какой неодолимый раскол между мирами ощущаем мы, люди Нового времени, когда еще и теперь епископские указы говорят о демонах и трактуют отрицание таковых как проявление неверия и вольнодумства».

С. 128 Соприкосновение... демонические силы См. там же, с. 238.

С. 129 в книге Адольфа фон Гарнака (1851—1930). «Сущность христианства» («Das Wesen des Christentums», Sechzehn Vorlesungen an der Universität Berlin, Leipzig, 1901). Здесь на с. 102 говорится: «Что бы ни произошло при гробнице и в смысле сопутствующих феноменов, важно одно: с гробницы этой берет свое начало несокрушимая вера в преодоление смерти и в вечную жизнь».

С. 157 Гиллель (75 до Р. Х. - 4 по Р. Х.).

С. 167 Про мюнхенские лекции см. прим. к с. 112.

С. 181 которые обсуждаются теперь в лейпцигском курсе. См. «Christus und die geistige Welt — Von der Suche nach dem

Heiligen Gral», Sechs Vorträge in Leipzig 28. Dezember 1913 bis 2. Januar 1914, (GA 149). На русском языке: в книге «Христос и человеческая душа», Москва, «Антропософия», 2004.

С. 193 О «Парсифале» Рихарда Вагнера см. «Die Musik des «Parsifal» als Ausdruck des Übersinnlichen», Kassel, 16. Januar 1907, в томе «Das christliche Mysterium» (GA 97).

С. 196 «Тайнах библейской истории творения». См. GA 122. На русском языке: «Тайна библейской истории сотворения мира», Ереван, «Антропос», 2004.

С. 203 Я уже неоднократно высказывался относительно миссии Павла. См. напр. «Von Jesus zu Christus» (GA 131) и «Die Bhagavad Gita und die Paulusbriefe» (GA 142). На русском языке: «От Иисуса ко Христу», Калуга, «Духовное познание», 1994. «Бхагавадгита и Послания апостола Павла», Калуга, «Духовное познание», 1993.

С. 204 цикле, который я недавно прочитал в Лейпциге. См. прим. к с. 181.

С. 211 — 213 Цитаты из Кеплера приводятся по книге Ludwig Günther «Kepler und die Theologie», Gießen, 1905, S. 109-112, 116/117.

С. 213 Если ты теперь творца вещей в зеркале захочешь... Лист из родословной Кеплера, посвященный товарищу по учебе в Тюбингене, Якобу Роллеру, когда тот собирался перебраться в Штирию, чтобы занять место профессора в Граце. Лист относится к началу 1594 года.

С. 217 это событие... увенчивает три других. Ср. в этой связи том «Vorstufen zum Mysterium von Golgatha» (GA 152).

С. 218 Большинство из вас еще помнят те лекции. Ср. «Anthroposophie — Psychosophie — Pneumatosophie» (GA 115). На русском языке: «Антропософия. Психософия. Пневматософия», Москва, «Новалис», 2007.

С. 241 я уже упоминал об этом в цикле, прочитанном в Карлсруэ. См. «Von Jesus zu Christus» (GA 131). На русском языке: «От Иисуса ко Христу», Калуга, «Духовное познание», 1994.

С. 255 излагал это раньше, когда представлялся повод. См. 5 лекцию цикла «Das Lukas-Evangelium», (15-26 сентября 1909 года) (GA 114). На русском языке: «Евангелие от Луки», Москва, «Антропософия», 2000.

С. 265 при закладке первого камня нашего дорнахского здания. См. прим. к с. 69.

С. 280 Г-жа Штинде (1853-1915) с 1902 - 03 гг. руководитель мюнхенской головной ветви, в 1907 —1913 гг. главный организатор мюнхенских праздничных

представлений, соосновательница и первый председатель (1911 — 1915) архитектурной секции. «Мы благодарим Вас, наряду с организацией работы в Мюнхене, также и за сценическое воплощение мистериальных драм д-ра Штейнера. А кроме того за осуществление строительных замыслов». (Мария Штейнер). Ср. тж. Рудольфа Штейнера о Софии Штинде в томе «Unsere Toten» (GA 261).

С. 305 О мальчиках Иисусах См. прим к с. 107

С. 306 «Сущность христианства» Гарнака. См. прим. к с. 129.

С. 307 Рудольф Эйкен. См. прим. к с. 127.

С. 308 Книга «Критика языка» Фрица Маутнера (1849—1923), австрийского писателя и философа культуры «Beitrage zu einer Kritik der Sprache», 1. Auflage — 1901/02, 2. Auflage — 1909-1913. большой философский словарь. «Wörterbuch der Philosophie — Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache», 2 Bände. подобен клоуну, залезшему на свободностоящую лестницу. См. «Beiträge zu einer Kritik der Sprache», 3. Band, S. 632, 3. Auflage, Leipzig, 1923.

С. 316 что я сказал как-то раз в одном цикле лекций. См. «Der Mensch im Lichte von Okkultismus, Theosophie und Philosophie» (GA 137).

С. 321 На одном из тех собраний 1910 года. Например, ассиролог Петер Йенсен в лекции «Hat der Jesus der Evangelien wirklich gelebt?», Marburg, 1910.

С. 324 во время краткого цикла лекций, читавшегося в Стокгольме. В июне 1913 года.

С. 325 "на что уже было однажды указано в Карлсруэ. См. прим. с. 241.

С. 328 рассмотрении Евангелия от Луки... Евангелии от Матфея. Си. GA 114,123

На русском языке: «Евангелие от Луки», ПСС 114, Москва, «Антропософия», 2000.

«Евангелие от Матфея», ПСС123, Москва, «Антропософия», 2000.

С. 332 Гиллель См. прим. к с. 157

С. 352 в периодическом издании «Люцифер-Гнозис» См. ОА 11 С. 353 появившейся этим летом книги «Порог духовного мира». См. СА 17 На русском языке: «Порог духовного мира», Ереван, «Ной», 1991.